

Иркутский филиал
Московского
государственного
технического
университета
гражданской
авиации

CREDE EXPERTO:

транспорт, общество, образование, язык

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНФОРМАЦИОННО-
АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ВЫПУСК 3
2021

Международный информационно-аналитический журнал «Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык» (МИАЖ «Crede Experto»)

Учредитель журнала – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный технический университет гражданской авиации»

Издатель журнала – Иркутский филиал ФГБОУ ВО «МГТУ ГА». Официальный сайт: <http://if-mstuca.ru/>

Главный редактор – Л. А. Иванова, канд. пед. наук, доц. (Иркутск)

Председатель научно-редакционного совета – О. Н. Скрыпник, до-р техн. наук, проф. (Минск, Республика Беларусь).

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Технические науки: Л. Г. Большедворская, д-р техн. наук, доц. (Москва), Е. Е. Витвицкий, д-р техн. наук, профе (Омск), О. А. Горбачев, д-р техн. наук, проф. (Иркутск), Ю. А. Куликов, д-р техн. наук, проф., академик транспортной академии Украины (Луганск), В. М. Курганов, д-р техн. наук, профессор (Тверь), Е. М. Лунёв, к-т тех. наук (Москва), Е. С. Неретин, к-т техн. наук, доц. (Москва), Г. И. Нечаев, д-р техн. наук, проф., академик транспортной академии Украины (Луганск), Е. Е. Нечаев, д-р техн. наук, проф. (Москва), Н. И. Николайкин, д-р техн. наук, доц. (Москва), П. М. Огар, д-р техн. наук, проф. (Братск), А. П. Плясовских, д-р техн. наук (Санкт-Петербург), О. Н. Скрыпник, д-р техн. наук, проф., почётный работник высшего профессионального образования РФ (Минск), Димитър Русев, д-р техн. наук, доц. (Бургас), А. И. Сухоруков, д-р техн. наук, доц. (Москва), Д. Э. Эшмурадов, к.т.н. (Ташкент)

Филологические науки: Д. А. Алкебаева, д-р филол. наук, проф. (Алматы), М. Я. Блох, д-р филол. наук, проф. (Москва), А. Н. Безруков, канд. филол. наук, доцент (Бирск), Ланьцзой Ван, канд. филол. наук, доц. (Баодин), И. А. Верховых, к. филол. наук, доцент (Москва), А. Р. Габидуллина, д-р филол. наук, проф. (Горловка), Ева Жебровска, д-р филол. наук, проф., Ординарный профессор (professor ordinarius) (Варшава), Н. С. Иванова, доктор, профессор, (Бургас), Г. Е. Имамбаева, д-р филол. наук, проф. (Павлодар), Н. Н. Казыдуб, д-р филол. наук, проф. (Красноярск), А. В. Колмогорова, д-р филол. наук, доц. (Красноярск), Л. Б. Копчук, д-р филол. наук, проф. (Санкт-Петербург), В. Б. Меркурьева, д-р филол. наук, проф. (Иркутск), О. А. Мельничук, д-р филол. наук, доц. (Якутск), И. Н. Новгородов, д-р филол. наук, проф. (Якутск), В. И. Постовалова, д-р филол. наук, проф. (Москва), Протоиерей Владимир (Алексеев), д-р богословских наук (Нью-Йорк), В. А. Степаненко, д-р филол. наук, доц. (Иркутск), Л. А. Становая, д-р филол. наук, проф. (Санкт-Петербург), В. М. Хантакова, д-р филол. наук, проф. (Иркутск)

Монгольские языки (бурятский и монгольский): Т. Б. Тагарова, д-р филол. наук, доц. (Иркутск), Л. Б. Бадмаева, д-р филол. наук, доц. (Улан-Удэ), Т. Б. Баларьева, канд. филол. наук, доц. (Иркутск), Цэвээний Магсар, д-р филологии (Ph.D), проф. (Улан-Батор)

Педагогические науки: Е. Б. Артемьева, д-р пед. наук, проф. (Новосибирск), А. В. Бабаян, д-р пед. наук, проф. (Пятигорск), А. С. Белых, д-р пед. наук, проф. (Луганск), О. О. Борисова, д-р пед. наук, проф. (Орел), В. А. Бородина, д-р пед. наук, проф. (Санкт-Петербург), В. В. Воронкова, д-р пед. наук, проф. (Москва), М. П. Воюшина, д-р пед. наук, проф. (Санкт-Петербург), И. П. Гладилина, д-р пед. наук, проф. (Москва), Н. Ж. Дагбаева, д-р пед. наук, проф. (Улан-Удэ), Е. Г. Дичева, д-р педагогики (Бургас, Р. Болгария), Т. Ц. Дугарова, д-р психол. наук, доц. (Москва), М. Н. Колесникова, д-р пед. наук, проф. (Санкт-Петербург), Ю. А. Комарова, д-р пед. наук, проф., член-корреспондент Российской академии образования (Санкт-Петербург), Е. Л. Крутий, д-р пед. наук, проф. (Тернополь), М. В. Николаева, д-р пед. наук, проф. (Волгоград), Н. П. Поличка, д-р пед. наук, проф. (Хабаровск), Т. А. Стефановская, д-р пед. наук, профессор (Иркутск), С. Ц. Содномов, д-р пед. наук, доц. (Улан-Удэ), Е. И. Тихомирова, д-р пед. наук, проф. (Самара), А. В. Фёдоров, д-р пед. наук, проф. (Ростов-на-Дону), А. В. Шумакова, д-р пед. наук, доц. (Ставрополь)

Философия: Н. С. Коноплев, д-р философских наук, профессор (Иркутск)

Адрес учредителя

Россия, 125993, г. Москва, б-р Кронштадтский, д.20

Тел.: +7 (499) 458-75-47; +7 (499) 459-07-40 /факс +7 (499) 459-07-01, e-mail: info@mstuca.aero

Адрес редакции:

Россия, 664047, г. Иркутск, ул. Коммунаров, 3 МИАЖ «Crede Experto»

Тел.: +7 902 177 25 67, e-mail: credeexperto@if-mstuca.ru, <http://ce.if-mstuca.ru/>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77 – 71211 от 27.09.2017. Журнал включён в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук. Группы научных специальностей: 05.22.00 – Транспорт (05.22.08, 05.22.13, 05.22.14); 13.00.00 – Педагогические науки (13.00.01, 13.00.02, 13.00.08); 10.02.00 – Языкознание (10.02.04, 10.02.05, 10.02.19). Дата включения издания в Перечень: 22.12.2020.

Журнал имеет международный номер ISSN 2312-1327

Выходит 1 раз в квартал

Издаётся с 2014 года

© Иркутский филиал МГТУ ГА, 2021

**International informational and analytical journal «Crede Experto: transport, society, education, language»
(«Crede Experto»)**

The founder of the journal is the Moscow State Technical University of Civil Aviation (MSTUCA)

The publisher of the journal is the Irkutsk Branch of the Moscow State Technical University of Civil Aviation. The official site is <http://if-mstuca.ru/site/>

Editor-in-Chief: L. A. Ivanova, Candidate of Pedagogical Science, associate professor (Irkutsk)

Head of the Advisory Board: O. N. Skrypnik, Doctor of Technical Sciences, professor, Honorary worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Minsk)

MEMBERS OF THE ADVISORY BOARD

Technical Sciences: L. G. Bol'shedvorskaja, Doctor of Technical Sciences, associate professor (Moscow), E. E. Vitvitskiy, Doctor of Technical Sciences, Full professor (Omsk) O. A. Gorbachyov, Doctor of Technical Sciences, professor (Irkutsk), Y. A. Kulikov, Doctor of Technical Sciences, professor, academician of Transport Academy of Ukraine (Luhansk), V. M. Kurganov, Doctor of Technical Sciences, professor (Tver), E. M. Lunev, Candidate of Technical Sciences (Moscow), E. S. Neretin, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor (Moscow), G. I. Nychayev, Doctor of Technical Sciences, professor, academician of Transport Academy of Ukraine (Luhansk), E. E. Nychayev, Doctor of Technical Sciences, professor, (Moscow), N. I. Nikolaykin, Doctor of Technical Sciences, associate professor (Moscow), P. M. Ogar, Doctor of Technical Sciences, professor (Bratsk), A. P. Plyasovskikh, Doctor of Technical Sciences (Saint Petersburg), Dimitur Rousev, Doctor of Technical Sciences, associate professor (Burgas), O. N. Skrypnik, Doctor of Technical Sciences, professor, Honorary worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Minsk), A. I. Suhorukov, Doctor of Technical Sciences, associate professor (Moscow), D. E. Eshmuradov, Candidate of Technical Sciences (Tashkent)

Philological Sciences: D. A. Alkebaeva, Doctor of Philological Sciences, professor (Almaty), M. Ya. Blokh, Doctor of Philological Sciences, professor (Moscow), A. N. Bezrukov, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor (Birska), Lanju Wang, Candidate of Philological Sciences, associate professor (Baoding), I. A. Verkhoviykh, candidate of Philological Sciences, associate Professor (Moscow), A. R. Gabidullina, Doctor of Philological Sciences, professor (Horlivka), Ewa Żebrowska, Doctor of Philological Sciences, professor, professor ordinarius (Warsaw), N. S. Ivanova, Doctor, Professor (Bourgas), G. E. Imambaeva, Doctor of Philological Sciences, professor (Pavlodar), N. N. Kazydub, Doctor of Philology, Professor (Krasnoyarsk), A. V. Kolmogorova, Doctor of Philological Sciences, associate professor (Krasnoyarsk), L. B. Kopchuk, Doctor of Philological Sciences, professor (Saint Petersburg), V. B. Merkurieva, Doctor of Philological Sciences, professor (Irkutsk), O. A. Mel'nichuk, Doctor of philological sciences, associate professor (Yakutsk), I. N. Novgorodov, Doctor of Philological Sciences, professor (Yakutsk), V. I. Postovalova, Doctor of Philological Sciences, professor (Moscow), Archpriest Vladimir (Alekshev), Doctor of Theology (New-York), V. A. Stepanenko, Doctor of Philological Sciences, associate professor (Irkutsk), L. A. Stanovaja, Doctor of philological sciences, professor (St. Petersburg), V. M. Khantakova, Doctor of Philological Sciences, professor (Irkutsk)

Mongolic languages (Buryat and Mongolian): T. B. Tagarova, Doctor of Philological Sciences, associate professor (Irkutsk), L. B. Badmaeva, Doctor of Philological Sciences, associate professor (Ulan-Ude), T. B. Balar'eva, Candidate of Philological Sciences, associate professor (Irkutsk), Tsevenii Magsar, Ph.D., Professor (Ulan Bator)

Pedagogical Sciences: E. B. Artem'eva, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Novosibirsk), A. V. Babayan, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Pyatigorsk), A. S. Belyh Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Luhansk), O. O. Borisova, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Orel), V. A. Borodina, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (St. Petersburg), V. V. Voronkova, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Moscow), M. P. Vojushina, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (St. Petersburg), I. P. Gladilina, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Moscow), N. Z. Dagbaeva, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Ulan-Ude), E. Dicheva, Doctor of Pedagogical Sciences (Burgas, Bulgaria), T. C. Dugarova, Doctor of Psychological Sciences, associate professor (Moscow), M. N. Kolesnikova, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (St. Petersburg), J. A. Komarova, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (St. Petersburg), M. V. Nikolaeva, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Volgograd), E. L. Krutij, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Ternopil), N. P. Polichka, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Khabarovsk), T. A. Stefanovskaya, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Irkutsk, Russia), S. C. Sodnomov, Doctor of Pedagogical Sciences, associate professor (Ulan-Ude), E. I. Tihomirova, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Samara), A. V. Fedorov, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Rostov-on-Don), A. V. Shumakova, Doctor of Pedagogical Sciences, associate professor (Stavropol)

Philosophical Sciences: N. S. Konopljov, Doctor of Philosophy, professor (Irkutsk)

Address of the Founder

20 Kronshtadtsky blvd, Moscow, GSP-3, 125993

Phone.: +7 (499) 458-75-47; +7 (499) 459-07-40 / fax +7 (499) 459-07-01, e-mail: info@mstuca.aero

Editorial office address:

Kommunarov St. 3, Irkutsk, Russia, 664047

Phone.: +7 902 177 25 67, e-mail: credeexperto@if-mstuca.ru, <http://ce.if-mstuca.ru/>

Magazine registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR), EL № ФЦ 77 — 71211, 27.09.2017. The journal has been included in the LIST of Leading Peer-Reviewed Scientific Journals to publish the main findings of theses for the academic degree of Candidate of Sciences, for the academic degree of Doctor of Sciences since 22.12.2020. Groups of scientific specialties: 05.22.00 Transport (05.22.08, 05.22.13, 05.22.14); 13.00.00 Education science (13.00.01, 13.00.02, 13.00.08); 10.02.00 Linguistics (10.02.04, 10.02.05, 10.02.19).

The journal is registered with ISSN 2312-1327

Publication 1 time in 3 months.

Оглавление

БЕЗОПАСНОСТЬ НА ВОЗДУШНОМ ТРАНСПОРТЕ

Людмила Геннадьевна Большедворская, Николай Дмитриевич Корягин

Разработка механизма оценки результативности и эффективности применения экспертных систем6

СИСТЕМЫ АВИАЦИОННОЙ РАДИОСВЯЗИ, РАДИОЛОКАЦИИ, РАДИОНАВИГАЦИИ И МЕТОДЫ ИХ ЭКСПЛУАТАЦИИ

Олег Николаевич Скрыпник, Роман Олегович Арефьев, Наталья Геннадьевна Арефьева (Астраханцева), Татьяна Юрьевна Портнова

Особенности применения мобильного псевдоспутника для повышения точности позиционирования при посадке воздушного судна 14

ТРАНСПОРТ

Николай Александрович Пономарев

К вопросу автоматизированного диспетчерского управления пассажирскими автомобильными перевозками27

АЛТАИСТИКА

Иннокентий Николаевич Новгородов, Любовь Жоржевна Заксор

Нанайский язык в генетической классификации44

ПРОБЛЕМЫ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Татьяна Ивановна Семенова, Анна Сергеевна Ишенина

Модус воображения в категориальном пространстве английского языка72

Анастасия Евгеньевна Муравьева, Екатерина Сергеевна Мучкина

Метафорическая репрезентация образовательного процесса в англоязычном педагогическом интернет-дискурсе87

ДИСКУРС И ТЕКСТ: ВЕКТОРЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Мария Николаевна Гузь, Наталья Владимировна Пигина, Татьяна Владимировна Морозова

Малоформатные публичные директивные тексты периода коронавирусной пандемии в Германии 103

Георгий Владиславович Самородин

Структурно-содержательная модель лексико-семантического поля «Чрезвычайная ситуация» в дискурсе СМИ Германии 130

ЛИНГВИСТИКА

Любовь Аркадьевна Нефедова

Активные процессы в лексике немецкого языка 2020–2021 гг. 151

Ольга Юрьевна Семина, Елена Валерьевна Скворцова

К вопросу о членимости значения идиомы (на материале национальных корпусов английского языка) 166

Инна Валерьевна Сенина, Наталья Игоревна Мокрова, Наталья Сергеевна Новолодская

Аббревиация как способ номинации понятий специальной области знания (на материале терминологических сокращений по немецкой диалектологии) 181

ЛИЧНОСТЬ И МЕДИА: ГУМАНИТАРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ В МЕДИАОБРАЗОВАНИИ

Галина Викторовна Михалева

Развитие межкультурной толерантности на материале телевизионных медиатекстов в студенческой аудитории 202

Ирина Викторовна Челышева

Развитие межкультурной толерантности студенческой молодежи на материале произведений игрового кинематографа 216

НАЧАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Сономбал Цыденович Содномов

Система коммуникативных упражнений по развитию речи младших школьников на основе произведений устного народного творчества 230

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Екатерина Закариевна Сидорова, Сергей Валерьевич Габеев

Современные проблемы предупреждения преступности несовершеннолетних в Иркутской области 244

УДК 004.415.25

ББК 39.5

DOI 10.51955/2312-1327_2021_3_6

РАЗРАБОТКА МЕХАНИЗМА ОЦЕНКИ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ И ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ЭКСПЕРТНЫХ СИСТЕМ*

*Людмила Геннадьевна Большедворская,
orcid.org/0000-0002-1425-7398,
доктор технических наук, доцент
Московский государственный технический университет
гражданской авиации,
Кронштадтский б-р, 20,
Москва, 125993, Россия
l.bolshedvorskaya@mstuca.aero*

*Николай Дмитриевич Корягин,
orcid.org/0000-0003-2097-5414,
кандидат технических наук, профессор
Московский государственный технический университет
гражданской авиации
Кронштадтский б-р, 20,
Москва, 125993, Россия
n.koryagin@mstuca.aero*

Аннотация. Доступность информационных образовательных ресурсов для получения новых и дополнительных профессиональных знаний приобрела повышенную актуальность в последние годы. Это обусловлено тем, что применение экспертных систем открывает серию преимуществ: расширение географических и временных возможностей; неограниченная доступность; повышение интенсивности обучения; оптимизация получения и передачи знаний. При этом возникает острая необходимость оценки эффективности и результативности экспертных систем при оценке уровня квалификации специалистов, обеспечивающих безопасность полетов (БП) в гражданской авиации. В настоящее время, в зависимости от сферы деятельности, понятия эффективность и результативность трактуются по-разному. Чаще всего результативность отражает степень достижения запланированного результата. Эффективность представляет собой сопоставление результата с затратами на его достижение. Практика применения балльных и рейтинговых оценок для оценки обучения инспекторов по надзору за безопасностью полетов в формате применения экспертных систем, как показали результаты ранее проводимого исследования, отражает только результативность и не дает возможности сравнить процессы обучения с позиции эффективности их реализации. В связи с этим, целью данной работы является разработка нового оценочного механизма, сочетающего в себе результативность и эффективность применения экспертных систем. Этим обусловлена актуальность представленной работы.

Ключевые слова: компетентность, гражданская авиация, экспертные системы.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 19-08-00028 «Разработка концепции построения архитектуры и состава алгоритмов экспертной

системы повышения эффективности подготовки инспекторов по надзору за безопасностью полетов воздушных судов гражданской авиации», выполняемого в Московском государственном техническом университете гражданской авиации (МГТУ ГА). Руководитель проекта – кандидат технических наук, профессор, зав. кафедрой экономики и управления на воздушном транспорте МГТУ ГА Корягин Н.Д.

DEVELOPMENT OF A MECHANISM FOR ASSESSING THE PERFORMANCE AND EFFICIENCY OF APPLICATION OF EXPERT SYSTEMS*

Ljudmila G. Bolshedvorskaya

orcid.org/0000-0002-1425-7398

Doctor of Technical Sciences, Associate Professor

Moscow State Technical University

of Civil aviation

20 Kronshtadtsky blvd

Moscow, 125993, Russian Federation

l.bolshedvorskaya@mstuca.aero

Nikolaj Dmitrievich Koryagin

orcid.org/0000-0003-2097-5414

Candidate of Technical Sciences, Professor

Moscow State Technical University

of Civil aviation

20 Kronshtadtsky blvd

Moscow, 125993, Russian Federation

n.koryagin@mstuca.aero

Abstract. The availability of IT educational resources for obtaining new and additional professional knowledge has become increasingly relevant in recent years. This is due to the fact that the use of expert systems opens up a series of advantages: expansion of geographical and temporal possibilities; unlimited availability; increasing the intensity of training; optimization of the acquisition and transfer of knowledge. At the same time, there is an urgent need to assess the effectiveness and efficiency of expert systems when assessing the level of qualifications of specialists who ensure flight safety (FS) in civil aviation. Currently, depending on the field of activity, the concepts of efficiency and effectiveness are interpreted in different ways. More often than not, performance reflects the degree to which a planned result has been achieved. Efficiency is the comparison of the result with the cost of achieving it. The practice of using points and ratings to assess the training of safety oversight inspectors in the format of using expert systems, as shown by the results of a previous study, reflects only the effectiveness and does not provide an opportunity to compare the learning processes from the standpoint of the effectiveness of their implementation. In this regard, the purpose of this work is to develop a new evaluation mechanism that combines the effectiveness and efficiency of the use of expert systems. This explains the relevance of the presented work.

Key words: competence, civil aviation, expert systems.

*Publication was prepared within the framework of project No. 19-08-00028, supported by a grant from the Russian Foundation for Fundamental Research (RFFI).

Введение

Судя по результатам научных достижений в области применимости экспертных систем, оценка результативности и эффективности может

рассматриваться в двух аспектах: оценка обучающих программ и оценка уровня профессиональной подготовленности [Большедворская и др., 2019, с. 13-26; Гусева и др., 2013; Кузькин, 2014, с. 67; Орлова, 2012, с. 199; Rodrigues-Bachiller, 2000, с. 415-448].

Так, например, в работе, посвященной результативности и эффективности образовательных программ показано, что за основу результативности образовательной программы можно использовать набор индикаторов, значение которых оценивается по двоичной шкале (0,1). Теоретически такой подход оценки результативности экспертных систем профессиональной подготовки инспекторов по надзору за безопасностью полетов может быть адаптирован для получения пороговых значений уровня компетентности с учетом величины предотвращенного ущерба [Гусева и др., 2013].

$$P = x_k * \left[1 - \sum_{i=1}^{n-1} w_i \frac{(x_i - x_{\phi_{актi}})}{x_i} \right] \quad (1)$$

Особенностью профессиональной подготовки инспекторов по надзору за безопасностью полетов является то, что она должна формироваться посредством реализации программ обучения, отражающих развитие компетенций, сформулированных в соответствии с оценкой риска безопасности полетов [Aksyonov et al., 2009, с. 256-260]. Оценка риска учитывает вероятность возникновения опасного события и тяжесть его последствий (рис. 1).

На основании этого следует предположить, что, идентифицировав и классифицировав каждое опасное событие по вероятности возникновения и тяжести их последствий, можно выстроить принципиально новую интегральную оценку профессиональной подготовки, отражающую степень компетентности и профессиональной пригодности инспекторов с учетом ошибочных выводов и заключений, которые могут привести к опасному событию и дисбалансу выполнения основных ключевых показателей деятельности [Lehto, 1986; Ishikawa et al., 1996, с. 351-356].

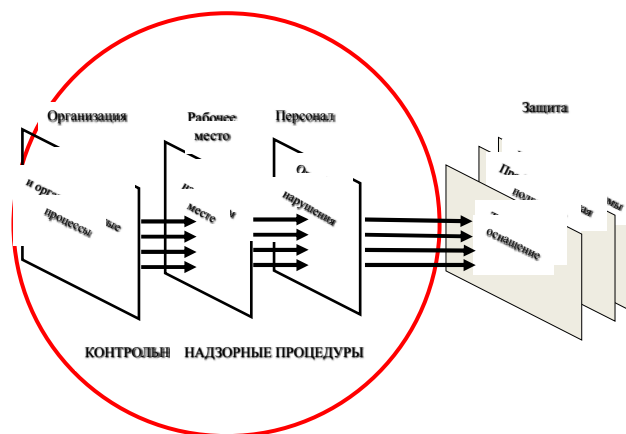

Рисунок 1 – Роль контрольно-надзорных процедур в обеспечении безопасности полетов

Материал и методы

Решение задачи оценки обучения представлено в работе [Рухлинский и др., 2019], где была предложена классификация тяжести последствий опасных событий, состоящая из четырех групп: отсутствие существенного воздействия на результаты производственного процесса с периодичностью возникновения от 0 до 1 события; низкая степень воздействия, с периодичностью от 1 до 2 событий в отчетном периоде; средняя степень воздействия – от 2 до 3 событий; 3 и более событий при сильном воздействии компетентности на результаты подготовленности инспекторов (рис. 2).

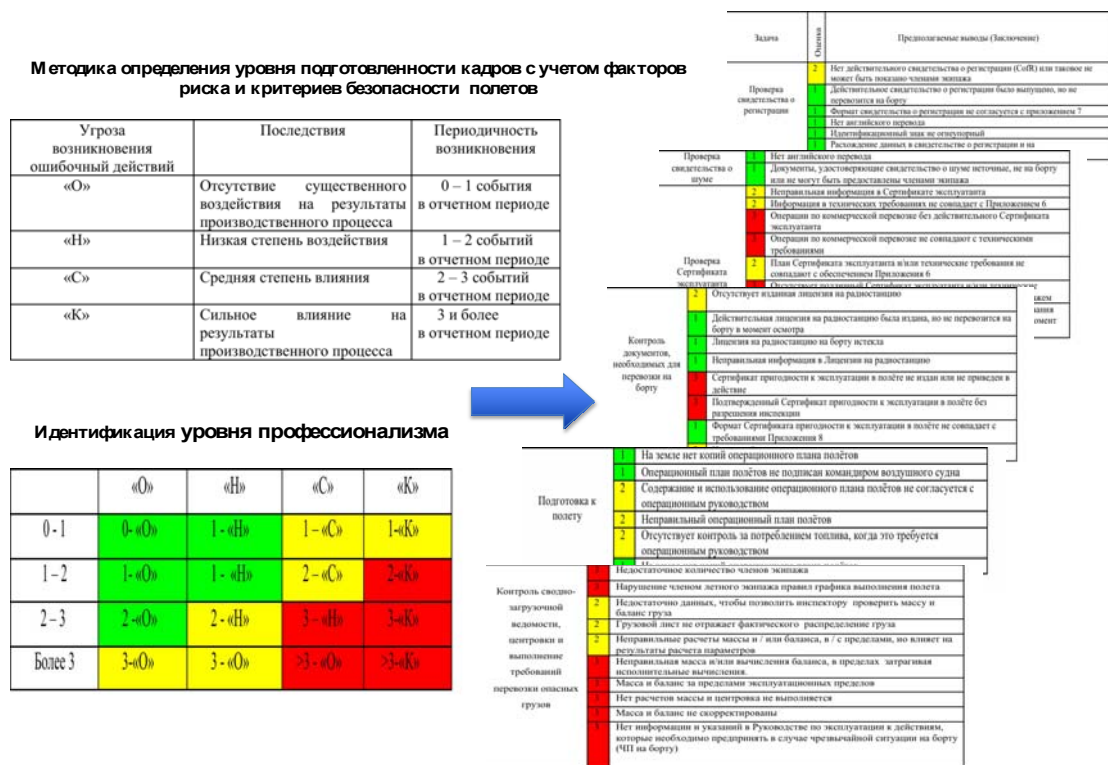

Рисунок 2 – Методический подход к оценке результативности обучения

Данная классификация отражает лишь результативность обучения в зависимости от проведения контрольно-надзорных процедур и риска возникновения авиационных событий. Для оценки эффективности обучения необходима разработка нового подхода к оценке уровня подготовки инспекторов по надзору за безопасностью полетов с учетом результативности и затрат на обучение [Diao et al., 2002, с. 801-817; Ariona Lopez et al., 2003, с. 95-101].

Анализ и результаты

Предположим, что существует необходимость проведения переподготовки n -го количества инспекторов по надзору за безопасностью. Программы переподготовки состоят из девяти модулей. По программе каждого модуля могут пройти обучение не менее b_{j2} , но не более b_{j1} инспекторов по надзору за безопасностью полетов. Причем, каждый из обучающихся может пройти подготовку только по одной программе.

$$b_{j2} \leq \sum_{i=1} x_{ij} \leq b_{j1} \quad (2)$$

По каждому из модулей запланирована минимальная численность обучающихся и максимально необходимая. Эффективность обучения обусловлена оценкой затрат.

$$\sum_i \sum_j d_{ij} x_{ij} \rightarrow \min \quad (3)$$

В настоящее время известны результаты научных достижений отечественных и зарубежных исследователей, посвященных решению подобных задач [Lvovich et al., 2019, с. 33079; Aksyonov et al., 2009, с. 256-260].

Для решения задачи предлагается метод последовательной сепарации [Петрунин, 2006]. На основе этого метода на языке Fox-Pro разработана программа, результаты расчетов по которой представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Варианты моделирования экспертной системы обучения инспекторов по надзору за безопасностью полетов с учетом результативности и эффективности обучения

Итерация 1										Итерация 2									
	Модуль 1	Модуль 2	Модуль 3	Модуль 4	Модуль 5	Модуль 6	Модуль 7	Модуль 8	Модуль 9		Модуль 1	Модуль 2	Модуль 3	Модуль 4	Модуль 5	Модуль 6	Модуль 7	Модуль 8	Модуль 9
А	46	32	41	32	54	46	74	18	93	А	46	32	41	32	54	46	74	18	93
Б	50	22	48	32	76	16	50	34	36	Б	50	22	48	32	76	16	50	34	36
В	27	68	15	32	30	27	85	89	70	В	27	68	15	32	30	27	85	89	70
Г	20	16	33	26	60	36	68	37	40	Г	20	16	33	26	60	36	68	37	40
Д	25	20	24	29	56	60	66	53	80	Д	25	20	24	29	56	60	66	53	80
Е	15	29	29	10	59	37	70	50	12	Е	15	29	29	10	59	37	70	50	12
Ж	23	13	28	38	45	61	53	70	80	Ж	23	13	28	38	45	61	53	70	80
З	42	29	34	65	72	19	66	49	13	З	42	29	34	65	72	19	66	49	13
И	55	43	29	78	65	11	33	47	63	И	55	43	29	78	65	11	33	47	63
К	60	29	13	48	30	65	48	52	47	К	60	29	13	48	30	65	48	52	47
Л	40	14	30	25	59	24	55	69	35	Л	40	14	30	25	59	24	55	69	35
М	26	20	40	31	53	26	70	58	10	М	26	20	40	31	53	26	70	58	10
Н	12	18	15	33	25	60	36	78	33	Н	12	18	15	33	25	60	36	78	33
О	80	13	7	34	44	51	26	88	19	О	80	13	7	34	44	51	26	88	19
П	40	33	62	21	80	10	11	13	15	П	46	32	41	32	54	46	74	18	93
План	2-4	1-3	1-4	2-5	1-4	2-3	2-6	2-5	2-4	План	2-4	1-3	1-4	2-5	1-4	2-3	2-6	2-5	2-4
Факт	3	3	2	2	0	1	1	2	1	Факт	1	2	2	2	0	2	1	2	3

Итерация 3									
	Модуль 1	Модуль 2	Модуль 3	Модуль 4	Модуль 5	Модуль 6	Модуль 7	Модуль 8	Модуль 9
А	46	32	41	32	54	46	74	18	93
Б	50	22	48	32	76	16	50	34	36
В	27	68	15	32	30	27	85	89	70
Г	20	16	33	26	60	36	68	37	40
Д	25	20	24	29	56	60	66	53	80
Е	15	29	29	10	59	37	70	50	12
Ж	23	13	28	38	45	61	53	70	80
З	42	29	34	65	72	19	66	49	13
И	55	43	29	78	65	11	33	47	63
К	60	29	13	48	30	65	48	52	47
Л	40	14	30	25	59	24	55	69	35
М	26	20	40	31	53	26	70	58	10
Н	12	18	15	33	25	60	36	78	33
О	80	13	7	34	44	51	26	88	19
П	46	32	41	32	54	46	74	18	93
План	2-4	1-3	1-4	2-5	1-4	2-3	2-6	2-5	2-4
Факт	2	2	1	2	1	2	1	2	2

Построение экспертной системы обучения инспекторов на основе метода последовательной сепарации доказывает практическую применимость и эффективность такого подхода, поскольку оценка результативности предлагаемого метода может быть осуществлена на основе результатов целевой функции, представленных в трех итерациях (табл. 2).

Анализируя полученный результат, следует отметить низкий уровень эффективности и результативности при втором варианте моделирования процесса обучения посредством применения экспертной системы, поскольку не выполняется план по планируемой численности обучаемых (красная и желтая зоны). Благополучнее выглядит по выполнению плана подготовки инспекторов по надзору первый вариант по сравнению со вторым, но и он уступает по совокупным затратам на обучение.

Результативное и эффективное решение представлено в третьем варианте, отражающем моделирование процесса посредством применения экспертных систем обучения с высоким уровнем выполнения плана подготовки при минимальных затратах.

Таблица 2 – Оценка эффективности и результативности подготовки инспекторов по надзору за безопасностью полетов

Программы	Планируемая численность		Решение		
	Минимальная	Максимальная	Итерация 1	Итерация 1	Итерация 3
Модуль 1	2	4	3	1	2
Модуль 2	1	3	3	2	2
Модуль 3	1	4	2	2	1
Модуль 4	2	5	2	2	2
Модуль 5	1	4	0	0	1
Модуль 6	2	3	1	2	2
Модуль 7	2	6	1	1	1
Модуль 8	2	5	1	2	2
Модуль 9	2	4	1	3	2
Оценка целевой функции			294	297	288

Резюме

На основании проведенного исследования конкретизированы важные понятия эффективности и результативности экспертных систем в процессе применения экспертных систем и получены следующие результаты.

Разработка нового оценочного механизма, сочетающего в себе оценку результативности и эффективности применения экспертных систем при подготовке инспекторов по надзору за безопасностью полетов может стать эффективным инструментарием для построения архитектуры экспертных систем.

Методика моделирования процесса обучения с учетом параметров результативности и эффективности позволит расширить возможности применения экспертных систем, отражающих степень компетентности и

профессиональной пригодности инспекторов при ограниченности затрат на обучение.

Библиографический список

- Большедворская Л. Г.* Анализ применения экспертных систем для диагностирования проблемных зон в системе подготовки летных кадров для гражданской авиации / Л. Г. Большедворская, Н. Д. Корягин // *Инновации в гражданской авиации*. 2019. Т. 4. № 4. С. 4-12.
- Гусева А. И.* Оценка результативности и эффективности сетевых образовательных программ / А. И. Гусева, Е. Б. Весна // *Современные проблемы науки и образования*. 2013. № 6. С. 259.
- Кузькин, А. А.* Оценивание показателей эффективности и результативности IT-процессов с использованием гибридных нейро-нечетких сетей // *Интернет-журнал Науковедение*. 2014. № 1 (20). С. 67.
- Орлова Л. Н.* Корреляционный анализ сходства параметров экспертной оценки профессиональных умений студентов химико-педагогического факультета Омского государственного педагогического университета // *Современные проблемы науки и образования*. 2012. № 2. С. 199.
- Петрунин С. В.* Организационные и логистические методы повышения эффективности производственной деятельности авиакомпаний. М.: АвиаБизнес Групп, 2006. 164 с.
- Рухлинский В. М.* Обеспечение безопасности полетов самолетов нового поколения: монография / В. М. Рухлинский, Л. Г. Большедворская. М.: МГТУ ГА, 2019. 370 с.
- Aksyonov K. A.* Development of decision support and simulation system BPSIM.DSS: integration of simulation, expert, situational and multi-agent modeling / K. A. Aksyonov, E. A. Bykov, O. P. Aksyonova, W. Kai, A. V. Popov, E. F. Smoliy, E. M. Sufrygina, I. A. Spitsina, A. A. Sheklein. In the collection: ESM 2009 – 2009 European Simulation and Modelling Conference: Modelling and Simulation 2009. Pp. 256-260.
- Ariona Lopez, M. A., Hernandez Fiores, C., Gleason Garca, E.* Expert Systems with Applications // 2003. Т. 24. № 1. Pp. 95-101.
- Diao, Y., Passino, K. M.* Intelligent fault-tolerant control using adaptive and learning methods // *Control Engineering Practice*. 2002. Т. 10. № 8. Pp. 801-817.
- Ishikawa, T., Terano, T.* Analogy by abstraction: case retrieval and adaptation for inventive design expert systems // *Expert Systems with Applications*. 1996. Т. 10. № 3-4. Pp. 351-356.
- Lehto, M. R.* A structured methodology for expert system development with application to safety ergonomics (human factors, artificial intelligence, modeling, systems safety). 1986. 119 p.
- Lvovich, Ya. E., Preobrazhenskiy, A. P., Preobrazhenskiy, Yu. P., Choporov, O. N.* Modelling of information systems with increased efficiency with application of optimization-expert evaluation // *Journal of Physics: Conference Series. International Scientific Conference "Conference on Applied Physics, Information Technologies and Engineering - APITECH-2019"*. Krasnoyarsk Science and Technology City Hall of the Russian Union of Scientific and Engineering Associations; Polytechnical Institute of Siberian Federal University. 2019. Pp. 33-79.
- Rodrigues-Bachiller, A.* Part II: Expert systems and decision support systems // *Journal of Environmental Assessment Policy and Management*. 2000. Т. 2. № 3. Pp. 415-448.

References

- Aksyonov K. A.* Development of decision support and simulation system BPSIM.DSS: integration of simulation, expert, situational and multi-agent modeling / K. A. Aksyonov, E. A. Bykov, O. P. Aksyonova, W. Kai, A. V. Popov, E. F. Smoliy, E. M. Sufrygina, I. A. Spitsina, A. A. Sheklein. In the collection: ESM 2009 – 2009 European Simulation and Modelling Conference: Modelling and Simulation 2009. Pp. 256-260.

- Ariona Lopez, M. A., Hernandez Fiores, C., Gleason Garca, E. Expert Systems with Applications // 2003. T. 24. № 1. Pp. 95-101.
- Bolshedvorskaya L. G., Koryagin N. D. (2019). Analysis of the use of expert systems for diagnosing problem areas in the training system of flight personnel for civil aviation. *Innovations in civil aviation*, T. 4. No. 4: 13-26. [in Russian]
- Diao, Y., Passino, K. M. Intelligent fault-tolerant control using adaptive and learning methods // Control Engineering Practice. 2002. T. 10. № 8. Pp. 801-817.
- Guseva A. I., Vesna E. B. (2013). Evaluation of the effectiveness and efficiency of network educational programs. *Modern problems of science and education*. No. 6: 259. [in Russian]
- Ishikawa, T., Terano, T. Analogy by abstraction: case retrieval and adaptation for inventive design expert systems // Expert Systems with Applications. 1996. T. 10. № 3-4. Pp. 351-356.
- Kuzkin A. A. (2014). Evaluation of indicators of efficiency and effectiveness of IT-processes using hybrid neuro-fuzzy networks. *Internet journal Science Studies*. No. 1 (20): 67. [in Russian]
- Lehto, M. R. A structured methodology for expert system development with application to safety ergonomics (human factors, artificial intelligence, modeling, systems safety). 1986. 119 p.
- Lvovich, Ya. E., Preobrazhenskiy, A. P., Preobrazhenskiy, Yu. P., Choporov, O. N. Modelling of information systems with increased efficiency with application of optimization-expert evaluation // Journal of Physics: Conference Series. International Scientific Conference "Conference on Applied Physics, Information Technologies and Engineering - APITECH-2019". Krasnoyarsk Science and Technology City Hall of the Russian Union of Scientific and Engineering Associations; Polytechnical Institute of Siberian Federal University. 2019. Pp. 33-79.
- Orlova L. N. (2012). Correlation analysis of the similarity of parameters of expert assessment of professional skills of students of the chemical-pedagogical faculty of Omsk State Pedagogical University. *Modern problems of science and education*. No. 2: 199. [in Russian]
- Petrinin S. V. (2006). Organizational and logistic methods of increasing the efficiency of airlines' production activities. Petrunin. Moscow: AviaBusiness Group, 164 p. [in Russian]
- Rodrigues-Bachiller, A. Part II: Expert systems and decision support systems // Journal of Environmental Assessment Policy and Management. 2000. T. 2. № 3. Pp. 415-448.
- Rukhlinsky V. M., Bolshedvorskaya L. G. (2019). Ensuring the flight safety of new generation aircraft. Monograph. Moscow: Moscow State Technical University of Civil Aviation, 370 p. [in Russian]

СИСТЕМЫ АВИАЦИОННОЙ РАДИОСВЯЗИ, РАДИОЛОКАЦИИ, РАДИОНАВИГАЦИИ И МЕТОДЫ ИХ ЭКСПЛУАТАЦИИ

УДК 629.058:519.23

ББК 39.57

DOI 10.51955/2312-1327_2021_3_14

PECULIARITIES OF USING A MOBILE PSEUDOLITE FOR INCREASE OF POSITIONING ACCURACY ON AIRCRAFT LANDING

*Oleg Nikolaevich Skrypnik,
orcid.org/0000-0002-2006-0428,
Doctor of Technical Sciences, Full professor
professor of traffic management and security in air transport department
Belarusian State Academy of Aviation,
77, Uborevich
Minsk, 220096, Republic of Belarus
skripnikon@yandex.ru*

*Roman Olegovich Arefyev,
orcid.org/0000-0001-8040-6470,
Candidate of Technical Sciences
associate professor of aviation electronic equipment department
Moscow State Technical University of Civil Aviation (Irkutsk branch),
3, Kommunarov
Irkutsk, 664047, Russia
aqua160905@mail.ru*

*Natalya Gennadyvna Arefyeva (Astrakhanceva),
orcid.org/0000-0002-9916-1239,
Candidate of Technical Sciences
associate professor of aviation electronic equipment department
Moscow State Technical University of Civil Aviation (Irkutsk branch),
3, Kommunarov
Irkutsk, 664047, Russia
n_astrahanceva_awesome@mail.ru*

*Tatyana Yuryevna Portnova,
orcid.org/0000-0001-6134-143X,
Candidate of Philological Sciences
associate professor, Department of social and political disciplines
Moscow State Technical University of Civil Aviation (Irkutsk branch),
3, Kommunarov
Irkutsk, 664047, Russia
taty-port@yandex.ru*

Abstract. The authors study accuracy characteristics (dilution of precision) of an integrated navigation-and-time field in the terminal area created by GLONASS with its mobile pseudolite augmentation. A mobile pseudolite is placed onboard an unmanned aerial vehicle (UAV). The purpose of the article is optimization of UAV flight path which will provide the best aircraft positioning accuracy. The problem of finding an optimal track for the UAV was solved using Hooke-Jeeves method for an aircraft approaching along a flexible track. The article presents the results of the conducted experiments as the UAV optimal flight paths and their

charts built according to DOP values for cases of using stationary and mobile pseudolites. Practical recommendations on the choice of optimization criteria are given, and the conditions for using a mobile pseudolite placed on board an unmanned aerial vehicle are determined.

Keywords: pseudolite, mobile pseudolite, unmanned aerial vehicle, Position Dilution of Precision, GLONASS, optimization of flight trajectory, integrated navigation and time field.

*This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (Grant No. 19-08-00010 A).

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МОБИЛЬНОГО ПСЕВДОСПУТНИКА ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ ТОЧНОСТИ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ ПРИ ПОСАДКЕ ВОЗДУШНОГО СУДНА

*Олег Николаевич Скрыпник,
orcid.org/0000-0002-2006-0428,
доктор технических наук, профессор,
профессор кафедры «Организация движения и обеспечения
безопасности на воздушном транспорте»
Белорусская государственная академия авиации,
ул. Уборевича, 77
Минск, 220096, Республика Беларусь
skripnikon@yandex.ru*

*Роман Олегович Арефьев,
orcid.org/0000-0001-8040-6470,
кандидат технических наук,
доцент кафедры авиационного радиоэлектронного оборудования
Московский государственный технический университет гражданской
авиации (Иркутский филиал),
ул. Коммунаров, 3
Иркутск, 664047, Россия
aqua160905@mail.ru*

*Наталья Геннадьевна Арефьева (Астраханцева),
orcid.org/0000-0002-9916-1239,
кандидат технических наук,
доцент кафедры авиационного радиоэлектронного оборудования
Московский государственный технический университет гражданской
авиации (Иркутский филиал),
ул. Коммунаров, 3
Иркутск, 664047, Россия
n_astrahanceva_awesome@mail.ru*

*Татьяна Юрьевна Портнова,
orcid.org/0000-0001-6134-143X,
кандидат филологических наук
доцент кафедры Гуманитарных и социально-политических дисциплин
Московский государственный технический университет гражданской
авиации (Иркутский филиал)
ул. Коммунаров, 3
Иркутск, 664047, Россия
taty-port@yandex.ru*

Аннотация. Исследуются характеристики точности (геометрические факторы) интегрированного навигационно-временного поля в зоне аэродрома, создаваемого спутниковой системой навигации ГЛОНАСС при ее функциональном дополнении мобильным псевдоспутником. Псевдоспутник размещен на борту беспилотного летательного аппарата (БПЛА). Целью данной статьи является оптимизация траектории полета БПЛА, что позволит достичь наилучшей точности определения координат воздушного судна. Задача нахождения оптимальной траектории БПЛА решена с использованием метода Хука-Дживса для случая захода на посадку воздушного судна по гибкой траектории. Приведены результаты проведенных экспериментов в качестве оптимальных траекторий полета БПЛА и их графиков, построенных по значениям геометрических факторов для случаев применения стационарного и мобильного псевдоспутников. Даны практические рекомендации по выбору критерия оптимизации, определены условия применения мобильного псевдоспутника, размещенного на БПЛА.

Ключевые слова: псевдоспутник, мобильный псевдоспутник, беспилотный летательный аппарат, геометрический фактор, ГЛОНАСС, оптимизация траектории полета, интегрированное навигационно-временное поле.

*Статья написана в рамках исследования при финансовой поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). Проект № 19-08-00010 А «Интеллектуальная система планирования маршрутов и графиков воздушного движения гражданской авиации при изменении метеоусловий, спроса пассажиров и потере навигационной точности воздушных судов в полете», выполняемый в Московском государственном университете гражданской авиации. Руководитель проекта – Е. Е. Нечаев.

Introduction

Over the medium term, the satellite navigation systems including Russia's GLONASS system will be an essential means of navigational support of all aircraft flight phases in accordance with the ICAO categories [Скрыпник, 2020]. At the present stage of development, however, the satellite navigation systems (SNS) have insufficient integrity, interference resistance and sometimes accuracy of the navigation and time field (NTF), and this reduces the efficiency of their use specifically for solving problems of aircraft landing.

For supporting promising navigation applied processes [Performance-based Navigation (PBN) Manual, 2013], GNSSs need the aircraft-based augmentation system (ABAS), ground-based augmentation-system (GBAS), satellite-based augmentation system (SBAS). The augmentations allow some GNSS drawbacks to be compensated, in particular, the differential corrections for the coordinates measured by users to be determined [Скрыпник, 2020]. However, they are also subject to the influence of some destabilizing factors so SBAS/ GBAS application does not fully provide GNSS navigation accuracy. For instance, within its coverage area, SBAS provides en-route flight, flight in the terminal area as well as APV-I and APV-II approach. The APV-I and APV-II approach procedures can be accomplished only in specific assigned zones, not in the whole SBAS coverage area [Global Navigation Satellite System (GNSS) Manual, 2013]. GBAS problems are degradation of coordinate correction accuracy as the aircraft recedes from a local augmentation station as well as need for transmission of digital data (error corrections) over long distances. For this purpose datalinks with high capacity are

needed which requires installation of additional onboard equipment for receiving differential corrections.

One of possible ways to improve the accuracy of SNS navigational sightings is an augmentation in the form of a pseudolite (PL). In the traditional conception, PLs are stationary transmitting ground-based or near-ground-based devices, (e.g., a high mast, hot air balloon) the signals of which are synchronized with the SNS signals and the signal parameters and their format are close or equal to the parameters and format of SNS signals [Бабуров и др., 2005; Балов, Геворкян, 2002]. An integrated NTF created within the PL coverage area possesses improved accuracy and reliability characteristics in comparison with the initial SNS NTF.

Analysis of works [Бабуров и др., 2016; Борсоев и др., 2011; Нигруца, и др., 2012] devoted to problems of using PL showed that augmentation of SNS navigation satellites with one or several PL would improve the geometry in the vertical channel, increase the information redundancy that would lead to enhancement of accuracy and reliability of navigational sightings. The integrated NTF generated with using PL can meet the requirements for aircraft navigation accuracy during approach.

When applied PLs should be located in the terminal area optimally to achieve the maximum accuracy of integrated SNS NTF. [Скрыпник, 2020] shows that as SNS geometry changes with time, the optimal location of a ground-based PL also changes. Therefore, work [Скрыпник и др, 2017], for instance, suggests using a mobile PL to achieve the maximum accuracy of the integrated GLONASS NTF for each time.

Application of a mobile ground-based PL involves a number of problems e.g. shading its signals by terrain roughness or aerodrome facilities, limitations on speed and movement area and others. Therefore, it is proposed to consider applying a PL located on an UAV which significantly extends PL dynamic behavior and possibilities of steady reception of its signals [Jones, 2017] as well as allows such a method to be applied when an aircraft approaches on flexible trajectories. It is necessary to solve the problem of finding an optimal UAV trajectory in the airspace of the terminal area.

The task of finding an optimal track is identical both for a UAV and for an aircraft and depends on boundary conditions and criteria. For example, work [Adler et al., 2012] reviewed the task of constructing an optimal flight track under engine-out conditions where the criterion is maximization of energy efficiency. Articles [Веремей, Сотникова, 2016; Gardi et al., 2016; Khardi, 2012] deal with the multi-criterion tasks of constructing an optimal flight track where the criteria are minimization of noise, fuel consumption and account for weather conditions. In this article, the optimality of the UAV trajectory with a PL onboard depends on the navigational conditions formed in the terminal area.

The research purpose is to find an optimal flight trajectory and to estimate the efficiency of using a mobile PL located on board a UAV for enhancement of accuracy of the integrated GLONASS NTF by reducing DOPs in the terminal area when approaching on a flexible trajectory.

Materials and research methods

The accuracy of the integrated NTF can be seen in the values of the Position DOP (Position Dilution of Precision) or its components - vertical VDOP (Vertical Dilution of Precision) and horizontal HDOP (Horizontal Dilution of Precision) DOP at the observation point. At that,

$$PDOP^2 = HDOP^2 + VDOP^2, \quad (1)$$

and accuracy of position-fixing (horizontal coordinates) and that of flight altitude determination are related to the values of the corresponding DOP by the expressions

$$\sigma_r = \sigma_R * HDOP, \quad \sigma_H = \sigma_R * VDOP$$

where σ_r is a root mean square error (RMS) of position-fixing (radial RMS), σ_H is RMS of determining the height, σ_R is RMS of determining the pseudo-range to the NS.

The author of work [Скрыпник и др., 2017] solved the problem of finding an optimal location of the ground-based PL which provides minimal mean value $VDOP_{mean}$ along the whole glideslope. It was shown that, because of changing the NS location relative to the aircraft due to their orbital motion, there is no single optimal PL location providing the minimal DOP, in the case under consideration – $VDOP_{mean}$

With sufficiently good (no more than 2-2.5) VDOP values, the application of a PL located at a typical point (not optimally) allows $VDOP_{mean}$ to be improved by 22-25%. The PL location at optimal points for considered moments of time allows $VDOP_{mean}$ to be decreased by 7-9% in comparison with its location at the typical point.

Proposed in [Скрыпник и др., 2017] technique of finding the only (quasioptimal) position of the ground-based PL allows $VDOP_{mean}$ to be decreased by 3-4%. Thus, to ensure the minimal DOP value along the whole landing trajectory it is necessary to use a mobile PL located on a UAV. At that, the UAV should move along an optimal trajectory formed by a set of points where the minimal DOP value is achieved for each time of solving the optimization problem.

To conduct the research by methods of mathematical simulation in the LabVIEW graphical programming environment the following initial data were chosen:

- runway middle coordinates of the landing airdrome are 71.927 N 114.08 E, the height above sea level is 30m, UTC + 9, the runway heading is 174.22 degrees;

- approach trajectory (*fig.1*): curvilinear (height is 600m) from the Initial Approach point (IA) to the Final Approach point (FA) located at a distance of 10 km from the runway threshold; rectilinear with the glideslope angle of 3 degrees – from the FA point to the runway touchdown; aircraft speed along the whole trajectory is 250 km/hour;

- the initial UAV (mobile PL) position in the horizontal plane coincides with the IA point, the UAV speed is equal to the aircraft speed on the landing trajectory;

– the optimization problem was solved by the Hook-Jeeves method at 22 selected discrete points of the aircraft flight trajectory which were separated by the 10 s time slots.

The problem of finding the optimal UAV flight trajectory was solved in the horizontal plane (its flight at a constant altitude was considered) and in space (with a change in the flight altitude). The optimization criterion was the DOP minimum (either Position PDOP or horizontal HDOP or vertical VDOP) for navigational sightings on the aircraft:

$$DOP_i(\bar{X}_{PLi} | \bar{X}_{Ai}, \bar{X}_{NS1i}, \dots, \bar{X}_{NSki}) \rightarrow \min,$$

where $\bar{X}_{PLi}$ is the desired vector of UAV coordinates at the ith trajectory point and at the ith time moment, $\bar{X}_{Ai}$ are the known coordinates of the aircraft at the ith point of the trajectory at the ith moment of time, $\bar{X}_{NSki}$ are known coordinates of the navigation satellites within the visual range, k is the number of visible NSs.

For DOP calculations, the UAV, aircraft and NS coordinates are shown in the earth-fixed geocentric system. As the optimal trajectory of the UAV flight is constructed in the geodetic reference system (latitude, longitude, altitude), the coordinates are converted from geodetic to the earth-fixed geocentric system [Скрыпник, 2020].

During the research it is necessary to define how the result of optimization problem solution depends on the used criterion (PDOP, HDOP or VDOP minima), the aircraft and UAV flight altitude, the method of problem solution (in plane or in space).

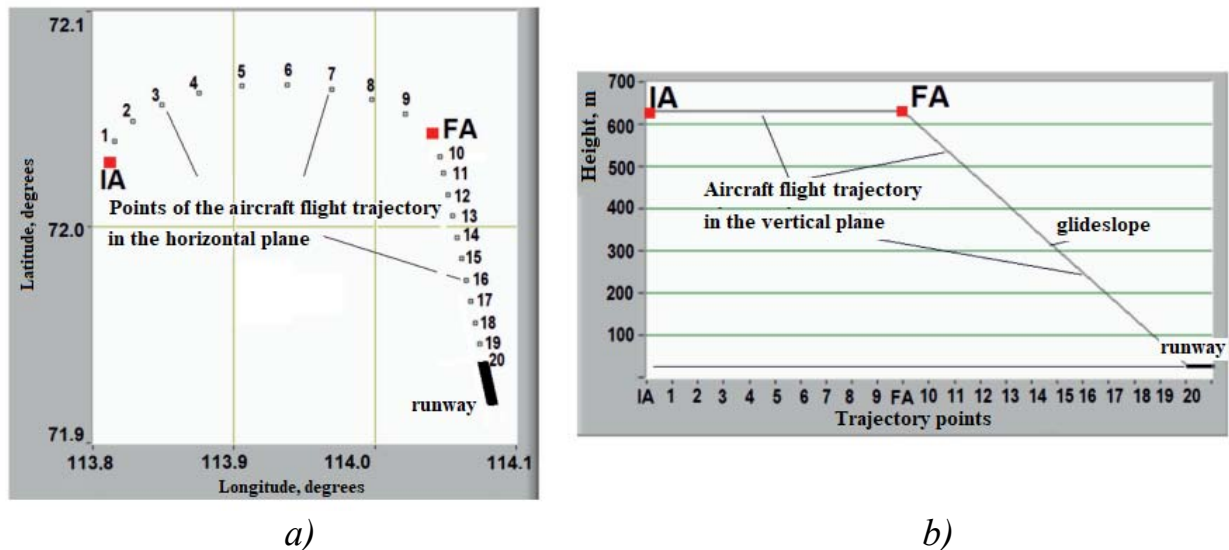

Fig.1 Aircraft flight trajectory in the horizontal (a) and the vertical (b) planes

Research results and their discussion

To achieve research goals using the method of mathematical simulation, the authors conducted computational experiments that differed in the options for using mobile PL and using various optimization criteria.

Assessment of the optimization criterion influence on the DOP values with the UAV flying along the optimal trajectory

The following situations were considered:

- PL is not available and navigation sightings are carried out only using the visible NSs;
- PL is located at a typical point on the ground (point of location of the middle marker), at a distance of 1 km from the beginning of the runway and on the extension of its axis;
- the mobile PL is located on a UAV flying at an altitude of 50 m.

Fig. 2 shows the graphs for HDOP (fig.2,a), VDOP (fig.2,b) and PDOP (fig.2,c) changing on approach and landing aircraft trajectory. The figures show the following graphs: 1 – no PL and the navigation problem is solved only using the visible NSs; 2 – PL is located at a typical point; 3,4,5 – a mobile PL, HDOP, VDOP and PDOP optimization.

The analysis of the obtained results shows that using a ground-based PL located at a typical point improves HDOP from 1.01 to 0.94, and VDOP from 2.2 to 1.5 at the IA point and to 1.2 for aircraft flying over PL. After the aircraft flies over the PL, HDOP and VDOP degrade to $HDOP = 0.97$ and $VDOP = 1.55$.

The use of a mobile PL with HDOP minimum optimization gives an insignificant gain in the HDOP value (by 0.002–0.004) and a slight deterioration in the VDOP value (by 0.3–0.5) compared to the PL located at a typical point. When the aircraft descends below the PL ($H_{PL} > H_{Ai}$), we can observe HDOP degradation (by 0.04–0.05) and VDOP improvement (by 0.5). Thus, we can conclude that the effectiveness of mobile PL use is critical to the ratio of the aircraft and the UAV flight altitudes.

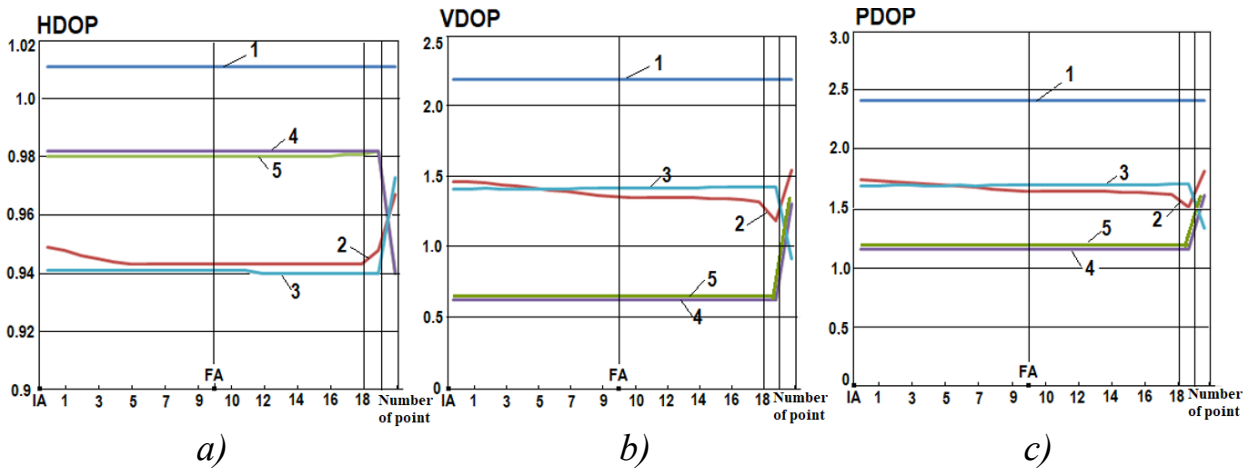

Fig.2. Variation of DOP values at the points of approach and landing aircraft trajectory

UAV trajectory optimization by VDOP minimum and PDOP minimum gives almost the same results. This is caused by the fact that in the SNS the VDOP value is always larger than HDOP, so its contribution to PDOP (ref. expression (1)) will be decisive.

When the UAV flight trajectory is optimized by the minimal VDOP, the HDOP value is slightly worse (approximately by 0.04) while the VDOP value will be significantly improved (by 0.7-0.8) compared to using PL located at a typical point.

When the aircraft descends and condition $H_{Ai} < H_{PL}$ is met, the HDOP improvement (approximately by 0.04) and the VDOP degradation (approximately by 0.8) is observed.

Thus, we can conclude that for optimizing UAV flight trajectory it is appropriate to use the PDOP minimum or VDOP minimum criterion that provides the best accuracy of the flight altitude determination and high accuracy of the aircraft horizontal coordinate determination in the greater part of the approach and landing trajectory. For this purpose, it is necessary to use a low-altitude UAV as, when the aircraft descends below UAV flight altitude, the efficiency of the mobile PL use will be decreased.

Estimate of optimization criterion influence on constructing an optimal UAV flight trajectory

Let us consider a situation when the UAV flies at an altitude of 50 m, the task of optimizing its trajectory is performed in a plane with no restrictions on the region of acceptable optimal UAV positions.

Fig. 3, a, Fig. 3, b, present the results of performing the optimization task with minimal HDOP and PDOP used as an optimization criterion, correspondingly. *Fig. 3, c* shows the curved part of the flight trajectory of the aircraft (curve 1) and UAV (curve 2) on an enlarged scale.

For optimization by minimal HDOP, offset of the UAV and the aircraft trajectory points at a constant altitude to the FA point is about 88 km and the form of the UAV flight trajectory repeats the aircraft trajectory (*fig. 3, a*, trajectory sections from point 1 to point 9). When the aircraft descends from the FA point, the optimal UAV flight trajectory is close to the aircraft trajectory coinciding with it at the point located at the altitude of 50 m (when $H_{Ai} = H_{PL}$).

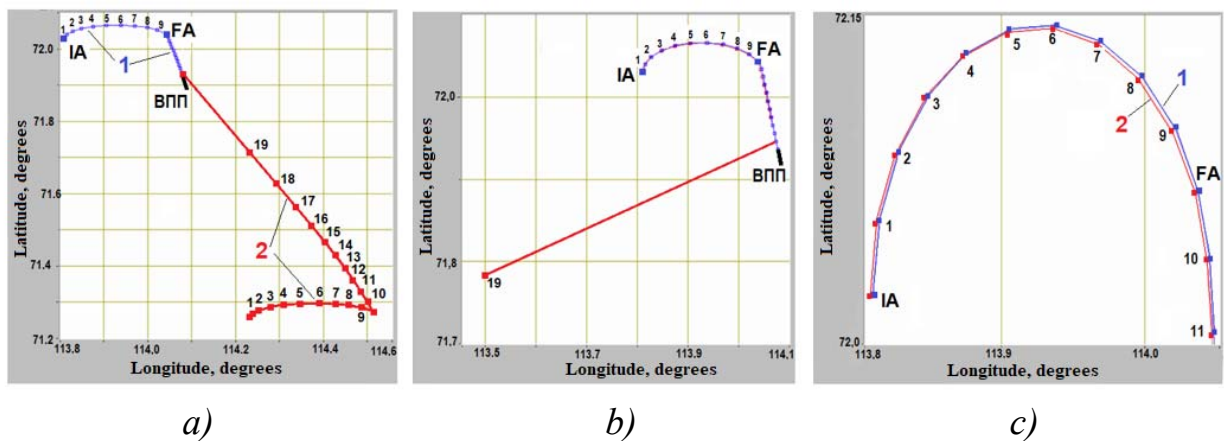

Fig.3 UAV and aircraft flight trajectory in horizontal plane

For optimization by minimal PDOP, the optimal UAV flight trajectory is close to the aircraft trajectory (offset in the horizontal plane is 80 m on the section of the constant aircraft flight altitude up to the FA point). The offset of the UAV flight trajectory reduces from 80 m to 7 m in the aircraft descent segment. For $H_{Ai} < H_{PL}$ (in the vicinity of the runway) the optimal point of the UAV flight trajectory gets offset at a distance of more than 20 km.

Similar experiments carried out for other time intervals showed that, due to the change in the grouping of navigation satellites within the visibility range, offset of the optimal UAV flight trajectory in horizontal plane changes, for example, it decreased and was 35 m on the flight section to the FA point and 3 m near the runway. The reduction in the offset value at the stage of aircraft descent retains the character described above.

It is obvious that performing a flight of a real UAV with a PL onboard along an optimal trajectory at the final stage is almost impossible when there is its sharp offset. Therefore, the UAV flight along the optimal trajectory should end at a point that coincides in height with the aircraft flight altitude at the stage of descent.

To determine the most appropriate (in terms of ensuring the minimal or close to the minimal PDOP value) UAV flight trajectory when the condition $H_{Ai} < H_{PL}$ (final segment of landing trajectory) is met, the studies were carried out the results of which are presented in *fig. 4*, a for the following situations:

- The UAV is flying along an optimal trajectory at an altitude of 300 m up to the FA starting point of aircraft descent, then it is hovering at the FA point (curve 1);
- The UAV is flying along an optimal trajectory at an altitude of 300 m up to the FA starting point of aircraft descent, then it is going on flying along a straight path at an altitude of 300 m above the aircraft landing trajectory (curve 2);
- The UAV is flying along an optimal trajectory at an altitude of 300 m (curve 3), the optimization task is performed in the horizontal plane;
- The UAV is flying along an optimal trajectory at an altitude of 300 m (curve 4), the optimization task is performed in space, the UAV flight altitude is limited to 50 m, the UAV can descend by 10 m for each optimization cycle.

As follows from *fig. 4*, a, the minimal value of PDOP=1.2 is achieved practically along the whole trajectory of the aircraft approach and landing when performing the task of optimization in space (curve 4). Given the impossibility of performing the UAV flight along the optimal trajectory after the aircraft descends up to altitude $H_{Ai} = H_{PL}$, we can recommend the UAV hovering in the area of coincidence of the UAV and aircraft trajectory altitudes (with consideration of safety of their mutual position). In this case the PDOP value increases up to 1.8 but remains lower at the final approach of the aircraft than for other UAV flight trajectories.

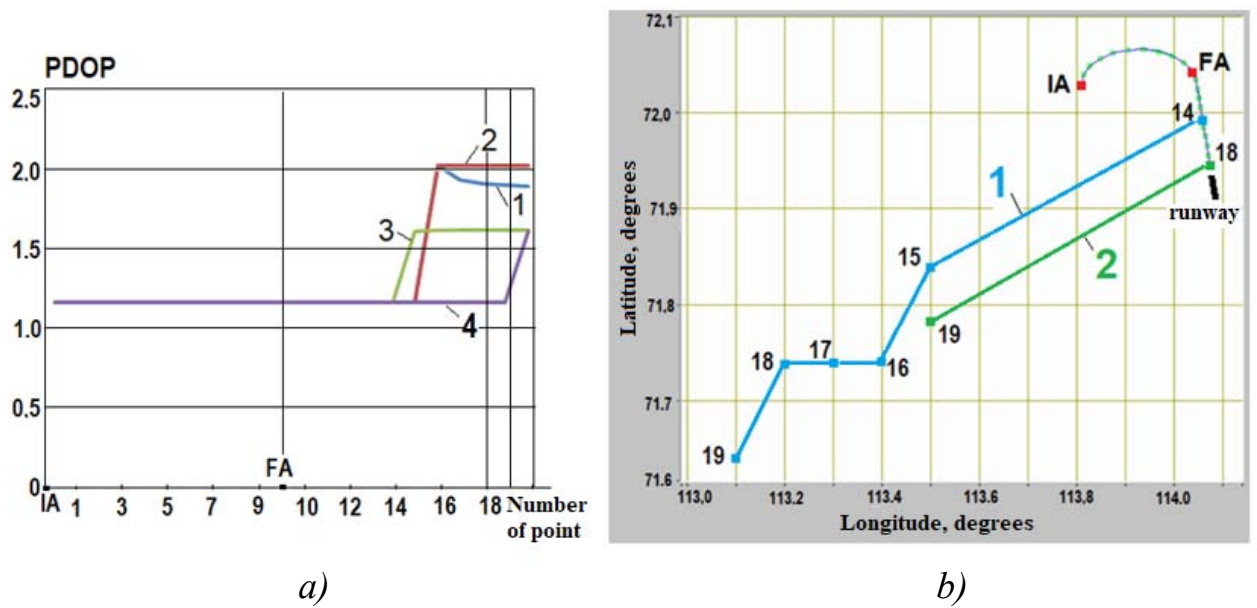

Fig 4. PDOP change (a) and optimal UAV flight trajectory (b)

Fig. 4,b presents the UAV flight trajectories for performing the optimization task by criterion of PDOP minimum in the horizontal plane (curve 1, $H_{PL}=300$ m) and in space (curve 2, the UAV can descend up to the altitude of 50 m). As follows from the obtained results, when $H_{Ai} < H_{PL}$, the optimal trajectory (curve 1) gets offset relative to the aircraft trajectory and the lower the altitude of the aircraft flight is, the stronger this offset is. For implementing the task of optimization in space with the aircraft descending, the optimal UAV flight trajectory (curve 2) also descends whereas being located under the aircraft trajectory. After reaching the altitude of 50 m (UAV altitude limit), the optimal trajectory gets offset essentially in the horizontal plane relative to the aircraft trajectory.

Influence of NS terrain blockage on the construction of an optimal PL flight trajectory

Under real conditions, reception of signals from all NSs in the aircraft visibility zone can be impossible due to, e.g. shading of signals from NS by terrain inequalities or high-altitude objects. This situation is very likely when aerodromes are located in mountainous areas as well as in the zone of megacities.

Let us consider the influence of NS signals shading for the following conditions:

- the UAV trajectory is optimized in the horizontal plane at the UAV flight altitude of 300 m and 50 m, the optimization criterion is PDOP minimum;
- the presence of shading will be taken into account by introducing a mask angle of 15 degrees and 30 degrees into the program for simulating the orbital GLONASS grouping and choosing a working NS constellation [Скрыпник, Ерохин, 2012]. Under normal SNS receiver operation, the mask angle is 5 degrees.

The research results are shown in fig. 5, a ($H_{PL} = 50$ m) and in fig. 5, b ($H_{PL} = 300$ m) where curves 1, 2, 3 correspond to the mask angles of 5, 15 and 30 degrees.

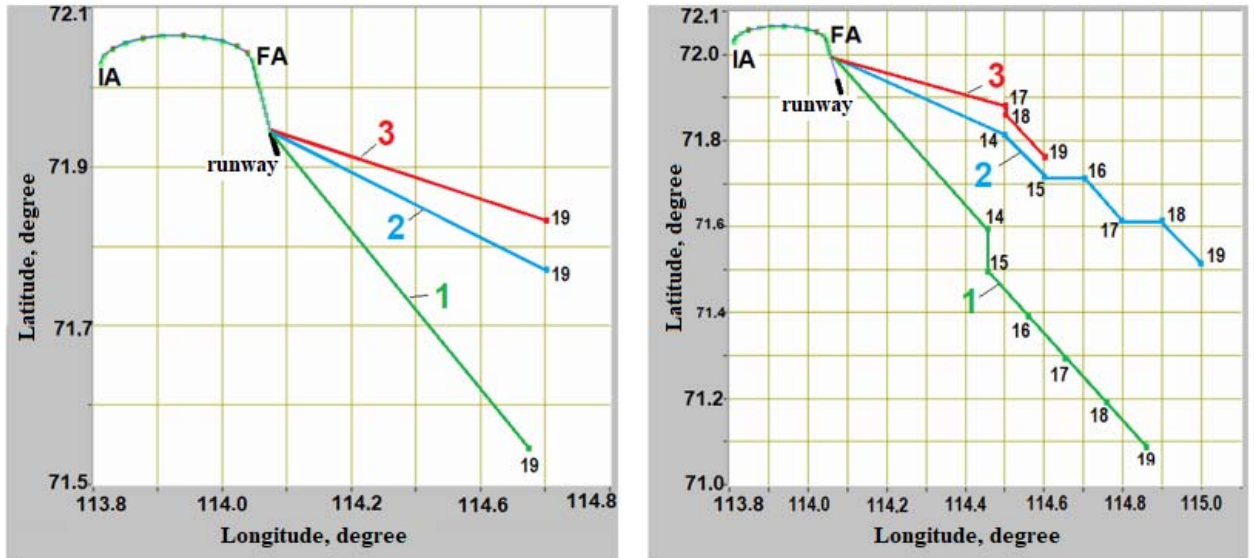

Fig. 5. Optimal UAV flight trajectories with GLONASS NSs shaded

As can be seen from the presented results, the PL optimal trajectory depends on its flight altitude relative to the aircraft and the shading presence. When $H_{PL} < H_{Ai}$, the optimal UAV trajectory is below the aircraft trajectory, and when $H_{PL} > H_{Ai}$, it gets offset in the horizontal plane, and the larger the height difference, the larger the offset is. The stronger the influence of shading is (this corresponds to an increase in the mask angle), the smaller the offset of the optimal UAV trajectory relative to the aircraft trajectory is.

PDOP estimate analysis of the data showed that, under experimental conditions, increase in the mask angle from 5 to 30 degrees led to an increase in PDOP from 2.2 to 2.9 with no PL. Application of a mobile PL moving along an optimal trajectory allowed us to reduce the PDOP to 1.2 (the mask angle equal to 5 degrees) and 1.7 (the mask angle equal to 30 degrees), i.e. 1.83 and 1.7 times, respectively. However, at the final approach, when $H_{PL} > H_{Ai}$, the gain from the use of a mobile PL decreases.

It should also be noted that in the investigated range of heights (from 50 to 300 m) almost the same PDOP value is provided regardless of the UAV flight altitude with the PL installed on it when the condition $H_{PL} < H_{Ai}$ is met.

Conclusion

The conducted research shows that the use of a mobile PL located on board a UAV moving along an optimal trajectory makes it possible to increase the accuracy of the integrated NTF by 5-7% in comparison with other ways of using PL.

It is recommended that:

- the Hooke – Jeeves method which has acceptable computation effort be used as tooling for constructing a UAV optimal trajectory;
- the PDOP minimum be used as an optimization criterion;
- an UAV flight be performed at altitudes as low as possible;

– UAV hovering be used for providing high accuracy of the integrated navigation-and-time field at the final approach (when Haircraft<Hpl).

It should also be noted that the use of a mobile PL will significantly mitigate such a PL use disadvantage, as the «far-near» effect [Скрыпник, Ерохин, 2012], since the change of the distance between the PL and the aircraft will be much less than when a stationary PL is used.

Библиографический список

- Бабуров, В. И.* Использование навигационных полей точности спутниковых радионавигационных систем и сетей / В. И. Бабуров, Н. В. Васильева, Н. В. Иванцевич, З. А. Панов. СПб.: Издательство «Агентство РДК-Принт», 2005. 264 с.
- Бабуров, В. И.* Исследование точности навигационных определений летательных аппаратов по системе ГЛОНАСС и псевдоспутникам в арктическом регионе России / В. И. Бабуров, Н. В. Васильева, Н. В. Иванцевич // Региональная информатика и информационная безопасность. СПб.: Издательство «Санкт-Петербургское Общество информатики, вычислительной техники, систем связи и управления», 2016. № 2. С. 340-344.
- Балов, А. В.* Псевдоспутники в локальных системах расширения функциональных возможностей СРНС/ А. В. Балов, А. Г. Геворкян // Аналитический обзор. СПб.: РИРВ, 2002. № 27. 26 с.
- Борсоев, В. А.* Использование псевдоспутников группировки ГЛОНАСС/GPS в системах посадки воздушных судов / В. А. Борсоев, Р. Г. Галеев, А. В. Гребенников, А. С. Кондратьев // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2011. № 164. С. 17-24.
- Веремей, Е. И.* Алгоритмы оптимизации маршрутов движения с учетом погодных условий / Е. И. Веремей, М. В. Сотникова// International Journal of Open Information Technologies. 2016. Т. 4. №. 3. С. 55-61
- Нигруца, И. В.* Система посадки по сигналам псевдоспутников / И. В. Нигруца, А. В. Гребенников, М. Ю. Казанцев // Вестник СибГАУ им. академика МФ Решетнева. 2012. №. 1. С. 96-99.
- Руководство по навигации, основанной на характеристиках (PBN). Doc. 9613. AN/937. 4-е изд. Международная организация гражданской авиации. 2013. 444 с.
- Скрыпник, О. Н.* Совершенствование аэронавигационного обеспечения этапа посадки путем оптимизации размещения псевдоспутников ГЛОНАСС / О. Н. Скрыпник, Р. О. Арефьев, Н. Г. Арефьева // Труды МАИ. 2017. № 92. С. 28.
- Скрыпник, О. Н.* Исследование параметров рабочего созвездия ГЛОНАСС на основе моделирования орбитальной группировки / О. Н. Скрыпник, В. В. Ерохин // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2012. №. 180. С. 70-77.
- Скрыпник, О. Н.* Радионавигационные системы аэропортов и воздушных трасс: учебник. М.: Инфра-М, 2020. 325 с.
- Adler A., Bar-Gill A., Shimkin N.* Optimal flight paths for engine-out emergency landing //2012 24th Chinese Control and Decision Conference (CCDC). IEEE, 2012, Pp. 2908-2915.
- Global Navigation Satellite System (GNSS) Manual. Doc. 9849. AN/457. 2-nd edition. ICAO. 2013. P. 90.
- Gardi A., Marino, M., Ramasamy, S., Sabatini, R., Kistan, T.* 4-Dimensional trajectory optimisation algorithm for air traffic management systems //2016 IEEE/AIAA 35th Digital Avionics Systems Conference (DASC). IEEE, 2016. Pp. 1-7.

Michael Jones. Army pseudolites: What, why and how? GPS World. August 9, 2017. [Electronic resource]. URL: [https:// www.gpsworld.com/army-pseudolites-what-why-and-how](https://www.gpsworld.com/army-pseudolites-what-why-and-how) (date of access: 11.09.2021).

Khaldi S. Aircraft flight path optimization. The hamilton-jacobi-bellman considerations //Applied Mathematical Sciences. 2012. T. 6. №25. Pp. 1221-1249.

References

Adler A., Bar-Gill A., Shimkin N. (2021). Optimal flight paths for engine-out emergency landing //2012 24th Chinese Control and Decision Conference (CCDC). IEEE, Pp. 2908-2915.

Baburov V. I., Vasilyeva N. V., Ivantsevich N. V. (2016). Investigation of accuracy of navigational sightings of aircraft using GLONASS system and pseudolites in the Russian Arctic. *Regional computer science and IT security*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo «Sankt-Peterburgskoe Obshchestvo informatiki, vychislitel'noj tekhniki, sistem svyazi i upravleniya», № 2: 340-344. (In Russian).

Baburov V. I., Vasilyeva N. V., Ivantsevich N. V., Panov Z. A. (2005). Use of navigational accuracy fields of satellite radio-navigation systems and networks. Saint-Peterburg: Izdatel'stvo «Agentstvo RDK-Print», 264 p. (In Russian).

Balov A.V., Gevorkyan A. G. (2002). Pseudolites in local SRNS augmentation systems. Analytical review. Saint Petersburg.: RIRT, № 27. 26 p. (In Russian).

Borsoev V. A., Galeev R. G., Grebennikov A.V., Kondratyev A. S. (2011). Usage of GLONASS/GPS pseudosatellites in aircraft landing systems. *Nauchnyj vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta grazhdanskoj aviacii*. Moscow: MSTU CA, №164: 17-24. (In Russian).

Gardi A., Marino M., Ramasamy S., Sabatini, R., Kistan, T. (2016). 4-Dimensional trajectory optimisation algorithm for air traffic management systems // 2016 IEEE/AIAA 35th Digital Avionics Systems Conference (DASC). IEEE, Pp. 1-7.

Global Navigation Satellite System (GNSS) Manual. Doc. 9849. AN/457. 2-nd edition. ICAO. 2013. P. 90.

Khaldi S. (2012). Aircraft flight path optimization. The hamilton-jacobi-bellman considerations. *Applied Mathematical Sciences*. T. 6. №. 25: 1221-1249.

Michael Jones. (2017). Army pseudolites: What, why and how? GPS World. August 9, 2017. [Electronic resource]. URL: [https:// www.gpsworld.com/army-pseudolites-what-why-and-how](https://www.gpsworld.com/army-pseudolites-what-why-and-how) (date of access: 11.09.2021).

Nigruca I. V., Grebennikov A. V., Kazantsev M. Yu. (2012). Aircraft landing system bases on pseudo satellites signals. *Vestnik SibGAU im. akademika M.F. Reshetneva*. Krasnoyarsk: SibGAU imeni akademika M.F. Reshetneva, №1: 96-99. (In Russian).

Performance-based Navigation (PBN) Manual. Doc. 9613. AN/937. 4-th edition. International Civil Aviation Organization, 2013. 444 p. (In Russian).

Skrypnik O. N., Arefev R. O., Arefeva N. G. (2017). Improvement of air navigation support of the landing phase by optimizing the allocation of pseudolites GLONASS. *Trudy MAI*, №92, 28 p. (In Russian).

Skrypnik O. N., Erokhin V. V. (2012). Research of parameters of working constellation GLONASS on the basis of modeling of orbital grouping. *Nauchnyj vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta grazhdanskoj aviacii*. Moscow: MSTU CA. №180: 70-77. (In Russian).

Skrypnik O. N. (2020) Radio navigation systems of airports and air routes: textbook. Moscow infra Publ. 325 p. (In Russian).

Veremei E. I., Sotnikova M. V. (2016). Optimal routing based on weather forecast. *International Journal Of Open Information Technologies*. T. 4. №. 3: 55-61. (In Russian).

УДК 656.13

DOI 10.51955/2312-1327_2021_3_27

К ВОПРОСУ АВТОМАТИЗИРОВАННОГО ДИСПЕТЧЕРСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ПАССАЖИРСКИМИ АВТОМОБИЛЬНЫМИ ПЕРЕВОЗКАМИ

Николай Александрович Пономарев^{1,2}

orcid.org/0000-0002-9617-056X,

аспирант 1 курса¹

старший диспетчер службы движения²

¹Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет,

пр. Мира, 5

Омск, 644080, Россия

²МП г. Омска «Электрический транспорт»

Омск, Россия

pn151@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые теоретические положения, нормативно-правовые акты, касающиеся аспектов функционирования автоматизированной системы управления. Представлено описание некоторых аспектов эксплуатации действующей автоматизированной системы диспетчерского управления в городе Омске и Омской области. Дана характеристика обслуживаемой маршрутной сети в муниципальном и межмуниципальном сообщении. Описаны основные стороны и их взаимоотношения, участвующие в работе автоматизированной системы диспетчерского управления. Представлены некоторые аспекты, возникающие в условиях реализации государственных и муниципальных контрактов на осуществление регулярных перевозок пассажиров и багажа по маршрутам регулярных перевозок в городе Омске и Омской области в соответствии с 44-ФЗ. Представлены аспекты, отражающие практический опыт эксплуатации в соответствии с составом автоматизированной системы диспетчерского управления. Описаны некоторые аспекты, возникающие при эксплуатации бортовых навигационно-связных терминалов, программного обеспечения, диспетчерском сопровождении регулярных перевозок, функционировании связи и системы передачи информации, информировании пассажиров о процессе осуществления регулярных перевозок. Рассмотрены аспекты функционирования автоматизированной системы оплаты проезда, нормативно-правовые акты, регулирующие вопросы оплаты проезда на территории города Омска. Рассмотрено оборудование, обеспечивающее функционирование указанных систем.

Ключевые слова: автоматизированное, диспетчерское, управление, пассажирские, автомобильные, перевозки.

ON THE ISSUE OF AUTOMATED DISPATCHING CONTROL OF PASSENGER ROAD TRANSPORT

Nikolai A. Ponomarev^{1,2}

orcid.org/0000-0002-9617-056X,

1st year postgraduate student of the department «OPUT»¹

Senior Dispatcher of Traffic Service²

¹The Siberian State Automobile and Highway University,

Mira, 5

Omsk, 644080, Russia,

²Place of work: ME of Omsk "Electric Transport"

Omsk, Russia

pn151@yandex.ru

Abstract. The article deals with some theoretical foundations, regulatory legal acts concerning aspects of functioning of an automated control system. The article describes some aspects of operation of the current automated dispatch control system in the city of Omsk and the Omsk region. The characteristics of the served route network in municipal and inter-municipal communication are given. The main parties and their relationships involved in the operation of the automated dispatching control system are described. The article presents some aspects that arise in the context of implementation of state and municipal contracts for regular passenger and baggage transportation on regular transportation routes in the city of Omsk and the Omsk region in accordance with Federal Law No. 44-FZ. The aspects reflecting the practical experience of operation in accordance with the composition of the automated dispatching control system are presented. The article also describes some aspects that arise during the operation of on-board navigation and communication terminals, software, dispatching support for regular traffic, the functioning of communications and information transmission systems, informing passengers about the process of regular traffic. Aspects of functioning of the automated fare payment system, regulatory legal acts regulating the issues of fare payment on the territory of the city of Omsk are considered. The equipment that ensures functioning of these systems is considered.

Keywords: automated, dispatching, management, passenger, automobile, transportation.

Введение

С развитием информационных технологий расширяются возможности применения их в транспортном комплексе страны. Одним из примеров является разработка и внедрение автоматизированных систем диспетчерского управления пассажирскими автомобильными перевозками (АСДУ). Целью статьи является описание некоторых аспектов эксплуатации АСДУ на примере г. Омска и Омской области.

Материалы и методы

Для достижения поставленной цели были рассмотрены нормативно-правовые акты, теоретические положения, различные аспекты практики эксплуатации АСДУ.

Дискуссия

В работе [Tubis, 2019] рассматривался вопрос уязвимости системы пассажирских автомобильных перевозок. Определены группы [Tubis, 2019] потенциальных рисков для работы общественного транспорта: внешние

(случайные); внешние (плановые); оперативные; финансовые; материально-технические. В соответствии с классификацией и рассмотренными аспектами эксплуатации, можно сделать вывод, что на результаты и процесс функционирования АСДУ могут влиять факторы: внешние, как предусмотренные, так и нет, оперативные, материально-технического характера.

Необходимость обеспечения бесперебойного функционирования бортовых навигационно-связных терминалов (БНСТ) ставит вопрос о необходимости оперативного ремонта или замены вышедшего из строя устройства, что приводит к необходимости наличия запасных устройств. Вопросы формирования запасов на предприятии рассматривались в [Tubis, 2013].

В работе [Kuftinova, 2015] выполнен общий анализ технических характеристик систем мониторинга и диспетчерского управления пассажирским транспортом. Согласно [Kuftinova, 2015, с. 73], «для осуществления оперативного управления подвижными средствами не менее важна функция двусторонней связи между диспетчерским центром и подвижным средством». АСДУ предусматривает возможность двусторонней связи с водителем, прием и отправку текстовых сообщений. При рассмотрении систем мониторинга пассажирского транспорта отмечается, что «так же следует учитывать географическое месторасположение производителей подобных систем – как правило, это Европейская часть России. В случае сбоя или при желании внесения изменений в систему, это зачастую становится непреодолимым препятствием между заказчиком и разработчиком» [Kuftinova, 2015, с. 73].

Вопросы информационного обеспечения процесса перевозок рассматривались в работе [Ляхно, 2016]. В работе [Yu, 2012] рассматривалась диспетчеризация транспортных средств на пересадочных станциях. Некоторые аспекты поведения пассажиров на пересадочных узлах рассматривались в работе [Bohari, 2014]. Вопросы составления расписаний движения рассматривались в работе [Jansen, 2002].

В работе [Wang, 2019] изучалось влияние изменения пассажиропотока на общественный транспорт. В работе [Horn, 2002] рассмотрены планирование и диспетчеризация с учетом спроса на перевозки. В работе [Ye, 2019] рассматривалось прогнозирование пассажиропотока с использованием информации об оплате проезда.

Понятие «автоматизированная система диспетчерского управления» можно раскрыть на основе ГОСТ 34.003-90 [ГОСТ 34.003-90, 2009] и ГОСТ 32422-2013 [ГОСТ 32422-2013, 2013]. «Автоматизированная система – система, состоящая из персонала и комплекса средств автоматизации его деятельности, реализующая информационную технологию выполнения установленных функций» [ГОСТ 34.003-90, 2009, с. 3]. «Управление – совокупность целенаправленных действий, включающая оценку ситуации и состояния объекта управления, выбор управляющих воздействий и их реализацию» [ГОСТ 34.003-90, 2009, с. 36]. «Система диспетчерского

управления транспортом: Информационно-телекоммуникационная система, предназначенная для информационно-навигационного обеспечения процессов управления и эксплуатации транспортных средств, а также для обеспечения безопасности их применения» [ГОСТ 32422-2013, 2013, с. 3].

«Автоматизированная навигационная система для автомобильного и городского электрического транспорта: Автоматизированная информационно-телекоммуникационная система, предназначенная для обеспечения надежного централизованного диспетчерского управления автомобильным и городским электрическим транспортом на основе использования глобальной навигационной спутниковой системы и формирования объективной информации о его функционировании» [ГОСТ 32422-2013, 2013, с. 3].

Термины и определения основных понятий в области автоматизированных систем установлены в [ГОСТ 34.003-90, 2009]. Требования к архитектуре и функциям АСДУ с применением глобальной навигационной спутниковой системы установлены в [ГОСТ 32422-2013, 2013]. Требования к составу, содержанию, порядку и периодичности формирования отчетных форм приведены в [ГОСТ Р 54020-2010]. Общие требования к назначению, составу и характеристикам решаемых задач подсистемы информирования пассажиров установлены в [ГОСТ Р 54026-2010, 2010]. Требования к назначению, составу и характеристикам бортового навигационно-связного оборудования, устанавливаемого на транспортные средства представлены в [ГОСТ Р 54024-2010, 2010].

К разработчикам в области навигационных систем относится и ООО «ВСПЦ» [ВСПЦ, б.г.], которое разработало комплексную автоматизированную систему диспетчерского управления для городских и междугородных перевозок. Компанией «Gurtman» предлагается платформа для GPS/ГЛОНАСС мониторинга «Wialon» [Wialon, б.г.]. АСДУ «IBA AVM» разработана компанией «IBAGroup» и используется в республике Беларусь [IBA AVM, б.г.]. МКУ «Тюменьгортранс» разрабатывает АСДУ, функционирующую на территории города Тюмени [Тюменьгортранс, б.г.]. Компания «Русские навигационные технологии» является разработчиком системы спутникового мониторинга транспорта «Автотрекер» [Автотрекер, б.г.].

Рассмотренные теоретические положения и нормативно-правовые акты отражают некоторые общие аспекты функционирования АСДУ. Далее рассмотрим аспекты, касающиеся непосредственно работы АСДУ на территории Омска и Омской области.

Результаты

Некоторые аспекты пассажирских перевозок в городе Омске рассматривались в работах [Гаврилин, 2017] и [Каспер, 2016]. По состоянию на 31.03.2021 на территории города Омска зарегистрировано 113 постоянных, 8 сезонных, 13 временных муниципальных маршрутов регулярных перевозок [О реестре..., 2016] («маршрут регулярных перевозок,

предназначенный для осуществления перевозок пассажиров и багажа по расписаниям пути следования транспортных средств от начального остановочного пункта через промежуточные остановочные пункты до конечного остановочного пункта, которые определены в установленном порядке» [Устав..., 2007]), предназначенных для осуществления перевозок пассажиров автобусами; восемь троллейбусных и шесть трамвайных муниципальных маршрутов регулярных перевозок. Из них на восьмидесяти одном маршруте регулярные перевозки осуществляются по регулируемому тарифу. К АСДУ подключены все маршруты, работающие по регулируемому тарифу, часть маршрутов с нерегулируемым тарифом; «регулярные перевозки по регулируемым тарифам – регулярные перевозки, осуществляемые с применением тарифов, установленных органами государственной власти субъектов Российской Федерации или органами местного самоуправления, и предоставлением всех льгот на проезд, утвержденных в установленном порядке» [Об организации..., 2015]. АСДУ функционирует на некоторых межмуниципальных маршрутах регулярных перевозок. Основную долю составляют маршруты, функционирующие в пригородном сообщении («межмуниципальный маршрут регулярных перевозок – маршрут регулярных перевозок в границах не менее двух муниципальных районов одного субъекта Российской Федерации, не менее двух городских округов одного субъекта Российской Федерации или не менее одного муниципального района и не менее одного городского округа одного субъекта Российской Федерации» [Об организации..., 2015]. Взаимоотношения при функционировании АСДУ на территории города Омска определяются трехсторонним договором между организатором пассажирских перевозок, перевозчиком (заказчик) и оператором АСДУ (исполнитель). Организатором перевозок на территории города Омска является Департамент транспорта Администрации города Омска [О департаменте..., 2011]. В роли заказчиков услуг выступают пассажирские предприятия различных форм собственности. В городских перевозках наиболее крупные – муниципальное предприятие (МП) г. Омска «Пассажирское предприятие №8» и МП г. Омска «Электрический транспорт», оператор АСДУ – МП г. Омска «Пассажирсервис» [О реестре..., 2016]

На территории Омской области организатором перевозок является Министерство строительства, транспорта и дорожного хозяйства Омской области [Об организации..., 2004].

Учет количества и качества выполняемых работ на маршрутах регулярных перевозок осуществляется на основе методики, утвержденной приказом № 109 [Об утверждении ..., 2018] Департамента транспорта Администрации города Омска, которая разработана для перевозок в городском сообщении. Методика [Об утверждении..., 2018] претерпела изменения, учитывающие опыт работы системы городского пассажирского транспорта по муниципальным контрактам (в соответствии с 44-ФЗ [О контрактной..., 2013] на осуществление регулярных перевозок по

регулируемому тарифу. Актуальная редакция методики [Об утверждении..., 2018] утверждена приказом № 68 [О внесении..., 2020]. С увеличением количества заключенных муниципальных контрактов повышается роль учета показателей, предусмотренных [О внесении..., 2020]. Это приводит к необходимости:

- модернизации АСДУ в части повышения качества работы с данными, в том числе, связанными с пробегом [О внесении..., 2020] транспортных средств на маршруте;

- разработки новых и адаптации имеющихся программных модулей АСДУ, обеспечивающих формирование отчетов по выполнению МК, нарушениям МК;

- адаптации порядка работы центральной диспетчерской службы (ЦДС) (декадная система отчетов по заключенным МК, учет диспетчером при работе положений МК и методики [О внесении..., 2020]).

В случае работы на пригородных и междугородных маршрутах возможно применение данной методики [О внесении..., 2020] или ее корректировка, применение других нормативно-правовых актов (НПА), в соответствии с потребностями организатора перевозок и заказчика услуг в рамках действующего законодательства.

Отразим некоторые функции АСДУ:

- 1) обеспечивает связь диспетчера с водителем транспортных средств, запись в архив переговоров, прием и обработку навигационных данных, прием и передачу текстовых сообщений;

- 2) позволяет выполнять подготовку и ведение информационной базы нормативно-справочных данных; ввод или импорт расписаний движения по маршрутам; формирование нарядов на выпуск транспортного средства (ТС) на линию;

- 3) позволяет выполнять графический вывод информации о местоположении и движении ТС в реальном времени и за прошедшие периоды;

- 4) позволяет выполнять контроль выполнения расписаний движения общественного транспорта, осуществление управляющего воздействия на ТС и маршрут, формирование оперативных справок и отчетных форм;

- 5) позволяет формировать отчеты по водителям, маршрутам, предприятиям, навигации ТС и о работе диспетчеров системы за любой период времени;

- 6) позволяет использование карт (географических) различных производителей, вывод и работу с маршрутом на карте;

- 7) обеспечивает доступ к оперативным справкам, аналитическим формам по объемам и качеству перевозок;

- 8) позволяет предоставление плановой, фактической и прогнозной информации по выполняемой транспортной работе;

- 9) позволяет выполнять учет качества операционных данных (УМКОД). Автоматизация функций контроля за выполнением транспортной

работы по данным от АСДУ и от данных автоматизированной оплаты проезда (АСОП).

На ТС основным элементом АСДУ является бортовой навигационно-связной терминал («Бортовое навигационно-связное оборудование: Элемент системы диспетчерского управления, устанавливаемый на контролируемые транспортные средства и состоящий из абонентского телематического терминала и дополнительного бортового оборудования» [ГОСТ Р 54024-2010, 2010]). Он обеспечивает определение и передачу навигационных данных, передачу информации, полученной на основе различных технических средств, установленных в ТС (датчики подсчёта пассажиропотока, расхода топлива, видеокамеры и др.). В городе Омске и Омской области применяются различные модели БНСТ. Наиболее распространёнными являются модели «ГРАНИТ-НАВИГАТОР-2.07», «ГРАНИТ-НАВИГАТОР-4.11», «ОРБИТА. Навигатор.02». К некоторым требованиям к БНСТ относится возможность отображения на экране планового расписания движения, корректировок диспетчера, времени до и впереди идущих ТС на маршруте. Некоторыми актуальными вопросами являются надёжность работы БНСТ; возможность подключения видеокамер и др. Передача информации от БНСТ осуществляется с использованием сотовой телефонной связи. БНСТ должно обеспечивать возможность накопления навигационных данных в период отсутствия связи. Однако данная возможность не является исчерпывающим решением при работе в условиях сбоев в системе связи, поскольку задержка в получении навигационных данных может быть значительной и приводит к росту нагрузки на диспетчерский состав.

Информация о местоположении ТС используется, в том числе, для выявления, проверки фактов нарушения условий МК, анализа скорости движения ТС на участках маршрутной сети, подачи ТС для обслуживания культурно-массовых мероприятий, при чрезвычайных ситуациях, при работе с поступившими жалобами пассажиров и др. На рисунке 1 представлен пример программного обеспечения «Диспетчер. Карта».

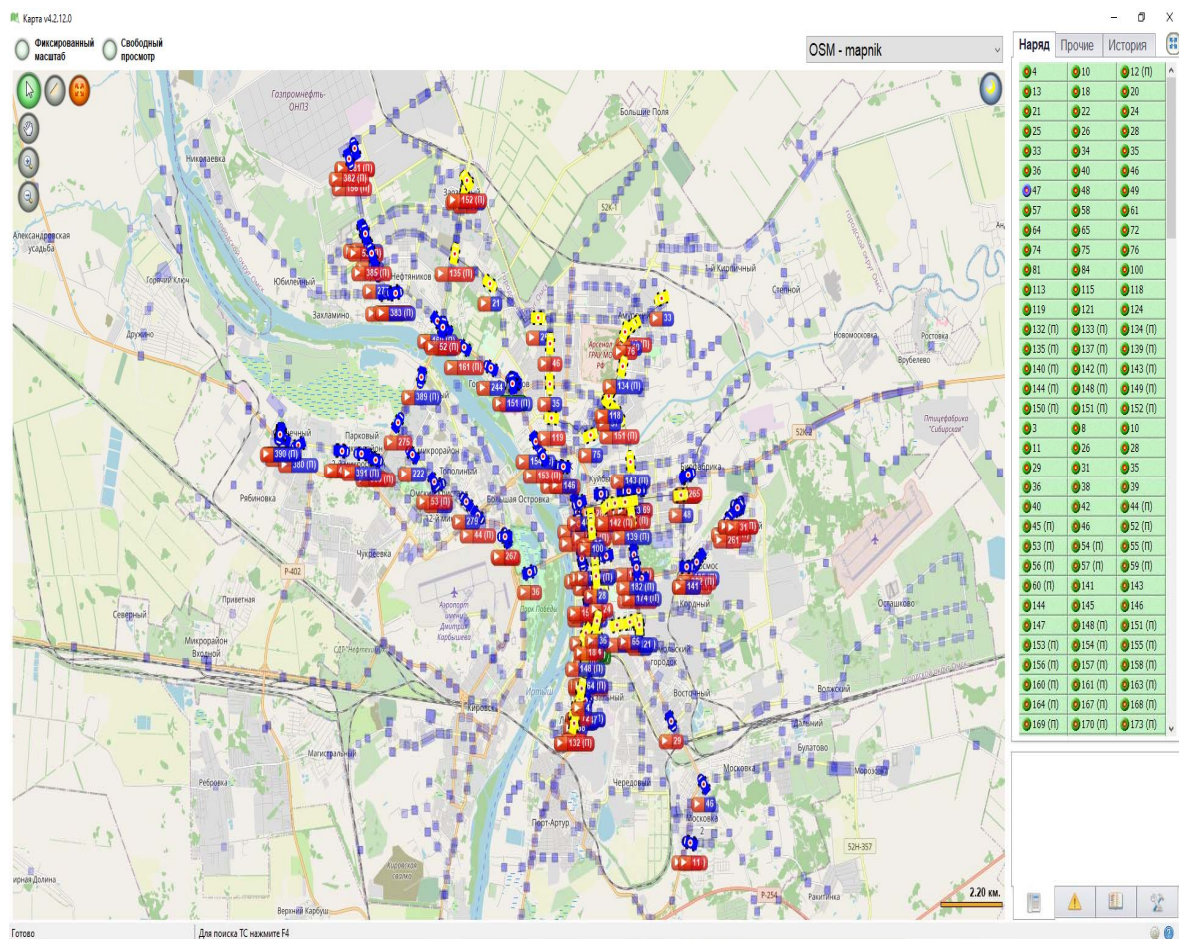

Рисунок 1 – Пример программного обеспечения «Диспетчер. Карта»

Разработка расписаний движения осуществляется с помощью автоматизированной системы формирования и ведения расписаний движения маршрутизированного транспорта (РМТ). Система «РМТ» предназначена для разработки расписаний движения пассажирского транспорта, их хранения и коллективного использования. Электронный реестр маршрутов (ЭРМ) предназначен для разработки и формирования электронных паспортов маршрутов. На рисунке 2 представлен пример программного обеспечения «РМТ».

Для диспетчерского сопровождения при осуществлении регулярных перевозок пассажиров и багажа, ведения учета и составления отчетности создана центральная диспетчерская служба, которая взаимодействует с диспетчерскими службами пассажирских предприятий (ДС). Центральная диспетчерская функционирует круглосуточно, выполняет функции диспетчерского сопровождения на маршрутах, подключенных к АСДУ. Диспетчерские службы предприятий функционируют в рамках обслуживаемых предприятием маршрутов, на муниципальных предприятиях работают круглосуточно. ЦДС формирует сводные отчетные формы по регулярности движения, выручке предприятий, выпуску ТС на линию, выполнению плановых рейсов, машино-часов работы на маршруте ежедневно, с накоплением за неделю, месяц.

взаимодействии с компанией-разработчиком, находящейся в европейской части РФ.

Передача информации в АСДУ осуществляется с использованием сети «Интернет», сотовой и стационарной телефонной связи. Проблемами в данной сфере являются временное прекращение доступа к сети «Интернет», сотовой телефонной связи по вине сторонних организаций, что приводит к нарушению порядка функционирования АСДУ. Это приводит к необходимости поддержания запасных каналов телефонной связи; запасных каналов выхода в сеть «Интернет».

Важным аспектом при функционировании АСДУ является учет различных факторов, влияющих на работу пассажирского транспорта, в разрезе по вине/не по вине предприятия. Например, дорожная ситуация (дорожно-транспортные происшествия, временное перекрытие дорог и изменения схемы движения транспорта, заторы на уличной дорожной сети, приводящие к отклонению от планового расписания движения не по вине предприятия), климатические условия (снег, дождь, гололед и другие явления, препятствующие нормальному функционированию транспорта).

При работе с маршрутом на карте, ведении паспортов маршрутов актуальным является обеспечение своевременного получения информации об изменениях в дорожной сети (например, о переносе местоположения остановочных пунктов при ремонте дорог), учет параметров маршрута при определении контрольных пунктов, зон координат для зачета прохождения через остановочный или контрольный пункт, соответствия информации картографического сервиса и реальной действительности. Необходимо, чтобы БНСТ обеспечивал передачу навигационных данных в соответствии с техническими требованиями для точного отображения местоположения ТС на карте.

Функция по информированию пассажиров выполняется с помощью автоматизированной системы информирования пассажиров (АСИП). АСИП обеспечивает предоставление пассажирам текущей информации о работе пассажирского транспорта в режиме реального времени – в сети Интернет, на мобильных устройствах, на электронных остановочных табло. Включает модули:

- Интернет сайт <http://bus-55.ru/>. Пример представлен на рисунке 3;
- Мобильное приложение «Hubb: городской транспорт»;
- ИТОП – Информационные табло остановочных пунктов;
- АСС – Автоматическая справочная служба.

Поскольку в процессе развития модули меняются, необходимо своевременно доводить до пассажиров сведения об актуальных источниках информации о работе пассажирского транспорта. Предприятиями городского пассажирского транспорта (ГПТ) также ведется работа по размещению мониторов отображения информации в подвижном составе с использованием информационных систем, не входящих в АСДУ. Например, на троллейбусных маршрутах, с началом работы троллейбусов модели ПКТС-6281 «Адмирал», оборудованных мультитонными экранами системы

«AdBus» [AdBus, б.г.] в салоне ТС, имеется возможность трансляции видеороликов информационного и рекламного характера.

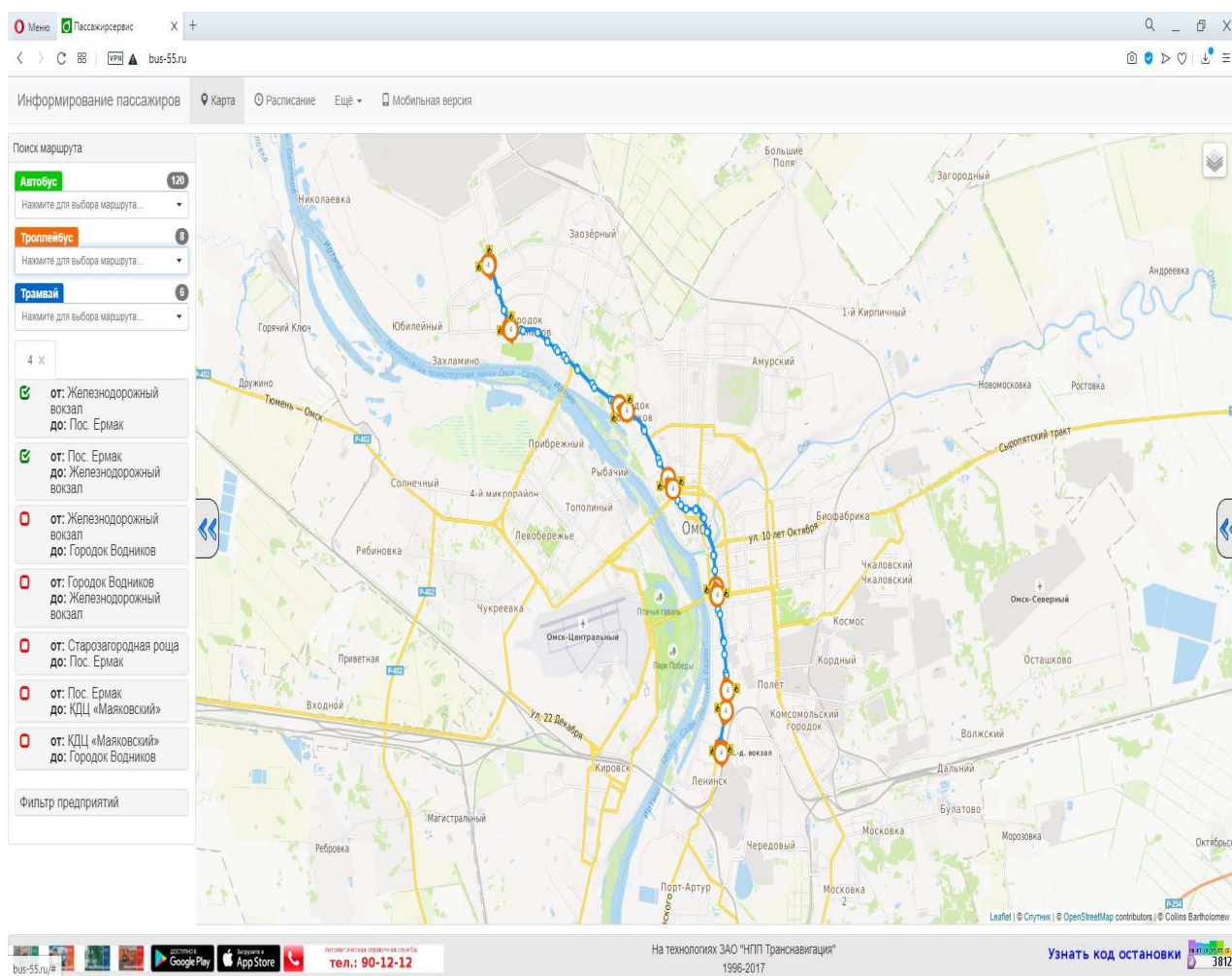

Рисунок 3 – Интернет-сайт для информирования пассажиров

АСДУ взаимосвязана с автоматизированной системой оплаты проезда (АСОП). АСОП – это информационно-технологический комплекс, обслуживающий электронные проездные билеты и электронные транспортные карты, выпущенные Министерством труда и социального развития Омской области [О мерах..., 2009]. АСОП позволяет оплачивать проезд за наличный расчет и с использованием электронных средств платежа (транспортные карты, банковские карты, мобильные приложения). Некоторые нормативно-правовые акты регулируют вопросы оплаты проезда на территории города Омска [О внесении..., 2021], [О мерах..., 2012], [Об установлении..., 2015], [О внесении..., 2014]. Также предусмотрена возможность реализации автоматизированной системы мониторинга пассажиропотоков на городском пассажирском транспорте (АСМ-ПП). В основе АСМ-ПП лежат технологии автоматического сбора информации о пассажиропотоках на маршрутной сети города/пригорода и оперативное получение характеристик пассажиропотока в формате данных табличного обследования. Актуальным является обеспечение функционирования АСДУ

и АСОП при работе на пригородных маршрутах. Например, возможность безналичной оплаты проезда с учетом тарифной системы в черте и за чертой города. Также АСОП может использоваться для изучения пассажиропотока на маршрутах.

Для обеспечения функционирования указанных систем используется серверное оборудование, автоматизированные рабочие места диспетчеров и операторов системы, состоящие из персональных компьютеров, средств связи с водителями, диспетчерами парков и другими лицами, задействованными в функционировании системы.

Заключение

В ходе выполнения работы было представлено описание некоторых аспектов, возникающих при работе АСДУ: эксплуатации бортовых навигационно-связных терминалов, программного обеспечения, диспетчерском сопровождении регулярных перевозок, функционировании связи и системы передачи информации, информировании пассажиров о процессе осуществления регулярных перевозок, функционировании автоматизированной системы оплаты проезда. Текущее состояние в г. Омске и Омской области характеризуется неполным охватом АСДУ маршрутной сети, необходимостью адаптации АСДУ, вызванной влиянием процесса перехода общественного транспорта на работу по муниципальным и государственным контрактам, актуальностью вопроса надежности работы подсистем АСДУ, наличием актуальных задач в сфере диспетчерского сопровождения регулярных перевозок, развитием состояния систем информирования пассажиров и автоматизированной системы оплаты проезда. Полученные результаты могут учитываться при решении задач по организации диспетчерского управления, реализации положений законодательства, в том числе 220-ФЗ [Об организации..., 2015], обеспечения выполнения условий государственных и муниципальных контрактов, заключенных в рамках 44-ФЗ [О контрактной..., 2013], в части осуществления контроля выполняемых работ.

Библиографический список

- Автотрекер, Официальный сайт компании «Автотрекер» // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.autotracker.ru> (дата обращения: 25.05.2021).
- ВСПЦ, Официальный сайт ООО «ВСПЦ» // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vspcenter.ru/company/> (дата обращения: 25.05.2021).
- Гаврилин, Д. В. Современное состояние пассажирских перевозок в г. Омске, развитие теории и практики автомобильных перевозок, транспортной логистики: сборник научных трудов кафедры «Организация перевозок и управление на транспорте» (с международным участием). Министерство образования и науки Российской Федерации, Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет (СибАДИ). Омск, 2017, С. 335-343

ГОСТ 32422-2013 Глобальная навигационная спутниковая система. Системы диспетчерского управления городским пассажирским транспортом. Требования к архитектуре и функциям. М.: Стандартинформ, 2018. 7 с.

ГОСТ 34.003-90 Информационная технология. Комплекс стандартов на автоматизированные системы. Автоматизированные системы. Термины и определения. М.: Стандартинформ, 2009. 48 с.

ГОСТ Р 54020-2010 Глобальная навигационная спутниковая система. Системы диспетчерского управления городским наземным пассажирским транспортом. Состав, содержание, порядок и периодичности формирования отчетных форм. М.: Стандартинформ, 2018. 24 с.

ГОСТ Р 54024-2010 Глобальная навигационная спутниковая система. Системы диспетчерского управления городским наземным пассажирским транспортом. Назначение, состав и характеристики бортового навигационно-связного оборудования (с Изменением N 1). М.: АО «Кодекс», 2020. 20 с.

ГОСТ Р 54026-2010 Глобальная навигационная спутниковая система. Системы диспетчерского управления городским наземным пассажирским транспортом. Назначение, состав и характеристики решаемых задач подсистемы информирования пассажиров. М.: Стандартинформ, 2018. 9 с.

Каспер, М.Е. Формирование маршрутной сети города Омска в условиях реализации федерального закона № 220-ФЗ. / М. Е. Каспер, С. В. Сорокин // Актуальные проблемы науки и техники глазами молодых ученых: материалы Международной научно-практической конференции, Омск. 2016, С. 515-520.

Ляхно, В.А Информационно-коммуникационные технологии и математическое моделирование [Інформаційно-комунікаційні технології та математичне моделювання] / В. А. Ляхно, В. М. Собченко // Вестник Днепропетровского национального университета железнодорожного транспорта. 2016. № 2 (62). С. 61-69, doi: 10.15802/stp2016/67292.

Об организации деятельности Министерства строительства, транспорта и дорожного хозяйства Омской области: указ губернатора Омской области от 30 марта 2004 г. № 72 // [Электронный ресурс] URL: <https://docs.cntd.ru/document/943012755> (дата обращения: 25.02.2021).

Об организации регулярных перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон №220-ФЗ: [принят Государственной думой 30 июня 2015 года : одобрен Советом Федерации 8 июля 2015 года]. // [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182659/ (дата обращения: 25.02.2021).

Об установлении предельных тарифов на электронные проездные билеты длительного пользования на проезд в муниципальном пассажирском транспорте: постановление Администрации города Омска от 24 апреля 2015 г. № 596-П // [Электронный ресурс] URL: <https://docs.cntd.ru/document/430672660> (дата обращения: 25.02.2021).

Об утверждении Методики учета количества и качества осуществления регулярных перевозок по регулируемым тарифам пассажиров и багажа по муниципальным маршрутам регулярных перевозок, на основании данных спутниковой навигации: приказ директора департамента транспорта Администрации города Омска от 12.11.2018 г. № 109 // [Электронный ресурс] URL: https://admomsk.ru/c/document_library/get_file?p_l_id=596831&folderId=781830&name=DLF-E-61968.pdf (дата обращения: 25.02.2021).

О внесении изменений в отдельные решения Омского городского совета в сфере организации транспортного обслуживания: решение Омского городского совета от 19 марта 2014 г. № 219 // [Электронный ресурс] URL: <https://docs.cntd.ru/document/432526675> (дата обращения: 25.02.2021).

О внесении изменений в приказ директора департамента транспорта Администрации города Омска от 12 ноября 2018 года № 109 «Об утверждении Методики учета количества и качества осуществления регулярных перевозок по регулируемым тарифам пассажиров и багажа по муниципальным маршрутам регулярных перевозок, на основании данных спутниковой навигации» : приказ директора департамента транспорта Администрации города Омска от 21 октября 2020 г. № 68 // [Электронный ресурс] URL: https://admomsk.ru/c/document_library/get_file?p_l_id=596831&folderId=596840&name=DLF-E-73270.pdf (дата обращения: 25.02.2021).

О внесении изменений в приказ директора департамента транспорта Администрации города Омска от 24 апреля 2015 года № 34 «Об утверждении Положения об использовании и пополнении проездного билета длительного пользования на проезд в муниципальном пассажирском транспорте» : приказ директора департамента транспорта Администрации города Омска от 10 марта 2021 года № 14 // [Электронный ресурс] URL: https://admomsk.ru/c/document_library/get_file?p_l_id=596831&folderId=596840&name=DLF-E-76202.zip (дата обращения: 25.02.2021).

О департаменте транспорта Администрации города Омска: решение Омского городского совета от 28 сентября 2011 г. № 442 // [Электронный ресурс] URL: <https://docs.cntd.ru/document/446572753> (дата обращения: 25.02.2021).

О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон №44-ФЗ: [принят Государственной думой 22 марта 2013 года: одобрен Советом Федерации 27 марта 2013 года]. // [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (дата обращения: 25.02.2021).

О мерах социальной поддержки граждан при оплате проезда в пассажирском транспорте общего пользования на территории города Омска: Решение Омского городского совета от 26 декабря 2012 г. № 99 // [Электронный ресурс] URL: <https://docs.cntd.ru/document/432529586> (дата обращения: 25.02.2021).

О мерах социальной поддержки по проезду отдельных категорий граждан в Омской области: постановление правительства Омской области от 25 ноября 2009 г. №224-П // [Электронный ресурс] URL: <https://docs.cntd.ru/document/943034045> (дата обращения: 25.02.2021).

О реестре муниципальных маршрутов регулярных перевозок в границах города Омска: приказ директора департамента транспорта Администрации города Омска от 23 марта 2016 г. № 21 // [Электронный ресурс] URL: https://admomsk.ru/c/document_library/get_file?p_l_id=596831&folderId=596840&name=DLF-E-46662.pdf (дата обращения: 25.02.2021).

Тюменьгортранс, Официальный сайт компании МКУ «Тюменьгортранс» // [Электронный ресурс]. 2021 URL: <https://tgt72.ru/o-nas/kontakty/> (дата обращения: 25.05.2021).

Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта: Федеральный закон №259-ФЗ: [принят Государственной думой 18 октября 2007 года : одобрен Советом Федерации 26 октября 2007 года]. // [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72388/ (дата обращения: 31.05.2021).

AdBus, Официальный сайт компании «AdBus» // [Электронный ресурс]. 2021 URL: <http://adbus.ru/> (дата обращения: 25.05.2021).

Bohari Z. A. Improving the Quality of Public Transportation System: Application of simulation model for passenger movement / Z. A. Bohari, S. Bachok, M. M. Osman // *Social and Behavioral Sciences*. 2014. № 153, Pp. 542-552.

IBA AVM, Официальный сайт компании «IBA Group» // [Электронный ресурс]. 2021 URL: <https://iba.by/solutions-and-products/asdu-iba-avm/transport-by/> (дата обращения: 25.05.2021).

- Jansen L. N.* Minimizing Passenger Transfer Times in Public Transport Timetables / L. N. Jansen, M. B. Pedersen, O. A. Nielsen // In 7th Conference of the Hong Kong Society for Transportation Studies: Transportation in the information age, 2002, Pp. 229-239.
- Kuftinova, N. G.* General analysis of technical characteristics of monitoring and dispatching control systems of passenger transport, Automation and Control in Technical Systems (ACTS). 2015. No 3, Pp. 70-75. doi: 10.12731/2306-1561-2015-3-6
- Tubis A.* Issues on vulnerability of passenger transportation system / A. Tubis, S. Werbińska-Wojciechowska // Journal of KONBiN. 2019. 1(37). Pp. 183-202. doi: 10.1515/jok-2016-0009
- Tubis, A.* Inventory management of operational materials in road passenger transportation company-case study / A. Tubis, S. Werbińska-Wojciechowska // CLC 2013: CARPATHIAN LOGISTICS CONGRESS - CONGRESS PROCEEDINGS At: Cracow, POLAND, Volume: DEC 09-11, 2013. Pp. 64-70
- Wialon, Официальный сайт компании «Gurtam» // [Электронный ресурс]. 2021 URL: https://gurtam.com/ru/wialon?utm_source=Yandex&utm_medium=cpc&utm_campaign=integrators_rukz1019&yclid=2974939308330343604 (дата обращения: 25.05.2021).
- Wang H.* Early warning of burst passenger flow in public transportation system / H. Wang [и др.] // Transportation Research Part C: Emerging Technologies. 2019. Volume 105. Pp. 580-598
- Horn M.* Fleet scheduling and dispatching for demand-responsive passenger services, Transportation Research Part C: Emerging Technologies. 2002. Volume 10, Issue 1. Pp. 35-63, doi: 10.1016/S0968-090X(01)00003-1
- Ye Y.* Passenger Flow Prediction in Bus Transportation System using ARIMA Models with Big Data / Y. Ye, L. Chen, F. Xue // International Conference on Cyber-Enabled Distributed Computing and Knowledge Discovery (CyberC), 2019, pp. 484, doi: 10.1109/CyberC.2019.00081
- Yu B.* Dynamic Vehicle Dispatching at a Transfer Station in Public Transportation System / Yu B. [и др.] // Journal of Transportation Engineering. 2012. Issue 2. Volume 138.

References

- About measures of social support of citizens when paying for travel in public passenger transport in the territory of the city of Omsk: Decision of the Omsk City Council of December 26, 2012 № 99 / / [Electronic resource] URL: <https://docs.cntd.ru/document/432529586> (accessed: 25.02.2021).
- About the Department of Transport of the Omsk City Administration: decision of the Omsk City Council of September 28, 2011 № 442 / / [Electronic resource] URL: <https://docs.cntd.ru/document/446572753> (accessed: 25.02.2021).
- About the organization of the activities of the Ministry of Construction, Transport and Road Management of the Omsk region: Decree of the Governor of the Omsk region № 72 of March 30, 2004 / / [Electronic resource] URL: <https://docs.cntd.ru/document/943012755> (accessed: 25.02.2021).
- About the register of municipal routes of regular transportation within the borders of the city of Omsk: order of the Director of the Department of Transport of the Omsk City Administration dated March 23, 2016 № 21 / / [Electronic resource] URL: https://admomsk.ru/c/document_library/get_file?p_l_id=596831&folderId=596840&name=DLFE-46662.pdf (accessed: 25.02.2021).
- AdBus, the official website of the company "AdBus" / / [Electronic resource]. 2021 URL: <http://adbus.ru/> (accessed: 25.05.2021).
- Autotreker, the official website of the company "Autotreker" / / [Electronic resource]. URL: <https://www.autotracker.ru> (accessed: 25.05.2021).
- Bohari Z. A., Bachok S., Osman M. M.* (2014). Improving the Quality of Public Transportation System: Application of simulation model for passenger movement. *Social and Behavioral Sciences*. 153: 542-552.

- Gavrilin, D. V. (2017). The current state of passenger transportation in Omsk, the development of the theory and practice of road transportation, transport logistics: a collection of scientific papers of the department "Organization of transportation and transport management" (with international participation). Omsk: Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Siberian State Automobile and Road University (SibADI), Pp. 335-343
- GOST 32422-2013 Global navigation satellite system. Dispatching control systems for urban passenger transport. Requirements for architecture and functions. Moscow: Standartinform, 2018. 7 p.
- GOST 34.003-90 Information technology. A set of standards for automated systems. Automated systems. Terms and definitions. Moscow: Standartinform, 2009. 48 c.
- GOST R 54020-2010 Global navigation satellite system. Dispatching control systems for urban ground passenger transport. The composition, content, order and frequency of the formation of reporting forms. Moscow: Standartinform, 2018. 24 p.
- GOST R 54024-2010 Global navigation satellite system. Dispatching control systems for urban ground passenger transport. Purpose, composition and characteristics of on-board navigation and communication equipment (with Change N 1). Moscow: JSC "Codex", 2020. 20 p.
- GOST R 54026-2010 Global navigation satellite system. Dispatching control systems for urban ground passenger transport. Purpose, composition and characteristics of the solved tasks of the passenger information subsystem. Moscow: Standartinform, 2018. 9 p.
- Horn M. (2002). Fleet scheduling and dispatching for demand-responsive passenger services, *Transportation Research Part C: Emerging Technologies*, Volume 10, Issue 1: 35-63. doi: 10.1016/S0968-090X(01)00003-1
- IBA AVM, the official website of the company "IBA Group" / / [Electronic resource]. 2021 URL: <https://iba.by/solutions-and-products/asdu-iba-avm/transport-by/> (accessed: 25.05.2021).
- Jansen L. N., Pedersen M. B., Nielsen O. A. (2002). Minimizing Passenger Transfer Times in Public Transport Timetables. In 7th Conference of the Hong Kong Society for Transportation Studies: Transportation in the information age. Pp. 229-239.
- Kasper M. E., Sorokin S. V. (2016). Formation of the route network of the city of Omsk in the conditions of implementation of Federal Law No. 220-fz. *Actual problems of science and technology through the eyes of young scientists: materials of the International Scientific and practical Conference*, Omsk, Pp. 515-520.
- Kuftinova, N. G. (2015). General analysis of technical characteristics of monitoring and dispatching control systems of passenger transport, *Automation and Control in Technical Systems (ACTS)*. No 3: 70-75. doi: 10.12731/2306-1561-2015-3-6
- Lakhno V. A., Sobchenko V. M. (2016). Information and communication technologies and mathematical modeling [Information and communication technologies and mathematical modeling]. *Bulletin of the Dnepropetrovsk National University of Railway Transport*. № 2 (62): 61-69, doi: 10.15802/stp2016/67292.
- On amendments to certain decisions of the Omsk City Council in the field of organization of transport services: decision of the Omsk City Council of March 19, 2014 № 219 / / [Electronic resource] URL: <https://docs.cntd.ru/document/432526675> (accessed: 25.02.2021).
- On amendments to the order of the Director of the Department of Transport of the Omsk City Administration dated November 12, 2018 № 109 "On approval of the Methodology for Accounting for the quantity and quality of Regular Transportation at regulated Fares of passengers and baggage on municipal routes of regular Transportation, based on satellite navigation data": order of the Director of the Department of Transport of the Omsk City Administration dated October 21, 2020 № 68 / / [Electronic resource] URL: https://admomsk.ru/c/document_library/get_file?p_l_id=596831&folderId=596840&name=DLF-E-73270.pdf (accessed: 25.02.2021).
- On amendments to the order of the Director of the Department of Transport of the Omsk City Administration dated April 24, 2015 № 34 "On approval of the Regulations on the use and replenishment of a long-term travel ticket for travel in Municipal Passenger Transport": order of

the Director of the Department of Transport of the Omsk City Administration dated March 10, 2021 № 14 / / [Electronic resource] URL: https://admomsk.ru/c/document_library/get_file?p_l_id=596831&folderId=596840&name=DLF-E-76202.zip (accessed: 25.02.2021).

On approval of the Methodology for Accounting for the quantity and quality of regular Transportation at regulated fares of passengers and baggage on municipal routes of regular transportation, based on satellite navigation data: order of the Director of the Department of Transport of the Omsk City Administration № 109 of 12.11.2018 / / [Electronic resource] URL: https://admomsk.ru/c/document_library/get_file?p_l_id=596831&folderId=781830&name=DLF-E-61968.pdf (accessed: 25.02.2021).

On measures of social support for the passage of certain categories of citizens in the Omsk region: decree of the Government of the Omsk region of November 25, 2009 № 224-P / / [Electronic resource] URL: <https://docs.cntd.ru/document/943034045> (accessed: 25.02.2021).

On the contract system in the field of procurement of goods, works, services for State and Municipal needs: Federal Law № 44-FZ: [adopted by the State Duma on March 22, 2013: approved by the Federation Council on March 27, 2013]. // [Electronic resource] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (accessed: 25.02.2021).

On the establishment of maximum tariffs for long-term electronic travel tickets for travel in municipal passenger transport: resolution of the Omsk City Administration of April 24, 2015 № 596-P / / [Electronic resource] URL: <https://docs.cntd.ru/document/430672660> (accessed: 25.02.2021).

On the organization of regular transportation of passengers and luggage by road and urban Ground Electric transport in the Russian Federation and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law № 220-FZ : [adopted by the State Duma on June 30, 2015 : approved by the Federation Council on July 8, 2015]. // [Electronic resource] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182659/ (accessed: 25.02.2021).

The Charter of Motor Transport and Urban Ground Electric Transport: Federal Law № 259-FZ: [adopted by the State Duma on October 18, 2007: approved by the Federation Council on October 26, 2007]. // [Electronic resource] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72388/ (accessed: 31.05.2021).

Tubis A. Inventory management of operational materials in road passenger transportation company-case study / A. Tubis, S. Werbińska-Wojciechowska // CLC 2013: CARPATHIAN LOGISTICS CONGRESS - CONGRESS PROCEEDINGSAt: Cracow, POLAND, Volume: DEC 09-11, 2013, pp. 64-70

Tubis A., Werbińska-Wojciechowska S. (2019). Issues on vulnerability of passenger transportation system. *Journal of KONBiN*. 1(37): 183-202. doi: 10.1515/jok-2016-0009

Tyumengortrans, The official website of the MCU "Tyumengortrans" company / / [Electronic resource]. 2021 URL: <https://tgt72.ru/o-nas/kontakty/> (accessed: 25.05.2021).

VSPC, the official website of LLC "VSPC" / / [Electronic resource]. URL: <http://www.vspcenter.ru/company/> (accessed: 25.05.2021).

Wang H. et al. (2019). Early warning of burst passenger flow in public transportation system. *Transportation Research Part C: Emerging Technologies*. Volume 105: 580-598.

Wialon, The official website of the company "Gurtam" // [Electronic resource]. 2021 URL: https://gurtam.com/ru/wialon?utm_source=Yandex&utm_medium=cpc&utm_campaign=integrators_rukz1019&yclid=2974939308330343604 (accessed: 25.05.2021).

Ye Y., Chen L., Xue F. (2019). Passenger Flow Prediction in Bus Transportation System using ARIMA Models with Big Data. *International Conference on Cyber-Enabled Distributed Computing and Knowledge Discovery (CyberC)*. Pp. 484, doi: 10.1109/CyberC.2019.00081

Yu B. [et. al.] (2012). Dynamic Vehicle Dispatching at a Transfer Station in Public Transportation System/ *Journal of Transportation Engineeringm*. Issue 2, Volume 138.

УДК 811.512.221

DOI 10.51955/2312-1327_2021_3_44

НАНАЙСКИЙ ЯЗЫК В ГЕНЕТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ

*Иннокентий Николаевич Новгородов,
orcid.org/0000-0002-9378-0987,
доктор филологических наук,
член диссертационного совета Д 003.076.01 на базе ФГБУН ФИЦ «ЯНЦ СО РАН»,
ул. Петровского, 1
Якутск, 677027, Россия
i.n.novgorodov@mail.ru*

*Любовь Жоржевна Заксор,
orcid.org/0000-0002-4218-363X,
кандидат филологических наук,
доцент института народов Севера РГПУ имени А.И. Герцена,
пр. Стачек, 30
Санкт-Петербург, 198097, Россия
zaksor@rambler.ru*

Аннотация. В статье обсуждается новая научная парадигма, обусловленная междисциплинарным исследованием, включающим современные достижения сравнительно-исторического языкознания и популяционной генетики. Так, в Германии был установлен устойчивый словарный фонд (The Leipzig-Jakarta list) в целях классификации сопоставляемых идиом, в которой будет учитываться как древовидная модель (дивергенция), так и факты заимствования языков (конвергенция). Данный подход используется в установлении классификационного статуса нанайского языка на базе изучения устойчивого словарного фонда и генетических данных. Исследование глаголов устойчивого словарного фонда, особенностей тунгусо-маньчжурских языков, учёт данных генетики маньчжуров и нанайцев, обзор процессов дивергенции и конвергенции (смешение, гибридизация) в сфере языка и идентичности на фоне вызовов глобализации и научно-технической революции современного мира, модернизации и трансформации традиционного общества позволяют сделать вывод о том, что нанайский язык в генетической классификации обнаруживает большую близость к близкородственным языкам (идиомам) эвенкийского и удэгейского, чем к маньчжурскому языку. Тем самым все таксоны эвенкийского, удэгейского и нанайского противопоставлены маньчжурскому. Это обстоятельство формирует положение о бинарной системе современных тунгусо-маньчжурских языков, в которой, с одной стороны, представлены таксоны эвенкийского, удэгейского и нанайского языков, с другой – маньчжурского языка.

Ключевые слова: генетическая классификация, компаративистика, популяционная генетика, устойчивый словарный фонд, гаплогруппа, тунгусо-маньчжурские языки и народы, нанайский язык.

THE NANAI LANGUAGE IN GENETIC CLASSIFICATION

*Innokentiy N. Novgorodov,
orcid.org/0000-0002-9378-0987,
Doctor of Philological Sciences,
a member of specialized council for doctoral dissertations D 003.076.01 on the base of the
Federal Research Centre "The Yakut Scientific Centre of the Siberian Branch of the Russian
Academy of Sciences",
Petrovsky st, 1
Yakutsk, 677027, Russia
i.n.novgorodov@mail.ru*

*Lyubov Z. Zaksor,
orcid.org/0000-0002-4218-363X,
Candidate of Philology,
Associate Professor of the Institute of Peoples of the North of the Russian State
Pedagogical University named after A.I. Herzen,
Stachek Ave., 30
St. Petersburg, 198097, Russia
zaksor@rambler.ru*

Abstract. The article discusses a new scientific paradigm due to interdisciplinary research, including the modern achievements of comparative historical linguistics and population genetics. Thus, in Germany, the Leipzig-Jakarta list was established in order to classify the compared idioms, which will take into account both the tree model (divergence) and the facts of borrowing languages (convergence). This approach is used in establishing the classification status of the Nanai language based on the study of the Leipzig-Jakarta list and genetic data. The study of the verbs of the Leipzig-Jakarta list, the features of the Tungus-Manchu languages, taking into account the data of the genetics of the Manchus and Nanai, an overview of the processes of divergence and convergence (mixing, hybridization) in the field of language and identity against the background of the challenges of globalization and the scientific and technological revolution of the modern world, modernization and transformation of the traditional societies allow us to conclude that the Nanai language in genetic classification reveals a greater affinity to the closely related languages (idioms) of the Evenki and Udege than to the Manchu language. Thus, all taxa of the Evenki, Udege and Nanai are opposed to the Manchu. This circumstance forms the position on the binary system of modern Tungus-Manchu languages, which, on the one hand, includes taxa of the Evenki, Udege and Nanai languages, on the other hand, the Manchu language.

Key words: genetic classification, comparative studies, population genetics, stable vocabulary, haplogroup, Tungus-Manchu languages and peoples, Nanai language.

Introduction (Введение)

Статья продолжает ранее начатые исследования [Новгородов, 2021].

В статье обсуждается новая научная парадигма, обусловленная междисциплинарным исследованием, включающим современные достижения сравнительно-исторического языкознания и популяционной генетики. Так, в Германии был установлен устойчивый словарный фонд (The Leipzig-Jakarta list) [Tadmor, 2009, с. 55-75]. Данное достижение используется нами в целях классификации сопоставляемых идиом, в которой будет учитываться как древовидная модель (дивергенция), так и факты

заимствования языков (конвергенция). Методологически факты дивергенции и конвергенции в сравнительно-историческом языкознании должны быть подкреплены материальными явлениями. Последние обнаруживаются в самом *homo sapiens*, в его генотипе. Идеи в этом междисциплинарном направлении были изложены Б. Комри [Комри, 2000].

Авторы статьи обратились к теме статьи в целях апробации новой научной парадигмы, так как существуют различные взгляды лингвистов на место нанайского языка среди тунгусо-маньчжурских языков.

Прежде чем перейти к обсуждению вопроса, необходимо несколько слов сказать о коренных носителях нанайского языка.

Нанайцы (нан. *нанай*, *нани*, *хэдзэни*; кит. трад. 赫哲族, пиньинь *hèzhé zú*; устаревшее *гольды*) – коренной малочисленный народ Дальнего Востока, проживающий в основном на Нижнеамурской равнине, в предгорьях Сихотэ-Алиня и по рекам Амур, Урми, Кур и Горин в России и Китае. Нанайцы, проживающие в Китае, известны как *хэчже*. Согласно всероссийской переписи 2010 г. в Российской Федерации проживает 12003 нанайца. В Китае по данным переписи 2010 г. представлено 5354 *хэчже*, в основном в провинции Хэйлунцзян.

У народа практикуется шаманизм, а также распространено православие и буддизм. Традиционной хозяйственной деятельностью является охота и рыболовство. Для обеспечения этого вида деятельности используется собаководство.

Авторы „Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков“ выделяют в нанайском языке три говора: найхинский (нх.), кур-урмийский (к-у.) и бикинский (бк) [ССТМЯ, 1975, с. XXV].

Современные авторы выделяют три диалекта нанайского языка: верхнеамурский, среднеамурский и нижнеамурский; выделяемых по фонетическим признакам: 1) щелевой глухой, губно-губной *ф* верхнеамурского диалекта / *п* нижнеамурского; 2) глухая аффриката *ц* и звонкая *з* (*дз*) верхнеамурского и среднеамурского диалекта / *ч* и *ж* (*дж*) нижнеамурского; 3) начальное *ң* нижнеамурского / *н*, 0 (ноль звука) верхнеамурского и среднеамурского диалектов; 4) неметатизированные сочетания губных и заднеязычных согласных верхнеамурского диалекта *мг*, *бң*, *бг*, *фк* / *ңм*, *ңб*, *гб*, *кп* среднеамурского [Языки Мира, 1997, с. 188].

Верхнеамурский диалект состоит из: 1) правобережного амурского, сунгарийского говоров, распространённых на территории Северо-Восточной провинции Китая (около 1400 человек согласно переписи 1979 года); 2) бикинского (уссурийского) говора, распространённого в Пожарском, Яковлевском, Кировском, Чугуевском, Ольгинском районах Приморского края России (около 300 говорящих на говоре человек согласно переписи 1979 года); 3) кур-урмийского говора, ныне исчезнувшего (согласно сведений Л.Ж. Заксор), который был представлен в Хабаровском сельском районе Хабаровского края России, согласно переписи 1979 года было 250 говорящих на говоре человек [Языки Мира, 1997, с. 187].

Среднеамурский диалект состоит из сикачи-альянского, найхинского и джуенского говоров, распространённых в Хабаровском сельском, Нанайском районах Хабаровского края. В основу нанайского литературного языка положен найхинский говор среднеамурского диалекта [Языки Мира, 1997, с. 188].

Нижнеамурский диалект состоит из болонского, эконского и горинского говоров, распространённых в Солнечном, Комсомольском, Амурском, Ульчском районах Хабаровского края и Поронайском районе Сахалинской области России [Языки Мира, 1997, с. 188].

Общее число говорящих на среднеамурском и нижнеамурском диалектах было около 7500 человек согласно переписи 1979 года. Согласно переписи населения 2010 года нанайским языком владели 797 нанайцев.

Рассмотрим отечественные и зарубежные систематизации тунгусо-маньчжурских языков, в которых определяется место нанайского.

Более или менее полная систематизация тунгусо-маньчжурских языков стала возможной после того, как было осуществлено их научное описание в условиях СССР, когда осуществлялась грандиозная программа строительства коммунизма и приобщения к этому процессу народов Советского Союза, в том числе и тунгусо-маньчжуров.

Советский языковед В.И. Цинциус классифицирует тунгусо-маньчжурские языки на две группы: 1) северная группа: эвенкийский, эвенский, негидальский, солонский; 2) южная группа: маньчжурский, нанайский, ульчский, орокский, удэ́йский и оро́чский [Цинциус, 1949, с. 35].

Следует отметить, что на Западе Й. Бенцинг в своём труде “*Die tungusischen Sprachen*”, в основном, придерживается классификации В.И. Цинциус [Benzing, 1955, S. 9-10]. Сама В.И. Цинциус обоснованно и справедливо считает, что её классификация с учётом различных языковых признаков не имеет принципиального значения [Цинциус, 1949, с. 32, 33, 35]. Причём она подчёркивает: «Это деление не может в настоящее время быть подкреплено достаточными историко-этнографическими данными и поэтому имеет лишь вспомогательный характер» [Цинциус, 1949, с. 35]. Иными словами, систематизация тунгусо-маньчжурских языков должна иметь материальные обоснования согласно принципам сравнительно-исторического языкознания.

Г.М. Василевич выделяет северную группу тунгусо-маньчжурской группы языков, объединяющую языки эвенков, негидальцев, эвенов и солонов с онгкорами. В южную группу включаются языки нанайцев, ульчей, ороков, орочей, удэ́ и маньчжуров. Тунгусо-маньчжурские языки объединяются вместе с тюркскими и монгольскими языками в алтайскую языковую семью [Василевич, 1958, с. 643].

В. А. Аврорин выделяет три ветви тунгусо-маньчжурских языков: 1) северную (эвенкийский, солонский, эвенский, негидальский), 2) южную (нанайский, ульчский, орокский, удэ́йский и оро́чский) и 3) западную (маньчжурский язык с сибирским диалектом, чжурчженьский язык) [Аврорин, 1959, с. 3].

О.П. Суник подразделяет тунгусо-маньчжурские языки на две группы: 1) тунгусскую и 2) маньчжурскую (маньчжурский, чжурчженьский языки). Тунгусская группа подразделяется на две подгруппы: а) сибирскую: эвенкийский, солонский, негидальский, эвенский языки; б) приамурскую: нанайский, ульчский, орокский, орочский, удэгейский языки [Суник, 1997, с. 154].

Японский тунгусо-маньчжурист Дз. Икегами классифицирует современные тунгусо-маньчжурские языки на четыре группы: I. Эвенкийский, солонский, негидальский, эвенский; II. Удэгейский, орочский; III. Нанайский, ульчский, ультский (орокский); IV. Маньчжурский [Ikegami, 1974, S. 271-272].

Г. Дёрфер много внимания уделяет классификации тунгусо-маньчжурских языков. Известны несколько его подходов.

В 1978 году лингвист выделил три ветви: 1) северную, включающую северо-восточную (эвенский, арманский) и северо-западную (эвенкийский (с орокенским), солонский (с орокенским), негидальский); 2) центральную, включающую восточно-центральную (орочский и удэгейский) и западно-центральную (кили, нанайский, ульчский, орокский); 3) южную, включающую маньчжурский и чжурчженьский [Doerfer, 1978].

В 1985 году Г. Дёрфер опубликовал монографию «Mongolo-Tungusica» [Doerfer, 1985]. В ней была представлена история тунгусо-маньчжурских языков (resp. нанайского языка). На основе анализа заимствованных монголизмов (содержащих тюркизмы) языковед выделяет пять периодов в 6 ареалах (W – западный диалект эвенкийского языка; E – восточный диалект эвенкийского языка; S – солонская группа (включающая эвенков, говорящих на восточно-эвенкийском в северо-западной Маньчжурии, ныне известной как Внутренняя Монголия); M – маньчжурский язык (включая чжурчженьский); Z – центральная группа или нанайско-удэгейская (удэгейский, орочский, кили (включая сунгарийский диалект), нанайский, ульчский, орокский, негидальский (включая сунгарийский диалект, который относится к восточно-эвенкийскому)); L – эвенская группа) [Doerfer, 1985, S. 11-12]:

I. Неопределенный – общетунгусо-маньчжурское состояние: WESMZL; отсутствует влияние тюркских языков на монгольские;

II. 3 век н.э. включительно – разделение на северную (W/E/S/Z/L) и южную (M) группы; происхождение центральной группы Z в результате смешения (конвергенции) W/E/S/Z/L и M (Z: удэгейский, орочский, (витимский, олёкминский, токкинский, тунгирский говоры восточно-эвенкийского) от W/E/S/Z/L и Z: нанайский, ульчский (айанский, майинский, сахалинский, тоттинский, чумиканский говоры восточно-эвенкийского) от M); начинается тюркско-монгольское взаимодействие;

III. 5 – 11 века н.э. – разделение северной группы на солонскую группу (S) и западно-восточно-эвенкийско-эвенскую группу (W/E/L); разделение на Z: удэгейский, орочский и Z: нанайский, ульчский, (айанский, майинский, сахалинский, тоттинский, чумиканский говоры восточно-эвенкийского),

(витимский, олёкминский, токкинский, тунгирский говоры восточно-эвенкийского); влияние солонского на Z: нанайский, ульчский, (айанский, майинский, сахалинский, тоттинский, чумиканский говоры восточно-эвенкийского), (витимский, олёкминский, токкинский, тунгирский говоры восточно-эвенкийского); влияние маньчжурского на Z: удэгейский, ороцкий; смешение (конвергенция) маньчжурского с Z: нанайским, ульчским, (айанским, майинским, сахалинским, тоттинским, чумиканским говорами восточно-эвенкийского), (витимским, олёкминским, токкинским, тунгирским говорами восточно-эвенкийского); влияние монгольского на W/E/L, S, M; тюркско-монгольское взаимодействие продолжается;

IV. 12 – 16 века н.э. – разделение восточно-эвенкийского группы (E) на западноэвенкийский (W) и эвенкий язык (L); происходит влияние маньчжурского (M) на а) солонскую группу (S), б) кили (включая сунгарийский диалект), нанайский, ульчский, орокский, при влиянии восточно-эвенкийского на кили (включая сунгарийский диалект) и орокский (Z), в) удэгейский, ороцкий (Z); происходит влияние монгольских языков на тюркские;

V. С 17 века н.э. вплоть до настоящего времени. С точки зрения Г. Дёрфера, вследствие якутского вторжения в 16 веке остались только восточноэвенкийские (E) и эвенские (L) слабые географические контакты [Doerfer, 1985, S. 11-12, 279-283, 296-297].

С точки зрения Г. Дёрфера в центральную группу (Z) тунгусо-маньчжурских языков монголизмы проникали при посредстве южных (маньчжурского) (M) и северных (эвенкийского) языков (E/S), причём прямых связей монгольских языков с центральной группой (Z) не было [Deorfer, 1985, S. 294; Дёрфер, 1981, с. 43].

И.В. Кормушин представил обзор классификаций и сравнительно-исторического исследования тунгусо-маньчжурских языков [Кормушин, 1982, с. 153-167]. Взяв за основу реконструируемые фонемы пратунгусо-маньчжурского праязыка: $*p^x$ -, $*k^h$ -, $*-g$ -, $*u$ и их отражение в современных языках, И.В. Кормушин предложил классификацию в виде двух ветвей: в одной («гutturальной», или северной) – эвенкийский, эвенский, солонский, негидальский, ороцкий, удэгейский и во второй («лабиальной», или южной) – маньчжурский, нанайский, ульчский, орокский [Кормушин, 1982, с. 160, 161].

И.В. Кормушин, основываясь на фонетической (отсутствие интервокального -g- (южный тип)) и морфологических (склонение северного типа при изменении глагола по южному типу) особенностях, выдвинул идею о том, что удэгейский и ороцкий языки в своей основе являются языками северной группы и их смешанном характере происхождения [Кормушин, 1982, с. 160, 161]. Иными словами, здесь мы имеем дело с образованием языковых гибридов.

Ранее отмечалось утверждение Г. Дёрфера о том, что нанайский, ульчский, орокский, ороцкий, удэгэйский языки возникли в результате конвергенции северной и южной групп [Doerfer, 1985, S. 279].

Мнение И.В. Кормушина в оценке идей Г. Дёрфера основывается на работе: Gerhard Doerfer. Classification problems of Tungus [Doerfer, 1978]). И.В. Кормушин утверждает, что Г. Дёрфер придерживается мнения о расщеплении пратунгусского языка на две ветви, а затем из второй ветви отошла третья, представленная маньчжурским и чжурчженьским языками. И положение не меняет заявление Г. Дёрфера о том, что третья ветвь имеет много инноваций, и потому вторая по числу архаизмов оказывается ближе к первой ветви [Кормушин, 1982, с. 159].

А.В. Вовин на базе списка М. Сводеша считает, что пратунгусо-маньчжурский распался на маньчжурскую и тунгусскую ветви. Последняя является промежуточной, которая распалась на эвенский, западотунгусский и восточнотунгусский. Из западотунгусского выделились солонский и негидальскоэвенкийский, распавшийся на негидальский и эвенкийский. Из восточнотунгусского образовались, с одной стороны, удэгейский и ороцкий, с другой – ороксконанайский. Из него выделились орокский и нанайский языки. Нанайский распался на собственно нанайский и ульчский [Vovin, 1993]. Примечательно, что автор классифицирует современные тунгусо-маньчжурские языки.

Л. Уэйли, Л. Гренобль и Ф. Ли предприняли попытку обзора современных взглядов по классификации тунгусо-маньчжурских языков в связи с уточнением места орокенского языка, носители которого проживают в Китае [Lindsay et al., 1999].

Лингвисты принимают за основу классификацию Г. Дёрфера 1978 года [Doerfer, 1978]. Как известно, тогда Г. Дёрфер включал орокенский в состав двух языков: эвенкийского и солонского. В конечном итоге настоящая проблема, пишут авторы, заключается в том, что тунгусо-маньчжурские языки или, по крайней мере, значительная их часть, не поддаются классификации с использованием древовидной модели.

Тем не менее в статье 2009 года Ф. Ли и Л. Уэйли уточняют классификацию Г. Дёрфера и выделяют орокенский из состава эвенкийского и солонского языков. Авторы вслед за Г. Дёрфером также выделяют три группы тунгусо-маньчжурских языков: 1) северную, включающую подгруппы: северо-восточную (эвенский, арманский) и северо-западную (эвенкийский, солонский, негидальский, орокенский); 2) центральную, включающую подгруппы: восточно-центральную (орочский и удэгейский) и западно-центральную (кили, нанайский, ульчский, орокский); 3) южную, включающую маньчжурский и чжурчженьский языки [Fengxiang et al., 2009].

С. Георг считает, что пратунгусо-маньчжурский распался на южную и северную ветви. Первая разделилась на чжурчженьско-маньчжурский и нанайский, в то время как вторая – на удэгейско-орочский и эвено-эвенкийский языки. Автор обнаруживает влияние нанайского на удэгейско-орочский язык. Классификация составлена на основе реконструируемых фонетических признаков: **p*-, **k*-, **i*-, **ü*-, **u*2. [Georg, 2004, p. 55].

М. Роббитс придерживается мнения о том, что тунгусо-маньчжурский праязык разделился на две ветви. В первой помещается чжурчженьский и

маньчжурский языки, последний обладает сибирским диалектом. Вторая ветвь состоит из южного и северного ответвлений. Южное представлено восточными: ороческим, удэгейским и западными: нанайским, кили, ульчским и орокским языками. В северном обнаруживаются также восточные: эвенский, арманский и западные: эвенкийский, орокенский, солонский, негидальский языки. В классификации представлена временная шкала образования тунгусо-маньчжурских языков, начиная с 220 года н.э. и по настоящее время [Robbeets, 2015, p. 18]

Идея того, что тунгусо-маньчжурский праязык перестал существовать примерно две тысячи лет назад (в гуннское время) где-то в бассейне Среднего Амура, развивается А.М. Певновым. С его точки зрения, первоначально праязык разделился на две ветви: северную и южную. От южной произошли чжурчжэньский, маньчжурский и сибирский языки, от северной – все остальные. Через какое-то время северная ветвь разделилась на три группы: амурско-сахалинскую (к ней относятся нанайский, ульчский и орокский), сихотэ-алинскую (в неё входят ороцкий и удэгейский) и тунгусскую (эвенкийский, эвенский, арманский, негидальский, солонский, ороchonский, хамниганский). Некоторые из этих языков уже не существуют (чжурчжэньский, арманский) [Певнов, 2019, с. 194].

Таким образом, лингвисты в России и на Западе различным образом понимают классификацию тунгусо-маньчжурских языков, а следовательно и место нанайского языка в ней. Нанайский язык относится либо к южной группе, либо к северной, а также не исключается его помещение, с одной стороны, в центральную группу, с другой – в отдельную группу наряду с ульчским и орокским. Установлено, что маньчжурский и эвенкийский языки занимают различные, а в целом ряде современных случаев и крайние противоположные места в систематизациях тунгусо-маньчжурских языков как учёных России, так и на Западе. Возникает также вопрос: пратунгусо-маньчжурский язык дивергировал на две группы или более. В последнем случае имеются в виду подход В.А. Аврорина, Дз. Икегами. Кроме того, обсуждается и взгляд Г. Дёрфера, согласно которому центральные тунгусо-маньчжурские языки возникли в результате смешения южных и северных общностей. Наконец совершенно очевидно, что современные тунгусо-маньчжурские языки подразделяются на четыре таксона: маньчжурский, эвенкийский, нанайский и удэгейский.

На наш взгляд, причина столь различного понимания лингвистами места нанайского языка в системе тунгусо-маньчжурских языков предопределена с одной стороны, переоценкой процессов дивергенции, с другой – недооценкой конвергенции. В последнем случае инновационными являются идеи И.В. Кормушина и Г. Дёрфера. С их идеей перекликается сомнение Л. Уэйли, Л. Гренобль и Ф. Ли в дивергентном подходе в систематизации тунгусо-маньчжурских языков.

Для решения вопроса о месте нанайского языка мы обратились к современным подходам, изложенным Б. Комри [Комри, 2000] и реализованным по отношению к современным языкам алтайской общности

коренных народов Якутии [Novgorodov et al., 2020; Новгородов, 2021]: устойчивый словарный фонд (The Leipzig-Jakarta list) и генетический анализ современных популяций *homo sapiens*.

Materials and methods (Материалы и методы)

Из устойчивого словарного фонда интерес представляют глаголы, так как они менее подвержены иноязычному влиянию чем имена.

Так как устойчивый словарный фонд нанайского языка не опубликован, то ниже мы представим его в виде глаголов в говорах трёх диалектов. В статье представлен материал кур-урмийского (к-у) и бикинского (бк) говоров верхнеамурского диалекта, найхинского (нх) говора среднеамурского диалекта, горинского (гор) говора нижнеамурского диалекта.

Авторы выражают благодарность Самар Раисе Александровне за предоставление материалов по горинскому говору нижнеамурского диалекта нанайского языка. Указанный говор представлен в селе Кондон Солнечного района Хабаровского Края. Другие материалы позаимствованы из «Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков».

Цифра 7 является порядковым номером пункта устойчивого словарного фонда; to bite – значением пункта на английском языке; ‘кусать’ – значением слова на русском языке; 4.58 – идентификационным номером списка базы данных «World loan word» по конкретной тематической группе, которая доступна по адресу [<http://wold.clld.org/meaning>]; сэкиэн- – формой нанайского слова; ССТМЯ – сокращением „Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков“ (далее Словарь), в котором фиксируются лексические параллели изучаемого слова. Синонимы нанайского языка выделены римскими цифрами. Знак вопроса означает то, что лексическая параллель не обнаружена в конкретном языке.

В статье используется сравнительный метод. Нанайский материал сравнивается с современными основными идиомами (языки, включающие данные по разнообразным наречиям, диалектам и говорам) тунгусо-маньчжурских таксонов: эвенкийским (эвенк.), маньчжурским (ма.) – главные противоположности, и удэгейским (уд.).

Ранее на основе классификаций сравнительным методом были установлены фонетические соответствия и морфологические особенности тунгусо-маньчжурских языков, которые были изложены в трудах В.И. Цинциус, Й. Бенцинга [Цинциус, 1949; Benzing, 1955].

В некоторых случаях к параллелям приводятся комментарии. В одних случаях они обусловлены обоснованием сравнения слов родственных языков, в других – отношением авторов этих строк к характеру связей языков алтайской общности, проявляющихся в лексических параллелях, на основании которых сторонники алтайской гипотезы обнаруживают «закономерные» фонетические соответствия.

7 to bite ‘кусать’ 4.58 *сэкпэн-* нх, *сэпкэн-*, *сэфкэн-* бк, *сэпкэнэ-* к-у, *сэккэн-* гор, ср.: эвенк. *сэлкэ-* ‘схватить’, ма. *сэкэ-* ‘клевать (о рыбе)’, уд. *сэкпэнэ-* ‘клевать (о рыбе)’ [ССТМЯ, 1977, с. 144];

11 to blow ‘дуть (о ветре)’ (intransitive) 10.38 *хэдун-* нх, *хэдундэ-* бк, *эжинэ-* к-у, *хэдун-* гор, ср. эвенк. *эдил-* ‘подуть (о ветре)’, *эдин-* ‘дуть (о ветре)’, ма. *эду-* ‘дуть (о ветре)’, уд. *эдили-* ‘подуть (о ветре)’ [ССТМЯ, 1977, с. 438];

14 to burn (intransitive) ‘гореть’ 1.852 *жэгдэ-* нх, бк, к-у, гор, ср. эвенк. *жэгдэ-* id., ма. *дэжжи-* ‘жечь, топить (печь)’, уд. *жэгдэ-* ‘гореть’ [ССТМЯ, 1975, с. 281];

15 to carry ‘нести’ 10.61 *олбин-* нх, бк, гор, ср. эвенк. ? ма. ? уд. ? [ССТМЯ, 1977, с. 12];

17 to come ‘приходить’ 10.48 I. *эмэ-* к-у, ср. эвенк. *эмэ-* id., ма. ?, уд. *эмэ-* id. [ССТМЯ, 1977, с. 452]; II. *жижу-* нх, бк, *жидэ-* бк, *жи-* гор, ср. эвенк. ?, ма. *жи-* id., уд. ? [ССТМЯ, 1975, с. 255];

18 to crush/to grind ‘давить; дробить/молоть’ 5.56 I. *дуску-* бк ‘толочь в ступе’, ‘молоть в порошок’, *дуску* бк ‘пест’, *дүту-* нх, гор ‘молоть для получения черемуховой муки (на жерновах)’, *дүту* нх, *дүтун* гор ‘лепешка’, ср. эвенк. *дуу-* ‘бить, колотить, ударять’, ‘разбивать’, *дуктэ-* ‘толочь, долбить’, *дуктэвун* ‘ступка’, *дуктэңки* ‘пест’, ма. *ду-*, *дү-* ‘бить, колотить (палкой)’, ‘молотить хлеб (цепом)’, *дуку*, *дүку* ‘колотушка, молот’, ‘цеп, молотило’, уд. *дуктэ-* ‘бить’ [ССТМЯ, 1975, с. 219]; II. *нуңику-* нх, гор *нутку-* диал. ‘толочь в ступе (в порошок)’, *нуңику* нх, гор *нутку* диал. ‘пест’, ср. эвенк. ?, ма. ?, уд. ? [ССТМЯ, 1975, с. 613]; III. *худи-* ‘молоть для получения муки (на жерновах)’ гор, ср. эвенк. ? ма. ? уд. ?

I. *дуску-* бк ‘толочь в ступе’, ‘молоть в порошок’, *дуску* бк ‘пест’ и *дүту-* нх, гор ‘молоть для получения черемуховой муки’, *дүту* нх, *дүтун* гор ‘лепешка’ на первый взгляд не соотносятся. Однако есть вероятность их сближения, если допустить, например, что *дуску-* возникло из **дуксу-* ‘бить’. В последней форме согласный **к* выпадает через ступень сонанта **γ* и форма глагола стала выступать со вторичной долготой гласного: **дусу-*. В дальнейшем происходит трансформация щелевого звука в смычный и возникает форма *дүту-*. Трансформация глагола *дуску-* (< **дуксу-*) в *дүту-* скорее всего аналогична глаголу *тукса-* ‘бежать’ > *тус(а)-* > *тут(а)-* ‘бежать’: нан. *туту-* нх, конд, гор, *туцэлэ-* (< ульч. *туча-* < **тута-*) бк ‘бежать рысью’, ср. эвенк. *тукса-*, *туһа-* ‘бежать’ (сол. *тутэ-* ‘бежать’, эвен. *тут-* ‘бежать’, *тус-* ‘бежать медленной рысью’), ма. ? уд. *туту-*, *тукеә-* ‘бежать’ [ССТМЯ, 1977, с. 208, 223].

II. *нуңику-* нх, гор, *нутку-* диал. ‘толочь в ступе (в порошок)’, *нуңику* нх, гор, *нутку* диал. ‘пест’ ни имеет параллелей в эвенкийском, маньчжурском и удэгейском. Между тем авторы Словаря обнаружили монгольскую параллель: м.-п. *nidü-* ‘толочь, измельчать’. Г. Дёрфер утверждает, что в нанайском нет прямых заимствований из монгольского. Монголизмы в нанайский язык проникают из эвенкийского или маньчжурского [Дёрфер,

1981, с. 43]. Однако в данном случае в нанайском представлено прямое монгольское заимствование: м.-п. *nidü-*, монг., калм. *нүд-*, бур. *нюдэ-*, орд. *нүдү-*, бао. *нэдэ-*, даг. *нудэ-* (*нидэ-*), дунс. *нуду-* ‘толочь, растирать’ (< *монг. *nidur-* ‘бить (кулаком)’ < *монг. *nidurya* ‘кулак’ < др.-тюрк. *judruk* id. [Щербак, 1997, с. 125]) [ЭСМЯ, 2015, с. 197] > нан. **нут-* > **нутику-* (ср. эвенк. *-ки* образует переходный глагол [Василевич, 1958, с. 761]) > *ну́чику-* ‘толочь в ступе (в порошок)’; м.-п. *nidü-*, монг., калм. *нүд-* ‘толочь, растирать’ > нан. **нут-* > *нутку-* диал. ‘толочь в ступе (в порошок)’ (ср. эвенк. *-ки* образует переходный глагол [Василевич, 1958, с. 761])). Проанализированные глаголы подвергают сомнению идею Г. Дёрфера об отсутствии прямых монгольских заимствований в нанайском языке, и в целом, его классификацию.

19 to cry/to weep ‘плакать’ 16.37 *соңго-* нх, бк, *соңго-*, *соңо-* к-у, *соңго-* гор, ср. эвенк. *соңо-* id., ма. *соңго-* id., уд. *соңо-* id. [ССТМЯ, 1977, с. 111];

Эвенкийский глагол проник в якутский язык: *сонно-* ‘плакать’.

20 to do/to make ‘делать’ 9.11 I. *ожи-* нх, *ода-* к-у, ср. эвенк. *о-* ‘сделать’, ма. *о-* ‘сделаться, стать’, ‘быть’, уд. *о-*, *о-* ‘сделать’ [ССТМЯ, 1977, с. 4]; II. *та-* нх, к-у, гор, ср. эвенк. ?, ма. *тафуриша-* ‘усердствовать, трудиться усердно’, уд. ? [ССТМЯ, 1977, с. 148];

22 to drink ‘пить’ 5.13 *оми-* нх, бк, гор, ср. эвенк. *ум-* id., ма. *оми-* id., уд. *уми-* id. [ССТМЯ, 1977, с. 266];

Авторы Словаря и С.А. Старостин привлекали монгольский материал: м.-п. *umda*, *unda*, калм. *undv*, *undn* ‘жажда; напиток’, м.-п. *umdayas-*, *umdas-* ‘испытывать жажду’ для реконструкции праалтайского корня **üm-* ‘пить’ [Старостин, 1991, с. 70]. Однако монгольские реконструированные формы не могут содержать корневой огубленный согласный *-m-*, поскольку он возник довольно поздно под влиянием начального огубленного гласного *u-*, ср. ср.-монг. *undus-*, дунс. *undasu-*, калм. *undas-*, монг. *undaś-*, мнгр. *ndase-* < **undayas-* ‘испытывать жажду’ [Щербак, 1997, с. 89]. На самом деле, в монгольском праязыке глагол со значением ‘пить’ реконструируется в виде **уи-* и в нём нет огубленного согласного *m* [Клоусон, 1969, с. 34; Щербак, 1997, с. 89;]. Кроме того, м.-п. *umda*, *unda*, калм. *undv*, *undn* ‘жажда; напиток’ проникло в якутский язык, ср. *ымдаан* ‘кислое питье’, *умдаан*, *ундан* ‘кислое молоко’ и в одной из словоформ не обнаруживается огубленный согласный, что свидетельствует о её позднем происхождении.

24 to eat ‘есть, кушать’ 5.11 *жэб-/н-* нх, *жэптэ-*, *жэфтэ-*, *жэф-*, *жэфэндэ-* бк, *жэфу-* к-у, *жэб-* гор, ср. эвенк. *жэб-* id., ма. *жэ-*, *жэфу-*, *жэкэ-*, *жэтэрэ-*, *жи-* id. сиб, уд. *жэ-*, *жэ-*, *жэп-тэ-* id. [ССТМЯ, 1975, с. 279];

Авторы Словаря сравнивают глагол с древнетюркским *je-* ‘есть, кушать’ и якутским *сиэ-* id. Однако тюркские и тунгусо-маньчжурские глаголы восходят к разным архетипам и не имеют ничего общего: *тюрк. *jä-* [Щербак, 1970, с. 196] и *т.-ма. *жэр-* [Benzing, 1955, S. 34] ‘есть, кушать’.

27 to fall ‘падать’ 10.23 *ту-* нх, бк, гор, *тики-* к-у, *ту-*, *туву-* гор, ср. эвенк. *тик-*, ма. *тухэ-*, уд. *тиңмэ-* id. [ССТМЯ, 1977, с. 177];

33 to give ‘давать’ 11.21 *бӯ*- нх, бк, к-у, гор, ср. эвенк. *бӯ*- id., ма. *бу*- id., уд. *бӯ*- id. [ССТМЯ, 1975, с. 99];

34 to go ‘идти 10.47 I. *энэ*- нх, к-у, гор, ср. эвенк. *ңэнэ*-, *гэнэ*- id., ма. *гэнэ*- id., уд. *ңэнэ*- id. [ССТМЯ, 1975, с. 669]; II. *пулси*- нх, *хули*- к-у, *фули*-, *фулси*- бк, к-у, ср. эвенк. *һэлдэ*- ‘передвигаться, ехать, бродить’, ма. *фэл’э*- ‘идти, прохаживаться’, ‘шагать, ступать’, уд. *хули*-(*һи*-) ‘ходить, бродить’ [ССТМЯ, 1977, с. 363];

I. *энэ*- нх, к-у, гор, ср. эвенк. *ңэнэ*-, *гэнэ*- id., ма. *гэнэ*- id., уд. *ңэнэ*- id. согласно авторам Словаря параллельно нивх. *һың-дь* ‘ходить, бродить, двигаться, перемещаться’. Е.А. Крейнович обнаруживает тунгусо-маньчжурские заимствования в нивхском языке, однако среди них отсутствует нивх. *һың-дь* ‘ходить’ в качестве тунгусо-маньчжуризма [Крейнович, 1955]. Обратное заимствование из нивхского языка в тунгусо-маньчжурские языки, например, эвенкийского глагола *ңэнэ*- ‘идти’ маловероятно. В данном случае скорее всего имеется случайное сходство.

39 to hear ‘слышать’ 15.41 *дол̄жй̄*- нх, бк, гор, *дол̄жй̄*- к-у, ср. эвенк. *дол̄жй̄*- id., ма. *дон̄жй̄*- id., уд. *догди*- id. [ССТМЯ, 1975, с. 214];

41 to hide (transitive) ‘прятать’ 12.27 *жаја*- нх, к-у, гор, *жаји*- бк, ср. эвенк. *жаја*- id., ма. ? уд. *жае*- id. [ССТМЯ, 1975, с. 243];

42 to hit/to beat ‘бить, ударять’ 9.21 I. *дӯ*- нх, *дуктэ*- нх, бк, гор, ср. эвенк. *дуу*- ‘бить, колотить, ударять’, ‘разбивать’, *дуктэ*- ‘толочь, долбить’, ма. *ду*-, *дӯ*- ‘бить, колотить (палкой)’, ‘молотить хлеб (цепом)’, уд. *дуктэ*- ‘бить’ [ССТМЯ, 1975, с. 219]; II. *начила*- нх, гор, *фачила*- бк < *начи* ‘колотушка’, ср. эвенк. ? (нег. *пāti* ‘колотушка’ (< ульч. *пāti* id.), эвен. *пату*- ‘бить, ударять (причём слышны не резкие звуки ударов, а мягкие, например, биение капель дождя о покров чума или палатки)’ (< орок. *патчу*- ‘бить, хлопать ладонями’), *патул*- ‘начать бить’ [ЭРС, 2005, с. 233]), ма. ? уд. *пактан*- ‘ударять каким-либо предметом’ [ССТМЯ, 1977, с. 35];

48 to know ‘знать’ 17.17 *са̄*- нх, бк, к-у, гор, ср. эвенк. *са̄*- id., ма. *са*- id., уд. *са̄*- id. [ССТМЯ, 1977, с. 50];

Авторы Словаря сравнивают глагол с древнетюркским *san*- ‘считать’, ‘думать’ и монгольским *sana*- ‘думать’ (> як. *санаа*- id.).

Тюркский глагол образовался от праформы **sā* - ‘считать, подсчитывать’; в то время как монгольский глагол является тюркизмом [Щербак, 2005, с. 37, 88]. Происхождение *т.-ма *sā*- ‘знать’ и *тюрк. *sā* - ‘считать, подсчитывать’ различно, так как долгота гласного в открытом слоге односложного слова в тунгусо-маньчжурских языках является фонологической, ср. *бу*- ‘умирать’ и *бӯ*- ‘давать’; в тюркском праязыке в этой позиции восстанавливаются первичные долгие гласные (но не краткие !), возникшие из слоговых акцентов.

49 to laugh ‘смеяться’ 16.25 *инэктэ*-, *ин’эктэ*- нх, бк, к-у, гор, ср. эвенк. *ин’эктэ*- ‘смеяться, хохотать’, *ин’э*- ‘смеяться’, ма. *ин̄жэ*- id., уд. *ин’э*- id. [ССТМЯ, 1975, с. 319];

Тунгусо-маньчжурский глагол *инэ-* ‘смеяться’ является монголизмом: м.-п. *inije-* id. [Doerfer, 1985, S. 23].

69 to run (intransitive) ‘бежать’ 10.46 *туту-* нх, гор, *туцэлэ-* бк ‘бежать рысью’, ср. эвенк. *тукса-*, *туһа-* ‘бежать’ (сол. *тутэ-* ‘бежать’, эвен. *тут-* ‘бежать’, *тус-* ‘бежать медленной рысью’), ма. ? уд. *туту-*, *тукеә-* ‘бежать’ [ССТМЯ, 1977, с. 208, 223];

72 to say ‘говорить’ 18.22 *ун-* нх, бк, к-у, гор, ср. эвенк. *гун-* id., ма. *гуни-* (сиб. *гони-*) ‘думать, обдумывать’, уд. *гун-* ‘говорить’ [ССТМЯ, 1975, с. 171];

Монгольский глагол, представленный м.-п. *ге-* ‘говорить, сказать’ в качестве параллели эвенк. *гун-* id. etc., согласно идей авторов Словаря едва ли восходит к алтайскому праязыку, так как не имеет ничего общего в праформах: *монг. *ге-* [Щербак, 1997, с. 74] и *т.-ма. *ᠭᠣᠨ-* [Benzing, 1955, S. 24] ‘говорить’.

73 to see ‘видеть’ 15.51 *ичэ-* нх, к-у, гор, *ицэ-* бк, ср. эвенк. *ичэ-*, *ис’э-* id., ма. ? уд. *исэ-* id. [ССТМЯ, 1975, с. 334];

79 to stand ‘стоять’ 12.15 *илиси-* нх, гор, *илчи-* к-у, ср. эвенк. *ил-*, *илит-* id., ма. *или-* ‘встать, подняться (на ноги)’, ‘остановиться’, *илича-* ‘стоять, останавливаться’, уд. *или-* ‘вставать’ [ССТМЯ, 1975, с. 302];

82 to suck ‘сосать (грудь)’ 5.16 *ку́чи-* нх, бк, гор (< *ку* ‘грудь (женская)’), *уку-* к-у, ср. эвенк. *уку-* id., *укун* ‘грудь (женская)’, ма. *кукулэ-* ‘припаривать грудинкой рану (для извлечения яда)’, *хухун* ‘грудь (женская)’, уд. *кос’о-* ‘сосать (грудь)’, ‘грудь женская’, *осо* ‘грудь (женская)’ [ССТМЯ, 1977, с. 254];

Эвенк. *уку-* ‘сосать’ и *укун* ‘грудь (женская)’ возникли из монгольских форм, например, м.-п. *köke(n)* ‘грудь (женская)’, ‘сосок’ и м.-п.: *köki-*, монг. *хөхө-*, бур. *хүхэ-* ‘сосать’. Отсутствие монгольского начального глухого согласного *k-* в эвенк. *укун* ‘грудь (женская)’ скорее всего отражает особенности монгольского языка, в котором указанный звук выпал [Porre, 1955, p. 134]. Г. Дёрфер считает ма. *хухун* ‘грудь (женская)’ монголизмом и подвергает сомнению параллелизм уд. *кос’о-* ‘сосать (грудь)’, ‘грудь женская’, *осо* ‘грудь (женская)’ монгольскому слову [Doerfer, 1985, S. 142].

85 to take ‘брать, взять’ 11.13 *жапа-* нх, гор, *жао-* к-у, *жаваси-*, *жафчи-* бк, ср. эвенк. *жава-* ‘схватить’, ‘взяться за что-либо’, ма. *жафа-* ‘брать’, ‘хватать, ловить’, уд. *жава-* ‘взять’ [ССТМЯ, 1975, с. 241];

Эвенк. *жава-* ‘схватить’, ‘взяться за что-либо’ etc. согласно авторам Словаря параллельно кор. *чан-та* ‘брать’, ‘ловить’. Действительно, в истории тунгусо-маньчжурских языков обнаруживают связи с корейским языком, что обусловлено их географической смежностью [Ki-moon Lee, 1991; Vovin, 2006; Vovin, 2007]. Однако в случае эвенк. *жава-* ‘схватить’, ‘взяться за что-либо’ etc. и кор. *чан-та* ‘брать’, ‘ловить’ сходство скорее всего случайное, так как тунгусо-маньчжурское слово обладает открытым слогом, а в корейском отсутствует эта характеристика.

89 to tie ‘завязывать’ 9.16 *хэркэ-* нх, бк, гор, *хэрин-* бк, *хэтакэ-* к-у, ср. эвенк. *хэркэ-* id., ма. *хэрги-* ‘наматывать нитки’, ‘кружиться (о птице)’,

‘обходить кругом’, уд. *хэкэ*- ‘связать, завязать, привязать’ [ССТМЯ, 1977, с. 369];

Авторы Словаря эвенк. *хэпкэ*- ‘связывать, завязывать’ etc. сравнивают с монгольскими данными: ср.-м. *hergi*- и м.-п. *ergi*- ‘кружиться’. Очевидно, что тунгусо-маньчжурские слова являются монголизмами, так же как и якутское *эргий*- id. [Doerfer, 1985, S. 72].

Генетическое изучение нанайцев было осуществлено и его результаты представлены в публикациях [Богунов и др., 2018; Хуе et al., 2005].

Discussion (Дискуссия)

В данном обсуждении мы обратим внимание на отнесение нанайского языка либо к южной, либо к северной тунгусо-маньчжурской общности. Вопрос распада тунгусо-маньчжурского праязыка на три и более группы (ср. классификации В.А. Аврорина, Дз. Икегами), происхождение центральной группы (ср. классификация Г. Дёрфера) нами обсуждается в зависимости от решения бинарности или многочленности тунгусо-маньчжурской языковой классификации.

Сравнение глаголов устойчивого словарного фонда убедительно свидетельствуют о большем сходстве и близости нанайского и эвенкийского чем нанайского и маньчжурского. Об этом свидетельствует подавляющее количественное большинство нанайских глаголов, имеющих большее качественное сходство в прямой фонетическо-семантической аналогии с эвенкийскими паралелями: №№ 14, 33, 39, 41, 48, 49, 73, 89 (причём маньчжурские параллели не обнаружены в №№: 41, 73), чем с маньчжурскими № 22 (при имеющейся эвенкийской параллели !), а именно в виде соотношения восемь против одного. Это значит, что в недрах нанайского языка происходит действие закономерностей и тенденций, больше связанных с эвенкийским языком чем с маньчжурским.

№ 22 свидетельствует о маньчжурском влиянии на нанайский язык.

Об этом влиянии свидетельствует и № 17, в котором обнаруживается синоним: с одной стороны, имеющий большее сходство с эвенкийскими, с другой – с маньчжурскими данными.

Также о влиянии маньчжурского языка на нанайский свидетельствует наличие различающихся во внешнем облике форм №№: 24, 27, 82, 85, представленных в говорах, и которые в одних случаях более близки к эвенкийским, в других – к маньчжурским.

Яркими фонетическими особенностями маньчжурского языка являются: 1) глухой щелевой согласный *ɸ*; 2) вторичная долгота гласного или её отсутствие на месте выпавшего сонанта **ʏ* тунгусо-маньчжурского праязыка. Влияние маньчжурского на нанайский обнаруживается в этих явлениях, представленных в №№ 7, 18 (*ду́ту*-), 34, 42, 85, в которых имеется глухой щелевой согласный *ɸ* на месте глухого смычного *n* или звонкого щелевого *ʋ*, а также вторичная долгота гласного. Наибольшее влияние маньчжурского выявляется в верхнеамурском диалекте.

Нанайский язык проявляет свою фонетико-морфологическую (ср. №№ 11, 18 (*ну́чику-*), 20, 72, 79) и лексическую (№ 15), специфику, отличающую его от маньчжурского, эвенкийского и удэгейского.

Примечательно, что подавляющее большинство удэгейских глаголов почти буквально совпадают с эвенкийскими (ср. №№ 11, 14, 17, 18, 19, 33, 34, 41, 42, 48, 49, 72, 73, 85), чем с маньчжурскими (ср. №№ 24 (*ма.*, уд. *жэ-*), 79). Это обстоятельство свидетельствует о более тесных связях удэгейского и эвенкийского, чем удэгейского и маньчжурского. Однако удэгейские глаголы имеют свою фонетическую и семантическую специфику, отличающую его от нанайского, эвенкийского и маньчжурского, что свидетельствует об его отдельном развитии от указанных языков (ср. №№ 7, 22, 24 (*жэ-*), 27, 39, 41, 42 (*нактан-*), 82, 89) в рамках общности близкой к эвенкийскому, а не маньчжурскому.

О том, что нанайский язык имеет более тесные связи с группой близкородственных языков эвенкийскому, свидетельствует и его большее сходство с удэгейским языком (ср. №№ 14, 17, 19, 24 (*жэнтэ-*), 33, 34, 42, 48, 69 (*туту-*)), чем с маньчжурским (ср. № 22). При том, что удэгейский обнаруживает большую близость к эвенкийскому чем к маньчжурскому.

Глаголы устойчивого словарного фонда свидетельствуют о большей близости нанайского языка к эвенкийскому. При этом обнаруживается влияние маньчжурского языка на нанайский. Из всех нанайских диалектов наибольшему влиянию подверглись говоры верхнеамурского диалекта.

Лингвистические данные хорошо согласуются с генетическими.

Были изучены две крупные современные родовые группы нанайцев России: *бельды* и *самагир* (*самар*), а также маньчжуры и нанайцы (*хэджэ*), проживающие в Китае [Богун и др., 2018; Hue et al., 2005].

Был изучен полиморфизм Y-хромосомы для двух крупнейших родовых групп (*бельды*, N = 70 (носители среднеамурского диалекта); *самар*, N = 38 (носители нежнеамурского диалекта)) нанайцев. Почти весь (98%) генофонд *бельды* составлен вариантами трех гаплогрупп – “североевразийской” N3 (39%), “восточноевразийской” C2 (37%), “восточноазиатской” O (22%). У *бельды* преобладает специфичная для Приамурья субветвь N3a6-B479 (36%), достигающая в генофонде *самар* частоты 84%. В целом генофонды *бельды* и *самар* – вопреки данным этнографии – оказались сходными как между собой, так и по их генетической удаленности от других коренных народов Приамурья. На филогенетической сети STR-гаплотипов N3a четко выделились кластеры со 100%-ной родоспецифичностью: ни один из 70 представителей *бельды*, собранных по всему обширному ареалу нанайцев, не имеет с *самар* ни одного общего STR-гаплотипа N3a. Это позволило выдвинуть гипотезу о двух независимых путях миграции носителей N3a, разделенных во времени. На бóльшую древность кластера *самар* указывает высокое гаплотипическое разнообразие N3a и датировки кластеров STR-гаплотипов – для *самар* 1400 ± 500 лет, для *бельды* 800 ± 500 лет [Богун и др., 2005].

На основании исследований делается вывод о том, что нанайцы (*бельды* и *самар*) России содержат гаплогруппы N3a, значительно отличающийся от гаплогруппы маньчжуров: C3c. Вместе с тем, следы гаплогруппы маньчжуров C3c обнаруживаются у нанайцев *хэдже*.

Генетически носители верхнеамурского диалекта нанайцы (*хэдже*) обнаруживают одну и ту же гаплогруппу с маньчжурами C3c [Хуе et al., 2005], в то время как маньчжурская гаплогруппа C3c не обнаруживается у носителей средне- и нижнеамурского диалектов. В среднеамурском (*бельды*) выявляется гаплогруппа N3a, в нижнеамурском (*самар*) группа N3a, однако они не имеют общего STR-гаплотипа N3a [Богунев и др., 2005].

Таким образом, в верхнеамурском диалекте обнаруживается конвергенция между маньчжурами и нанайцами (*хэдже*). В результате конвергенции происходило влияние маньчжурского языка на нанайский, и вместе с этим процессом потомки маньчжуров стали переходить на нанайский язык в местах расселения нанайцев.

В дальнейшем в генетических исследованиях нанайцев необходимо изучить и генофонд соседних народов, ср. очень интересную связь нивхского и нанайского слов: нивх. *н'иувн* 'нивх', 'человек' и нан. *най*, *нај* 'человек' [Крейнович, 1955, с. 161], *Найхин* 'название села в нанайском районе Хабаровского края, где *най* 'человек', а *-хин* возможно аффикс для обозначения растений, предметов быта и т.п.'

Известно, что в эволюции языков происходят различные дивергентные процессы, которым нередко сопутствует конвергенция с родственными и не родственными языками.

Следует иметь в виду, что процессы конвергенции родственных и не родственных языков имеют существенное ограничение. Не возникают качественно отличные гибридные образования, не относящиеся к конвергируемым языкам [Щербак, 2005, с. 128]. Вместе с тем, как бы далеко не заходили процессы конвергенции и смешения, всегда можно выделить то вполне конкретное и определённое, что образует основу смешанного языка [Щербак, 2005, с. 6].

Таким образом, если конвергентные процессы при взаимодействии родственных и неродственных языков не приводят к образованию смешанных (гибридных) языков, то ситуация конвергенции родственных языков не совсем однозначна.

В последнем случае смешение (гибридизация) не имеет никаких ограничений. Например, удэгейский и ороцкий языки с точки зрения И.В. Кормушина, а также центральная группа Z: удэгейский, ороцкий, (витимский, олёкминский, токкинский, тунгирский говоры восточно-эвенкийского) от W/E/S/Z/L и Z: нанайский, ульчский (айанский, майинский, сахалинский, тоттинский, чумиканский говоры восточно-эвенкийского) от M, с позиций Г. Дёрфера.

Смешение (гибридизация) известны не только тунгусо-маньчжурским языкам, но и тюркским, в рамках алтайской языковой общности, образованной в результате процессов конвергенции.

В современных тюркских языках выявляется смешанная группа: северные диалекты алтайского, сарыг-югурский, хакасский, чулымский, шорский. Указанные языки образовались в результате смешения различных тюркских классификационных типов [Щербак, 1994, с. 39]. Однако можно обнаружить основу смешанного (гибридного) языка [Novgorodov et al., 2018; Novgorodov et al., 2020].

В русистике известен гибридный церковнославянский язык. Он представлен в житиях святых, поучениях, повестях, апокрифах, хронографах, летописях, в паломнической литературе и др. сочинениях, переведённых с греческого языка или создававшихся славянскими книжниками.

Изучение масштабных процессов конвергенции, выраженных смешением и гибридизацией родственных, а также пиджинизацией и креолизацией неродственных языков в терминах субстрата, суперстрата и адстрата в отечественном языкознании и языкового сдвига (language shift) в зарубежной лингвистике с применением меж- и междисциплинарных подходов как никогда актуальны в современном сравнительно-историческом языкознании в эпоху глобализации и научно-технической революции XXI века. Особенно актуальны эти исследования в связи с задачами изучения процессов модернизации – изменений при переходе от традиционного к индустриальному, а затем информационному (постиндустриальному) обществу, который представлен совокупностью подпроцессов: демографическим переходом, структурной дифференциацией общества, индустриализацией и урбанизацией, становлением новых образовательных, коммуникативных, ценностно-мотивационных механизмов [История Якутии].

Процессы конвергенции, смешения, гибридизации, пиджинизации и креолизации являются основными в смене идентичности представителей традиционного общества. Теоретически смена идентичности может быть вызвана сменой какого-либо одного элемента, например, языка, религии, расового типа и др., или комплексно, то есть сменой разных элементов. В целом, конструктивными элементами идентичности популяций *homo sapiens*, кроме языка, религии, расового типа могут являться: культура (понимаемая как совокупность специфических человеческих способов сознательной деятельности и её результатов, выраженная обычаями, обрядами, типом хозяйства (охота и т.п.), образом жизни (осёдлый, кочевой, полукочевой), формами орудия труда, одежды и др.) [Садохин, 2005, с. 155-163], генотип (гаплогруппа, гаплотип, примеси), самосознание и самоназвание, рассматриваемые в совокупности.

Смена идентичности в результате действия конвергенции в сфере языка и генотипа происходила и происходит в обществах современного и древнего мира. В этом случае процесс смены идентичности традиционного общества в самом общем виде можно представить в виде следующих этапов: 1) влияние пришельцев на язык и генотип представителей традиционного общества; 2) двуязычие (многоязычие) представителей традиционного общества и их смешение с пришельцами, в результате чего образовывается отдельная

идентичность (отдельные идентичности), проявляющаяся в виде говоров и диалектов, наличия новых гаплотипов и примесей в рамках традиционного общества; 3) постепенный переход представителей традиционного общества на язык пришельцев, абсорбация их гаплотипов; 4) образование нового общества со своей своеобразной уникальной идентичностью, языком и генотипом. Разумеется указанный процесс может прерваться на любом этапе.

Однако данное основное направление развития смены идентичности осложняется явлениями, в связи с возникновением, например, государственности. В рамках государственности процессы смены идентичности несколько сдерживаются, поскольку имеется стремление сохранить существующее положение дел, включая и национальную идентичность, в которой конструктивным дифференциальным признаком является родной язык. Язык, возведённый в статус государственного, всецело зависит от развитости конструктивных элементов самого государства.

Применительно к Российской Федерации развитие федерализма наиболее существенно, поскольку в ней проживают 143,9 миллионов россиян (начало 2015 г., оценка), включающих 193 (перепись 2010 г.) этнические общности. Причём современное развитие федерализма в России учитывает опыт советского федерализма в духе идей В.И. Ленина о праве наций на самоопределение вплоть до их отделения и не развивает эту практику. По оценке Президента РФ В.В. Путина, В.И. Ленин в указанном положении заложил бомбу в основание СССР: «Так вот Ленин выступил за то, чтобы государство, Советский Союз, образовался на основе...полного равноправия с правом выхода из Советского Союза. И вот это и есть – мина замедленного действия под зданием нашей государственности» [РИА Новости].

В настоящее время в России развивается концепция гражданской нации, заключающая в себе грандиозную программу нациестроительства (nation-building) на основе граждан страны (согражданство), которые при этнических, религиозных и расовых отличиях начинают обладать общей идентичностью, общей исторической памятью и культурой, патриотизмом и солидарностью [Тишков, 2018].

В сопредельном России Китае, где обнаруживается несколько тунгусо-маньчжурских народов, в том числе *хэджэ*, а также большое количество других различных этнических общностей, идёт строительство „*чжунхуа миньцзу*“ – китайской нации. Государственная политика в целом позволяет поддерживать идентичность через сохранение традиционных праздников, элементов повседневной культуры. В настоящее время, например, *хэджэ* занимаются теми же видами хозяйственной деятельности, что и китайцы. К сожалению, такая интеграция привела к практически полной утрате языка. Возможно, с преобладанием ассимиляционных процессов произойдёт растворение *хэджэ* в создаваемой китайской нации – *чжунхуа миньцзу* [Чжан Цзяньвэнь, 2020, с. 282].

Указанные процессы могут быть приняты во внимание сторонниками различных современных теорий модернизации традиционного общества и

трансформации государственных образований, например, возникших после распада СССР.

Возвращаясь к теме исследования, необходимо рассмотреть данные нанайского языка не только с точки зрения дивергенции, но и конвергенции.

Например, фонемный ряд, восходящий к реконструируемым пратунгусо-маньчжурским начальным согласным: **p-*, **x-* [Benzing, 1955, S. 32, 42], являющимися разграничительными признаками в разных систематизациях, можно изучать не только с позиций дивергенции, но и конвергенции.

Сомнения в реконструкции пратунгусо-маньчжурских согласных: **p-*, **x-* обоснованы наличием нерегулярных соответствий в современных языках. Кроме того, также обращает внимание присутствие щелевых согласных на месте реконструируемого смычного согласного **p-* во всех языках кроме нанайского. Примеры:

эвенк. *хокто*, *сокто*, *окто*, эвен. *hoot*, нег., ороч., уд. *хокто*, ульч, орок., нан. *покто* нх, *фокто* к-у, бк 'дорога', ма. *окторон* 'следы (зайца)' [ССТМЯ, 1977, с. 331]. По всей видимости здесь должна быть пратунгусо-маньчжурская реконструкция в виде **pokto* 'дорога'. Но для этой реконструкции есть препятствия в виде нерегулярности. В маньчжурском должен быть начальный щелевой глухой согласный *ф-* в слове *окторон*, но этот звук не обнаруживается в этой позиции. С точки зрения регулярности фонетических соответствий в маньчжурском должно было быть слово с начальным согласным *ф-* в виде *фокторон*. В нанайском имеются две формы: одна со смычным начальным *п-* (*покто*), а другая с щелевым начальным *ф-* (*фокто*). Форма *фокто* не типична для нанайского литературного языка. В эвенкийском наблюдается форма *сокто* вместо *хокто*;

эвенк., эвен. *од-*, ороч. *оди-*, *хоџи-*, уд. *вади-*, ульч. *ходи-*, орок. *хоџи-*, нан. *хоџи-* нх, *оџи-* к-у, ма. *ваџи-* 'кончить, прекратить' [ССТМЯ, 1977, с. 6]. Вероятнее всего здесь должна быть пратунгусо-маньчжурская реконструкция в виде **хоџи-* 'кончить, прекратить'. Но для этой реконструкции есть препятствия в виде нерегулярности. В нанайском здесь должен быть представлен во всех говорах диалектов согласный *х-*, но в кур-урмийском говоре этого звука нет. В маньчжурском должен был быть 0- (ноль звука), но вместо него представлен звонкий щелевой согласный *в-*. Этот же звук выступает в удэгейском в виде *в-* вместо регулярного отсутствия согласного. В орочском наряду с регулярным соответствием 0- (ноль звука) выступает указанный согласный *х-*.

Следует отметить, что В.И. Цинциус объяснял нерегулярность фонетических соответствий наличием заимствованных слов, например, из ульчского (нанайского) в негидальский и удэгейский, с начальным смычным *п-*, который представлен в словах вместо щелевого согласного *h-* [Цинциус, 1949, с. 151]. По-видимому, в нанайском также происходят процессы конвергенции, смешения, гибридизации и заимствования, например, в случае одновременного сосуществования форм: среднеамурского *покто* и

верхнеамурского *фокто* ‘дорога’. Форма *покто* со смычным глухим начальным согласным *n*- возникла в результате заимствования *фокто*. Происхождение нанайской формы *фокто* связано скорее всего с переносом маньчжурских произносительных норм в язык кур-урмийских и бикинских нанайцев в результате влияния языка маньчжуров на верхнеамурский диалект нанайцев. И здесь обнаруживается протетический начальный согласный *ф*-, а не этимологический звук. Субституция кур-урмийского и бикинского глухого щелевого согласного *ф*- найхинским смычным глухим *n*- произошла в условиях отсутствия акустико-артикуляционного аналога в последнем. Начальный смычный глухой согласный *n*- образовался довольно поздно в современных тунгусо-маньчжурских языках. Нужно иметь в виду, что качество смычного глухого начального согласного найхинского *n*-, являющегося звуком литературного нанайского языка, создаёт видимость исконного этимологического звука, а не вторичного консонанта, возникшего на базе субституции протетического щелевого глухого *ф*-. Таким образом, происхождение тунгусо-маньчжурского ряда начальных согласных в однокоренных словах, имеющих нерегулярное фонетическое соответствие (например: эвенк. *нокто*, *сокто*, *окто*, эвен. *hoot*, нег., ороч., уд. *хокто*, ульч, орок., нан. *покто* нх, *фокто* к-у, бк ‘дорога’, ма. *окторон* ‘следы (зайца)’; эвенк., эвен. *од*-, ороч. *оди*-, *хоџи*-, уд. *вади*-, ульч. *ходи*-, орок. *хоџи*-, нан. *хоџи*- нх, *оџи*- к-у, ма. *ваџи*- ‘кончить, прекратить’), связано с щелевой артикуляцией, а не смычной. Нужно иметь в виду, что щелевые согласные в случаях нерегулярных соответствий часто связаны с протетическими согласными.

Продолжая развивать идею о происхождении начального нанайского *n*- в результате субституции согласного *ф*-, можно сделать вывод о длительной конвергенции, смешении, гибридизации нанайского в результате влияния южного языка, основы маньчжурского. В результате этих процессов произошло заимствование слов с южным классификационным типом, с начальным *ф*- в нанайский язык, в котором они выступают с начальным смычным согласным *n*-, например: эвенк. *һакин*, *акин* ‘печень’ (ср. нан. к-у *хаки*), сол. *ахи*, эвен. *һа́кън*, нег., ороч., уд. *ха́хин*, нан. нх *pā* (< ма. *фахун* > орок. *pāуа*, ульч. *pā*) [ССТМЯ, 1977, с. 310].

Субституции в начальный глухой смычный согласный найхинский *n*- подвергается и русский глухой согласный начальный *ф*-. нан. *потаҕи* нх ‘керосин’, ср. *фотаҕи* бк, к-у id. < рус. *фотоген* ‘фотоген (керосин, горючая жидкость)’ [ССТМЯ, 1977, с. 45].

Сходный процесс субституции начального огубленного согласного происходит и в якутском языке. Например, в якутско-русских связях обнаруживается русская огубленная звонкая щелевая согласная протеза *в*-, которая отразилась в виде якутского огубленного звонкого смычного согласного *б*-. рус. *оспа* > *воспа* > як. *буоспа* ‘оспа’. В ситуации, когда нет ближайшего аналога иноязычному начальному щелевому звонкому огубленному согласному звуку *в*-, происходит его субституция на якутский огубленный звонкий смычный согласный *б*-, который является

закономерным развитием пратюрокского смычного глухого начального согласного **n*-.

Нерегулярное фонетическое соответствие тунгусо-маньчжурских начальных согласных, например: *n*-, *φ*-, *в*-, *с*-, *h*-, *х*-, *к*-, 0 (ноль звука) позволяет сделать заключение об их протетическом и субституциональном характере происхождения в лексических параллелях. Данная идея была высказана ещё С.М. Широкогоровым [Shirokogoroff, 1930]. Учёный, по существу критикуя «закон» Рамстедта-Пельо, объяснил тунгусо-маньчжурский консонантный ряд *n*-, *φ*-, *в*-, *с*-, *h*-, *х*-, *к*-, 0 (ноль звука), не реконструкцией двух разных празвуков **p*-, **x*-, как это делает Й. Бенцинг [Benzing 1955 : 32, 42], а билабиализацией и аспирацией: $k < x < h (< s) < ' < 0 > ' > w (> v \text{ и } f > p)$ [Shirokogoroff, 1930, p. 260].

О происхождении нерегулярности фонетического соответствия тунгусо-маньчжурских начальных согласных, например: *n*-, *φ*-, *в*-, *с*-, *h*-, *х*-, *к*-, 0 (ноль звука) в лексических параллелях прямо пишет А.М. Щербак: «По-видимому, нельзя считать окончательно раскрытой и природу среднемонгольского *h*, тунгусских *p*, *f*, *h*. Напомним, что ещё П.М. Мелиоранский говорил об «аттакировании» начального гласного придыханием» в одном из древних монгольских диалектов [6] и тем самым подчёркивал роль дополнительных артикуляций в начале слова, а С.М. Широкогоров, который был склонен относить к вторичным и тунгусские *p*, *f*, *h*, связывал, например, появление эвенкийского *h* с усилением инкурсии [7, с. 102-109]» [Щербак, 1989, с. 134].

С точки зрения протетического, а не первичного, этимологического происхождения тунгусо-маньчжурского соответствия начальных согласных: *n*-, *φ*-, *в*-, *с*-, *h*-, *х*-, *к*-, 0 (ноль звука) в лексических параллелях можно утверждать о наличии двух противоположных ареалов. В первом происходят процессы формирования неогубленных протетических звуков, а во втором огубленных. С этой точки зрения южные тунгусо-маньчжурские древние и современные языки (чжурчженьский, маньчжурский) противопоставляются северным (все остальные). В таком случае нанайский язык относится к северным тунгусо-маньчжурским языкам, возникшим на базе пратунгусского промежуточного праязыка. Разделение на две первоначальные ветви подкрепляется и данными тунгусо-маньчжурской морфологии. Известно, что маньчжурский выделяется незначительным числом падежей и отсутствием притяжательных именных форм и личных форм глагола [Цинциус, 1949, с. 30].

Это деление в настоящее время подкрепляется генетическими данными маньчжуров и нанайцев, изложенными ранее. Эти выводы подтверждают различие нанайцев и маньчжуров на генетическом уровне и влиянии маньчжуров на нанайцев. В последнем случае подтверждается смешение (гибридизация) языка нанайцев материальными фактами. Идея происхождения нанайцев в результате влияния южных маньчжурских элементов на северные тунгусские образования была высказана ещё С.М. Широкогоровым [Shirokogoroff, 1930, p. 260].

В дальнейшем, в целях систематизации языков тунгусо-маньчжурских народов в виде генетической классификации, необходимо принимать во внимание и дивергенцию, и конвергенцию. О роли последней свидетельствуют факты происхождения западного наречия эвенского языка в результате перехода потомков якутов на эвенский язык, а также установленный в данной статье факт возникновения верхнеамурского диалекта вследствие перехода потомков маньчжуров на нанайский язык.

В последней связи изучение тунгусо-маньчжурских языков для установления генетической классификации необходимо исследование на уровне наречий и диалектов.

Состав современных тунгусо-маньчжурских языков также требует изучения. Современными учёными выявляются ранее не включённые в классификации языки: например, орокенский и сибирский.

Также установление генетической классификации предполагает изучение прежде всего современных языков, так как древние и мёртвые языки могут быть результатом пережитого состояния современных.

Conclusion (Заключение)

Исследование глаголов устойчивого словарного фонда, особенностей тунгусо-маньчжурских языков, учёт данных генетики маньчжуров и нанайцев, обзор процессов дивергенции и конвергенции (смешение, гибридизация) в сфере языка и идентичности на фоне вызовов глобализации и научно-технической революции современного мира, модернизации и трансформации традиционного общества позволяют сделать вывод о том, что нанайский язык в генетической классификации обнаруживает большую близость к близкородственным языкам (идиомам) эвенкийского и удэгейского, чем к маньчжурскому языку. Тем самым все таксоны эвенкийского, удэгейского и нанайского противопоставлены маньчжурскому. Это обстоятельство формирует положение о бинарной системе современных тунгусо-маньчжурских языков, в которой, с одной стороны, представлены таксоны эвенкийского, удэгейского и нанайского языков, с другой – маньчжурского языка.

Библиографический список

- Аврорин, В.А.* Грамматика нанайского языка. Том I. Москва-Ленинград, Издательство Академии наук СССР, 1959. 283 с.
- Богунов, Ю.В., Жабагин, М.К., Богунова, А.А., Каменщикова, Е.Н., Мальцева, О.В., Беленикин, М.С., Короткова, Н.А., Дамба, Л.Д., Юсупов, Ю.М., Янковский, Н.К., Балановский, О.П., Балановская, Е.В.* Генофонд коренных народов Дальнего Востока: генетическая реконструкция происхождения нанайских родов (бельды и самар) // *Генетика*. Т. 54, № 13, 2018. С. 99-102.
- Василевич, Г.М.* Эвенкийско-русский словарь. М., Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. 802 с.
- Дёрфер, Г.* Базисная лексика и алтайская проблема // *Вопросы языкознания*, 1981, № 4. С. 35-44.

- История Якутии*. Т. 3. [Электронный ресурс]. – 2020 URL: <https://yakutia.science/project/sakha-history/3> (дата обращения: 31.08.2021).
- Клоусон, Дж.* Лексикостатистическая оценка алтайской теории // Вопросы языкознания. 1969. №5. С. 22-41.
- Комри, Б.* Язык и доистория: к междисциплинарному подходу // Вопросы языкознания. 2000. № 5. С. 28-31.
- Кормушин, И.В.* Тунгусо-маньчжурские языки // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Задачи и перспективы. С. 153-167. М., Наука, 1982. 343 с.
- Крейнович, Е.А.* Гиляцко-тунгусо-маньчжурские параллели // Доклады и сообщения института языкознания АН СССР, 1955. № 8. С. 135-167.
- Новгородов, И.Н.* Устойчивый словарный фонд в генетической классификации на примере восточного наречия эвенского языка // Международный информационно-аналитический журнал «Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык». 2021. Выпуск 2. С. 36-50
- Певнов, А.М.* О древних тюркизмах в тунгусо-маньчжурских языках // Тюркское языкознание XXI века: лексикология и лексикография. Материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию создания Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. Составитель Э.И. Сафина. С. 193-196. Издательство: Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова, 2019. 320 с .
- РИА Новости.* Путин пояснил свои слова о том, что идеи Ленина разрушили СССР. 25.01.2016 г. [Электронный ресурс]. – 2016 URL: <https://ria.ru/20160125/1365138857.html> (дата обращения: 31.08.2021).
- Садохин, А.П.* Этнология: учебник. 2-е издание переработанное и дополненное. М., Гардарики, 2005. 287 с.
- Старостин, С.А.* Алтайская проблема и происхождение японского языка. М., Наука, 1991. 296 с.
- Суник, О.П.* Тунгусо-маньчжурские языки // Языки мира: монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. М., Издательство «Индрик», 1997. 408 с.
- Тишков, В.А.* Как нам построить общество равных, разных, солидарных наций и народностей. Независимая газета. 27.02.2018. [Электронный ресурс]. – 2018 URL: https://www.ng.ru/stsenarii/2018-02-27/9_7180_formula.html (дата обращения: 31.08.2021).
- Цинциус, В.И.* Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л., Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, Ленинградское отделение, 1949. 342 с.
- Чжан Цзяньвэнь.* Влияние китайской культуры на формирование языка и письменности нанайцев на Дальнем Востоке // Мир науки, культуры и образования. 2020. №2 (81). С. 280-283.
- Щербак, А.М.* Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., Наука, 1970. 210 с.
- Щербак А.М.* Рецензия на Doerfer G. Mongolo-Tungusica. – Wiesbaden, 1985. 307 S. // Вопросы языкознания. 1989. № 6. С. 132-135.
- Щербак, А.М.* Введение в сравнительное изучение тюркских языков. СПб., Наука, 1994. 191 с.
- Щербак, А. М.* Ранние тюрко-монгольские языковые связи (VIII–XIV вв.). СПб., ИЛИ РАН, 1997. 292 с.
- Щербак А.М.* Тюркско-монгольские языковые контакты в истории монгольских языков. СПб., Наука, 2005. 195 с.
- Языки мира:* Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. М., Издательство «Индрик», 1997. 408 с.
- Benzing, J.* Die tungusischen Sprachen: Versuch einer vergleichenden Grammatik. Wiesbaden, 1955. 151 S.

- Doerfer, G.* Classification problems of Tungus. In: Weiers M. (eds.), *Tungusica*. Bd. 1. Beiträge zur nordasiatischen Kulturgeschichte. Wiesbaden, Otto Harrassowitz, 1978. Pp. 1-26.
- Doerfer, G.* *Mongolo-Tungusica*. Wiesbaden, 1985. 307 S.
- Fengxiang, L. and Lindsay, J. W.* Loan words in Oroqen, a Tungusic language of China. Loan words in the world's languages: a comparative handbook / edited by Martin Haspelmath and Uri Tadmor. Berlin, Walter de Gruyter, 2009. Pp. 526-541.
- Georg, S.* Unreclassifying Tungusic // Proceedings of the First International Conference on Manchu-Tungus Studies Bonn, August 28 - September 1, 2000: Trends in Tungusic and Siberian Linguistics (Tunguso-Sibirica). Wiesbaden, Otto Harrassowitz; December 31, 2004. 192 pages. Pp. 45-57.
- Ikegami, J.* Versuch einer Klassifikation der tungusischen Sprachen // Sprache, Geschichte und Kultur der Altaischen Völker. Berlin : Akademik Verlag, 1974. S. 271-272.
- Ki-moon Lee.* Manchu-Tungus loanwords in Korean // (1991) *Altai Hakpo*. Journal of the Altaic society of Korea. 03 : 23-34.
- Lindsay J. W., Lenore A. G. and Fengxiang Li.* Revisiting Tungusic classification from the bottom up: A comparison of Evenki and Oroqen // *Language*. Vol. 75, No. 2 (Jun., 1999). Pp. 286-321.
- Novgorodov, I., Efremov, N., Ivanov, S. and Lemskaya, V.* A Relationship of Chulym Turkic to the Peripheral and Uralian Kipchak Languages According to the Leipzig-Jakarta List // Proceedings of the XVIIth International Conference on Linguistic and Cultural Studies (LKTI 2017), October 11–13, 2017, Tomsk, Russia. *Linguistic and Cultural Studies: Traditions and Innovations // Advances in Intelligent Systems and Computing* 677, (2018). Pp. 286-295.
- Novgorodov, I., Nazmutdinova, T., Petrov, A., Zaksor, L., and Nesterova, E.* The Arctic Altaic languages // Proceedings of the Conference “Integrating Engineering Education and Humanities for Global Intercultural Perspectives”, 25-27 March 2020, St. Petersburg, Russia // *Lecture Notes in Networks and Systems*, vol. 131. Springer Nature Switzerland AG (2020). Pp. 1108-1116.
- Poppe, N.* Introduction to Mongolian comparative studies. Helsinki, Suomalai-Ugrilainen Seura, 1955. 300 p.
- Robbeets, M.* Diachrony of Verb Morphology. Japanese and the Transeurasian Languages. Berlin/Boston, Walter de Gruyter GmbH, 2015. 550 p.
- Shirokogoroff, S.* Notes on bilabialization and aspiration of the vowels in the Tungus languages // *Rocznik orientalistyczny: Odbitka*. T. VII. Lwow, 1930. Pp. 235-263.
- Tadmor, U.* Loanwords in the world's languages: findings & results // *Loanwords in the world's languages: a comparative handbook* / edited by Martin Haspelmath, Uri Tadmor. Berlin: Walter de Gruyter GmbH & Co., 2009. 1081 p.
- Vovin, A.* Towards a new classification of Tungusic languages // *Evroasian Studies Yearbook* 65 : 99-113, 1993.
- Vovin, A.* Why Manchu and Jurchen look so non-Tungusic? History and Historiography of Post-Mongol Central Asia and the Middle East Studies in Honour of John E. Woods. Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, 2006. 604 pages. Pp. 73-84.
- Vovin, A.* Korean loanwords in Jurchen and Manchu // (2007) *Altai Hakpo*. Journal of the Altaic society of Korea. 17 : 73-84.
- Xue, Y., Zerjal, T., Bao, W., Zhu, S., Lim, S.-K., Shu, Q., Xu, J., Du, R., Fu, S., Li, P., Yang, H. and Tyler-Smith, Ch.* Recent Spread of a Y-Chromosomal Lineage in Northern China and Mongolia // *American Journal of Human Genetics*, 77: 1112-1116 (2005).

Лексикографические источники

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю / Отв. редактор В.И.Цинциус. Л., Наука, Т. I, 1975. Т. II, 1977 [ССТМЯ, 1975, 1977].

Роббек, В.А., Роббек, М.Е. Эвенско-русский словарь. Эвэды-нючиды төрэрүк. Новосибирск, Наука, 2005. 356 с. [ЭРС, 2005].

Санжеев, Г.Д., Орловская, М.Н., Шевернина, З.В. Этимологический словарь монгольских языков / Главный редактор Г.Д. Санжеев, редакторы Л.Р. Концевич, В.И. Рассадин, Я.Д. Леман. Москва, Институт Востоковедения РАН, Т. II, G- P, 2015. 232 с. [ЭСМЯ, 2015].

Abbreviations (Сокращения)

бао. – баоаньский язык
бур. – бурятский язык
даг. – дагурский язык
др.-тюрк. – язык памятников древнетюркской письменности
дунс. – дунсянский язык
калм. – калмыцкий язык
кор. – корейский язык
ма. – маньчжурский язык
*монг. – монгольский праязык
монг. – монгольский язык
мнгр. – монгорский язык
м.-п. – монгольский письменный язык
нан. – нанайский язык
нег. – негидальский язык
нивх. – нивхский язык
орд. – ордосский язык
орок. – орокский язык
ороч. – ороцкий язык
рус. – русский язык
сиб. – сибирский диалект маньчжурского языка
сол. – солонский язык
ср.-монг. – среднемонгольский язык
*тюрк. – тюркский праязык
*т.-ма. – тунгусо-маньчжурский праязык
уд. – удэгейский язык
ульч. – ульчский язык
эвен. – эвенский язык
эвенк. – эвенкийский язык
як. – якутский язык

References

- Avrorin, V.A.* Grammatika nanajskogo yazyka [Nanai grammar]. Tom I. Moskva-Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1959. 283 p. (in Russian)
- Benzing, J.* Die tungusischen Sprachen: Versuch einer vergleichenden Grammatik. Wiesbaden, 1955. 151 S.
- Bogunov, YU.V., Zhabagin, M.K., Bogunova, A.A., Kamenshchikova, E.N., Mal'ceva, O.V., Belenikin, M.S., Korotkova, N.A., Damba, L.D., YUsupov, YU.M., Yankovskij, N.K., Balanovskij, O.P., Balanovskaya, E.V.* Genofond korennyh narodov Dal'nego Vostoka: geneticheskaya rekonstrukciya proiskhozhdeniya nanajskih rodov (bel'dy i samar) [The gene pool of the indigenous peoples of the Far East: genetic reconstruction of the origin of the Nanai clans (Beldy and Samar)] // *Genetika*. T. 54, № 13, 2018. Pp. 99-102.
- CHzhan Czyan'ven'.* Vliyanie kitajskoj kul'tury na formirovanie yazyka i pis'mennosti nanajcev na Dal'nem Vostoke [The influence of Chinese culture on the formation of the Nanai language

- and writing in the Far East]. *Mir nauki, kul'tury i obrazovaniya*. 2020. №2 (81). Pp. 280-283. (in Russian)
- Cincius, V. I.* Sravnitel'naya fonetika tunguso-man'chzhurskikh yazykov [Comparative phonetics of the Tungus-Manchu languages]. – L.: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Ministerstva prosveshcheniya RSFSR, Leningradskoe otdelenie, 1949. – 342 s. (in Russian)
- Clauson, G.* Leksikostatisticheskaya ocenka altajskoj teorii [Lexicostatistical assessment of the Altai theory] // *Voprosy yazykoznaniya*, 1969, №5. Ss. 22-41. (in Russian)
- Comrie, B. Y.* Yazyk i doistoriya: k mnogodisciplinarnomu podhodu [Language and prehistory: towards a multidisciplinary approach] // *Voprosy yazykoznaniya*, 2000, № 5. Ss. 28-31. (in Russian)
- Doerfer, G.* Classification problems of Tungus. In: Weiers M. (eds.), *Tungusica*. Bd. 1. Beiträge zur nordasiatischen Kulturgeschichte. Wiesbaden, Otto Harrassowitz, 1978. Pp. 1-26.
- Doerfer, G.* Bazisnaya leksika i altajskaya problema [Basic vocabulary and the Altai problem] // *Voprosy yazykoznaniya*, 1981, № 4. Pp. 35-44. (in Russian)
- Doerfer, G.* *Mongolo-Tungusica*. Wiesbaden, 1985. 307 S.
- Fengxiang, L. and Lindsay, J. W.* Loan words in Oroqen, a Tungusic language of China. Loan words in the world's languages: a comparative handbook / edited by Martin Haspelmath and Uri Tadmor. Berlin, Walter de Gruyter, 2009. Pp. 526-541.
- Georg, S.* Unreclassifying Tungusic // *Proceedings of the First International Conference on Manchu-Tungus Studies Bonn, August 28 - September 1, 2000: Trends in Tungusic and Siberian Linguistics (Tunguso-Sibirica)*. Wiesbaden, Otto Harrassowitz; December 31, 2004. 192 pages. Pp. 45–57.
- Ikegami, J.* Versuch einer Klassifikation der tungusischen Sprachen // *Sprache, Geschichte und Kultur der Altaischen Volker*. - Berlin : Akademik Verlag, 1974. – S. 271-272.
- Istoriya Yakutii* [A history of Yakutia]. T. 3. [Electronic resource] URL: <https://yakutia.science/project/sakha-history/3> (date of the application 31/08/2021) (in Russian)
- Ki-moon Lee.* Manchu-Tungus loanwords in Korean // (1991) *Altai Hakpo. Journal of the Altaic society of Korea*. 03 : 23-34.
- Kormushin, I.V.* Tunguso-man'chzhurskie yazyki // *Sravnitel'no-istoricheskoe izuchenie yazykov raznykh semej. Zadachi i perspektivy* [Tungus-Manchu languages // Comparative-historical study of languages of different families. Challenges and prospects]. Pp. 153-167. M., Nauka, 1982. 343 s. (in Russian)
- Krejnovich, E.A.* Gilyacko-tunguso-man'chzhurskie paralleli // *Doklady i soobshcheniya instituta yazykoznaniya AN SSSR* [Gilyak-Tungus-Manchu parallels // Reports and messages of the Institute of Linguistics of the Academy of Sciences of the USSR], 1955. № 8. Pp. 135–167. (in Russian)
- Lindsay J. W., Lenore A. G. and Fengxiang Li.* Revisiting Tungusic classification from the bottom up: A comparison of Evenki and Oroqen // *Language*. Vol. 75, No. 2 (Jun., 1999). Pp. 286-321.
- Novgorodov, I., Efremov, N., Ivanov, S. and Lemskaya, V.* A Relationship of Chulym Turkic to the Peripheral and Uralian Kipchak Languages According to the Leipzig–Jakarta List // *Proceedings of the XVIIth International Conference on Linguistic and Cultural Studies (LKTI 2017)*, October 11–13, 2017, Tomsk, Russia. *Linguistic and Cultural Studies: Traditions and Innovations // Advances in Intelligent Systems and Computing* 677, (2018). Pp. 286-295.
- Novgorodov, I., Nazmutdinova, T., Petrov, A., Zaksor, L., and Nesterova, E.* The Arctic Altaic languages // *Proceedings of the Conference “Integrating Engineering Education and Humanities for Global Intercultural Perspectives”*, 25-27 March 2020, St. Petersburg, Russia // *Lecture Notes in Networks and Systems*, vol. 131. Springer Nature Switzerland AG (2020). Pp. 1108-1116.
- Novgorodov, I.N.* Ustojchivyy slovarnyy fond v geneticheskoy klassifikatsii na primere vostochnogo narechiya evenskogo yazyka // *Mezhdunarodnyy informacionno-analiticheskij zhurnal «Crede Experto: transport, obshchestvo, obrazovanie, yazyk»* [The Leipzig-Jakarta list in genetic classification on the example of the eastern dialect of the Even language // *International*

- information and analytical journal "Crede Experto: transport, society, education, language"], 2021. Issue 2. Pp. 36-50. (in Russian)
- Pevnov, A.M.* O drevnih tyurkizmah v tunguso-man'chzhurskikh yazykah // Tyurkskoe yazykoznanie XXI veka: leksikologiya i leksikografiya. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 80-letiyu sozdaniya Instituta yazyka, literatury i iskusstva im. G. Ibragimova Akademii nauk Respubliki Tatarstan [About ancient Türkisms in the Tungus-Manchu languages // Türkic linguistics of the XXI century: lexicology and lexicography. Materials of the international scientific conference dedicated to the 80th anniversary of the establishment of the Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan]. Compiled by E.I. Safina. Pp. 193-196. Publisher: Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov, 2019. 320 c. (in Russian)
- Poppe, N.* Introduction to Mongolian comparative studies. Helsinki, Suomalai-Ugrilainen Seura, 1955. 300 p.
- RIA Novosti.* Putin poyasnil svoi slova o tom, chto idei Lenina razrushili SSSR [Putin explained his words that Lenin's ideas destroyed the USSR]. 25.01.2016. [Electronic resource] URL: <https://ria.ru/20160125/1365138857.html> (date of the application 31/08/2021) (in Russian)
- Robbeets, M.* Diachrony of Verb Morphology. Japanese and the Transeurasian Languages. Berlin/Boston, Walter de Gruyter GmbH, 2015. 550 p.
- Sadodin, A.P.* Etnologiya: uchebnik. 2-e izdanie pererabotannoe i dopolnennoe [Ethnology: textbook. 2nd edition revised and enlarged]. M., Gardariki, 2005. 287 p. (in Russian)
- SHCHerbak, A.M.* Sravnitel'naya fonetika tyurkskikh yazykov [Comparative phonetics of the Turkic languages]. L., Nauka, 1970. 210 p. (in Russian)
- SHCHerbak A.M.* Recenziya na Doerfer G. Mongolo-Tungusica. – Wiesbaden, 1985. 307 S.[Review of Doerfer G. Mongolo-Tungusica. - Wiesbaden, 1985.307 S.] // Voprosy yazykoznaniiya. 1989, № 6. Pp. 132-135. (in Russian)
- SHCHerbak A.M.* Vvedenie v sravnitel'noe izuchenie tyurkskikh yazykov [Introduction to the Comparative Study of Turkic Languages]. SPb, Nauka, 1994. 191 p. (in Russian)
- SHCHerbak, A. M.* Rannie tyurko-mongol'skie yazykovye svyazi (VIII–XIV vv.) [Early Turkic-Mongolian linguistic ties (VIII-XIV centuries)]. SPb, ILI RAN, 1997. 292 p. (in Russian)
- SHCHerbak A.M.* Tyurksko-mongol'skie yazykovye kontakty v istorii mongol'skikh yazykov [Turkic-Mongolian linguistic contacts in the history of the Mongolian languages]. SPb, Nauka, 2005. 195 p. (in Russian)
- Shirokogoroff, S.* Notes on bilabialization and aspiration of the vowels in the Tungus languages // Rocznik orientalistyczny: Odbitka. T. VII. Lwow, 1930. Pp. 235-263.
- Starostin, S. A.* Altajskaya problema i proiskhozhdenie yaponskogo yazyka [The Altaic problem and an origin of the Japanese language]. M.: Nauka, 1991. 296 s. (in Russian)
- Sunik, O. P.* Tunguso-man'chzhurskie yazyki // YAzyki mira: mongol'skie yazyki. Tunguso-man'chzhurskie yazyki. YAponskij yazyk. Korejskij yazyk [Languages of the World: the Mongolian Languages. The Tungus-Manchu languages. The Japanese language. The Korean language]. M.: Izdatel'stvo "Indrik", 1997. 408 c. (in Russian)
- Tadmor, U.* Loanwords in the world's languages: findings & results // Loanwords in the world's languages: a comparative handbook / edited by Martin Haspelmath, Uri Tadmor. Berlin: Walter de Gruyter GmbH & Co., 2009. 1081 p.
- Tishkov, V.A.* Kak nam postroit' obshchestvo ravnyh, raznyh, solidarnykh natsij i narodnostej. Nezavisimaya gazeta [How can we build a society of equal, different, solidarity nations and nationalities? Independent newspaper]. 27.02.2018. [Electronic resource] URL: https://www.ng.ru/stsenarii/2018-02-27/9_7180_formula.html (date of the application 31/08/2021) (in Russian)
- Vasilevich, G. M.* Evenkijsko-russkij slovar' [Evenki-Russian dictionary]. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i nacional'nykh slovarej, 1958. 802 p. (in Russian)

Vovin, A. Towards a new classification of Tungusic languages // *Evroasian Studies Yearbook* 65 : 99-113, 1993.

Vovin, A. Why Manchu and Jurchen look so non-Tungusic? History and Historiography of Post-Mongol Central Asia and the Middle East Studies in Honour of John E. Woods. Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, 2006. 604 pages. Pp. 73-84.

Vovin, A. Korean loanwords in Jurchen and Manchu // (2007) *Altai Hakpo. Journal of the Altaic society of Korea*. 17 : 73-84.

Xue, Y., Zerjal, T., Bao, W., Zhu, S., Lim, S.-K., Shu, Q., Xu, J., Du, R., Fu, S., Li, P., Yang, H. and Tyler-Smith, Ch. Recent Spread of a Y-Chromosomal Lineage in Northern China and Mongolia // *American Journal of Human Genetics*, 77: 1112-1116 (2005).

Yazyki mira: Mongol'skie yazyki. Tunguso-man'chzhurskie yazyki. Yaponskij yazyk. Korejskij yazyk [Languages of the World: Mongolian Languages. Tungus-Manchu languages. Japanese language. Korean language]. M., Izdatel'stvo «Indrik», 1997. 408 p. (in Russian)

Lexicographic sources

Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'chzhurskih yazykov: Materialy k etimologicheskomu slovarju [A Comparative Dictionary of the Tungus-Manchu Languages: Materials for the Etymological Dictionary.] / Otv. redaktor V.I.Cincius. – L.: Nauka, T. I, 1975, T. II, 1977 [SSTMYA 1975, 1977]. (in Russian)

Robbek, V.A., Robbek, M.E. Evensko-russkij slovar'. Evedy-nyuchidy tɛreruk [An Even Russian Dictionary]. Novosibirsk, Nauka, 2005. 356 p. [ERS, 2005]. (in Russian)

Sanzheev, G.D., Orlovskaya, M.N., Shevernina, Z.V. Etimologicheskij slovar' mongol'skih yazykov [Etymological Dictionary Mongolian languages] / G.D. Sanzheev, L.R. Koncevich, V.I. Rassadin, YA.D. Leman (eds.). Moskva, Institut Vostokovedeniya RAN, T. II, G- P, 2015. 232 p. [ESMYA, 2015]. (in Russian)

УДК 811.111

ББК 81.432.1

DOI 10.51955/2312-1327_2021_3_72

МОДУС ВОООБРАЖЕНИЯ В КАТЕГОРИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

*Татьяна Ивановна Семенова,
orcid.org/0000-0002-8929-699X,
доктор филологических наук, профессор
Иркутский государственный университет,
ул. Карла Маркса, 1
Иркутск, 664025, Россия
tisemenova54@mail.ru*

*Анна Сергеевна Ишенина,
orcid.org/0000-0002-5271-6217,
аспирант
Иркутский государственный университет,
ул. Карла Маркса, 1
Иркутск, 664025, Россия
anna.ishenina@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена общетеоретической проблеме языковой категоризации и концептуализации когнитивных процессов, ментальных действий и состояний. Статья нацелена на исследование языковой концептуализации когнитивного процесса воображения и обоснование его категориального статуса. Лингвокогнитивный подход к ментальной лексике как к мысленным репрезентациям позволил высветить сложность семантической структуры предикатов воображения, их способность репрезентировать не только собственно когнитивный процесс формирования образов, но и содержание когнитивного процесса воображения. В результате исследования языкового воплощения воображения как фрагмента англоязычной языковой картины мира установлен языковой статус данного ментального феномена как категории модусного типа и выявлен ее семантический потенциал. Полученные результаты вносят вклад в исследование языковых форматов знаний об онтологически ненаблюдаемой внутренней сфере человека.

Ключевые слова: воображение, структура знания, ментальная репрезентация, ментальный образ, языковая концептуализация, категориальный статус, модус.

MODUS OF IMAGINATION IN THE CATEGORIAL SPACE OF THE ENGLISH LANGUAGE

*Tatiana I. Semenova,
orcid.org / 0000-0002-8929-699X,
Doctor of Sciences (Philology), Professor
Irkutsk State University,
1, Karl Marx Str.
Irkutsk, 664025, Russia
tisemenova54@mail.ru*

*Anna S. Ishenina,
orcid.org/0000-0002-5271-6217,
Postgraduate
Irkutsk State University,
1, Karl Marx Str.
Irkutsk, 664025, Russia
anna.ishenina@yandex.ru*

Abstract. The theoretical background of the research is a set of principles and assumptions of cognitive linguistics to the study of the interrelation of linguistic and cognitive structures. The goal of the paper is to consider linguistic conceptualization of mental imagery. Linguocognitive approach to mental verbs as mental representations enables to highlight the complexity of the semantic structure of imagination predicates. The paper brings into focus the issue of the categorical status of the linguistic phenomenon of imagination. It is argued that imagination is structured in the language as a modus category in which the role of the cognizing subject is fixed. The authors claim that modus of imagination represents a specific knowledge structure of the formation of mental images of objects, situations, and states of affairs in the mind of a cognizing subject. The findings obtained may be helpful for further study of the role of language in providing access to cognitive structures and to understanding how human mind works.

Key words: imagination, knowledge structure, mental representation, mental image, linguistic conceptualization, categorical status, modus.

Введение

Проблемы «чужих сознаний», человеческой субъективности, ментальности с давних пор стояли в центре внимания логиков, философов и лингвистов [Malcolm, 1975; Putnam, 1975; Austin, 1979; Searle, 1999; Кубрякова, 2004; Рябцева, 2005; Арутюнова, 1999; Демьянков, 1992]. Но лишь подход к языку как к самой существенной части когнитивной системы человека позволяет приблизиться к пониманию того, как происходит восприятие, структурирование, интерпретация мира в сознании человека. Активная роль языка в познании выдвигается в трудах немецкого философа Э. Кассирера, в трактовке которого задача языка заключается в том, чтобы «отражать и воспроизводить сущность познания» [Кассирер, 2002, с. 117]. Исследование роли языка в фиксации структур знания и опыта позволяет предвидеть, что многие философские и логические вопросы, связанные с проблемой ментальности, «окажутся на самом деле вопросами языка и решатся на лингвистическом уровне» [Шатуновский, 1996, с. 21]. В ракурсе

антропоцентрической парадигмы исследование языковой концептуализации таких познавательных процессов, как память, мышление, восприятие, воображение нацелено на реконструкцию ментального мира как «центральной проблемы когнитологии» [Рябцева, 1993, с. 56]. Постановка проблемы репрезентации разных структур знания в сознании человека и операций с ними предопределена пониманием языка как когнитивной способности в его неразрывной связи с другими ментальными феноменами – памятью, восприятием, мышлением воображением [Урысон, 2003; Апресян, 1995; Кустова, 2004; Зализняк, 2006; Рябцева, 2005]. Именно язык обеспечивает наиболее естественный доступ к сознанию, являясь «в настоящее время той самой единственной когнитивной системой, о которой известно более, нежели о других системах» [Кубрякова, 2004, с. 47]. С позиций когнитивной лингвистики осмыслению подвергаются именно лингвистические аспекты протекания познавательных процессов вследствие того, что познание ментальных процессов и принципов организации когнитивной системы в сознании «без теории языка и теории языковой способности, как и теории овладения языком, просто нереально» [там же]. Внутренняя сфера человека – чувства, эмоции, ментальные действия, состояния и прочие интериоризованные процессы, онтологически недоступные восприятию, становятся предметом лингвистического анализа «на основании семантического анализа соответствующих языковых единиц» [Зализняк, 2006, с. 422].

Актуальность исследования воображения как определённой структуры представления знания о ментальной сфере человека обусловлена важностью дальнейшего изучения когниции – того, как в языковом сознании отображается конструирование воображаемой реальности и в какой языковой категории фиксируется роль познающего субъекта. *Целью* статьи является исследование языковой концептуализации когнитивного процесса воображения и обоснование его категориального статуса.

Материалы и методы

Методологической основой исследования воображения как когнитивно- познавательного процесса является лингвокогнитивный подход, направленный на анализ корреляции структур знания и языковых структур в языковой концептуализации воображения как способности формировать в сознании субъекта ментальные образы объектов или ситуаций при отсутствии перцептивного стимула. Подход к описанию ментальной лексики как к мысленным репрезентациям высвечивает сложность семантической структуры предикатов воображения, их способность репрезентировать не только собственно когнитивный процесс формирования образов, но и содержание когнитивного процесса воображения.

Анализ и результаты

Как психический феномен, воображение понимается как особая форма когнитивно-познавательной деятельности, в ходе которой формируются

ментальные образы предметов, ситуаций, не обладающих онтологическим статусом вне мышления [Веккер, 1998; Немов, 2003; Выготский, 2000]. В рамках концепции миропорождения воображаемая реальность интерпретируется как «возможный», ментальный мир и, говоря словами Ю. С. Степанова, «его интенционалы не завершены экстенционалами» [Степанов, 2001, с. 22]. Ментальная модель воображаемого мира, материализованная в языковых знаках, трактуется «как объект лингвистической онтологии» [Переверзев, 2000]. Языковые единицы с семантикой воображения имеют статус миропорождающих, они вводят, в терминах Э. Гуссерля, модусы сознания «как бы» [Гуссерль, 1998]. Теория возможных миров, как убедительно аргументирует Анна Зализняк [Зализняк, 2006, с. 428], является эффективным инструментом для анализа предикатов внутреннего состояния, позволяя сформулировать ограничение на характер ситуации, соответствующей подчинённой пропозиции. В терминах теории ментальных пространств языковые единицы с семантикой воображения выполняют роль «конструкторов пространства» (*space builders*), при помощи которых конструируется концептуальное пространство воображения [Fauconnier, 2003], которое имеет «онтологически субъективный модус существования» [Searle, 1999, p. 44].

Один из постулатов когнитивной лингвистики гласит о том, что языковые обозначения свидетельствуют о процессах познания и восприятия мира. Именно поэтому в исследовании языковой концептуализации таких познавательных процессов, как память, мышление, восприятие, воображение, особая роль отводится ментальной лексике, изучение которой может внести вклад в «когнитивную картину» языка» [Рябцева, 2005, с. 268]. Задача при этом заключается в том, чтобы найти противопоставления, «релевантные именно для семантики языковых единиц, а не для ментальных состояний как таковых» [Зализняк, 2006, с. 422]. Языковое воплощение воображения как способности формирования ментального образа объектов и ситуаций, не заданных чувственным опытом, вербализуется глаголами «создания образа» (термин Е. В. Падучевой), ср.: *imagine, anticipate, conceptualize, picture, envisage, fancy, fantasize, conjure up, see, perceive, create, dream, visualize* [CED; OLD]. Семантика предикатов воображения соотносится с определённым способом познания мира, который трактуется как способность человека создавать мысленные образы того, что может существовать и быть наблюдаемым только в уме [Апресян, 2004; Урысон, 2003; Рябцева, 2005; Шерсткова, 2009]. Несоответствие содержания ментального объекта действительности является презумпцией глаголов воображения [Шатуновский, 1996, с. 268]. Как и другие интенциональные связи, глаголы со значением воображения эксплицируют «человеческое присутствие» в языковом представлении внеязыковой действительности, и тем самым они принадлежат не миру, но «способу отражения мира в мышлении и языке» [там же, с. 55].

Ментально-когнитивная деятельность, посредством которой происходит разного рода квалификация, интерпретация, осмысление

пропозиционального содержания высказывания, трактуется в концепции модусно-диктумного членения предложения в терминах модуса [Балли, 1955]. Модусный уровень предложения-высказывания фиксирует результаты мыслительной, оценочно-кваликативной деятельности человека, производимой над концептуальным содержанием диктумной пропозиции. Отражательная деятельность человеческого сознания, его интерпретирующая функция закреплена в системе языка в виде модусных категорий [Болдырев, 2019]. Модусные категории «обслуживают» сферу выражения человеческого сознания, объективируя познавательное отношение человека к миру. Другими словами, модус – «это языковое выражение рефлексии говорящего относительно содержания диктума» [Семенова, 2007, с. 59], и «следы» этой рефлексии объективируются в виде синтагматически изолированных модусных знаков. Таксономия модусных категорий включает категории, в основе формирования которых лежат соответствующие модусные концепты [Болдырев, 2016]. Диапазон модусных смыслов, в основе которых лежит интерпретативная, познавательная, рефлексивная деятельность познающего субъекта над пропозициональным содержанием, постоянно расширяется. Так, например, в зависимости от «фиксации» модусным глаголом определённой когнитивной деятельности человека, выделяют модусы важности [Трипольская, 1992], воспоминания [Кораблина, 2015; Перфильева, 2012], надежды [Перфильева, 2016], осторожности [Матханова, 2005], кажимости [Семенова, 2007], типичности [Трушков, 2017]; авторизации и персуазивности [Боуфал, 2017], ментальный модус [Рябцева, 1993], модус ценностной концептуализации [Вара, 2013]. В качестве научной перспективы выдвигается задача по типологизации субъективных модусов и их языковой объективации, что позволит «получить субъективный аспект картины мира, присущий данному социуму» [Вольф, 2003, с. 100].

В категориальном пространстве языка в статусе модусной категории может трактоваться и воображение как структура знания о формировании в сознании ментальных образов ситуаций, положений дел, которые «не имеют онтологической привязки» [Арутюнова, 1999, с. 320]. Высказывания с модусными глаголами воображения представляют собой модусные полипропозициональные ситуации в единстве первичной денотативной ситуации (диктумной), отражающей некоторое воображаемое положение дел, и ситуации отражения (модусной), которая вербализуется модусным глаголом со значением воображения. Именно построение отображения первичной денотативной ситуации субъектом определяет содержание модусного признака [Камшилова, 1995, с. 25].

Способность к отображению и осознанию внешнего и внутреннего опыта, рефлексия над своими ментальными состояниями коррелирует с понятием метарепрезентации [Клепикова, 2008]. Как отношение метарепрезентирования трактуется и взаимосвязь между диктумной и модусной пропозициями. Механизм модусной категоризации заключается в интеграции двух когнитивных ситуаций в одно полипропозициональное целое в формате метарепрезентации. Понятие метарепрезентации вводится

по отношению к глаголам, подчиняющим интенциональный объект, вводимый придаточным изъяснительным. Т. А. Клепикова высвечивает двойственность репрезентационной функции глаголов ментальной деятельности, которая заключается в их способности репрезентировать не только собственно когнитивный процесс, но и содержание данного когнитивного процесса. Таксономия метарепрезентационных глаголов включает и глаголы с семантикой воображения *anticipate, conceive, envisage, dream, fancy, fantasize, figure out, see*, которые трактуются как метакогнитивные, метаэпистемические [там же, с. 238]. Пропозиция, вводимая метарепрезентационными глаголами, концептуализирует некоторую репрезентацию, которая является интенциональным объектом в метакогнитивном процессе.

Репрезентационная семантика модусных предикатов как внутренних репрезентаций внешнего мира коррелирует с репрезентационной теорией сознания [Devitt, 1985; Fodor, 1980]. Выделяют два вида репрезентирования – языковое и ментальное. Языковые репрезентации – это вербализованные ментальные репрезентации. Для нашего исследования важно отметить, что понимание термина «репрезентация» не ограничено презумпцией существования некоторого репрезентируемого объекта. Напротив, отмечается, что «ментальные репрезентации могут не только замещать объекты и процедуры действия, но и порождать их – «как бы строить из воздуха» объекты или целые ситуации, то есть репрезентации теперь могут создавать фиктивные объекты, которые «как бы отражаются» этими репрезентациями» [Кубрякова, 2012, с. 101]. Когнитивная деятельность, концептуализируемая глаголами воображения, позволяет производить «репрезентацию в уме отсутствующего объекта или события» [Солсо, 2006, с. 327]. Ментальные образы, как интенциональные объекты глаголов воображения, репрезентируют содержание когнитивного процесса воображения, которое принадлежит только концептуальному миру познающего субъекта.

Репрезентационная природа ментальных глаголов означает, что они «имеют областью своей денотации не ситуацию действительности, а ее отображение в сознании, ее мысленный образ, мысленную картинку» [Ильчук, 2004, с. 23]. Область денотации, в понимании О. Н. Селиверстовой, представляет собой преобразованный сознанием действительный мир, это может быть один из возможных миров, «мир вымысла», система научных представлений, мир художественного произведения [Селиверстова, 2004, с. 386-392]. Пропущенный через сознание мир выступает денотатом языковых знаков, при этом существенен не реальный характер денотата, а способ его представления, форма его отображения [там же].

Ментальные операции по отношению к подчиненной пропозиции, вербализуемые глаголами воображения, коррелируют с введенными О. Н. Селиверстовой двумя способами отображения первичной денотативной ситуации – «проецируемое» и «конструируемое» отображение. Под проецируемым отображением автор понимает способ представления

денотата как заданного в «готовом» виде в акте отображения, и речь при этом идёт о построении его проекции в сознании. Так, глагол *imagine* объективирует ментальный образ денотативной ситуации при помощи проецируемого отображения, ср.: *She had walked through the slums and she could **imagine the squalor and neglect in which they must live*** [Cheever, 2003, p. 268]. Основой воображаемой ситуации являются элементы предшествующего реального опыта, девушка как бы проецирует пережитую реальность бедственного существования (*had walked through the slums*) на воображаемую ситуацию нищеты, в которой приходится жить детям, обратившимся к ней за помощью. Когнитивный механизм конструируемого отображения предполагает такой способ репрезентации, при котором отношения между объектами не заданы в денотативной ситуации и, следовательно, не могут рассматриваться как известные, например, в воображении можно «нарисовать» (*picture as*) внешность незнакомого человека, ср.: *I had never met Graham but I **pictured him as a pale, thin young man wearing glasses*** [BNC]. Конструируемое отображение позволяет человеку, как познающему субъекту, устанавливать нечто новое о действительности, причём модель этого конструируемого фрагмента не обязательно соответствует действительности. Пропозиции, вводимые глаголами с семантикой воображения, говоря словами Ю. С. Степанова, «интенционально истинны, но не обязательно экстенционально истинны» [Степанов, 2001, с. 22]. Так, в примере ниже описывается конструирование одного из воображаемых миров, в котором предупреждение о необходимости аварийной посадки каузирует формирование в сознании пассажиров ментальные образы ангелов смерти, референты которых отсутствуют в реальном мире, ср.: *The stewardess announced they were going to have an emergency landing. All but the child saw in their minds **the spreading wings of the Angel of death*** [Cheever, 2003, p. 228].

Свойство предикатов воображения, как и других ментальных предикатов, иметь областью своей денотации отображённую в сознании ситуацию, то есть, определённый конструкт, коррелирует с когнитивным механизмом конструирования. Экспланаторный потенциал понятия конструирования для исследования языковой репрезентации когнитивного процесса воображения обусловлен мирозозидающей функцией языка. В наиболее общем виде понятие конструирования (*the construal of the world*) трактуют как процесс понимания и актуализации человеком окружающей его реальности посредством языковых средств [Langacker, 1987; Kövesces, 2006; Кубрякова, 2012; Lee, 2004]. Иначе говоря, язык используется не только для осуществления коммуникативного взаимодействия, в ходе которого происходит обмен знаниями, но и как средство конструирования в процессах категоризации и категоризации внеязыковой реальности в том виде, в котором она «пропущена через сознание» познающего субъекта. Таким образом, под языковым конструированием понимают не только создание посредством языка не существовавшей ранее реальности, но и концептуализацию, категоризацию и интерпретацию мира в целом. В

процессе воображения человек может конструировать разнообразные «возможные миры» как языковые модели ментальных миров с разной степенью соответствия действительности – «от достаточно адекватного его отражения до полного искажения, от следования правде или истинности фактов до вымысла, фантазии, от погруженного в прошлое – до предполагаемого, желательного или же неизбежного в будущем» [Кубрякова 2004, с. 529]. В этой связи важным является исследование той коммуникативной роли, которую модусные предикаты воображения играют в конструировании высказывания.

Эмпирический материал свидетельствует о том, что в семантике модуса воображения представлены несколько типов когнитивных процессов в их языковой концептуализации. Однако, при тесной взаимосвязи друг с другом, каждый когнитивный процесс имеет свои, свойственные только ему признаки, которые имеют языковое закрепление. Диапазон модусных смыслов воображения обусловлен тем, что воображаемая реальность представляет собой особый внутренний модус человеческого бытия, который оказывается вне границ временной семантики. В семантическую структуру глаголов воображения не входит признак ‘проспективность’, как например, у модусных глаголов *надеяться, опасаться, ожидать* или ‘ретроспективность’, как у глаголов *помнить, забывать, узнавать, подозревать* [Зализняк 2006; Арутюнова, 1999]. Подвижность темпоральных границ отражается в концептуальных связях воображения с другими модусами и, как отмечает Н. К. Рябцева, «воображение, относящееся к прошлому, связано с памятью, к настоящему – с представлением о вероятности, к будущему – с возможностью» [Рябцева, 2005, с. 268]. Через модус воображения актуализируется образ прошлых ситуаций, ср.: *I imagined Mark and me high on the Walker, on our six day, smashing our way up the face* [BNC]. На отнесенность ментального образа ситуации к модусу памяти указывает прошедшее время модусного глагола и темпоральное определение *on our six day*. Проспективность модуса воображения эксплицируется грамматическим маркером будущего в конструировании предстоящих событий, ср.: *He imagined that once or twice a year he would find himself sitting at the side of her bed in a room with no locks on the door* [Roth, 1997, p. 177]. Конструирование в ментальном пространстве воображения футуристических образов событий, положений дел концептуализируется метакогнитивным глаголом *anticipate*, ср.: *You see I had always anticipated that the people of the year Eight Hundred and Two Thousand odd would be incredibly in front of us in knowledge* [BNC].

Как было отмечено выше, презумпцией глаголов воображения является признак ‘несоответствие содержания ментального образа действительности’, который актуализируется в верифицируемых и неверифицируемых пропозициях. В контексте верифицируемых пропозиций глаголы с семантикой воображения входят в тематический класс путативных глаголов, для которых значение мнения является ассертивным компонентом.

Верифицируемые пропозиции отражают определённый фрагмент действительности, и это отражение может быть верным или неверным, иначе говоря, мнение может быть либо истинным, либо ложным. Этот вид мнения трактуется как «мнение-предположение» [Дмитровская, 1988], «экзистенциальное мнение» [Зализняк, 2006]. Так, на основании отсутствия завещания говорящий выдвигает мнение-предположение о том, что наследство умершего будет поделено между его вдовой и дочерью, ср.: *He hadn't made a will, so I imagine it would be divided automatically between his wife and the child* [Christie, 2002, p. 119]. Грамматическая форма глагола *imagine* в первом лице и настоящем времени эксплицирует говорящего одновременно в роли субъекта речи и субъекта сознания. В случаях несовпадения этих ролей в одном лице в семантику глаголов воображения входит представление о ложности мнения, выраженного в подчинённой предикации. Мнение-предположение, вводимое глаголами с семантикой воображения, Анна Зализняк представляет конъюнкцией двух пропозиций *X считает, что P & X ошибается* [Зализняк, 2006, с. 124]. Ошибочность мнения эксплицируется констатацией положения дел в действительности и ее ментальным образом в воображаемой реальности, ср.: *I am not at all sensitive sort of person he imagines I am* [Christie, 2002, p. 132]. На ошибочность мнения указывают языковые единицы с семантикой отрицательной истинностной оценки *error, wrong, mistake*, как, например: *Then I knew I had a dangerous mistake hitting Ricks. I had imagined he was so spineless and such a scrounger I could pay for that punch with a ten dollar bill* [Chase, 2003, p. 224]. В прошедшем ретроспективном глагола *imagine* возникает импликатура 'на самом деле, фактически оказалось иначе'. Как явствует из примера, представление о Риксе как о безвольном попрошайке, который за десять долларов забудет про нанесённый ему в драке удар, оказалось ошибочным.

В контексте неверифицируемых пропозиций модус воображения подчиняет пропозиции с оценочным, квалифицирующим или интерпретирующим суждением 'вообразить кого-то кем-то/ таким', ср.: *I imagine him as a distinguished old gentleman* [CED]. В терминах И. Б. Шатуновского речь идет о «субъективных мнениях», по отношению к которым «компонент 'есть (в действительности)' выбывает из игры» [Шатуновский 1996, с. 259]. Квалифицирующие суждения, вводимые модусом воображения, часто вводят то, «что приятно субъекту, тешит его самолюбие» [Апресян, 2004, с. 136], ср.: *The bellboy showed his teeth in what he imagined was an accommodating smile* [Shaw, 2005, p. 56]. В семантику такого типа высказываний входит семантический компонент 'а на самом деле это не так', актуализирующий несогласие говорящего с передаваемым мнением. Неприсоединение говорящего к мнению или установке субъекта Е. В. Падучева трактует как «несочувственная» интерпретация подчинительной конструкции [Падучева, 1996, с. 326].

Как явствует из анализа языковых фактов, модус воображения оказывается коммуникативно значимым при моделировании диалогического

поведения. Апелляция к интенциональному состоянию адресата посредством эксплицитного модуса воображения является «одним из тактических приёмов диалога» [Арутюнова, 1999, с. 659], позволяя выразить несогласие с предшествующим утверждением, вступить в полемику с собеседником. Обратимся к фрагменту, описывающему обсуждение супругами ситуации развода. Жена не претендует на деньги мужа, но намерена оставить с собой детей, ср: *“What she wants is the children. The answer is you can’t have the children”*. – *“How perfectly outrageous”!* Choupette cried. *“Do you imagine for a minute I am going give up my children?”* [Fitzgerald, 1997, p. 150]. Содержание пропозиции *you can’t have the children* в предшествующей реплике мужа выражает категоричное утверждение, что дети не могут остаться с матерью. Ответной репликой жена апеллирует к модусу адресата, программируя противоположное истинностное значение. Риторический вопрос с модусом воображения содержит импликацию ложности мнения – ‘напрасно, зря ты думаешь, что я откажусь от детей при разводе’, то есть по сути выражает решительное отрицание. Спонтанная эмоциональная реакция *How perfectly outrageous!* эксплицирует несогласие с решением мужа оформить опеку над детьми. Реплики скреплены общим пропозициональным содержанием, но различаются отношением к нему, что и актуализируется оппозицией модусов.

Как явствует из анализа языковых фактов, в семантике модуса воображения представлен целый ряд познавательных процессов, производимых в сознании человека над концептуальным содержанием диктумной ситуации. Семантический диапазон модусных ситуаций воображения свидетельствует о том, что язык «признает» возможности объединения связанных между собой значений под крышей одного знака» [Кубрякова, 2004, с. 284]. Возможности использования языкового знака для активации в процессе коммуникации новой концептуальной структуры составляют неотъемлемую черту знаний говорящего. Исходное значение глаголов воображения категоризует ментальный процесс ‘создавать мысленные образы’, то есть репрезентировать в концептуальном мире то, что на самом деле не существует. Развитие структуры знания, ассоциируемой с языковым знаком, свидетельствует о его способности активизировать новую структуру знания, отражающую «новое видение объекта или помещение его в новую структуру деятельности» [Кубрякова, 2004, с. 65].

Резюме

Итак, в результате исследования языкового воплощения воображения как фрагмента англоязычной языковой картины мира установлен языковой статус данного ментального феномена как категории модусного типа. Модус воображения объективирует структуру знания о формировании в сознании познающего субъекта ментального образа предмета, ситуации, положения дел при отсутствии перцептивного стимула, тем самым представляя субъективный, человеческий аспект в структуре языкового отражения. Сложная структура когнитивно-познавательной деятельности человека,

объективируемая через модус воображения, свидетельствует о том, что эта языковая категория занимает значимое место в типологии модусов. Перспективой исследований является дальнейшая категоризация модусных ситуаций воображения, что позволит приблизиться к пониманию закономерностей когнитивной деятельности в области языковой концептуализации и категоризации воображаемой реальности.

Библиографический список

- Апресян, Ю. Д.* Избранные труды: В 2 т. М.: Языки русской культуры, 1995. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. 767 с.
- Апресян, Ю. Д.* Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Ю. Д. Апресян, В. Ю. Апресян, Е. Э. Бабаева. М.: Языки славянской культуры, 2004. 1488 с.
- Арутюнова, Н. Д.* Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
- Балли, Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Наука, 1955. 416 с.
- Болдырев, Н. Н.* Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С. 10-20.
- Болдырев, Н. Н.* Язык и система знаний. Когнитивная теория языка: монография (2-е издание). М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. 480 с.
- Боуфал, З. Р.* Актуализация модусных категорий в диалектном высказывании: авторизация и персуазивность: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / З. Р. Боуфал. Томск, 2017. 22 с.
- Вара, Н. Г.* Модусы ценностной концептуализации в английском рекламном дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2013. № 2 (18). С. 110-114.
- Веккер, Л. М.* Психика и реальность: единая теория психических процессов. М.: Смысл, 1998. 685 с.
- Вольф, Е. М.* Субъективная модальность и семантика пропозиции // Логический анализ языка. Избранное. 1988–1995 / редколлегия: Н.Д. Арутюнова, Н.Ф. Спиридонова. М.: Индрик, 2003. С. 87-101.
- Выготский, Л. С.* Психология. М: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. 1008 с.
- Гуссерль, Э.* Картезианские размышления / пер. с нем. Д. В. Складнева. СПб: Наука; Ювента, 1998. 315 с.
- Зализняк, Анна А.* Многозначность в языке и способы её представления. М.: Языки славянских культур, 2006. 672 с.
- Ильчук, Е. В.* Представление когнитивных процессов в семантике английских глаголов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10. 02. 04 / Е. В. Ильчук. Москва, 2006. 43 с.
- Камшилова, О. Н.* Семантико-синтаксическая организация предложений с модусными предикатами: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / О.Н. Камшилова. Л., 1984. 29 с.
- Кассирер, Э.* Собрание сочинений: в 3 т. М. СПб: Университетская книга, 2002. Т. 1. Язык. 271 с.
- Клетикова, Т. А.* Лингвистические метарепрезентации: монография. Санкт-Петербург: Астерион, 2008 (СПб. : ЦНИТ «Астерион»). 249 с.
- Кораблина, Т. И.* Языковые средства выражения модуса «воспоминание» в традиционной и современной лексикографии // Слово. Словарь. Словесность: Динамические процессы в языке, речи и словаре (к 50-летию издания академического «Словаря современного

- русского литературного языка»): мат-лы Всероссийск. науч. конф / под ред. В. Д. Черняк. СПб.: Сага, 2015. С. 97-101.
- Кубрякова, Е. С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М.: Знак, 2012. 208 с.
- Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с. (Язык. Семиотика. Культура).
- Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004. 472 с. (Studia Philologica).
- Матханова, И. П. О модусе «осторожности» в научном тексте // Слово. Словарь. Словесность: Экология языка (к 250-летию со дня рождения А. С. Шишкова): мат-лы Всероссийск. конф. / под ред. В. Д. Черняк. СПб.: Сага, 2005. С. 153-156.
- Немов, Р. С. Психология: Учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений: В 3 кн. 4-е изд. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. Кн. 1: Общие основы психологии. 688 с.
- Падучева, Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
- Падучева, Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с. (Studia philologica).
- Переверзев, К. А. Пространства, ситуации, события, миры: к проблеме лингвистической онтологии // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 255-267.
- Перфильева, Н. П. «Надежда» как модусная категория // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2016. № 6(34). С. 201-211.
- Перфильева, Н. П. Модус воспоминания: между истиной и ложью (на материале мемуарной литературы) // Дискурс лжи и ложь как дискурс. Новосибирск, 2012. С. 24-33.
- Рябцева, Н. К. Ментальный модус: от лексики к грамматике // Логический анализ языка. Ментальные действия. М.: Наука, 1993. С. 51-57.
- Рябцева, Н. К. Язык и естественный интеллект. РАН Ин-т языкознания. М.: Academia, 2005. 640 с.
- Селиверстова, О. Н. Труды по семантике. М.: Языки русской культуры, 2004. 960 с. (Studia philologica).
- Семенова, Т. И. Лингвистический феномен кажимости: монография. Иркутск: ИГЛУ, 2007. 237 с.
- Солсо, Р. Когнитивная психология 6-е изд. СПб.: Питер, 2006. 589 с.
- Степанов, Ю. С. В мире семиотики // Семиотика: Антология / сост. Ю.С. Степанов. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический проект; Екатеринбург : Деловая книга, 2001. С. 5-42.
- Трипольская, Т. А. Модусное значение «важности» и способы его выражения // Модальность в ее связях с другими категориями: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. И. П. Матханова. Новосибирск: НГПИ, 1992. С. 27-33.
- Трушков, М. А «Типичное» и «неуловимое» как модусные категории языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. №2 (51). С. 78-89.
- Урысон, Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. М.: Языки славянской культуры, 2003. 224 с. (Studia philologica).
- Шатуновский, И. Б. Семантика предложения и нереферентные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика). М.: Языки русской культуры, 1996. 400 с.
- Шерсткова, И. А. Семантическая модель английских глаголов воображения: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / И. А. Шерсткова. Уфа, 2009. 27 с.
- Austin, J. Other Minds // Philosophical Papers. 3-d edition / ed. by J. O. Urmson and G. J. Warnock. Oxford : Oxford University Press, 1979. P. 76-116.
- BNC — British National Corpus. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>. (дата обращения: 27.04.2021)

CED – Cambridge English Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/>. (дата обращения: 09.02.2018).

Chase, J. H. Come Easy Go Easy. М.: Айрис-пресс, 2003. 384 с.

Cheever, J. Selected Prose. М.: Изд-во «Менеджер», 2003. 304 с.

Christie, A. Five little pigs. М.: Изд-во «Менеджер», 2002. 228 с.

Devitt, M. Language and Reality. An Introduction to the Philosophy of Language / M. Devitt, K. Sterelny. Cambridge (Mass.): The MIT Press, 1985. 253 p.

Fauconnier, G. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language. 3-d edition. N.Y: Cambridge Univ. Press, 2003. 190 p.

Fitzgerald, F. S. Tender is the Night. Penguin Books Ltd., England. 1997. 392 p.

Fodor, J. A. The Language of Thought. Second Printing. Cambridge (Mass.): Harv. Univ. Press, 1980. 214 p.

Kövecses, Z. Language, mind, and culture: a practical introduction. Oxford; New York: Oxford. 2006. 389 p.

Langacker, R. W. Foundations of cognitive grammar. (Theoretical prerequisites, 1.) Stanford: Stanford University Press, 1987. 540 p.

Lee, D. Cognitive Linguistics: An Introduction. Oxford, New York: OUP, 2004. 223 p.

Ljung, M. Reflections on the English Progressive // Gothenburg Studies in English. 1980. Vol. 46. P. 48-127.

Malcolm, N. Knowledge and Certainty. Essays and Lectures. Ithaca and London: Cornell Univ. Press, 1975. 244 p.

OLD – Oxford Living Dictionary. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/>. (дата обращения: 23.03.2021).

OELDCE—Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / ed. by A.S. Hornby with the ass. of A.P. Cowie. London: Oxford Univ. Press, 1982. Vol. 1, 2.

Putnam, H. Other Minds // Mind, Language and Reality. Philosophical papers. Cambridge: Cambridge University Press, 1975. Vol. 2. P. 342 – 361.

Roth, P. American Pastoral. London: Vintage Books, 1997. 423 p.

Searle, J. R. Mind, Language and Society. Philosophy in the Real World. Searle. – N.Y.: Basic Books, 1999. 175 p.

Shaw, I. Nightwork. СПб.: Антология, КАРО, 2005. 448 с.

References

Apresyan, Yu. D. New Explanatory Dictionary of Synonyms of the Russian Language. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. 1488 p. (In Russian).

Apresyan, Yu. D. Selected works: in 2 volumes. М.: Yazyki russkoy kul'tury, 1995. V. 2. Integral description of language and system lexicography. 767 p. (In Russian).

Arutyunova, N. D. The language and the human world. 2nd ed., rev. М.: Yazyki russkoy kul'tury, 1999. 896 p. (In Russian).

Austin, J. Other Minds // Philosophical Papers. 3-d edition / ed. by J. O. Urmson and G. J. Warnock. Oxford : Oxford University Press, 1979. P. 76–116. (In English).

Bally, Sh. General linguistics and questions of the French language. Moscow: Nauka, 1955. 416 p. (In Russian).

Boldyrev, N. N. Cognitive schemas of language interpretation // Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki, 2016. No. 4. P. 10-20. (In Russian).

Boldyrev, N. N. Language and the system of knowledge. A cognitive theory of language: monograph (2nd edition). М.: Publishing House YASK, 2019. 480 p. (In Russian).

Boufal, Z. R. Actualization of mode categories in dialectal utterance: authorization and persuasiveness: PhD abstract: 10.02.01 / Z. R. Boufal. Tomsk, 2017. 22 p. (In Russian).

BNC – British National Corpus. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>. (accessed 27.04.2021).

- CED – Cambridge English Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/>. (accessed 09.02.2018). (In English).
- Cassirer, E.* Collected works: in 3 volumes. M. – St. Petersburg: University book, 2002. – V. 1. Language. 271 p. (In Russian).
- Chase, J. H.* Come Easy Go Easy. M.: Ayris-press, 2003. 384 p. (In English).
- Cheever, J.* Selected Prose. M.: Menedzher, 2003. 304 p. (In English).
- Christie, A.* Five little pigs. M.: Menedzher, 2002. 228 p. (In English).
- Devitt, M.* Language and Reality. An Introduction to the Philosophy of Language / M. Devitt, K. Sterelny. Cambridge (Mass.): The MIT Press, 1985. 253 p. (In English).
- OLD – Oxford Living Dictionary. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/>. (accessed 23.03.2021). (In English).
- Fauconnier, G.* Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language. 3-d edition. N.Y: Cambridge Univ. Press, 2003. 190 p. (In English).
- Fitzgerald, F. S.* Tender is the Night. Penguin Books Ltd., England. 1997. 392 p. (In English).
- Fodor, J. A.* The Language of Thought. Second Printing. Cambridge (Mass.): Harv. Univ. Press, 1980. 214 p. (In English).
- Husserl, E.* Cartesian Mediations / translated by D. V. Sklednev. SPb: Nauka; Juventa, 1998. 315 p. (In Russian).
- Ilchuk, E. V.* Representation of cognitive processes in the semantics of English verbs: doctoral abstract: 10.02.04 / E.V. Ilchuk. Moscow, 2006. 43 p. (In Russian).
- Kamshilova, O. N.* Semantic-syntactic organization of sentences with modus predicates: PhD thesis: 10.02.04 / O.N. Kamshilov. L., 1984. 29 p. (In Russian).
- Klepikova, T. A.* Linguistic metarepresentations: monograph. St. Petersburg: Asterion, 2008. 249 p. (In Russian).
- Korablina, T. I.* Linguistic means of expressing the modus “recollection” in traditional and modern lexicography // Word. Vocabulary. Literature: Dynamic processes in language, speech and vocabulary. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference (on the 50th anniversary of the publication of the academic “Dictionary of the Modern Russian Literary Language”). Saint Petersburg: Saga, 2015. P. 97–101. (In Russian).
- Kövecses, Z.* Language, mind, and culture: a practical introduction. Oxford; New York: Oxford. 2006. 389 p. (In English).
- Kubryakova, E. S.* In search of the essence of language: cognitive research. M.: Znack, 2012. 208 p. (In Russian).
- Kubryakova, E. S.* Language and knowledge: towards acquiring the knowledge about language: parts of speech from the cognitive point of view. The role of language in the world cognition. M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. 560 p. (Language. Semiotics. Culture).
- Kustova, G. I.* Types of derived values and mechanisms of language expansion. M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. 472 p. (In Russian).
- Langacker, R. W.* Foundations of cognitive grammar. (Theoretical prerequisites, 1.) Stanford: Stanford University Press, 1987. 540 p. (In English).
- Lee, D.* Cognitive Linguistics: An Introduction. Oxford, New York: OUP, 2004. 223 p. (In English).
- Ljung, M.* Reflections on the English Progressive // Gothenburg Studies in English. 1980. Vol. 46. P. 48-127. (In English).
- Malcolm, N.* Knowledge and Certainty. Essays and Lectures. Ithaca and London: Cornell Univ. Press, 1975. 244 p. (In English).
- Matkhanova, I. P.* On the mode of “caution” in a scientific text // Word. Vocabulary. Literature: Ecology of language (to the 250th anniversary of the birth of A. S. Shishkov): Proceedings of the All-Russian Scientific Conference / ed. V. D. Chernyak. Saint Petersburg: Saga, 2005. P. 153-156. (In Russian).

- Nemov, R. S.* Psychology: Textbook for students of pedagogical institutions. In 3 books. 4th ed. M.: Gumanit. publ. center VLADOS, 2003. – Book. 1: General Foundations of Psychology. 688 p. (In Russian).
- OLD – Oxford Living Dictionary. URL:<https://en.oxforddictionaries.com/>. (дата обращения: 23.03.2021).
- Paducheva, E. V.* Dynamic models in the semantics of lexicon. M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. 608 p. (In Russian).
- Paducheva, Ye. V.* Semanticheskiye issledovaniya (Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrativa) [Semantics of tense and aspect in Russian; Semantics of narrative)]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 1996. 464 p. (in Russian).
- Pereverzev, K. A.* Spaces, situations, events, worlds: to the problem of linguistic ontology // Logical analysis of language. Languages of spaces / resp. ed. N. D. Arutyunova, I. B. Levontina. M.: Yazyki russkoy kul'tury, 2000. P. 255–267. (In Russian).
- Perfilyeva, N. P.* Hope as a modus category // Bulletin of the Novosibirsk State Pedagogical University. 2016. No. 6 (34). P. 201–211. (In Russian).
- Perfilyeva, N. P.* Modus of recollection: between truth and falsehood (based on memoirs) // Discourse of falsehood and false discourse. Novosibirsk, 2012, P. 24–33. (In Russian).
- Putnam, H.* Other Minds // Mind, Language and Reality. Philosophical papers. Cambridge: Cambridge University Press, 1975. Vol. 2. P. 342–361. (In English).
- Roth, P.* American Pastoral. London: Vintage Books, 1997. 423 p. (In English).
- Ryabtseva, N. K.* Language and natural intelligence. M.: Academia, 2005. 640 p. (In Russian).
- Ryabtseva, N. K.* Mental modus: from vocabulary to grammar // Logical analysis of language. Mental actions. Moscow: Nauka, 1993. P. 51–57. (In Russian).
- Searle, J. R.* Mind, Language and Society. Philosophy in the Real World. Searle. – N.Y.: Basic Books, 1999. 175 p. (In English).
- Seliverstova, O. N.* Works on semantics. M.: Yazyki russkoy kul'tury, 2004. 960 p. (Studia philologica). (In Russian).
- Semenova, T. I.* Linguistic phenomenon of seemingness. Irkutsk: ISLU, 2007. 237 p. (In Russian).
- Shatunovskiy, I. B.* Semantics of the sentence and non-referential words (meaning, communicative perspective, pragmatics). M.: Shkola "Yazyki russkoy kul'tury", 1996. 400 p. (In Russian).
- Shaw, I.* Nightwork. SPb.: Antologiya, KARO, 2005. 448 p. (In English).
- Sherstкова, I. A.* A semantic model of the English verbs of imagination. PhD abstract: 10.02.04 / I. A. Sherstкова. Ufa, 2009. 27 p. (In Russian).
- Solso, R.* Cognitive Psychology. Saint Petersburg: Piter, 2006. 589 p. (In Russian).
- Stepanov, Yu. S.* In the world of semiotics // Semiotics: Anthology / comp. Yu. S. Stepanov. Ed. 2nd, rev. and add. M.: Akademicheskij proyekt; Yekaterinburg: Delovaya kniga, 2001. P. 5–42. (In Russian).
- Trushkov, M. A.* "Typical" and "imperceptible" as modus language category // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2017. №2 (51). P. 78–89. (In Russian).
- Trypolskaya, T. A.* Modus meaning of importance and ways of expressing it // Modality in its connections with other categories: interuniversity proceedings / ed. I. P. Matkhanov. Novosibirsk: NGPI, 1992, P. 27–33. (In Russian).
- Uryson, E. V.* Problems of studying the language picture of the world: Analogy in semantics. M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2003. 224 p. (In Russian).
- Vara, N. G.* Modes of value conceptualisation in english advertising discourse // Science Journal of Volgograd State University. Linguistics. 2013. No. 2 (18). P. 110–114. (In Russian).
- Vekker, L. M.* Psychic and Reality: a Unified Theory of Mental Processes. Moscow, Smysl, 1998. 685 p. (In Russian).
- Vygotskiy, L.S.* Psychology. M.: EKSMO-Press, 2000. 1008 p. (In Russian).

Wolf, E. M. Subjective modality and semantics of proposition // *Logical Analysis: Selected Works. 1988–1995.* Ed. N. D. Arutyunova, N. F. Spiridonov. М.: Indrik, 2003. P. 87-101. (In Russian).

Zaliznyak Anna A. Polysemy in a language and ways of its presentation. М.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2006. 672 p. (In Russian).

УДК 811.11

ББК 81.2

DOI 10.51955/2312-1327_2021_3_87

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ

*Анастасия Евгеньевна Муравьева,
orcid.org/0000-0001-7161-8105,
Сибирский федеральный университет
пр. Свободный, 79
Красноярск, 660041, Россия
anastasiae.m@mail.ru*

*Екатерина Сергеевна Мучкина,
orcid.org/0000-0002-7173-0583,
кандидат филологических наук, доцент
Сибирский федеральный университет
пр. Свободный, 79
Красноярск, 660041, Россия
EMuchkina@sfu-kras.ru*

Аннотация. В данной статье исследуется метафорическое представление одного из важнейших процессов в жизни человека – процесса обучения. Исследование выполнено на материале текстов педагогического интернет-дискурса, и в нём рассматривается ряд концептуальных метафор, многосторонне освещающих процесс обучения. Анализ практического материала позволяет выделить пять доминантных концептуальных метафор: LEARNING IS EATING, LEARNING IS A JOURNEY, LEARNING IS CLIMBING A MOUNTAIN, LEARNING IS BUILDING A PUZZLE, LEARNING IS BUILDING A HOUSE.

Ключевые слова: концептуальная метафора, образование, процесс обучения, педагогический интернет-дискурс.

METAPHORICAL REPRESENTATION OF THE LEARNING PROCESS IN PEDAGOGICAL INTERNET DISCOURSE

*Anastasia E. Muravieva,
orcid.org/0000-0001-7161-8105,
Siberian Federal University,
79, Svobodny Prospect
Krasnoyarsk 660041, Russia
anastasiae.m@mail.ru*

*Ekaterina S. Muchkina,
orcid.org/0000-0002-7173-0583,
Ph.D. in Philology, Associate Professor
Siberian Federal University,
79, Svobodny Prospect
Krasnoyarsk 660041, Russia
EMuchkina@sfu-kras.ru*

Abstract. In this article, the authors analyze the metaphors used to communicate one of the most important processes in human life – the process of learning – in the pedagogical Internet discourse. They conclude that this type of discourse features five dominant metaphors: LEARNING IS EATING, LEARNING IS A JOURNEY, LEARNING IS CLIMBING A MOUNTAIN, LEARNING IS BUILDING A PUZZLE, LEARNING IS BUILDING A HOUSE. The article will primarily benefit metaphor scholars and might also be relevant to anyone with an interest in the representation of different aspects of education.

Keywords: conceptual metaphor, education, learning, pedagogical discourse.

Введение

Издревле метафора понималась исключительно как троп, выполняющий поэтическую и эстетическую функцию: в Китае метафора изучалась как средство поэтики со времён Конфуция [Fan, 2018, p. 16], в Древней Индии и Древней Греции взгляды на метафору были аналогичными. За последнее столетие произошёл глубинный пересмотр онтологического статуса метафоры и её функций. Как отмечает Л. Кэмерон, метафора становится объектом исследования прикладной лингвистики, так как она рассматривается не как исключительная собственность поэтов, а как неотъемлемая часть повседневной речи, позволяющая «лучше понять как люди мыслят, как они извлекают смыслы из этого мира и друг из друга, а также как они общаются между собой» [Cameron, 2003, p. 2]. Так, с точки зрения когнитологии, метафора приобретает статус инструмента познания мира, так как она базируется на установлении ассоциативных связей между объектами.

Основоположники теории концептуальной метафоры Дж. Лакофф и М. Джонсон дают следующее классическое определение метафоры: «понимание и переживание сущности (thing) одного вида в терминах сущности другого вида» [Лакофф и др., 2004, с. 27]. В данном определении понятие метафоры приобретает более широкий характер, чем отмечалось

ранее – метафора рассматривается как основа концептуальной системы человека, в рамках которой он мыслит, объясняет и оценивает мир.

Таким образом, исследование концептуальных метафор позволяет увидеть, как носители той или иной культуры осмысляют то или иное явление, а также как подобное осмысление структурирует деятельность человека. Исследование концептуальных метафор, посредством которых осмысляется образовательный процесс, представляет особую важность, так как позволяет отследить те изменения, которые претерпевает образование в современном мире. Так, **целью** данного исследования является дальнейшее выявление и анализ концептуальных метафор, описывающих образовательный процесс в современном английском языке, на основе текстов педагогического интернет-дискурса. Поясним, что под педагогическим интернет-дискурсом мы понимаем динамическую и социальную систему ценностно-смысловой коммуникации участников образовательного процесса, функционирующую в образовательной среде [Полянина, 2014, с. 82] и реализующуюся в интернет-среде.

К числу базовых **задач**, стоящих перед авторами, следует отнести следующие: 1) описать феномен метафоризации, в том числе в рамках теории концептуальной метафоры; 2) рассмотреть когнитивные структуры, участвующие в процессе метафоризации; 3) описать выделенные метафорические модели, представляющие образовательный процесс (learning) в современной англоязычной культуре.

Материалы и методы

Данное исследование было выполнено на основе анализа ряда контекстов, отобранных методом сплошной выборки с 43 педагогических интернет ресурсов, т.е. англоязычных сайтов, имеющих педагогическую направленность; статей из интернет-ресурсов Edutoria, Teachers of Tomorrow; заметок из блогов на тему обучения, а также материалов с сайтов образовательных учреждений. Все материалы для анализа отбирались за период 2008-2021 гг.

Основным методом, применяемым в ходе настоящего исследования, является метод идентификации метафор в тексте (MIP), разработанный Л. Кэмерон [Cameron, 2003, p. 51-86]. Для анализа практического материала также применялся метод контекстуального анализа.

Результаты и дискуссия

В современной когнитивной парадигме, в русле которой выполнено данное исследование, метафора изучается как «средство мышления», а не как «языковое средство». Поэтому, согласно авторам теории концептуальной метафоры, локус самого процесса метафоризации всецело находится в мысли. Процессу метафоризации в теории концептуальной метафоры уделяется большое внимание, и именно в рамках этой теории было разработано подробное описание данного процесса. Основное положение теории концептуальной метафоры, касающееся метафоризации, состоит в

том, что метафоризация происходит на уровне когнитивных структур, именуемых областью цели (target domain) и областью источника (source domain), которые определяются как «когнитивные структуры, содержащие всю схематическую информацию, потенциально доступную для отображения посредством данной метафоры» [Sullivan, 2016, p. 147]. Так, метафора трактуется в терминах проекции знаний из области источника в область цели или как «ряд систематических соответствий между двумя структурами знаний (*experience*)» [Kövecses, 2020, p. 2]. Природа непосредственно области источника и области цели была описана ещё М. Блэком в 1962 г. в работе “Models and Metaphors: Studies in Language and Philosophy”. В своём эссе исследователь сравнивает процесс метафоризации с тем, как мы смотрим на звёздное небо через затонированное стекло, на котором некоторые полосы оставлены прозрачными. Так, звёзды, попадающие в эти полосы, образуют некую структуру. Таким же образом, область цели проецируется на фоне области источника (вторичный предмет и основной предмет в терминах М. Блэка) [Black, 1962, p. 41]. Отсюда следует, что в процессе метафоризации данные две области обладают разной природой: область цели имеет структуру (подобно линиям на стекле), в то время как область источника представляет собой набор данных.

Развивая данное положение, исследователи отмечают, что когнитивные структуры, участвующие в процессе метафоризации, могут отличаться по уровню схематичности и концептуального разнообразия. Среди них выделяются схемы-образы [Dodge et al., 2005], области, фреймы, ментальные пространства [Fausonnier, 2007]. З. Кёвечеш утверждает, что упомянутые структуры «могут рассматриваться как занимающие разные уровни в иерархии схематичности» [Kövecses, 2017, p. 323-324]. Исследователь представляет данные структуры в виде схемы по нарастанию схематичности, где IS – схема-образ, DM – концептуальная область, FR – фрейм, MS – ментальное пространство (см. рис. 1).

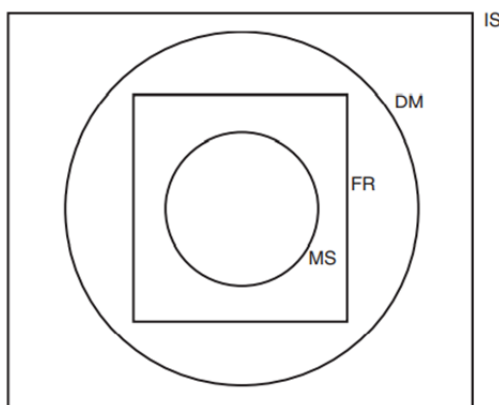

Рисунок 1 – Когнитивные структуры по уровню схематичности

Схемы-образы, которые определяются как «относительно простые когнитивные структуры, постоянно воспроизводящиеся в процессе физического взаимодействия человека с действительностью» [Лакофф и др., 2004, p. 267], являются наиболее схематичными, и, как утверждают

исследователи, такие метафоры, как метафоры путешествия, укоренены в первичных метафорах. Например, метафора ЛЮБОВЬ – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ основана на таких первичных метафорах как ЦЕЛИ – ЭТО ПУНКТЫ НАЗНАЧЕНИЯ и ПЕРЕМЕНЫ/ПРОГРЕСС – ЭТО ДВИЖЕНИЕ [Gibbs, 2017, p. 325].

Если рассматривать вышеназванные структуры по уровню концептуального разнообразия и степени узости и специфичности хранящегося в них знания, то они будут располагаться в обратном представленному на схеме порядке [Kövecses, 2020, p. 52-55]. Следовательно, существуют разные уровни метафор в зависимости от того, на основе каких структур они формируются [Kövecses, 2017, p. 321]. Чем выше уровень, тем более метафора специфична, и тем больше ограничений на появление или частоту употреблений определённых метафорических связей [David et al., 2016, p. 234].

Далее обратимся непосредственно к анализу практического материала. В числе первых рассмотрим метафору, структурирующую процесс обучения в терминах движения: *My thoughts run toward how to help teachers and support them with that learning curve so they don't do a nosedive off the cliff* [Allen, 2020].

- Схема-образ: ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННОЕ ДЕЙСТВИЕ – ЭТО ДВИЖЕНИЕ.
- Область: ОБУЧЕНИЕ – ЭТО ПУТЬ.
- Фрейм: ОБУЧЕНИЕ – ЭТО ПУТЬ К ВЕРШИНЕ.
- Ментальное пространство: СДАТЬСЯ В ТЯЖЁЛОМ ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ – СОРВАТЬСЯ С УТЁСА.

На этом примере мы видим, что на уровне схемы-образа метафоры обладают «высокой степенью генерализованности и универсальности», и в них «трудно увидеть что-либо культурно-специфичное» [Musolff, 2017, p. 339]. Тем не менее, на более высоких уровнях когнитивные структуры «могут включать в себя культурные модели» (например, как в той или иной культуре выглядит морское путешествие, и как выглядит процесс обучения) [David et al., 2016, p. 215]. Следовательно, высшие уровни метафоры содержат более культурно-специфичное знание, и в этом также заключается культурная ценность метафоры как носителя культурного опыта. Согласно К. Бассо, именно в метафоре, более чем в какой-либо другой форме символического выражения, язык и культура демонстрируют свою неразрывную связь [Basso, 1976, p. 79].

Также стоит отметить, что источник и цель рассматриваются не только с позиции схематичности, но и с позиции конкретности/абстрактности. Автор расширенной теории концептуальной метафоры З. Кёвечеш отрицает строгое разделение конкретных и абстрактных понятий, которые могут выступать в качестве области источника. Исследователь утверждает, что любое понятие содержит как онтологическую, т. е. конкретную часть (*embodied content ontology*), так и часть фигуративного конструкта (*figurative construal* – понимание посредством фигуративного значения), т.е. абстрактность

[Kövecses, 2020, p. 33]. Метафора является инструментом осмысления понятий любой степени конкретности/абстрактности. Исследователи, начиная с Дж. Лакоффа, отмечают тенденцию к осмыслению более абстрактных сущностей в терминах более конкретных. Пусть не каждая метафора вписывается в данное утверждение, но таких метафор довольно много, так как «метафоры, которые могут прояснить многие сложности абстрактных понятий <...> будут наиболее привлекательными и широко распространяться среди говорящих» [Gibbs, 2017, p. 325]. Следовательно, такие онтологические категории как процессы (в нашем случае – процесс обучения) будут иметь тенденцию к осмыслению посредством процессов, имеющих более конкретный характер.

Исследования, касающиеся метафорической репрезентации образовательного процесса, проводились такими отечественными и зарубежными лингвистами как Дж. Грэди [Grady, 1998], Л. Кэмерон [Cameron, 2003], Е.Г. Кабаченко [Кабаченко, 2007], С.А. Хахалова [Хахалова, 2014], Е.Н. Вершинина [Вершинина, 2014], Э.В. Будаев [Budaev et al., 2015] и др. К примеру, Э.В. Будаевым были выделены основные области источника, проецируемые на образовательный процесс: «для репрезентации концепта "образование" чаще других привлекаются метафоры со сферами-источниками "путешествие" (19,4%), "дом, строительство" (12,2%), "производство" (9,8%) и "растительный мир" (9,8%)» [Budaev et al., 2015, p. 564].

Так как неотъемлемыми компонентами образовательного процесса являются ученик и учитель, процесс обучения концептуализируется с двух сторон: как LEARNING и как TEACHING. В фокус метафорического представления обучения с позиции учителя могут попадать такие метафоры, как:

TEACHING IS SHAPING: *Together, we're paying homage to the teachers that have played such an integral part in shaping our lives* [Teachers are Role Models, 2020].

TEACHING IS CULTIVATING: *The key to preserving (not creating) intrinsic motivation is to nurture students to move to the next level* [Pijanowski, 2018].

TEACHING IS GUIDING: *The teacher leads the student through interesting new concepts, places and ideas* [The Best Metaphors about Teaching, 2020].

В задачи же нашего исследования входит описание второй стороны метафорической концептуализации процесса обучения – со стороны ученика (learning). Одна из концептуальных метафор процесса обучения – LEARNING IS ACQUIRING – была предложена и подробно описана Дж. Грэди [Grady, 1998, p. 14]. Исследователь приводит следующие примеры реализации данной метафоры:

- *I have a much better understanding of tax law now than I did before I took this course* [ebd].

- *She had acquired an intimate knowledge of the terrain, which now helped her to travel quickly [ebd].*

В нашем исследовании данная концептуальная метафора была намеренно опущена.

В рамках настоящего исследования было выделено ещё пять концептуальных метафор, концептуализирующих образовательный процесс (learning). Выделенные концептуальные метафоры представлены ниже.

Первой концептуальной метафорой, выявленной в ходе данного исследования, является метафора LEARNING IS EATING, в метафорическом фокусе которой находится та часть процесса обучения, которая предполагает получение информации и дальнейшее её осмысление и категоризацию, т.е. «потребление» и «переваривание» полученных новых знаний. Приведём несколько примеров реализации данной метафоры в педагогическом интернет-дискурсе:

- *They need time to reflect on and digest the learning activities before moving on to the next segment of a lesson [McCartny, 2015].*

- *James Conduit, Director of ESL provided us with some interesting ideas of how we can help our students digest the information that is around them [Food For Thought - How Do We Take It In, 2019].*

- *“Educators need to be watching students consume content,” Cross says [Kennedy, 2015].*

Данная метафора имеет тесную взаимосвязь с концептуальной метафорой IDEAS ARE FOOD [Лакофф и др., 2004, с. 75-76] и представляет образовательный процесс со стороны ученика как принятие и усвоение идей и концепций, необходимых для обучения. Так, здесь более абстрактный процесс обучения осмыслен через процесс более выраженного материально характера – принятие пищи. Стоит отметить, что подобное осмысление образовательного процесса встречается и в довольно древних текстах. К примеру, в Тайттирия упанишаде (около X-VI в. До н.э.) встречается следующее обращение-молитва на санскрите, которое традиционно повторялось перед началом обучения:

*Ом саха нāваvату | саха нау бхунакту | саха vīrйам каравāвахau |
теджасви нāваdхīтамасту | ма видвишīvвахau ||*

Пусть он защитит нас обоих. Пусть он *питает* нас обоих. Пусть оба мы, вместе, обретём силу. Пусть наше изучение будет блестящим. Пусть мы не будем искать недостатки друг в друге [Тайттирия упанишад, 1994, с. 56]. Здесь мы видим интересный случай метафорической репрезентации образовательного процесса: Бог «кормит» учителя и ученика знанием, в результате чего они становятся сильными и способными, так же и учитель «кормит» ученика знанием. В современном английском языке также встречаются метафорические выражения, в которых учитель «кормит» ученика знанием/информацией:

- *Teachers are apparently stopping children from thinking creatively by spoon-feeding them the answers they need to successfully complete their work [Wells, 2015].*

- *Teachers feed students with information to memorise and regurgitate for a test or an exam, and then forget it [Lucantoni, 2019].*

Однако стоит отметить, что в отличие от языка культуры Древней Индии – санскрита, в современном английском языке метафорическое выражение «кормить знанием/информацией» чаще встречается в негативном контексте (см. пример выше). Это объясняется как снижением ценности информации в современном мире в связи с её доступностью, так и тенденциями к самостоятельности в образовании в британской и американской культурах.

Другой распространённой концептуальной метафорой является метафора LEARNING IS A JOURNEY. Путешествие представляет собой *прохождение* ряда уроков или тем, последовательный набор необходимых компетенций:

- *Because of her dedication and hard-work, Sydney will not only go far in learning the Spanish language, but also achieve great things in life [Hutchinson High School October Students of the Month, 2015].*

- *Teachers need to continually come back to how information is relevant in order to show students that applying the knowledge does happen at some point down the road [Bleifeld, 2017].*

- *That student would then be able to move on to the next lesson or the next competency set [Vogt, 2015].*

- *In Teaching Online, we will walk you step-by-step through the entire process of launching and facilitating an online course [Teaching Online, 2020].*

Данный аспект также включает в себя то, что скорость продвижения на пути образования может различаться у каждого обучающегося. Также, обучающийся может ускорить или замедлить ход своего обучения, может остановиться или сменить направление:

- *Many of the students I encounter who are trying to learn a second language cite the same frustration: the slow, glacial pace of their language acquisition [7 Innovative Tips to Speed Up Language Acquisition, 2012].*

- *Also, do not rush through everything; instead, take your time to understand the entire meaning of the text [How to Speed Up Learning Process: Step-by-step Guide, 2021].*

Также, в метафоре LEARNING IS A JOURNEY принимается во внимание не только количество последовательно изученных тем, но и тщательность и *глубина* изучения каждой темы. Так, Дж. Лакофф и М. Джонсон отмечают: «в метафоре ПУТЕШЕСТВИЯ *глубокое* – это то, что неочевидно, что находится не на поверхности, скрыто от непосредственного восприятия; нам необходимо углубляться в это. <...> Продвижение в тему на достаточную глубину – это часть путешествия» [Лакофф и др., 2004, с. 134].

- *But the notion that wherever students go next is inherently a deeper exploration of material might not apply to every model and might not always achieve the goal at hand* [Fisher, 2014].

Тот же аспект содержания или глубины может быть представлен согласованным (coherent) с метафорой путешествия метафорой LEARNING IS A CONTAINER. Согласно Дж. Лакоффу и М. Джонсону, «метафорической ориентации глубины соответствует базовость в метафорах СТРОЕНИЯ и ВМЕСТИЛИЩА и идея неясности в метафоре ПУТЕШЕСТВИЯ» [Лакофф и др., 2004, с. 134]. Приведём ещё несколько примеров с лексемой “deep”, употреблённой метафорически:

- *There are actions we can take now to empower teachers to achieve these deeper levels of learning* [Elias, 2018].

- *There’s great value in going deeply into a subject and learning the tools and the approaches that are used by specialists in those areas* [Cruickshank, 2008].

Таким образом, в согласованных метафорах ПУТЕШЕСТВИЯ и ВМЕСТИЛИЩА представлен ход образовательного процесса: обучение – это продвижение по поверхности и вместе с тем оставление следа определённой глубины. Иными словами, две рассмотренные выше метафоры в согласованности отражают идею последовательного накопления содержания в процессе обучения.

Другая выделенная в ходе исследования концептуальная метафора – LEARNING IS CLIMBING A MOUNTAIN – также согласована с метафорой «путешествия», так как она, как и вышеупомянутые концептуальные метафоры, определяется в терминах категорий «прохождения», «перемещения в пространстве». Приведём некоторые примеры реализации концептуальной метафоры «восхождения»:

- *They take students to new heights of knowledge, new levels of skill, and new degrees of multicultural awareness* [Transformative Learning, 2018].

- *We’ve all experienced a pretty steep learning curve as parents, homeschool tutors, and a new-to-working-at-home workforce as we constantly try to adjust to the Covid-19 world* [Allen, 2020].

В данном случае, в метафорическом фокусе, помимо всего прочего, находится и возрастающая трудность обучения: каждый шаг при восхождении в гору даётся труднее, чем предыдущий. Это можно представить в виде так называемой «кривой обучения», вначале имеющей небольшой угол наклона, который постепенно увеличивается, что отражает трудность продвижения в обучении на высоком уровне (см. рис. 2)

Рисунок 2 – Кривая обучения

Рассмотрим следующую концептуальную метафору, позволяющую осмыслить процесс обучения несколько с другой стороны – LEARNING IS BUILDING A PUZZLE:

- *While the teacher acts as facilitator or coach, students assemble their own understanding of the concepts [Crawford, 2015].*
- *In today's classroom building background knowledge is easier than ever before with the help of instructional technology [Smith, 2015].*

Здесь в метафорическом фокусе оказываются желаемые для обучающегося результаты (т.е. картинка на коробке паззла), а также особенности протекания данного процесса (например, деление картинки на части и работа с каждой в отдельности):

- *You can start by breaking skills down into very simple pieces and work your way up to more complicated pieces [How to Learn New Skills Faster: 11 Ways to Start, 2021].*
- *Students learn by connecting new knowledge with knowledge and concepts that they already know, thereby constructing new meanings [Student Construction of Knowledge, 2021].*
- *One reason these problem-based approaches work is because giving students a context for the information they need to learn creates a way to connect pieces of information together and move from just rote memorization to application [Motivating Deeper Learning, 2021].*

Заключительная в данном перечне концептуальная метафора – LEARNING IS BUILDING A HOUSE – согласована с предыдущей в категории «построения», но при осмыслении образовательного процесса посредством данной метафоры особое внимание уделяется последовательности («уровневости») обучения, начиная с «закладки фундамента»:

- *The Sequence is intended to help children establish strong foundations of knowledge grade by grade from preschool through grade eight [What is the Core Knowledge Sequence, 2020].*

Итак, на основе анализа практического материала в ходе данного исследования выделены следующие концептуальные метафоры: LEARNING IS EATING (1), LEARNING IS A JOURNEY (2), LEARNING IS CLIMBING A MOUNTAIN (3), LEARNING IS BUILDING A PUZZLE (4), LEARNING IS BUILDING A HOUSE (5). Данные концептуальные метафоры являются инструментом для многостороннего осмысления образовательного процесса в различных его аспектах, таких как процесс и результат образования, постепенность и качество обучения, его «порционность» и т.д. Поскольку процесс образования многогранен, данный перечень не является исчерпывающим, и он может быть дополнен другими концептуальными метафорами, которые не вошли в фокус настоящего исследования.

Заключение

На основе проведённого анализа практического материала представляется возможным заключить, что образовательный процесс в педагогическом интернет-дискурсе подвергается тщательному и разноплановому метафорическому осмыслению. Разноплановость проявляется как и в разнообразии источниковых зон для концептуальных метафор, так и в разнообразии языковых единиц, посредством которых данные метафоры реализуются. Тем не менее, в метафорической репрезентации процесса обучения в англоязычном педагогическом интернет-дискурсе присутствует общая тенденция к его осмыслению в терминах деятельности человека, имеющей более конкретный характер, такой как принятие пищи, перемещение в пространстве, строительство. Естественно, что такая важнейшая сфера человеческой жизни как образование всегда будет предметом метафорического осмысления, и анализ концептуальных метафор позволяет проследить изменения в образовательном процессе, а также его культурную специфику, что открывает новые горизонты для дальнейшего изучения данной темы.

Библиографический список

- Вершинина, Е. Н.* Имиджеобразующая роль фитоморфной метафоры в образовательном дискурсе // Стилистика сегодня и завтра: материалы конференции. Часть II. М.: Московский государственный университет. 2014. С. 67-71.
- Кабаченко, Е. Г.* Метафорическое моделирование базисных концептов педагогического дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е. Г. Кабаченко. Екатеринбург, 2007. 23 с.
- Лакофф, Дж.* Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. М. : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
- Полянина, Е. В.* Педагогический дискурс: основные характеристики и жанры (на материале немецкого языка) // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации: материалы докладов VI Международной интернет-конференции. Саратов: Наука. 2014. С. 82-87.

- Тайттирийа Упанишад (с комментариями Шанкарачарии). СПб.: ОВК., 1994. 148 с.
- Хахалова С. А. Метафора как педагогический инструмент // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2014. № 1-2. С. 35-40.
- Basso, K. H. Meaning in Anthropology / К.Н. Basso, Н.А. Selby (eds). Albuquerque : University of New Mexico Press, 1976. 176 p.
- Black, M. Models and Metaphors: Studies in Language and Philosophy. – Cornell University Press, Ithaca, 1962. 273 p.
- Budaev, E. V., Chudinov A. P., Trubina G. F. Conceptual Metaphor in Educational Discourse // Biosciences Biotechnology Research Asia. 2015. №12 (1). Pp. 561-567.
- Cameron, L. Metaphor in Educational Discourse. – Continuum. London. 2003, 294 p.
- David O., Lakoff G., Stickles E. Cascades in metaphor and grammar // Constructions and Frames, 2016. №8 (2). Pp. 214-255.
- Dodge, E., Lakoff, G. Image schemas: From linguistic analysis to neural grounding // From perception to meaning. Berlin, New York: De Gruyter Mouton, 2005. Pp. 57-90.
- Fan, L. Literature Review on the Cognitive Approach to Metaphor // Journal of Rational-Emotive & Cognitive-Behavior Therapy. 2018. №26. Pp. 16-29.
- Fauconnier G. Mental Spaces. – Cambridge University Press, Cambridge, 2007. 190 p.
- Gibbs, R. The embodied and discourse views of metaphor: Why these are not so different and how they can be brought closer together // Metaphor: Embodied Cognition and Discourse. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. Pp. 319-335.
- Grady, J. The 'Conduit' Metaphor Revisited: A Reassessment of Metaphors for Communication // Discourse and Cognition: Bridging the Gap. Stanford: CSLI Publications, 1998. Pp. 1-16.
- Kövecses, Z. Extended Conceptual Metaphor Theory. – Cambridge University Press. 2020, 196 p.
- Kövecses, Z. Levels of metaphor // Cognitive Linguistics. 2017. №28-2. Pp. 321-347.
- Musolff, A. Metaphor and Cultural Cognition // Advances in Cultural Linguistics, 2017. Pp. 325-344.
- Sullivan, K. Integrating constructional semantics and conceptual metaphor // Constructions and Frames. 2016. №8(2). Pp. 141-165.

Список источников иллюстративного материала

- 7 Innovative Tips to Speed Up Language Acquisition // [Electronic resource]. – 2012. URL: <https://www.gettingsmart.com/2012/12/7-innovative-tips-to-speed-up-language-acquisition/> (дата обращения: 04.04.2021).
- Allen M. Planning for Better Professional Development in an Uncertain Future // Edutopia [Electronic resource]. – 2020. URL: <https://www.edutopia.org/article/planning-better-professional-development-uncertain-future> (дата обращения: 04.04.2021).
- Bleifeld K. Getting Students to Think Deeper About Content Using Technology // [Electronic resource]. – 2017. URL: <https://blog.mimio.com/getting-students-to-think-deeper-about-content-using-technology> (дата обращения: 04.04.2021).
- Crawford C. Going Viral // [Electronic resource]. – 2015. URL: <https://eric.ed.gov/?id=EJ1046189> (дата обращения: 04.04.2021).
- Cruikshank D. Kaleidoscopic Learning: An Overview of Integrated Studies // Edutopia [Electronic resource]. – 2008. URL: <https://www.edutopia.org/integrated-studies-interdisciplinary-learning-overview> (дата обращения: 04.04.2021).
- Elias M. Nurturing Intrinsic Motivation in Students // Edutopia [Electronic resource]. – 2018. URL: <https://www.edutopia.org/article/nurturing-intrinsic-motivation-students> (дата обращения: 04.04.2021).
- Fisher J. Going deeper or going further: Where students advance in competency-based models // Christensen Institute Blog [Electronic resource]. – 2014. URL:

<https://www.christenseninstitute.org/blog/going-deeper-or-going-further-where-students-advance-in-competency-based-models/> (дата обращения: 04.04.2021).

Food For Thought - How Do We Take It In? // [Electronic resource]. – 2019. URL: <https://www.shrewsbury.ac.th/riverside/recruitment/cpd/teaching-and-learning-detail/~board/shr-teaching-blog/post/food-for-thought-how-do-we-take-it-in> (дата обращения: 04.04.2021).

How to Learn New Skills Faster: 11 Ways to Start // [Electronic resource]. – 2021. URL: <https://greatjobnew.com/how-to-learn-new-skills-faster-11-ways-to-start/> (дата обращения: 04.04.2021).

How to Speed Up Learning Process: Step-by-step Guide // [Electronic resource]. – 2021. URL: <https://greatjobnew.com/how-to-speed-up-learning-process/> (дата обращения: 04.04.2021).

Hutchinson High School October Students of the Month // [Electronic resource]. – 2015. URL: <https://www.crowrivermedia.com> (дата обращения: 04.04.2021).

Kennedy J. 4 Behaviors That Help College Students Consume Video Content // [Electronic resource]. – 2015. URL: <https://mytechdecisions.com/video/4-behaviors-that-help-college-students-consume-video-content/> (дата обращения: 04.04.2021).

Lucantoni P. Getting Students To Do Things Themselves // Brighter Thinking Blog [Electronic resource]. – 2019. URL: <https://www.cambridge.org/us/education/blog/2019/07/20/getting-students-do-things-themselves/> (дата обращения: 04.04.2021).

McCarthy J. 3 Ways to Plan for Diverse Learners: What Teachers Do // Edutopia [Electronic resource]. – 2014. URL: <https://www.edutopia.org/blog/differentiated-instruction-ways-to-plan-john-mccarthy> (дата обращения: 04.04.2021).

Motivating Deeper Learning // [Electronic resource]. – 2021. URL: <https://wp.auburn.edu/writing/motivating-deeper-learning/> (дата обращения: 04.04.2021).

Pijanowski L. 8 Principles of Deeper Learning // Edutopia [Electronic resource]. – 2018. URL: <https://www.edutopia.org/article/8-principles-deeper-learning> (дата обращения: 04.04.2021).

Smith J. Easy Ways to Build Background Knowledge Using Technology // [Electronic resource]. – 2015. URL: https://www.thetechteacher.net/2015/09/building-background-knowledge-techie-way_16.html (дата обращения: 04.04.2021).

Student Construction of Knowledge // [Electronic resource]. – 2021. URL: <https://poorvucenter.yale.edu/ConstructingStudentKnowledge> (дата обращения: 04.04.2021).

Teachers are Role Models // Teach.com [Electronic resource]. – 2020. URL: <https://teach.com/what/teachers-are-role-models> (дата обращения: 04.04.2021).

Teaching Online // [Electronic resource]. – 2020. URL: <https://www.leadingequitycenter.com/remoteteaching> (дата обращения: 04.04.2021).

The Best Metaphors about Teaching // [Electronic resource]. – 2020. URL: <https://helpfulprofessor.com/metaphors-about-teachers/> (дата обращения: 04.04.2021).

Transformative Learning // [Electronic resource]. – 2018. URL: <https://soe.uncg.edu/real-world-learning-2/> (дата обращения: 04.04.2021).

Vogt K. Prior Learning Assessment & Competency-Based Education // Educause [Electronic resource]. – 2015. URL: <https://er.educause.edu/blogs/2015/3/prior-learning-assessment--competencybased-education> (дата обращения: 04.04.2021).

Wells A. To Spoon-Feed Or Not? // [Electronic resource]. – 2017. URL: <https://www.teachertoolkit.co.uk/2017/02/23/spoon-feeding/> (дата обращения: 04.04.2021).

What is the Core Knowledge Sequence? // [Electronic resource]. – 2020. URL: <https://www.coreknowledge.org/our-approach/core-knowledge-sequence/> (дата обращения: 04.04.2021).

References

- Basso, K. (1976). «'Wise Words' of the Western Apache: Metaphor and Semantic Theory». *Meaning in Anthropology. Albuquerque*, Pp. 93-121.
- Black M. (1962) Models and Metaphors: Studies in Language and Philosophy. Cornell University Press, Ithaca. 273 p.
- Budaev E .V., Chudinov A. P., Trubina G. F. (2015) Conceptual Metaphor in Educational Discourse. *Biosciences Biotechnology Research Asia*. 12(1)^ 561-567. doi: 10.13005/bbra/1698
- Cameron L. (2003) Metaphor in Educational Discourse. Continuum. London. 294 p. doi: 10.5040/9781474212076
- David O., Lakoff G., Stickles E. (2016) Cascades in metaphor and grammar. *Constructions and Frames*. 8(2)^ 214-255. doi: 10.1075/cf.8.2.04dav
- Dodge E., Lakoff G. (2005) Image schemas: from linguistic analysis to neural grounding. *From perception to meaning: image-schemas in cognitive linguistics*. Hampe B., Grady J. (eds.). New York. Pp. 57-90. doi: 10.1515/9783110197532.1.57
- Fan L. (2018) Literature Review on the Cognitive Approach to Metaphor. *Journal of Rational-Emotive & Cognitive-Behavior Therapy*, 26: 16-29. doi: 10.1016/j.procs.2018.04.224
- Fauconnier G. (2007). Mental Spaces. Cambridge University Press, 190 p.
- Gibbs R. (2017) The embodied and discourse views of metaphor: Why these are not so different and how they can be brought closer together. *Metaphor: Embodied Cognition and Discourse*. Hampe B. (ed.), Cambridge: Cambridge University Press, Pp. 319-335. doi: 10.1017/9781108182324.018
- Grady J. (1998) The 'Conduit' Metaphor Revisited: A Reassessment of Metaphors for Communication. *Discourse and Cognition: Bridging the Gap*. Koenig, J.-P. (ed.), Stanford (CA), Pp. 1-16.
- Kabachenko, E. G. (2007). Metaphoric modelling of basic concepts in pedagogical discourse. PhD thesis abstract. Yekaterinburg, 23 p.
- Khakhalova, S. A. (2014)/ Metaphor as a pedagogical tool [Metafora kak pedagogicheskii instrument]. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofia* [Bulletin of the Buryat University. Philosophy]. № 1-2: 35-40.
- Kövecses Z. (2020) Extended Conceptual Metaphor Theory. Cambridge University Press. 196 p.
- Kövecses Z. (2017) Levels of metaphor. *Cognitive Linguistics*, 28(2): 321-347. doi: 10.1515/cog-2016-0052
- Lakoff G., Johnson M. (2004) *Metafori kotorymi my zhivem* (Metaphors we live by). M.: Editorial URSS. 256 p.
- Lakoff G. (1990) The Invariance Hypothesis: Is Abstract Reason Based on Image-Schemas? *Cognitive Linguistics*, 1: 39-74.
- Musolff A. (2017) Metaphor and Cultural Cognition. *Advances in Cultural Linguistics*. Sharifian F. (ed.), Singapore: Springer, Pp. 325-344. doi: 10.1007/978-981-10-4056-6_15
- Polianina E. V. (2014/). Pedagogical discourse : key features and genres (on the material of the German language) [Pedagogicheskii diskurs : osnovnye kharakteristiki I zhanry (na materiale nemetskogo iazyka)]. *Inostrannye iazyki v kontekste mezkul'turnoi kommunikatsii : materialy dokladov VI Mezdunarodnoi internet-konferentsii* [Foreign languages in International Communication : Reports of the VI International Internet Conference]. Saratov, Pp. 82-87.
- Sullivan K. (2016) Integrating constructional semantics and conceptual metaphor. *Constructions and Frames*, 8(2): 141-165. doi: 10.1075/cf.8.2.02sul
- Taittiriya Upanisad (with the commentary of Sankaracarya). Transl. by D.M. Ragoza. OVK. Saint-Petersburg. 1994. 148 p.
- Vershinina, N. (2014). The image-making role of phitomorphic metaphor in educational discourse [Imidzheobrazuiushchaia rol' fitimorfnoi metafori v obrazovatel'nom diskurse]. *Stilistika segodnia i zavtra. Materialy konferentsii. Chast' II* [Stylistics today and tomorrow. Conference materials. Part II]. Moscow, Pp. 67-71.

Sources

- Innovative Tips to Speed Up Language Acquisition* (2012), Available at: <https://www.gettingsmart.com/2012/12/7-innovative-tips-to-speed-up-language-acquisition/> (accessed 4 April 2021).
- Allen M. *Planning for Better Professional Development in an Uncertain Future* (2020), Available at: <https://www.edutopia.org/article/planning-better-professional-development-uncertain-future> (accessed 4 April 2021).
- Bleifeld K. *Getting Students to Think Deeper About Content Using Technology* (2017), Available at: <https://blog.mimio.com/getting-students-to-think-deeper-about-content-using-technology> (accessed 4 April 2021).
- Crawford C. *Going Viral* (2015), Available at: <https://eric.ed.gov/?id=EJ1046189> (accessed 4 April 2021).
- Cruickshank D. *Kaleidoscopic Learning: An Overview of Integrated Studies* (2008), Available at: <https://www.edutopia.org/integrated-studies-interdisciplinary-learning-overview> (accessed 4 April 2021).
- Elias M. *Nurturing Intrinsic Motivation in Students* (2018), URL: <https://www.edutopia.org/article/nurturing-intrinsic-motivation-students> (accessed 4 April 2021).
- Fisher J. *Going deeper or going further: Where students advance in competency-based models* (2014), Available at: <https://www.christenseninstitute.org/blog/going-deeper-or-going-further-where-students-advance-in-competency-based-models/> (accessed 4 April 2021).
- Food For Thought - How Do We Take It In?* (2019), Available at: <https://www.shrewsbury.ac.th/riverside/recruitment/cpd/teaching-and-learning-detail/~board/shr-teaching-blog/post/food-for-thought-how-do-we-take-it-in> (accessed 4 April 2021).
- How to Learn New Skills Faster: 11 Ways to Start* (2021), Available at: <https://greatjobnew.com/how-to-learn-new-skills-faster-11-ways-to-start/> (accessed 4 April 2021).
- How to Speed Up Learning Process: Step-by-step Guide* (2021), Available at: <https://greatjobnew.com/how-to-speed-up-learning-process/> (accessed 4 April 2021).
- Hutchinson High School October Students of the Month* (2015), Available at: <https://www.crowrivermedia.com> (accessed 4 April 2021).
- Kennedy J. *4 Behaviors That Help College Students Consume Video Content* (2015), Available at: <https://mytechdecisions.com/video/4-behaviors-that-help-college-students-consume-video-content/> (accessed 4 April 2021).
- Lucantoni P. *Getting Students To Do Things Themselves* (2019), Available at: <https://www.cambridge.org/us/education/blog/2019/07/20/getting-students-do-things-themselves/> (accessed 4 April 2021).
- McCarthy J. *3 Ways to Plan for Diverse Learners: What Teachers Do* (2014), Available at: <https://www.edutopia.org/blog/differentiated-instruction-ways-to-plan-john-mccarthy> (accessed 4 April 2021).
- Motivating Deeper Learning* (2021), Available at: <https://wp.auburn.edu/writing/motivating-deeper-learning/> (accessed 4 April 2021).
- Pijanowski L. *8 Principles of Deeper Learning* (2018), Available at: <https://www.edutopia.org/article/8-principles-deeper-learning> (accessed 4 April 2021).
- Smith J. *Easy Ways to Build Background Knowledge Using Technology* (2015), Available at: https://www.thetechieteacher.net/2015/09/building-background-knowledge-techie-way_16.html (accessed 4 April 2021).
- Student Construction of Knowledge* (2021), Available at: <https://poorvucenter.yale.edu/ConstructingStudentKnowledge> (accessed 4 April 2021).
- Teachers are Role Models*. (2020), Available at: <https://teach.com/what/teachers-are-role-models> (accessed 4 April 2021).

Teaching Online (2020), Available at: <https://www.leadingequitycenter.com/remoteteaching> (accessed 4 April 2021).

The Best Metaphors about Teaching (2020), Available at: <https://helpfulprofessor.com/metaphors-about-teachers/> (accessed 4 April 2021).

Transformative Learning (2018), Available at: <https://soe.uncg.edu/real-world-learning-2/> (accessed 4 April 2021).

Vogt K. *Prior Learning Assessment & Competency-Based Education* (2015), Available at: <https://er.educause.edu/blogs/2015/3/prior-learning-assessment--competencybased-education> (accessed 4 April 2021).

Wells A. *To Spoon-Feed Or Not?* (2017), Available at: <https://www.teachertoolkit.co.uk/2017/02/23/spoon-feeding/> (accessed 4 April 2021).

What is the Core Knowledge Sequence? (2020), Available at: <https://www.coreknowledge.org/our-approach/core-knowledge-sequence/> (accessed 4 April 2021).

УДК 811.11

DOI 10.51955/2312-1327_2021_3_103

МАЛОФОРМАТНЫЕ ПУБЛИЧНЫЕ ДИРЕКТИВНЫЕ ТЕКСТЫ ПЕРИОДА КОРОНАВИРУСНОЙ ПАНДЕМИИ В ГЕРМАНИИ

Мария Николаевна Гузь,
orcid.org/0000-0001-9726-7235

кандидат филологических наук, доцент

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

наб. р. Мойки д.48,

Санкт-Петербург, 191186, Россия

mguz@rambler.ru

Наталья Владимировна Пигина,
orcid.org/0000-0001-5613-8912

кандидат филологических наук, доцент

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

наб. р. Мойки д.48,

Санкт-Петербург, 191186, Россия

pigina@rambler.ru

Татьяна Владимировна Морозова
orcid.org/0000-0002-4978-3128

старший преподаватель

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

наб. р. Мойки д.48,

Санкт-Петербург, 191186, Россия

morozovat1@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются подходы к изучению малоформатных публичных директивных текстов и изучаются лингвостилистические особенности малоформатных публичных директивных текстов, появившиеся в общественных местах в Германии в 2020 г. с целью регулирования поведения людей в условиях коронавирусной пандемии: анализируется тематика данных поликодовых текстов, делаются выводы о соотношении вербальных и невербальных компонентов исследуемых текстов, описываются особенности невербального компонента такие, как цвет, шрифт, изображение, определяются способы выделения семантически значимых элементов данных текстов. Особое внимание уделяется характеристикам адресата и адресанта. Авторы статьи отмечают, что отличительной чертой исследуемых малоформатных публичных директивных текстов является попытка сохранить «лицо» адресата при выдвижении безапелляционных требований со стороны адресанта в ситуации временного ограничения гражданских прав и свобод. В статье рассматриваются стратегии выражения директива в исследуемых текстах: стратегия прямого и стратегия косвенного побуждения, а также анализируются тактики, которые позволяют наиболее эффективно реализовать названные стратегии и уменьшить «ликоущемляющее» воздействие текстов на адресата. Кроме того, в статье анализируются средства выражения побудительности в исследуемых

текстах такие, как инфинитив, императив и инфинитивное предложение, делаются выводы о преобладающих в анализируемых текстах формах.

Ключевые слова: малоформатный публичный директивный текст, поликодовый текст, невербальный компонент, «лицо» адресата, тексты-предписания, стратегии прямого и косвенного побуждения, средства выражения побудительности, категория вежливости, языковой ландшафт, коронавирусная пандемия.

SMALL-SIZED PUBLIC DIRECTIVE TEXTS DURING COVID PANDEMIC IN GERMANY

Maria N. Guz

orcid.org/0000-0001-9726-7235

Herzen State Pedagogical University of Russia

Moika emb. 48,

St. Petersburg, 191186, Russia

mguz@rambler.ru

Natalia V. Pigina

orcid.org/0000-0001-5613-8912

Herzen State Pedagogical University of Russia

Moika emb. 48,

St. Petersburg, 191186, Russia

pigina@rambler.ru

Tatiana V. Morozova

orcid.org/0000-0002-4978-3128

Herzen State Pedagogical University of Russia

Moika emb. 48,

St. Petersburg, 191186, Russia

morozovat1@yandex.ru

Abstract. The article brings into focus different approaches to studying small-sized public directive texts, which appeared in public areas in Germany to regulate people's behavior during the 2020 COVID pandemic.

The article studies the major themes of these polycode texts, analyses the correlation between verbal and non-verbal components of the examined texts, describes peculiarities of the non-verbal component, such as color, font and picture image, defines the ways of foregrounding semantically determining elements of the texts.

Particular emphasis is made on characteristics of the addressee and the sender.

The authors point out the characteristic feature of these texts to "save face" on the part of the addressee when the sender of the message puts forward peremptory requirements in the situation of temporary limitation of civil rights and freedoms.

The article studies both direct and indirect strategies of inducement as well as methods tactics—allowing these strategies to be most effective and contributing to diminishing the personality-restraining impact of the texts on the addressee.

Furthermore, the article analyzes various means of expressing inducement in the studied texts, such as the infinitive, imperative and infinitive sentence, and draws conclusions about the prevailing forms in the analyzed texts.

Key-words: small-sized public directive text, polycode text, non-verbal component, "face" of the addressee, prescriptive texts, strategies of direct and indirect inducement, ways of expressing inducement, the category of inducement, linguistic landscape, COVID pandemic.

Введение

2020 год, прошедший под знаком стремительного распространения коронавирусной инфекции COVID-19 в мире, поставил перед мировым сообществом определенные вызовы и потребовал оперативного и кардинального изменения поведения людей в сложившейся эпидемиологической обстановке. Эпидемиологическая ситуация повлекла за собой навязывание людям такого образа жизни, который в определенной степени ограничивает их гражданские права и свободы. Люди во всем мире вынуждены были отказаться от многочисленных социальных контактов, соблюдать социальную дистанцию и масочный режим в общественных местах, усилить меры гигиены. Германия не явилась исключением. С осени 2020 г. ситуация в Германии ухудшалась и закончилась введением локдауна в конце декабря. Правительство каждой федеральной земли выпустило постановление о мерах по защите населения от инфицирования коронавирусом, в которые в соответствии с актуальным положением дел вносились изменения и дополнения. То, что эти меры ограничивают гражданские права и свободы, признается даже в официальных документах, например в Постановлении о мерах, необходимых для защиты населения от заражения коронавирусом SARS-CoV-2 г. Берлин: *Durch diese Verordnung werden die Grundrechte der Freiheit der Person (Artikel 2 Absatz 2 Satz 2 des Grundgesetzes), der Versammlungsfreiheit (Artikel 8 Absatz 1 des Grundgesetzes), der Freizügigkeit (Artikel 11 Absatz 1 des Grundgesetzes) und der Unverletzlichkeit der Wohnung (Artikel 13 des Grundgesetzes) eingeschränkt*, в русскоязычной версии: *Настоящее Постановление ограничивает основные права на свободу личности (ст. 2 абз. 2 Основного закона), свободу собраний (ст. 8 абз. 1 Основного закона), свободу передвижения (ст. 11 абз. 1 Основного закона) и неприкосновенность жилища (ст. 13 Основного закона) [SARS-CoV-2-Infektionsschutzmaßnahmenverordnung, о. D.], а также в появившихся за последнее время работах психологов и социологов [Funke, 2020, S. 1].*

Исследователи, изучающие появление и формирование новых социальных норм, отмечают, что значительную роль в данном процессе играет разница между культурой Востока и культурой Запада. Так, например, А. Дикман считает, что *«ношение масок хорошо воспринимается в коллективистских культурах восточного общества, индивидуалистические культуры Запада препятствуют укоренению данной нормы» (Masken zu tragen passe zur kollektivistischen Kultur asiatischer Gesellschaften; die individualistische Kultur des Westens hemme dagegen die soziale Diffusion der Norm) [Diekmann, 2020, S. 237].*

Однако, в целом все меры, предпринимаемые против распространения инфекции, расценивались населением положительно, о чем свидетельствуют данные опросов. Например, согласно опросу Института исследования общественного мнения в августе 2020 г. 49 % опрошенных высказались в поддержку масочного режима, 13 % – за распространение масочного режима и на другие сферы жизни, 19% – за отмену масочного режима, 14 % – за

смягчение масочного режима, при этом в основном за отмену или смягчение масочного режима выступают жители Восточной Германии. 81 % опрошенных соблюдает масочный режим постоянно и только 2 % респондентов вообще не соблюдают масочный режим [Verhalten in der Coronavirus-Krise, 2020].

Опрос молодежи показал, что основным мотивом соблюдения необходимых мер является безопасность других людей (89%). Защита своего здоровья и штрафы за несоблюдение мер безопасности в качестве прочих мотивов указали соответственно 79 и 61 % респондентов [Studie: Deutsche Jugendliche halten sich an Corona-Regeln, 2020]. В то же время эти меры вызвали множество протестов и демонстраций по всей Германии.

В сложившейся ситуации потребовалось срочное вмешательство государственных институтов, регулирование социального поведения и взаимодействия людей в разных сферах, постоянное напоминание о мерах безопасности. Для достижения указанных целей используются малоформатные публичные директивные тексты, которые должны воздействовать на адресата с целью изменения его поведенческой модели в ситуации пандемии, а именно побудить его выполнять ранее не характерные действия (носить маску, соблюдать дистанцию и др.) и запретить выполнять привычные действия (например, ограничить социальные контакты, пожимать друг другу руки при приветствии и т.п.).

Материалы и методы

Материалом исследования стали немецкоязычные малоформатные публичные директивные тексты, представляющие собой письменные поликодовые тексты, общим количеством 182 единицы, собранные путем поиска в сети Интернет (фотографии на новостных сайтах, в социальных сетях facebook, Instagram, twitter, на сайтах компаний по производству и продаже информационных наклеек и табличек), а также при помощи респондентов, проживающих в Германии. Основными методами исследования являются метод непосредственного наблюдения, метод функционально-семантического и контекстуального анализа, метод лингвостилистической интерпретации текста.

Дискуссия

Малоформатные публичные директивные тексты не раз становились объектом внимания исследователей, которые рассматривают их с разных позиций и используют разные термины для их обозначения. Термин С. Г. Тер-Минасовой «информативно-регулирующий указатель» [Тер-Минасова, 2004] в большей степени ориентирован на двойственную функцию данных текстов, понятие А. Вежбицкой [Вежбицкая, 1996] «общественные знаки» отсылает читателя к английскому public signs и в большей степени подчеркивает публичный характер данных текстов, Я.Н. Еремеев, также ориентируясь на английское выражение public (city) directives, использует термин «общественный указатель» [Еремеев, 2001] и

сосредотачивается на оказываемом данными текстами эффекте на адресата, Т. М. Большакова оперирует понятием «малоформатные публичные прескриптивные тексты» [Большакова, 2005], В. М. Аринштейн, Л. Б. Бойко – понятием «публичный директив» [Аринштейн, 2000; Бойко, 2004], делая, таким образом, акцент на общении представителей власти различных уровней с индивидуумом. Н. А. Карпова [Карпова, 2016] использует понятие «административное объявление», так как, по мнению исследователя, оно позволяет учитывать не только реализуемую функцию, но и материальную форму существования текста. Материалом для исследования часто служат двуязычные тексты [Guo, 2012; Lu, Zhu 2019; Qinhu, 2019; Sun, 2017] или же тексты, расположенные на территории какого-либо объекта [Parker et al., 2018]. В последнее время появились первые исследования языкового ландшафта периода пандемии отдельных регионов, выполненные на материале публичных текстов [Marshall, 2021].

Результаты

Анализируемые малоформатные публичные директивные тексты, нацеленные на побуждение адресата к определенному посткоммуникативному действию, появились в общественных местах Германии в 2020 году с целью регулирования поведения людей в условиях пандемии. Размещаются данные тексты, в общественных местах, под которыми, как правило, понимаются места, находящиеся за пределами частных жилых помещений и относящихся к ним владений (частная сфера) [SARS-CoV-2-Infektionsschutzmaßnahmenverordnung, o.D.], т.е. во «входной зоне» аэропортов, вокзалов, магазинов, рынков, аптек, кафе и ресторанов, банков и других учреждений, а также на дверях лифтов, общественного и железнодорожного транспорта, на остановках общественного транспорта и т.д. Место расположения этих текстов характеризуется следующими признаками: 1. текст располагается так, чтобы его было удобно прочитать. 2. Само место расположения текста является некой границей, от которой начинает действовать предписание. В ряде случаев эта граница находит отражение и на вербальном уровне – многие тексты начинаются с обстоятельства места действия «*Ab hier*». В качестве материального носителя текста выступает бумага или самоклеящаяся пленка (наклейки), тексты напечатаны на принтере администрацией соответствующего учреждения или выполнены типографским способом.

Исследуемые тексты являются поликодовыми, то есть представляют собой, по определению В. Е. Чернявской, «когерентное целое, слагаемое из нескольких семиотических кодов» [Чернявская, 2009, с. 93], вербального и невербального компонентов. Невербальный компонент представлен изображением, цветом фона, цветом и размером шрифта надписи. Только 13 % анализируемого материала не содержит изображение. В 84 % исследуемых текстов вербальный и невербальный компоненты выражают одно содержание (например, изображение медицинской маски и надпись *Maskenpflicht*, изображение двух людей и надпись *Abstand halten*), то есть

находятся в отношениях дополнительности друг к другу, таким образом происходит «двойное кодирование информации для усиления информационного веса сообщения» [Чернявская, 2009, с. 93].

В таких текстах изображение и надпись занимают одинаковое по площади место или изображение по размеру больше надписи, при этом изображение часто расположено в центре. В качестве изображения используются схематичные картинки или символы. Отличительной особенностью этих картинок является то, что они не допускают многозначности и одинаково трактуются в разных культурах. Функция данных изображений в невербальной составляющей малоформатных публичных директивных текстов – обеспечение понимания указания даже адресатами, которые не являются носителями немецкого языка или у которых не сформированы или сформированы в недостаточной степени навыки чтения. Так в качестве невербального компонента можно выделить следующие группы изображений: маска, лицо в маске или лицо, нижняя часть которого закрыта шарфом или платком (в ряде текстов представлены все три варианта, т.к. согласно немецким официальным документам, шарф или платок, закрывающие нос и рот, тоже считаются средствами защиты органов дыхания), изображение рукопожатия, схематичное изображение людей, изображение банковской карты. В некоторых случаях наблюдается попытка подчеркнуть гендерное равноправие (схематичное изображение мужского и женского лица) и национальное равноправие. Если изображения расположены на красном или синем фоне, то они как правило белые, если на желтом фоне – то черные. Часто цвет изображения используется и для цвета шрифта. Белый фон позволяет использовать многоцветное изображение и разнообразные по цвету шрифты.

При всем разнообразии цветовой палитры наблюдается некоторое ограничение при выборе цвета фона, изображения или шрифта в рассматриваемых текстах. Доминирующими цветами являются синий, красный и желтый, что, на наш взгляд, не является случайным, так как красный цвет – «сигнальный цвет», цвет опасности; синий цвет вызывает положительные ассоциации, это цвет силы, доверия и надежности; желтый ассоциируется с активностью и оптимизмом. Таким образом, адресант текста уже при помощи цвета сигнализирует адресату о наличии некоторой угрозы, сообщает, что адресанту можно доверять и выражает надежду на благополучное разрешение ситуации при соблюдении адресатом указанных требований.

Кроме того, эти цвета используются также для знаков, регулирующих дорожное движение (дорожные знаки и сигналы). Так, согласно Венской концепции о дорожных знаках и сигналах, принятой 8 ноября 1968 года, синий цвет используется в предписывающих и информационно-указательных знаках, красный – в запрещающих и ограничивающих знаках, в запрещающем сигнале светофора. Таким образом в сознании реципиента эти цвета с детства ассоциируются с правилами, которые необходимо выполнять для собственной безопасности и безопасности других людей. Таким образом

за счет использования определенной цветовой палитры адресант исследуемых текстов пытается на уровне подсознания нивелировать возможное негативное восприятие предписаний и склонить адресата к их выполнению.

Кроме цвета, существенную роль играет форма поля, на котором дано изображение. Так, предписание носить маску может быть расположено на красном восьмиугольнике, т.е., по сути, представляет собой вариацию дорожного знака «движение без остановки запрещено» (красный восьмиугольник с надписью STOP белого цвета по центру).

Предписание соблюдать социальную дистанцию повторяет знак «ограничение ширины» (белый круг с красной окантовкой, цифрой и стрелками внутри). Структуру запрещающего знака повторяет также изображение запрета на рукопожатия (перечеркнутый круг с красной окантовкой).

В ряде случаев изображение расположено в круге синего цвета и напоминает предписывающие знаки «пешеходная дорожка» или «велосипедная дорожка» или в прямоугольнике синего цвета и напоминает знаки особых указаний или информационные знаки.

Часто в исследованных текстах используется изображение лица в маске в круге синего цвета, такое изображение относится к международным предписывающим знакам, определенным стандартом, разработанным Международной организацией по стандартизации совместно с Европейской комиссией по стандартизации, принятым в качестве национального стандарта в Германии (DIN EN ISO 7010).

Следует отметить, что правила дорожного движения не вызывают отторжения у реципиентов, а необходимость их соблюдения не провоцирует протесты. Таким образом, и форма визуального компонента исследуемых текстов способствует созданию положительного образа предписания и смягчению действия ограничения.

Фотографии людей в качестве визуального компонента используются реже. Представляется, что это связано с техническими и финансовыми сложностями полноцветной печати в сжатые сроки. Так, например, цветные фотографии используются на предписаниях носить маску и двигаться в одном направлении на объявлениях сети REWE, однако во многих магазинах используется черно-белая копия оригинального текста.

В 6 % исследуемых текстов вербальный и невербальный компоненты находятся по отношению друг к другу в «интегративных отношениях», их «невозможно отделить друг от друга» [Чернявская, 2009]. Наиболее показательными являются тексты с изображениями персонажей популярных комиксов (Человек-паука, Бэтмена и др.). Вербальный компонент данной группы текстов может варьироваться, но обязательно содержит имя существительное *Held* во множественном числе, часто с определением *wahr*, которое усиливает положительную коннотацию существительного, а также сложный союз *nicht nur ... sondern auch*, благодаря использованию которого клиенты данного учреждения приравниваются к супергероям:

Wahre Helden tragen Masken [Wahre Helden..., o.D.],
Maskenpflicht ist nicht nur für Helden... sondern auch bei uns [Maskenpflicht: Wichtige Infos..., 2020].

Изображенные персонажи из комиксов – наделенные сверхъестественными способностями супергерои, поступки которых направлены на борьбу со злом. Типичным атрибутом супергероя является маска, закрывающая верхнюю часть лица и не позволяющая идентифицировать личность человека, повседневная жизнь которого далека от подвигов. В некоторых рассмотренных текстах кроме изображения супергероя присутствует и изображение лица в медицинской маске. Таким образом в массовом сознании закрепляется ассоциативный ряд, что человек, носящий медицинскую маску стоит в одном ряду с супергероями, а само ношение медицинской маски направлено на борьбу со злом, т.е. коронавирусной инфекцией.

Вербальная составляющая исследуемых текстов оформляется жирным шрифтом, заглавными буквами, цветом. Только в 15 % исследуемых текстов вербальная часть никак не выделяется. Основным средством выделения текста является жирный шрифт, данный способ используется в 39 % исследованных текстов:

Betreten des Marktes nur mit Mund-Nasen-Maske! [Maskenverweigerer..., 2020],

Bitte Mund- und Nasenschutz benutzen [Selbstklebende Hinweisschilder ..., o.D.].

Гораздо реже (6%) используется выделение одного из слов или одного из предложений текста другим цветом. В 5 % текстов используются заглавные буквы, например:

BITTE MASKENPFLICHT BEACHTEN UND MUNDSCHUTZ TRAGEN! [Bitte Maskenpflicht beachten..., o.D.]

Создатели 19 % текстов используют сочетание нескольких средств:

- жирный шрифт и заглавные буквы (14 % текстов):

AB HIER GILT MASKENPFLICHT [Medizinische Einrichtungen..., 2020];

NICHT VERGESSEN! ZUTRITT NUR MIT MASKE [Hinweisschild Abstand..., o.D.];

BITTE EINZELN EINTRETEN! [2 Stück Aufkleber..., o.D.],

- жирный шрифт и цвет (3 % текстов):

Wir bitten unsere Kunden unbedingt Mund-Nasenschutz anzulegen (зеленый цвет шрифта) [Coronavirus in Bayern, 2020],

Tragepflicht von Mund-Nasen-Schutz (желтый цвет шрифта) [Trittau Online, 2020],

- жирный шрифт, заглавные буквы и выделение цветом (в 2 % текстов):

BITTE MASKENPFLICHT UND MINDESTABSTAND AUF DEM PARKPLATZ EINHALTEN (желтый цвет шрифта) [Maskenpflicht auf dem Parkplatz..., 2021].

В 16 % текстов выделяется один компонент (слово или группа слов) при помощи:

- подчеркивания:
Bitte Maskenpflicht beachten! [Post vom Ordnungsamt..., 2020],
Bitte einzeln eintreten! [Bitte einzeln..., o.D.];
- цвета (выделяемый цветом элемент обозначен курсивом):
Bitte unbedingt *Maske* tragen! [Keine Maskenpflicht..., 2020],
Auch wenn es schwer fällt, *bitte Abstand halten* [Aufkleber / PVC-Schild..., o.D.];
- заглавных букв:
Bitte beachten: Zutritt NUR MIT MASKE [Hinweisschilder Maskenpflicht..., o.D.],
Sie sind mit ABSTAND die besten Kunden [Bodenkleber rund..., o.D.];
- жирного шрифта:
Bitte halten Sie **Mund und Nase** bedeckt [Die Maskenpflicht..., 2020].

Выделению подвергаются, как правило, семантически значимые элементы такие, как указание на необходимость ношения маски (выделяются имена существительные *Maske*, *Maskenpflicht*, *Mund-Nasen-Bedeckung*, *Mundschutz*), соблюдения дистанции (выделяется имя существительное *Abstand* или сочетание имени существительного *Abstand* с глаголом *halten*, а также ее длина – 1,5 метра), допустимое в данном пространстве количество людей (выделяется сочетание числительного с именем существительным), необходимость входить по одному (выделяется наречие *einzel*n, глагол *warten*), просьба безналичной оплаты (выделяются наречия *bargeldlos*, *kontaktlos*, существительное с предлогом *mit Karte*). Кроме того, в некоторых текстах выделяется время наступления действия (как правило, при помощи наречия *sofort*) и место действия (*Bushaltestelle*, *Parkplatz*).

Тематически анализируемые тексты предписывают носить маску (45 %), соблюдать социальную дистанцию (22 %), входить и пользоваться лифтом по одному (8 %), не пожимать друг другу руки (4 %) и расплачиваться банковской картой (5 %). 9 % текстов предписывают носить маску и соблюдать социальную дистанцию, 6 % – носить маску, соблюдать дистанцию и расплачиваться банковской картой, как правило, это малоформатные публичные директивные тексты, размещенные от имени администрации магазинов и руководства железных дорог.

Основную массу исследованных текстов составляют тексты-предписания (76 % всех проанализированных текстов), из них 40 % можно обозначить как вежливые предписания, 17 % приходится на тексты информативного типа, 5 % на тексты-призывы и 2 % на тексты-запреты. Полученные данные расходятся с выводами исследователей, ранее изучавших немецкоязычные малоформатные публичные директивные тексты, которые отмечают количественное преобладание текстов-запретов, объясняя доминирование запретов прагматической сущностью процесса регуляции поведения граждан Германии [см., напр., Большакова, 2005; Ларина, 2018]. Больше по сравнению с запретами распространение предписаний среди малоформатных публичных директивных текстов, появившихся в 2020 году, на наш взгляд, обусловлено тем, что предписание по сравнению с запретом являет собой более «позитивную» формулировку требования.

Общеизвестно, что представителям немецкой культуры свойственна высокая степень законопослушания и отношение к закону как универсальной истине, подчинение чужой воле в немецкой культуре является «культурной ценностью» [Schroll-Machl, 2003, S. 86] и расценивается немцами как «необходимый акт повиновения», а не как ограничение личных свобод или ущемление достоинства [Аринштейн, 2000, с. 45]. Однако, сложившаяся в 2020 году ситуация была абсолютно новой для жителей Германии и требовала одномоментного установления четких правил и незамедлительной выработки поведенческих инструкций для предотвращения распространения инфекции и ее негативных последствий. Необходимо было за очень короткое время навязать гражданам Германии несвойственную им линию поведения, которая у многих, как отмечено выше, вызывает отторжение и протесты, поскольку ограничивает основные права и свободы и воспринимается как травмирующая «лицо» адресата. Ситуация, в которой происходит столкновение интересов разных групп людей и выявляются противоречия, представляет собой конфликт. В период пандемии эта конфликтная ситуация усугубляется состоянием тревоги за жизнь и здоровье свое и близких, с одной стороны, и скептическим отношением к принимаемым мерам и самому факту существования опасности, с другой. Сформировался определенный пласт людей, отрицающих коронавирусную инфекцию (Corona-Leugner). Все это, на наш взгляд, обусловило появление подчеркнуто вежливых предписаний.

Исследователи, изучающие коммуникативную категорию вежливости в немецкой лингвокультуре, отмечают, что «немцы озабочены «сохранением позитивного лица» собеседника при помощи проявления повышенного внимания, симпатии, интереса к нему» [Газизов, 2011, с. 9]. В случае исследуемых малоформатных публичных директивных текстов «сохранение позитивного лица» достигается за счет использования не только маркера вежливости «*bitte*», но и за счет выражения благодарности потенциальному адресату частицей «*danke*», обращения к адресату, включающим определение «*liebe*». Ввод в текст названных элементов призван смягчить принуждение адресата к выполнению определенного посткоммуникативного действия.

Необходимость такого смягчения вызвана также неравноправным статусом адресанта и адресата. Адресантом является организация, по отношению к которой адресат выступает потребителем услуги (покупатель, пассажир), при этом в сложившейся ситуации услуга может быть оказана только при условии соблюдения предписания. В большинстве случаев адресант не выражен эксплицитно, однако само место расположения публичного директивного текста дает представление о его авторе. Это касается и стандартных объявлений. Фактически автором объявления является, например, организация, изготавливающая наклейки со стандартным текстом, однако размещение такой наклейки на дверях магазина способствует передачи роли адресанта администрации магазина. Только в небольшом количестве текстов адресант указан, и это касается текстов, созданных специально для той или иной организации:

*Dein REWE Markt Team
Medzentrum Schramberg
Landkreis Aurich. Der Landrat
Ihr Klinikum Nürnberg
Ihr dm-Team*

Адресант может быть также идентифицирован при помощи логотипа (Edeka, Kaufland) или логотипа и слогана (*REWE. Dein Markt*). В визуальной составляющей таких поликодовых текстов часто используются фирменные цвета (например, черный и желтый в сети Edeka), таким образом директивные тексты могут встраиваться в общую концепцию имиджа компании.

В качестве самоидентификации адресанта в некоторых текстах выступает местоимение первого лица множественного числа *wir*:

Bitte unbedingt Maske tragen! So schützen wir uns gegenseitig in dieser Apotheke!
[Keine Maskenpflicht..., 2020].

Wir bitten unsere Kunden, unbedingt einen Mund-Nasenschutz anzulegen
[Coronavirus in Bayern, 2020].

Wir halten Abstand. Und zusammen [Mit diesem Spot..., 2020].

Zur allgemeinen Vorsorge bitten wir Sie zur nächsten Person in Ihrem Umfeld 2 Meter Abstand zu halten [Corona Pandemie..., 2020].

Lächeln statt Händedruck! Wir sind freundlich ganz ohne Hände – zum Schutz von Patienten, Mitarbeitern und Besuchern [Coronavirus..., 2020].

Адресатом малоформатного публичного директивного текста является любой человек. В некоторых текстах подчеркивается социальная роль адресата (клиент, пассажир):

Liebe Kundinnen und Kunden

Wir bitten unsere Kunden, unbedingt einen Mund-Nasenschutz anzulegen.

Liebe Reisende

Danke liebe Kundinnen und Kunden...

Liebe Kunden

При обращении к адресату используется как вежливая форма *Sie*, так и местоимение второго лица единственного числа *du* или второго лица множественного числа *ihr* и соответствующие притяжательные местоимения:
Für Sie bedeutet das, dass beim Einkauf Mund und Nase bedeckt sein müssen. Wir danken Ihnen für Ihr Verständnis [Edeka Hunold, 2020].

Vielen Dank für deine Mithilfe und bleib gesund [Alleine einkaufen..., 2020].

При формулировании директив при помощи императива наблюдается та же тенденция – к адресату обращаются и на «Вы», и на «ты»:

Schützen Sie sich und Ihre Mitmenschen! [DB Zugbegleiter, 2020],

Beachte die maximale Kundenzahl für diesen Store [Alleine einkaufen..., 2020].

Bitte pass auf dich und andere auf und nutze einen Gesichtsschutz, Mundschutz oder Schal [Rewe Aupperle, 2020].

Bitte bewegt euch möglichst nur in eine Richtung [Berlin..., 2020].

Для побуждения адресата к выполнению нужного адресанту посткоммуникативного действия адресант исследуемых директивных текстов

использует две стратегии: стратегию прямого побуждения, заключающуюся в воздействии на реципиента путём прямой каузации (предписание / запрет) его действий и предполагающую прямые речевые акты, и стратегию косвенного побуждения, предполагающую косвенные речевые акты, которые позволяют уменьшить психологическое давление и «ликоущемляющее» воздействие на адресата.

На стратегии прямого побуждения построено 78 % исследованных текстов, на стратегии косвенного побуждения – 22 % проанализированного материала. В ходе анализа собранных текстов были выявлены следующие тактики, характерные для каждой стратегии:

1. для стратегии прямого побуждения:

- тактика прямого побуждения с компенсацией (48 % текстов);
- тактика прямого побуждения без компенсации (28 % текстов);
- тактика запрета (2 % текстов).

2. для стратегии косвенного побуждения:

- тактика информирования (7 % текстов);
- тактика похвалы адресата (6 % текстов);
- тактика апелляции к моральным и нравственным установкам адресата (5 % текстов);
- тактика (вежливого) напоминания (2 % текстов);
- тактика просьбы (2 % текстов).

Тактика **прямого побуждения с компенсацией** характерна для абсолютного большинства проанализированных малоформатных публичных директивных текстов. Тексты, демонстрирующие данную тактику, содержат элементы, призванные компенсировать, смягчить негативное психологическое воздействие прямого директива, поддержать «лицо» адресата, нацелить адресата на сотрудничество при выполнении указания.

С этой целью чаще всего (27 % проанализированных текстов) в текст вводится **маркер вежливости** – частица *bitte* со значением «формула вежливости для подчеркивания (вежливого) требования» (Höflichkeitsformel zur Unterstreichung einer (höflichen) Aufforderung [Duden, o.D.]:

Bitte Aufzug nur einzeln nutzen [Themenbild Corona..., 2020],

Bitte halten Sie Mund und Nase bedeckt [Die Maskenpflicht..., 2020],

Bitte hier WARTEN [Fußbodenaufkleber..., o.D.],

Bitte tragen Sie Mundschutz [5 Aufkleber..., o.D.],

Bitte halten Sie Abstand [Abstand halten..., o.D.],

Bitte einzeln eintreten! [Boden-Hinweisschild Bitte..., o.D.].

Вторым по распространенности способом компенсации (6 % текстов) является **указание (объяснение) целей или причин побуждения** к тому или иному действию. Адресант апеллирует к разуму и логике адресата, объясняет, что указанные меры являются вынужденными:

ABSTAND HALTEN. Zu Ihrem Schutz [Hinweisschilder..., o.D.],

Für Ihre Sicherheit [Diese Corona-Regeln..., 2020],

Corona Ausbreitung minimieren, mind. 1,5 m Abstand zu Mitmenschen einhalten [Verbotsschilder Kostenlos..., o.D.].

Две трети текстов данной группы содержат не только указание целей и причин побуждения к определенному посткоммуникативному действию, но и включают маркер вежливости *bitte*:

Bitte zum Schutz aller Kunden & Mitarbeiter Abstand halten, Mund-Nasen-Schutz tragen [Hinweis Aufkleber..., o. D.],

Zu Ihrem und unserem Schutz! Bitte Abstand einhalten und einzeln vortreten [Hinweisschild "Corona"..., o. D.],

Aus hygienischen Gründen bitte Abstand halten [Aufkleber eckig..., o.D.],

Bitte zahlen Sie möglichst mit Karte und verzichten Sie auf Bargeld. So reduzieren wir den gegenseitigen Kontakt und schützen Sie und unsere Mitarbeiter [Desinfektion..., o. D.].

Компенсационную функцию выполняет также (4 % текстов) ввод **маркера благодарности** – частицы *danke* со значением «краткая форма выражения благодарности» (kurze Form der Dankesbezeugung) [Duden, o.D.]:

Nur 2 Personen pro Fahrt! Danke [Schutzmaßnahmen..., o.D.],

ZUTRITT NUR MIT MUNDSCHUTZ DANKE! [FRUITPRINTS..., o.D.],

Zutritt nur mit Mund-Nasen-Bedeckung! Vorsicht steht uns allen gut. Danke fürs Mitmachen [Maskenpflicht ab..., 2020],

Ab hier nur mit Mund-Nasen-Bedeckung! Vielen Dank! [Verkäuferinnen in Torgelow..., 2020],

Zutritt nur Mundschutz! Vielen Dank für Ihr Verständnis [Mundschutz tragen..., o.D.].

Незначительное количество исследуемых текстов содержит несколько компенсаторных элементов, например, маркер вежливости *bitte* и маркер благодарности *danke*:

Bitte Mund-Nasen-Schutz tragen und den Mindestabstand von 1,5 m zueinander einhalten! Vielen Dank! [Ärztammer-Präsident..., 2020],

Bitte tragen Sie einen Mundschutz! DANKE [5 Stück Aufkleber..., o.D.].

Тексты *Bitte unbedingt Maske tragen! So schützen wir uns gegenseitig in dieser Apotheke! Vielen Dank für Ihre Unterstützung!* [Keine Maskenpflicht..., 2020] и *Zu Ihrem und unserem Schutz! Bitte Abstand einhalten und einzeln vortreten. Danke!* [Hinweisschild "Corona"..., o. D.] содержат вежливое побуждение, указание целей и благодарность, т.е. в них представлены все три компенсаторных механизма.

Тактика **прямого побуждения без компенсации** предполагает предъявление реципиенту прямого директива в форме номинативного предложения (часто с использованием ограничительной модели с наречием *nur*), инфинитивного предложения или императива:

Einstieg nur mit Maske [Ich fühle mich..., 2021],

Zustieg und Aufenthalt nur mit Mund-Nasen-Schutz [Für Schwarzfahrer..., 2021],

Mind. 1,5 Abstand zu Mitmenschen einhalten [Verbotsschilder Kostenlos..., o.D.],

Mund und Nase bedecken! [Was gilt..., 2020],

Abstand halten [Bodenaufkleber..., o.D.],

Achtet immer auf den Abstand! [Wie haben sich..., 2020].

Тактика **запрета** в исследуемых малоформатных публичных директивных текстах встречается крайне редко. Запрет формулируется, как правило, при помощи отрицания (*kein, nicht*) или глагола *vermeiden*:

Maskenpflicht. Ohne Maske kein Zutritt [Kein Annafest..., 2020];

Einkauf in Gruppen möglichst vermeiden [Gemeinsam gegen Corona, o.D.];

Körperkontakt vermeiden [Maskentragen..., 2020].

Запрет может быть замаскирован использованием глаголов *gestatten* и *erlauben* со значением разрешения, таким образом в тексте реализуется косвенный запрет:

Zutritt nur mit Maske gestattet [Hinweisschild Maskenpflicht..., o.D.];

Aufgrund der Landesverordnung ist das Einkaufen nur mit Mund-Nasen-Maske gestattet [KAUFLAND..., 2020].

Запрет может быть формально смягчен также добавлением маркера вежливости – частицы *bitte*:

Bitte keine Hände schütteln! [Halten Sie Abstand..., o.D.],

Bitte auf Grund der aktuellen Situation das Händeschütteln vermeiden [Verbots-Kombischild..., o.D.].

При использовании тактики **информирования** адресант опирается на фоновые знания адресата и его способность делать умозаключения из услышанного / прочитанного. Адресату сообщается некоторая информация, при этом предполагается, что он знает, как ее надо использовать, т.е. какие нормы поведения соответствуют сообщенной ему данным текстом информации.

Hier gilt Mundschutzpflicht [Boden-Hinweisschild Hier..., o.D.];

Ab hier ist das Tragen einer Mund-Nasen-Bedeckung Pflicht! [Tausende Urlauber..., 2020].

Тактика **похвалы адресата** директивного текста направлена на сохранение «лица» адресата и поднятия его статуса. Похвала адресату может быть выражена как эксплицитно, в исследуемом материале похвала была реализована при помощи имени прилагательного *gut* в превосходной степени:

Sie sind mit ABSTAND die besten Kunden [Bodenkleber rund..., o.D.],

Mit Abstand seid ihr die besten Gäste [Aufkleber "Mit Abstand..., o.D.],

Ihr seid mit Abstand die besten! [1x Schild beidseitig..., o.D.],

так и имплицитно, в исследуемых текстах – при помощи глагола *sich freuen*:

Wir freuen uns, wenn Sie BARGELDLOS bezahlen. Vielen Dank! [Hygiene Hinweis..., o.D.].

Тексты, в основе которых лежит тактика **апелляции к моральным и нравственным установкам** адресата, призывают к внимательному отношению к окружающим, к осознанию социальной ответственности.

Gib Corona keine Chance! Es gilt: Mundschutz-Pflicht im Bus! [In Pirmasens..., 2020],

NEHMEN SIE BITTE RÜCKSICHT AUFEINANDER! 1,5 Meter Abstand halten, in Armbeuge niesen, husten, Hände waschen [Einkauf..., 2020],

Lasst uns jetzt rücksichtsvoll einkaufen [Gemeinsam gegen Corona, o.D.],
Helfen Sie mit, die Ausbreitung des Coronavirus einzudämmern [Edeka Westphal, 2020].

К этой же группе текстов мы относим тексты, содержащие призыв защитить себя и других: *Schützen Sie sich und andere!* [Schützen Sie sich..., 2020], *Schütze dich selbst und andere* [Bodenmarkierung..., o.D.]. В условиях сложной эпидемиологической ситуации данные тексты в немецкой лингвокультуре приобретают особое значение, так как должны вызвать несвойственные представителям индивидуалистической культуры чувство солидарности, общности, групповой ответственности. Этим обусловлено использование глагола *mithelfen*, наречия *aufeinander*, местоимения *andere*.

В случае **тактики (вежливого) напоминания** адресант предполагает, что если адресат и нарушает правила, то делает это не умышленно, а по забывчивости, о чем свидетельствует использование глагола *vergessen* с отрицанием *nicht*:

Mundschutz tragen bitte nicht vergessen [Gemeinsam..., o.D.],
NICHT VERGESSEN! ZUTRITT NUR MIT MASKE [Hinweisschild Abstand..., o.D.].

Также среди исследуемого материала встречаются тексты, отражающие тактику **просьбы**. Маркером данной тактики является использование глагола *bitten*.

Wir bitten Sie, den Mindestabstand von 1,50-2 Metern einzuhalten [Was die FFP2-Maske..., 2021],

Zur allgemeinen Vorsorge bitten wir Sie zur nächsten Person in Ihrem Umfeld 2 Meter Abstand zu halten [Corona Pandemie..., 2020],

Wir bitten zu beachten ab SOFORT Maskenpflicht im Markt UND auf dem Parkplatz! [REWE Reising..., 2020],

Wir bitten unsere Kunden unbedingt Mund-Nasenschutz anzulegen [Coronavirus in Bayern, 2020].

Принцип «один текст – одна тактика» характерен не для всего корпуса исследуемых текстов, довольно часто в одном тексте (11 % проанализированных текстов) присутствует несколько тактик. Сочетание различных тактик прослеживается в текстах, состоящих более чем из одного предложения. Так, текст *Bitte Abstand halten! mindestens 1,5 m. Nur 1 Person eintreten! Schützen Sie sich und andere! Danke!* [Schützen Sie sich..., 2020] побуждает соблюдать дистанцию, входить по одному, призывает защищать себя и других и содержит благодарность. Адресант текста *Mundschutz tragen bitte nicht vergessen. Schützen Sie sich und andere. Vielen Dank* [Gemeinsam..., o.D.] напоминает о необходимости ношения маски, призывает адресата защищать себя и других и благодарит его. Адресант текста *Ab hier gilt Maskenpflicht! Vielen Dank für Ihre Mitwirkung und bleiben Sie gesund!* [Corona-Höchststände..., 2020] информирует о действии предписания, благодарит адресата за сотрудничество и желает ему здоровья.

Исследователи, изучающие микрополе побуждения в немецком языке, полагают, что его доминантой является императив, при этом ядро образуют

презенс индикатив, футурум индикатив, модальные глаголы с инфинитивом, инфинитивные предложения, а на периферии находятся второе причастие, безличный пассив, субстантивные и наречные предложения и некоторые другие [Гулыга, Шендельс, 1969, с. 92].

Анализируемый материал позволяет сделать вывод, что основным средством выражения побудительности в исследуемых текстах становится инфинитив, инфинитивное предложение (32 % текстов), который может быть «авторитарным» [Вежбицкая, 1996], но чаще содержит маркер вежливости *bitte*, который смягчает категоричность предписания. Вторым по представленности в анализируемых текстах средством выражения побудительности является императив – 19 % текстов, из них две трети также содержат маркер вежливости *bitte*. Третий способ – номинативные предложения (16 %). В 70 % всех исследованных текстов присутствуют восклицательные предложения, функция которых заключается в усилении безапелляционности и категоричности предписания. Восклицательный знак как графостилистическое средство служит также для привлечения внимания адресата. Интересно, что восклицательный знак в функции усиления категоричности предписания может сочетаться с маркером вежливости *bitte*, который призван эту категоричность смягчить: *Bitte Mund und Nase bedecken!* [Bitte Mund..., 2020].

Преимущественный выбор адресантом форм инфинитива в исследуемых малоформатных директивных текстах, на наш взгляд, обусловлен безапелляционностью побуждения к выполнению требуемого действия. Безличный характер инфинитивного предложения не предполагает прямого обращения к конкретному, отдельному адресату, и выражает более сильную, чем в случае использования форм императива, имплицитную связь адресанта с властью, наделяя адресанта правом предъявлять определенные требования.

В аэропортах и на вокзалах, т.е. в местах, где наиболее вероятно присутствие людей, не владеющих немецким языком, информация о необходимости соблюдать меры безопасности представлена также на английском языке.

Mund und Nase bedecken! Cover your mouth and nose! [Was gilt..., 2020],
Tragen Sie eine Maske. Am Flughafen und im Flugzeug gilt Maskenpflicht! Wear a face covering. Face coverings are compulsory at the airport and on the airplanes! [Aufsteller..., 2020],

Maskenpflicht Cover your mouth and nose! [Gebots-Kombischild..., o.D.],
Einstieg nur mit Maske! Cover mouth and nose! [Senat streitet..., 2020].

Следует отметить, что речь в большинстве случаев идет не о переводе на английский язык немецких надписей, а об использовании англоязычных соответствий. Так, побудительное предложение на английском языке *Cover (your) mouth and nose!* используется в качестве соответствия немецкоязычным директивам, выраженных не только императивом, но и номинативными или инфинитивными предложениями. Что касается использования тактик, то в некоторых случаях они совпадают в обоих

языках, например, прямое предписание с компенсацией за счет маркера вежливости:

Bitte einen Mundschutz tragen. Please wear a mask [Schild Mundschutz..., o.D.],
Bitte halten Sie 1,5 Meter Abstand. Please keep 1,5 meters distance [In die Ferne..., 2020].

Однако в двуязычном тексте: *Für dich. Für uns. Für alle. Bedecke bitte in Fahrzeugen, Bahnhöfen und an Haltestellen stets Mund und Nase. Cover mouth and nose!* [Senat streitet..., 2020] в немецкоязычной части используется тактика прямого побуждения с компенсацией, а в англоязычной – без компенсации. Кроме того, в данном примере англоязычной части отсутствуют обстоятельства места, указывающие на локализацию действия директивы. В англоязычной части отсутствуют также первые три предложения, построенные по принципу синтаксического параллелизма и называющие адресата (Для тебя. Для нас. Для всех – *перевод наш*). Такая компрессия информации свидетельствует о второстепенной роли английского языка в подобных текстах. Это подтверждается и тем, что авторы англоязычного текста не используют принятые в англоязычных странах клише, а пытаются сами передать смысл на английском языке. Так, для предписания *Mund und Nase bedecken!* используется соответствие *Cover your mouth and nose!*, хотя в англоязычных странах используется следующее стандартное клише *Keep nose and mouth covered!* В некоторых случаях не всегда соблюдаются грамматические нормы английского языка, в частности, форма имени существительного *meter*: *Bitte halten Sie 1,5 Meter Abstand. Please keep 1,5 meters distance* [In die Ferne..., 2020].

Обращает на себя внимание передача на английский язык имен существительных *Mund-Nasen-Schutz* / *Mund-Nasen-Bedeckung* и *Maske*. В исследуемых текстах для передачи первого термина используется *mask*, *face mask* и *mouth-nose cover*, для передачи второго термина – *face covering*. Как уже отмечалось выше, в Германии разрешено использовать в качестве средства защиты органов дыхания не только маску, поэтому понятие *Mund-Nasen-Schutz* / *Mund-Nasen-Bedeckung* шире понятия *Maske*, т.к. включает в себя не только медицинскую и многоразовую тканевую маску, но и любое текстильное изделие – шарф или платок. При использовании в качестве соответствия английской лексемы *mask* происходит конкретизация значения, и, наоборот, при использовании английской лексемы *face covering* как соответствия немецкой лексеме *Maske* происходит генерализация значения. Лексема *mouth-nose cover* является калькой немецкой лексемы *Mund-Nasen-Bedeckung*. Подобное многообразие отражает современную тенденцию двуязычной передачи терминов, которая анализируется в научных работах, посвященных переводу терминологии [Achkasov, 2014]. Проблема перевода публичных текстов на английский язык является актуальной во всем мире и оказывается в поле зрения исследователей, однако они фокусируются в основном на странах с неиндоевропейскими государственными языками [Sun, 2017; Qinhu, 2019]. Авторы отмечают, что ошибки при переводе

публичных текстов на английский язык встречаются довольно часто [Lu, Zhu, 2019; Guo, 2012].

Как в немецкоязычных, так и в двуязычных малоформатных публичных директивных текстах, была выявлена тенденция к элиминации артиклей и притяжательных местоимений. Мы предполагаем, что это связано не только с малым форматом текста, в котором оставляются только семантически значимые элементы, но и с фактическим размером материального носителя данных текстов, на котором должны разместиться вербальная и невербальная составляющая текста, при чем, как было отмечено выше, невербальная составляющая занимает либо такое же место, как и вербальная, либо большее.

Заключение

Малоформатные публичные директивные тексты периода коронавирусной пандемии в Германии представляют собой печатные поликодовые тексты, в которых вербальный и невербальный компонент выражает, как правило, одно содержание. Основным видом немецкоязычных директивных текстов, изучавшихся исследователями ранее, являются тексты-запреты, однако среди исследованных малоформатных публичных директивных текстов преобладают тексты-предписания, цель которых – изменение поведения жителей Германии в условиях пандемии.

В абсолютном большинстве проанализированных текстов доминирует стратегия прямого побуждения, однако в большинстве случаев используется тактика побуждения с компенсацией, которая предполагает введение в текст маркера вежливости, маркера благодарности, указания на цели или причины обязательного выполнения предписываемого действия. Эта тактика, как и стратегия косвенного побуждения, представленная в директивных текстах периода коронавирусной пандемии тактиками информирования, похвалы адресату, апелляции к моральным и нравственным качествам адресата, вежливого напоминания и просьбы, позволяют смягчить негативное воздействие директивы на адресата и способствуют сохранению его «лица» в ситуации глобальных ограничений.

Смягчению «ликоущемляющего» воздействия на адресата происходит также на уровне невербального компонента исследуемых текстов за счет использования в них определенных цветов и форм.

Задача вербального компонента – обеспечить наглядность и облегчить понимание директивы, даже если адресат по разным причинам недостаточно владеет немецким языком. Кроме того, для адресатов, не владеющих немецким языком, вербальный компонент дублируется на английском языке, однако в большинстве случаев наблюдается отсутствие единообразия при передаче терминов и клишированных фраз с немецкого языка на английский и при использовании тактик побуждения. При этом в вербальном компоненте визуально выделяются семантически наиболее значимые компоненты, семантически менее значимые компоненты (артикли, притяжательные местоимения) могут быть опущены. В то же время использование

инфинитива в качестве основного средства выражения побуждения усиливает полномочия адресанта в плане права предъявлять требования.

Таким образом в исследуемых малоформатных публичных директивных текстах периода коронавирусной пандемии наблюдается тенденция усиления безапеллятивности требования со стороны адресанта, с одной стороны, и тенденция сохранения «лица» и иллюзии добровольного выполнения требований со стороны адресата, с другой.

Библиографический список

- Аринштейн В. М. Этноспецифические особенности оформления “публичных директивов” и национальный характер языковой общности // *Studia Linguistica*. Вып. IX. Когнитивно-прагматические и художественные функции языка. СПб, 2000. С. 43–55.
- Бойко Л. Б. Нестандартные формы публичных директивов как отражение социокультурных процессов // *Пелевинские чтения-2003: межвуз. Сб. науч. Тр.* – Калининград, 2004. С. 202–208.
- Большакова Т. М. Состав и функционирование прескрипций и прохибитивов в немецкоязычных текстах директивно-регулятивного типа: (Прагмалингвистический и социокультурный аспекты): автореф. Дис. ... канд. Филол. Наук. СПб., 2005. 23 с.
- Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / пер. с англ. М.: Рус. Слово, 1996. 411 с.
- Газизов Р. А. Коммуникативная категория вежливости в немецкой лингвокультуре: ситуативно-стратегический анализ: автореф. Дис. ... докт. Филол. Наук. Уфа, 2011. 44 с.
- Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М.: Просвещение, 1969. 184 с.
- Еремеев Я. Н. Директивные высказывания как компонент коммуникативного процесса: автореф. дис. ... канд. Филол. Наук. Воронеж, 2001. 23 с.
- Карпова Н. А. Речевой жанр административного объявления: сопоставительный аспект // *Портреты речевых жанров: разные дискурсивные практики* / Т.А. Демешкина, С. В. Волошина, Н.А. Карпова, Р.В. Рюмин, А.А. Долганина; под ред. Т.А. Демешкиной. Томск: Изд-во Том. Ун-та, 2016. 278 с. С. 97 – 156
- Ларина Т. С. Директивные речевые акты в немецкоязычных общественных знаках / Т.С.Ларина // *Вестник Московского Государственного Лингвистического Университета. Гуманитарные науки*. 2018. Вып. 9 (801). С. 102-112. // [Электронный ресурс]. – URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/434/direktivnye-rechevye-akty-v-nemeckoyazychnyh-obshchestvennyh-znakah.pdf> (дата обращения: 14.02.2021)
- Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. 2-е изд., дораб. М.: Изд-во МГУ, 2004. 261 с.
- Чернявская В. Е. ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА. Поликодовость. Интертекстуальность. Интердискурсивность. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 245 с.
- Achkasov, A. What Translators Do to Terminology: Prescriptions vs. Performance. // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences* 2. 2014. Vol. 7. P. 210-221
- Diekmann, Andreas. Entstehung und Befolgung neuer sozialer Normen. Emergence of and Compliance with New Social Norms // *Zeitschrift für Soziologie* 2020; 49(4): 236–248 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.degruyter.com/view/journals/zfsoz/49/4/article-p236.xml> (дата обращения: 13.02.2021).
- Duden // [Электронный ресурс]. О. D. – URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/> (дата обращения: 24.02.2021).
- Funke, J. Entwicklung einer Pandemie: Psychologische Aspekte der Corona-Krise // [Электронный ресурс]. 2020. – URL: <https://heiup.uni-heidelberg.de/journals/index.php/hdjbo/article/view/24181> (дата обращения: 12.02.2021).

- Guo, M. Analysis on the English-translation errors of public signs // Theory and Practice in Language Studies, 2012, 2(6). p. 1214 – 1219 // [Электронный ресурс]. – URL: https://www.researchgate.net/publication/276020666_Analysis_on_the_English-translation_Errors_of_Public_Signs (дата обращения: 15.02.2021).
- Lu, D.-B., Zhu, W. An Analysis on the Translation and the Standardization Strategy of Public Signs of Tourist Attraction of South Taihang Mountains // 4th International Conference on Education Science and Development, 2019.
- Marshall, S. Navigating COVID-19 linguistic landscapes in Vancouver's North Shore: official signs, grassroots literacy artefacts, monolingualism, and discursive convergence. // International Journal of Multilingualism // [Электронный ресурс]. 2021. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/14790718.2020.1849225> (дата обращения: 20.02.2021).
- Parker, E. N., Bramley, L., Scott L., Marshall A. R., Slocombe, K. E. An exploration into the efficacy of public warning signs: A zoo case study. // PLoS ONE 13(11) // [Электронный ресурс]. 2018. – URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0207246> (дата обращения: 27.02.2021).
- Qinhua, M. Current Situation and Communicative Translation Strategies of Chinese-English Public Signs Translation // International Conference on Arts, Management, Education and Innovation (ICAMEI) 2019. p. 496-500. // [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.clausiuspress.com/conferences/AETP/ICAMEI%202019/XA096.pdf> (дата обращения: 17.02.2021).
- SARS-CoV-2-Infektionsschutzmaßnahmenverordnung // [Электронный ресурс]. o.D. – URL: <https://www.berlin.de/corona/massnahmen/verordnung/> (дата обращения: 10.02.2021).
- Schroll-Machl, S. Die Deutschen – Wir Deutsche. Fremdwahrnehmung und Selbstsicht im Berufsleben. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2003. 216 p.
- Studie: Deutsche Jugendliche halten sich an Corona-Regeln // [Электронный ресурс]. 2020. – URL: <https://www.zdf.de/nachrichten/panorama/coronavirus-studie-junge-menschen-100.html> (дата обращения: 13.02.2021).
- Sun, D. The Role of Formalized Structured Translation Specifications in Translation Quality Assurance of Public Signs in China // International Journal of English Linguistics. Vol. 7, No. 5. 2017 // [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ccsenet.org/journal/index.php/ijel/article/view/69148> (дата обращения: 20.02.2021).
- Verhalten in der Coronavirus-Krise // [Электронный ресурс]. 2020. – URL: <https://www.tagesspiegel.de/politik/verhalten-in-der-coronavirus-krise-mehrheit-der-deutschen-will-maskenpflicht-beibehalten/25875780.html> (дата обращения: 13.02.2021).

Список ссылок на источники

- „Ich fühle mich sicherer“: Das sagen Fahrgäste in der Ettlinger Bahn zur verschärften Maskenpflicht // [Электронный ресурс]. – 2021. – URL: <https://bnn.de/karlsruhe/ettlingen/ich-fuehle-mich-sicherer-das-sagen-fahrgaeste-in-der-ettlinger-bahn-zur-verschaerften-maskenpflicht> (дата обращения: 08.07.2021)
- 1x Schild beidseitig: “IHR SEID MIT ABSTAND DIE BESTEN” // [Электронный ресурс]. – o.D. – URL: <https://www.signal-design.de/produkt/1x-schild-beidseitig-ihr-seid-mit-abstand-die-besten/> (дата обращения: 08.07.2021)
- 2 Stück Aufkleber Bitte einzeln eintreten | 20 x 30 cm | Wasserfest | Hinweisaufkleber | Schutzlaminat // [Электронный ресурс]. – o.D. – URL: <https://www.amazon.de/Aufkleber->

eintreten-Wasserfest-Hinweisaufkleber-Schutzlaminat/dp/B088R75HQJ (дата обращения: 08.07.2021)

5 Aufkleber Bitte Mundschutz tragen Gesichtsmaske Hinweis Schild zur Maskenpflicht DIN A6 FFP2-Maske (10,5 x 14,8 cm) (Schutzmaske) // [Электронный ресурс]. – о.Д. – URL: https://www.amazon.de/Aufkleber-Mundschutz-Gesichtsmaske-Maskenpflicht-Schutzmaske/dp/B087D4T9GD/ref=pd_sbs_3/259-0578261-2189641?pd_rd_w=gp0F7&pf_rd_p=a0a2bb41-2b9d-47ea-9dff-8a3ade3a13d6&pf_rd_r=XMYKAGGSY868MEBBGWYH&pd_rd_r=84e17a82-c978-47eb-87cd-bd6319b743ff&pd_rd_wg=AhXZB&pd_rd_i=B087D4T9GD&psc=1 (дата обращения: 08.07.2021)

5 Stück Aufkleber Bitte Mundschutz tragen | 13 x 13 cm | Mundschutz Aufkleber (Blau) // [Электронный ресурс]. – о.Д. – URL: https://www.amazon.de/St%C3%BCck-Aufkleber-Bitte-Mundschutz-tragen/dp/B088RCCL8L/ref=pd_sbs_4/259-0578261-2189641?pd_rd_w=hHpN0&pf_rd_p=a0a2bb41-2b9d-47ea-9dff-8a3ade3a13d6&pf_rd_r=6NP6W86YHB0VWCY457GG&pd_rd_r=1bfa0edc-d3c2-46ef-a8c5-4bfc7d4baae9&pd_rd_wg=yPTU6&pd_rd_i=B088RCCL8L&psc=1 (дата обращения: 08.07.2021)

Abstand halten Aufkleber 20 cm - Bitte halten Sie 1,5m Abstand Sticker Sicherheitsabstand rund für Firma Geschäft Betrieb Lokal wetterfest // [Электронный ресурс]. – о.Д. – URL: <https://www.amazon.de/Abstand-halten-Aufkleber-Sicherheitsabstand-wetterfest/dp/B0867ZY1RL> (дата обращения: 08.07.2021)

Alleine einkaufen im Supermarkt: Geschäfte reagieren auf neue Corona-Regeln // [Электронный ресурс]. – 2020. – URL: <https://www.come-on.de/volmetal/halver/besser-alleine-im-supermarkt-einkaufen-geschaefte-in-halver-90114205.html> (дата обращения: 08.07.2021)

Ärzttekammer-Präsident Reinhardt wegen Aussagen zu Alltagsmasken in der Kritik // [Электронный ресурс]. – 2020. – URL: <https://www.stern.de/news/aerztekkammer-praesident-reinhardt-wegen-aussagen-zu-alltagsmasken-in-der-kritik-9464098.html> (дата обращения: 08.07.2021)

Aufkleber "Mit Abstand seid ihr die besten Gäste" // [Электронный ресурс]. – о.Д. – URL: <https://www.allbuyone.com/de/corona-produkte/anwendungsbereiche-branchen/gastronomie-und-hotels/aufkleber-mit-abstand-seid-ihr-die-besten-gaeste.html> (дата обращения: 08.07.2021)

Aufkleber / PVC-Schild »Auch wenn es schwer fällt, ... Abstand halten« Corona // [Электронный ресурс]. – о.Д. – URL: <https://www.ebay.de/itm/153932227839> (дата обращения: 08.07.2021)

Aufkleber eckig "aus hygienischen Gründen Abstand halten" // [Электронный ресурс]. – о.Д. – URL: <https://www.bedruckungen.de/produkt/aufkleber-eckig-kein-aus-hygienischen-gruenden/> (дата обращения: 08.07.2021)

Aufsteller mit dem Hinweis auf Maskenpflicht wegen Corona Kostenlose Corona Tests an deutschen Flug // [Электронный ресурс]. – 2020. – URL: <https://www.imago-images.de/st/0102811221> (дата обращения: 08.07.2021)

Berlin: Verkäufer laut Bericht nur selten mit Corona infiziert // [Электронный ресурс]. – 2020. – URL: <https://newsportal.koeln/news-allgemein/berlin-verkaeufer-laut-bericht-nur-selten-mit-corona-infiziert/> (дата обращения: 08.07.2021)

Bitte einzeln eintreten und Abstand halten! Aufkleber // [Электронный ресурс]. – о.Д. – URL: <https://sticker-art.de/products-page/hygieneschutz-covid-19/bitte-einzeln-eintreten-und-abstand-halten-aufkleber/> (дата обращения: 08.07.2021)

Bitte Maskenpflicht beachten/Mundschutz tragen im Zuge des Corona Virus (COVID-19) // [Электронный ресурс]. – о.Д. – URL: <https://www.amazon.de/Hinweis-Schild-300x200-Maskenpflicht-Mundschutz-Warnschild/dp/B087F86GJX> (дата обращения: 08.07.2021)

Bitte Mund und Nase bedecken! // [Электронный ресурс]. – 2020. – URL: <https://www.salzatoes.de/2020/04/23/bitte-mund-und-nase-bedecken/> (дата обращения: 08.07.2021)

Bodenaufkleber Abstand Halten // [Электронный ресурс]. – o.D. – URL: <https://www.bofa.de/bodenaufkleber-distanz-mindestabstand-corona-epidemie> (дата обращения: 08.07.2021)

Boden-Hinweisschild Bitte einzeln eintreten, R9, Bodenmarkierungsfolie, 400x300mm // [Электронный ресурс]. – o.D. – URL: <https://www.kroschke.com/boden-hinweisschild-bitte-einzeln-eintreten-r9-bodenmarkierungsfolie-400x300mm--m-43671.html> (дата обращения: 08.07.2021)

Boden-Hinweisschild Hier gilt Mundschutzpfl, R9, Bodenmarkierungsfolie, 400x300mm // [Электронный ресурс]. – o.D. – URL: <https://www.kroschke.com/boden-hinweisschild-hier-gilt-mundschutzpfl-r9-bodenmarkierungsfolie-400x300mm--m-43560.html> (дата обращения: 08.07.2021)

Bodenkleber rund "die besten Kunden" // [Электронный ресурс]. – o.D. – URL: <https://shop.tombotto.ch/pi/Eintritt-Garderobe/Bodenkleber-Corona/bodenkleber-rund-die-besten-kunden.html> (дата обращения: 08.07.2021)

Bodenmarkierung - Stop Bitte Abstand Halten - Kreis Rund - 23,5 cm rot / Schütze dich selbst und andere // [Электронный ресурс]. – o.D. – URL: <https://www.shop.onk.de/corona-aufkleber/2620/bodenmarkierung-stop-bitte-abstand-halten-kreis-rund-23-5-cm-rot/schuetze-dich-selbst-und-andere> (дата обращения: 08.07.2021)

Corona Pandemie Foto Im Kaufland Supermarkt (Lebensmittel Einzelhandel) erinnert ein Schild an // [Электронный ресурс]. – 2020. – URL: <https://www.imago-images.de/st/0099854604> (дата обращения: 08.07.2021)

Corona-Höchststände führen zu massiven Einschränkungen für Bürger // [Электронный ресурс]. – 2020. – URL: https://www.nw.de/nachrichten/politik/22883751_Corona-Hoechststaende-fuehren-zu-massiven-Einschraenkungen-fuer-Buerger.html (дата обращения: 08.07.2021)

Coronavirus in Bayern // [Электронный ресурс]. – 2020. – URL: <https://www.rosenheim24.de/bayern/coronavirus-bayern-ausgangsbeschraenkung-aktuelle-zahlen-faelle-gesundheitsamt-22april-13668148.html> (дата обращения: 08.07.2021)

Coronavirus: Warum wir aufs Händeschütteln verzichten sollten // [Электронный ресурс]. – 2020. – URL: <https://www.nordbayern.de/region/nuernberg/coronavirus-warum-wir-aufs-handeschutteln-verzichten-sollten-1.9930912> (дата обращения: 08.07.2021)

DB Zugbegleiter // [Электронный ресурс]. – 2020. – URL: <https://twitter.com/DBzugbegleiter/status/1260954406067077120> (дата обращения: 08.07.2021)

Desinfektion – Flenscut // [Электронный ресурс]. – o.D. – URL: <https://www.flenscut.de/produkt-schlagwort/desinfektion/> (дата обращения: 08.07.2021)

Die Maskenpflicht gegen das Coronavirus in Baden-Württemberg bleibt weiter bestehen // [Электронный ресурс]. – 2020. – URL: <https://www.ludwigshafen24.de/welt/baden-wuerttemberg-masken-coronavirus-alltagsmasken-pflicht-abschaffung-lockerungen-aenderung-zr-90007493.html> (дата обращения: 08.07.2021)

Diese Corona-Regeln gelten an deutschen Flughäfen // [Электронный ресурс]. – 2020. – URL: https://www.t-online.de/leben/reisen/id_88149304/diese-corona-regeln-gelten-an-deutschen-flughaefen.html (дата обращения: 08.07.2021)

Edeka Hunold // [Электронный ресурс]. – 2020. – URL: <https://www.facebook.com/Edeka.Hunold/photos/a.118752829743902/130158318603353/?type=3&theater> (дата обращения: 08.07.2021)

Edeka Westphal // [Электронный ресурс]. – 2020. – URL: <https://www.facebook.com/EdekaWestphal/photos/a.1218009944929262/3123690714361166/?type=3&theater> (дата обращения: 08.07.2021)

Einkauf unter besonderen Umständen // [Электронный ресурс]. – 2020. – URL: <https://vorort.news/tutzing/geschaeftsleben/2020/4/27/einkauf-unter-besonderen-umstaenden/> (дата обращения: 08.07.2021)

FRUITPRINTS StarfruitSigns - 3er Set Aufkleber - Zutritt nur mit Mundschutz - Format 13 x 21 cm - Gelb & Blau - Hinweis für Tür Fenster Wand // [Электронный ресурс]. – o.D. – URL: https://www.amazon.de/3er-Set-Mundschutz-rechteckig-Superm%C3%A4rkte/dp/B086X5K5CY/ref=pd_sbs_5/259-0578261-2189641?pd_rd_w=Juzl1&pf_rd_p=a0a2bb41-2b9d-47ea-9dff-8a3ade3a13d6&pf_rd_r=WNF50SHD7BFCAF0G2M3R&pd_rd_r=5926914e-039f-4017-bb2c-681c19500640&pd_rd_wg=4SJ4X&pd_rd_i=B086X5K5CY&psc=1 (дата обращения: 08.07.2021)

Für Schwarzfahrer wird es gefährlich – Fahrscheinkontrolleure nehmen Arbeit wieder auf // [Электронный ресурс]. – 2021. – URL: <https://www.goodnews4.de/nachrichten/rathaus-service/baden-baden/item/fuer-schwarzfahrer-wird-es-gefaehrlich> (дата обращения: 08.07.2021)

Fußbodenaufkleber Bitte hier warten // [Электронный ресурс]. – o.D. – URL: <https://www.allbuyone.com/de/notausgang-sicherheitszeichen/infozeichen/fussbodenaufkleber-bitte-hier-warten.html> (дата обращения: 08.07.2021)

Gebots-Kombischild Maskenpflicht Cover your mouth and nose!, Aluminium, 400x600mm // [Электронный ресурс]. – o.D. – URL: <https://www.kroschke.com/gebots-kombischild-maskenpflicht-cover-your-mouth-and-nose-aluminium-400x600mm--m-44920.html> (дата обращения: 08.07.2021)

Gemeinsam gegen Corona! // [Электронный ресурс]. – o.D. – URL: <https://edekakern.de/gemeinsam-gegen-corona/> (дата обращения: 08.07.2021)

Gemeinsam schaffen wir das! // [Электронный ресурс]. – o.D. – URL: <https://www.metzgereizwiesler.de/informationen-zu-corona.html> (дата обращения: 08.07.2021)

Halten Sie Abstand und schützen Sie sich // [Электронный ресурс]. – o.D. – URL: <https://www.salierdruck.de/corona-aufkleber-poster-banner-schilder> (дата обращения: 08.07.2021)

Hinweis Aufkleber | Abstand halten, Mund-Nasen-Schutz tragen | PVC Warnhinweis UV-beständig und wasserfest | DIN A4-210x297 mm | für Außen und Innen geeignet | Corona Warnschild // [Электронный ресурс]. – o.D. – URL: <https://www.amazon.de/Mund-Nasen-Schutz-Warnhinweis-UV-best%C3%A4ndig-wasserfest-A4-210x297/dp/B087D9J9SN> (дата обращения: 08.07.2021)

Hinweisschild "Corona" - Abstand halten, 2-seitig // [Электронный ресурс]. – o.D. – URL: <https://www.wirb-oder-stirb.com/de/hinweisschild-corona-abstand-halten-2-seitig.html> (дата обращения: 08.07.2021)

Hinweisschild Abstand halten Maskenpflicht Motiv Maske 30 x 20cm Kunststoff // [Электронный ресурс]. – o.D. – URL: <https://www.amazon.de/Hinweisschild-Abstand-halten-Maskenpflicht-Kunststoff/dp/B087JYT6VP> (дата обращения: 08.07.2021)

Hinweisschild Maskenpflicht 30x20cm , Motiv DIN-Schrift // [Электронный ресурс]. – o.D. – URL: <https://paperandpicture.de/Maskenpflicht--Covid19--Corona--FFP2--Maske--Handel--Gastronomie--Friseur--Eingang--Schild-702-703.html> (дата обращения: 08.07.2021)

Hinweisschilder "ABSTAND HALTEN Zu Ihrem Schutz" // [Электронный ресурс]. – o.D. – URL: https://www.google.com/imgres?imgurl=https%3A%2F%2Fcdn-01.media-brady.com%2Fstore%2Fstd%2Fmedia%2Fcatalog%2Fproduct%2Fd%2Fm%2Fdmne_8454011000_m_std.lang.all.gif&imgrefurl=https%3A%2F%2Fwww.seton.de%2Fhinweisschilder-abstand-halten-zu-ihrem-schutz.html&tbnid=4qg3tkgfIKG8oM&vet=12ahUKEwiOsO7KnLLxAhVRCHcKHaLCAysQMygQegUIARCiAQ..i&docid=zFqLTWT-EaAzSM&w=800&h=568&itg=1&q=Halten%20Sie%20Abstand!%20Zum%20Schutz%20f%C

3%BCr%20Sie%20und%20uns&ved=2ahUKEwiOsO7KnLLxAhVRCHcKHaLCAysQMygQeg UIARCiAQ (дата обращения: 08.07.2021)

Hinweisschilder Maskenpflicht Abstand halten Motiv Smiley 30 x 20 und 30x5 cm Kunststoff // [Электронный ресурс]. – о.Д. – URL: https://www.amazon.de/Hinweisschilder-Maskenpflicht-Abstand-halten-Kunststoff/dp/B087K23XXP/ref=pd_sbs_6/262-4554090-8587900?pd_rd_w=vEjSR&pf_rd_p=b1c388c3-48c2-4960-8532-fa8f1477aee9&pf_rd_r=8Z1K37S5TEJPXNF9T8AH&pd_rd_r=892a79f7-2890-44ac-a384-0e6bfa942592&pd_rd_wg=ZZPXR&pd_rd_i=B087K23XXP&psc=1 (дата обращения: 08.07.2021)

Hygiene Hinweis "Bargeldlos zahlen" Aufkleber (Folie) // [Электронный ресурс]. – о.Д. – URL: <https://www.praxisdienst.de/Hygiene/Medizinische+Schutzbekleidung/Infektionsschutz/Hygiene+Hinweis+Bargeldlos+zahlen+Aufkleber+Folie.html> (дата обращения: 08.07.2021)

In die Ferne trotz Corona-Pandemie? - Fraport: "Urlaub mit dem Flugzeug" // [Электронный ресурс]. – 2020. – URL: <https://kinzig.news/5475/in-die-ferne-trotz-corona-pandemie-fraport-urlaub-mit-dem-flugzeug> (дата обращения: 08.07.2021)

In Pirmasens ist ab Montag Busfahren nur noch mit Mundschutz erlaubt // [Электронный ресурс]. – 2020. – URL: <https://www.stadtbuss-pirmasens.de/de/Aktuelles/Aktuelles1/In-Pirmasens-ist-ab-Montag-Busfahren-nur-noch-mit-Mundschutz-erlaubt.html> (дата обращения: 08.07.2021)

KAUFLAND, LIDL UND ALDI: MASKENPFLICHT BEIM EINKAUF IGNORIERT? SO REAGIEREN DIE SUPERMÄRKTE // [Электронный ресурс]. – 2020. – URL: <https://www.echo24.de/leben/verbraucher/kaufland-lidl-aldi-coronavirus-maskenpflicht-neckarsulm-einkauf-masken-muffel-kunden-reaktion-zr-90070541.html> (дата обращения: 08.07.2021)

Kein Annafest 2020: Das waren denkwürdige Tage im Kellerwald // [Электронный ресурс]. – 2020. – URL: <https://www.nordbayern.de/region/forchheim/kein-annafest-2020-das-waren-denk-wuerdige-tage-im-kellerwald-1.10317531> (дата обращения: 08.07.2021)

Keine Maskenpflicht und zur Belohnung Gutscheine: Gibt es immer Extrawürste für Schweizer in Konstanz? // [Электронный ресурс]. – 2020. – URL: <https://www.suedkurier.de/region/kreis-konstanz/konstanz/keine-maskenpflicht-und-zur-belohnung-gutscheine-gibt-es-immer-extrawuerste-fuer-schweizer-in-konstanz;art372448,10546664> (дата обращения: 08.07.2021)

Maskenpflicht ab dem 27.04.20 // [Электронный ресурс]. – 2020. – URL: <https://edeka-billstein.de/maskenpflicht-ab-dem-27-04-20/> (дата обращения: 08.07.2021)

Maskenpflicht auf dem Parkplatz eines Discounters Dieses Schild weist auf die Einhaltung der bestehe // [Электронный ресурс]. – 2021. – URL: <https://www.imago-images.de/st/0109614191> (дата обращения: 08.07.2021)

Maskenpflicht: Wichtige Infos und Plakate // [Электронный ресурс]. – 2020. – URL: <https://www.hv-bayern.de/aktuelles/meldungen/2020-04-23-Maskenpflicht-Wichtige-Infos-und-Plakate.php> (дата обращения: 08.07.2021)

Maskentragen im Fernverkehr der Bahn durchsetzen! // [Электронный ресурс]. – 2020. – URL: <https://www.matthias-gastel.de/maskentragen-im-fernverkehr-der-bahn-durchsetzen/> (дата обращения: 08.07.2021)

Maskenverweigerer in Dortmunder Supermarkt verletzt zwei Polizisten // [Электронный ресурс]. – 2020. – URL: <https://www.gmx.at/magazine/panorama/maskenverweigerer-dortmunder-supermarkt-verletzt-polizisten-34980786> (дата обращения: 08.07.2021)

Medizinische Einrichtungen im Stich gelassen // [Электронный ресурс]. – 2020. – URL: <https://www.nrwz.de/meinung/medizinische-einrichtungen-im-stich-gelassen/262581> (дата обращения: 08.07.2021)

Mit diesem Spot macht sich Edeka zum Tanzlehrer der Corona-Krise // [Электронный ресурс]. – 2020. – URL: <https://www.horizont.net/marketing/auftritte-des-tages/komplett-fuer-die-fuesse->

mit-diesem-spot-macht-sich-edeka-zum-tanzlehrer-der-corona-krise-181957 (дата обращения: 08.07.2021)

Mundschutz tragen Aufkleber 25 x 25 cm // [Электронный ресурс]. – о.Д. – URL: <https://www.allbuyone.com/de/corona-produkte/abstand-halten-zubehoer/corona-aufkleber/mundschutz-tragen-aufkleber.html> (дата обращения: 08.07.2021)

Post vom Ordnungsamt – mit Überraschung // [Электронный ресурс]. – 2020. – URL: <https://www.dzonline.de/duelmen/post-vom-ordnungsamt-mit-uberraschung-835615> (дата обращения: 08.07.2021)

Rewe Aupperle // [Электронный ресурс]. – 2020. – URL: https://m.facebook.com/rewe.aupperle/photos/a.1649433095289947/2662405157326064/?type=3&__tn__=-R (дата обращения: 08.07.2021)

REWE Reising informiert: „Auf dem Parkplatz und vor dem Eingang von Geschäften besteht Maskenpflicht!“ // [Электронный ресурс]. – 2020. – URL: <https://www.erlensee-aktuell.com/partner/rewe-reising-informiert-auf-dem-parkplatz-und-vor-dem-eingang-von-geschaeften-besteht-maskenpflicht/> (дата обращения: 08.07.2021)

Schild Mundschutz Maskenpflicht Mund-Nasen-Schutz tragen Englisch Alu-Verbund // [Электронный ресурс]. – о.Д. – URL: <https://schildereinkauf.de/Schild-Mundschutz-Maskenpflicht-Mund-Nasen-Schutz-tragen-Englisch-Alu-Verbund> (дата обращения: 08.07.2021)

Schützen Sie sich und andere! // [Электронный ресурс]. – 2020. – URL: <https://www.tintonerstation.de/schuetzen-sie-sich-und-andere/> (дата обращения: 08.07.2021)

Schutzmaßnahmen gegen den Coronavirus: Hinweisschilder kostenlos downloaden // [Электронный ресурс]. – о.Д. – URL: <https://www.schoenherr.de/downloads/corona-schutzmassnahmen-schilder-kostenlos-downladen> (дата обращения: 08.07.2021)

Selbstklebende Hinweisschilder in PE-Folie mit zusätzlich transparenter Schutzabdeckung 'Bitte Mund- und Nasenschutz tragen' in verschiedenen Größen // [Электронный ресурс]. – о.Д. – URL: <https://www.experta-sicherheitskennzeichnung.de/Selbstklebende-Hinweisschilder-in-PE-Folie-mit-zusaetzlich-transparenter-Schutzabdeckung-Bitte-Mund-und-Nasenschutz-tragen-in-verschieden-Groessen> (дата обращения: 08.07.2021)

Senat streitet über Bußgeld bei Maskenpflicht // [Электронный ресурс]. – 2020. – URL: <https://www.tagesspiegel.de/berlin/immer-weniger-oepnv-fahrgaeste-tragen-mundnaseschutz-senat-streitet-ueber-bussgeld-bei-maskenpflicht/25924196.html> (дата обращения: 08.07.2021)

Tausende Urlauber und Corona - wie die Ostfriesischen Inseln gewappnet sind // [Электронный ресурс]. – 2020. – URL: <https://www.svz.de/deutschland-welt/panorama/Tausende-Urlauber-und-Corona-wie-die-Inseln-gewappnet-sind-id29137087.html> (дата обращения: 08.07.2021)

Themenbild Corona Coronamassnahmen Ein Schild mit dem Hinweis AUFZUG BITTE NUR EINZELN BENUTZEN // [Электронный ресурс]. – 2020. – URL: <https://www.imago-images.de/st/0099462224> (дата обращения: 08.07.2021)

Trittau Online // [Электронный ресурс]. – 2020. – URL: https://m.facebook.com/Trittauonline/photos/a.1476154812620295/2631422217093543/?type=3&source=57&__tn__=EH-R (дата обращения: 08.07.2021)

Verbots-Kombischild Händeschütteln vermeiden, praxisbewährt, Kunststoff, 300x200mm // [Электронный ресурс]. – о.Д. – URL: <https://www.hein.eu/verbots-kombischild-haendeschuetteln-vermeiden-praxisbewaehrt-kunststoff-300x200mm--m-25227.html> (дата обращения: 08.07.2021)

Verbotsschilder Kostenlos Ausdrucken / Corona Hinweisschilder Warnschilder Verbotsschilder Kaufen Bestellen // [Электронный ресурс]. – о.Д. – URL: https://www.google.com/imgres?imgurl=https://i2.wp.com/www.digitaldruckshop.de/customers_pics/652/35c390fbc0a4921804182b006d5f2320.jpg&imgrefurl=https://huir2u-images.blogspot.com/2020/12/verbotsschilder-kostenlos-ausdrucken.html&h=1100&w=778&tbnid=DbW8cibZqZQ_iM&tbnh=267&tbnw=189&usq=AI

4_-kSB051X1BwqGfa8zHqZ7gXPhj_tdg&vet=1&docid=-ldxIETaLlDg_M&itg=1&hl=ru
(дата обращения: 08.07.2021)
Verkäuferinnen in Torgelow wegen Maskenpflicht-Hinweisen beleidigt // [Электронный ресурс]. – 2020. – URL: <https://www.nordkurier.de/ueckermuende/verkaeuerinnen-in-torgelow-wegen-maskenpflicht-hinweisen-beleidigt-1841433111.html> (дата обращения: 08.07.2021)
Wahre Helden tragen Masken // [Электронный ресурс]. – o.D. – URL: <https://www.pinterest.de/pin/637611259735677177/> (дата обращения: 08.07.2021)
Was die FFP2-Maske im Alltag bringt // [Электронный ресурс]. – 2021. – URL: https://rp-online.de/wirtschaft/unternehmen/ffp2-op-maske-kn95-wirkung-preise-und-regeln-die-wichtigsten-infos_aid-55788289 (дата обращения: 08.07.2021)
Was gilt im Corona-Herbst? // [Электронный ресурс]. – 2020. – URL: <https://www.tagesschau.de/inland/deutschland-corona-herbst-101.html> (дата обращения: 08.07.2021)
Wie haben sich Freundschaften durch Corona verändert? // [Электронный ресурс]. – 2020. – URL: <https://www.spiegel.de/deinspiegel/trotz-corona-freunde-bleiben-kinder-erzaehlen-a-00000000-0002-0001-0000-000172431236> (дата обращения: 08.07.2021)

References

- Achkasov, 2014 – *Achkasov, A.* (2014) What Translators Do to Terminology: Prescriptions vs. Performance. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences* 2 (7): 210–221.
- Arinshtejn, 2000 – *Arinshtejn, V.M.* (2000) Etnospetsificheskie osobennosti oformleniya “publichnykh direktivov” i natsional’nyj kharakter yazykovoj obshchnosti [Ethnic peculiarities of formulating of public directive texts and national character of language community]. *Studia Linguistica*. 9: 43–55. [in Russian]
- Bojko, 2004 – *Bojko, L.B.* (2004) Nestandartnye formy publichnykh direktivov kak otrazhenie sotsiokul’turnykh protsessov [Non-standard forms of public directive texts as the reflection of social and cultural processes]. *Pelevinskie chteniya-2003* – Pelevinskie readings. 202–208. [in Russian]
- Bol’shakova, 2005 – *Bol’shakova, T.M.* (2005) Sostav i funktsionirovanie preskriptsij i prokhibitivov v nemetskoyazychnykh tekstakh direktivno-regulyativnogo tipa: (Pragmalingvisticheskiy i sotsiokul’turnyj aspekty) [Composition and functioning of prescriptive and prohibitive speech acts in directive and regulating texts in the German language: (Pragmatic, social and cultural aspects)]. Ph.D. Dis. St.Petersburg. [in Russian]
- Chernyavskaya, 2009 – *Chernyavskaya, V.E.* (2009) LINGVISTIKA TEKSTA. Polikodovost'. Intertekstual'nost'. Interdiskursivnost' [Text Linguistics.Polycodeness. Intertextuality. Interdiscursivity.]. Moscow. [in Russian]
- Diekmann, 2020 – *Diekmann, A.* (2020) Entstehung und Befolgung neuer sozialer Normen. Emergence of and Compliance with New Social Norms. *Zeitschrift für Soziologie*. 49(4): 236–24.
- Duden, o.D. – *Duden* (o.D.)
- Eremeev, 2001 – *Eremeev, Ya.N.* (2001) Direktivnye vyskazyvaniya kak komponent kommunikativnogo protsessa [Directive utterances as the component of communicative process]. Ph.D. Dis. Voronezh. [in Russian]
- Funke, 2020 – *Funke, J.* (2020) Entwicklung einer Pandemie: Psychologische Aspekte der Corona-Krise.
- Gazizov, 2011 – *Gazizov, R.A.* (2011) Kommunikativnaya kategoriya veshlivosti v nemetskoj lingvokul'ture: situativno-strategicheskij analiz [Communicative category of politeness in German linguistic culture: situational and strategic analysis]. Ph.D. Dis. Ufa. [in Russian]

- Gulyga, Shendel's, 1969 – *Gulyga, E.V., Shendel's, E.I.* (1969) Grammatiko-leksicheskie polya v sovremennom nemetskom yazyke [Grammar and lexical fields in the Modern German language]. Moscow. [in Russian]
- Guo, 2012 – *Guo, M.* (2012) Analysis on the English-translation errors of public signs. *Theory and Practice in Language Studies*. 2(6): 1214-1219.
- Karpova, 2016 – *Karpova, N.A.* (2016) Rechevoj zhanr administrativnogo ob"yavleniya: sopostavitel'nyj aspekt [The speech genre of Administrative Announcements: comparative aspect]. *Portrety rechevykh zhanrov: raznye diskursivnye praktiki* – Pictures of speech genres: various discourse practice. Tomsk: 97-156. [in Russian]
- Larina, 2018 – *Larina, T.S.* (2018) Direktivnye rechevye akty v nemetskoyazychnykh obshchestvennykh znakakh [Directive speech acts of German public signs]. *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Lingvisticheskogo Universiteta* – Moscow State Linguistic University Bulletin. 9(801): 102-112. [in Russian]
- Lu, Zhu, 2019 – *Lu, D.-B., Zhu, W.* (2019) An Analysis on the Translation and the Standardization Strategy of Public Signs of Tourist Attraction of South Taihang Mountains. *4th International Conference on Education Science and Development*.
- Marshall, 2021 – *Marshall, S.* (2021) Navigating COVID-19 linguistic landscapes in Vancouver's North Shore: official signs, grassroots literacy artefacts, monolingualism, and discursive convergence. *International Journal of Multilingualism*.
- Parker et al, 2018 – *Parker, E. N., Bramley, L., Scott L., Marshall A. R., Slocombe, K. E.* (2018) An exploration into the efficacy of public warning signs: A zoo case study. *PLoS ONE*. 13(11)
- Qinhua, 2019 – *Qinhua, M.* (2019) Current Situation and Communicative Translation Strategies of Chinese-English Public Signs Translation. *International Conference on Arts, Management, Education and Innovation (ICAMEI)*: 496-500.
- SARS-CoV-2-Infektionsschutzmaßnahmenverordnung, o.D. – SARS-CoV-2-Infektionsschutzmaßnahmenverordnung (o.D.)
- Schroll-Machl, 2003 – *Schroll-Machl, S.* (2003) Die Deutschen – Wir Deutsche. Fremdwahrnehmung und Selbstsicht im Berufsleben. Göttingen.
- Studie, 2020 – Studie: Deutsche Jugendliche halten sich an Corona-Regeln (2020)
- Sun, 2017 – *Sun, D.* (2017) The Role of Formalized Structured Translation Specifications in Translation Quality Assurance of Public Signs in China. *International Journal of English Linguistics*. 7(5).
- Ter-Minasova, 2004 – *Ter-Minasova, S.G.* (2004) Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya [Language and intercultural communication]. Moscow. [in Russian]
- Verhalten in der Coronavirus-Krise, 2020 – Verhalten in der Coronavirus-Krise (2020)
- Wierzbicka, 1996 – *Wierzbicka, A.* (1996). Yazyk. Kul'tura. Poznanie [Language. Culture. Knowledge]. Moscow. [in Russian]

СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ СИТУАЦИЯ» В ДИСКУРСЕ СМИ ГЕРМАНИИ

*Георгий Владиславович Самородин,
orcid.org/0000-0002-4179-0358,
аспирант
Московский городской педагогический университет,
2-й Сельскохозяйственный проезд, 4 к. 1
Москва, 115432, Россия
SamorodinGW@yandex.ru*

Аннотация. В статье анализируются языковые средства вербализации чрезвычайной ситуации в дискурсе СМИ Германии, делается попытка систематизации описания полевой структуры в соответствии с концепцией «центр-периферия» на основе количественно-статистического анализа частотности употребления различных языковых средств. Основной задачей исследования стало выявление наиболее и наименее частотных лексико-семантических единиц восьми выделенных нами микрополей в составе лексико-семантического поля «чрезвычайная ситуация» в дискурсе СМИ Германии (природные катаклизмы, халатность, случайность, правонарушение, политмотив, радикализм, пандемия, техногенная катастрофа), и последующее построение визуализации в виде орбитальной модели каждого из них, с указанием центральных и периферических элементов, универсальных и специфических языковых единиц. В работе также выдвигается предположение о возможных причинах использования определённой лексики, в частности, затрагивается аспект «трендовости» и стереотипизации протекания определённых событий и явлений, описываемых в СМИ с учётом их ценности для различных видов социальной интеракции, а также устанавливаются внутривербальные связи между центральными и периферийными элементами микрополей на основе анализа встречаемости одинаковых лексико-семантических единиц по всем микрополям.

Ключевые слова: дискурс СМИ, чрезвычайная ситуация, медиатекст, теория поля, лексическая семантика, языковые средства.

STRUCTURAL AND CONTENT MODEL OF THE LEXIC-SEMANTICAL FIELD «EMERGENCY» IN THE DISCOURSE OF GERMAN MEDIA

*Georgii V. Samorodin,
orcid.org/0000-0002-4179-0358,
postgraduate student,
Moscow City University,
4 bldg. 1, 2nd Selskokhozyaystvenny Drive
Moscow, 115432, Russia
SamorodinGW@yandex.ru*

Abstract. The present paper touches upon the means of verbalization of emergencies in the discourse of German media. An attempt of systematizing the field structure description thereof, based on the results of the quantitative and statistical analysis of various means of verbalization implementing rate, is being made. The main task of the study is to identify the most

and least frequent lexical and semantic units of the eight microfields identified as parts of the lexical-semantic field "emergency" in the discourse of German media (natural cataclysms, negligence, accident, delinquency, political motive, radicalism, pandemic, technogenic catastrophe), and the subsequent construction of visualization in the form of an orbital model of each of them, indicating the central and peripheral elements, universal and specific linguistic units. The work also makes an assumption about the possible reasons for the use of certain vocabulary, in particular, it touches on the aspect of "trendiness" and stereotyping of the course of certain events and phenomena described in the media, taking into account their value for various types of social interaction, and also establishes intra-field connections between the central and peripheral elements of microfields based on the analysis of the occurrence of the same lexical-semantic units in all of the microfields.

Key words: media discourse, emergency, field theory, mediatext, lexical semantics, means of verbalization

Введение

Лексико-семантическое поле «чрезвычайная ситуация» в дискурсе СМИ Германии заслуживает рассмотрения с точки зрения лингвистики, поскольку оно не только содержит важные с точки зрения социальной интеракции и коллективной безопасности лексико-семантические единицы, но и большое количество варьированных средств вербализации. Хотя дискурс о чрезвычайных ситуациях представлен в различных изданиях, он практически не исследован комплексно. Настоящая работа подтверждает свою *актуальность*, поскольку является результатом проведения системного исследования вербализации различных типов чрезвычайной ситуации в СМИ Германии. Одним из дополнительных аспектов актуальности и новизны настоящего исследования является рассмотрение пандемии в качестве одного из типов чрезвычайной ситуации, и, соответственно, микрополей, во многом – на примере распространившейся в мире в 2020-2021 годах пандемии новой коронавирусной инфекции SARS-nCoV-19, породившей в языке много новых, интересных с лингвистической точки зрения, слов и выражений. Проведение анализа появляющихся заимствованных, изменяющих значение, или созданных средствами языка слов в реальном времени позволило наиболее точным и полным образом описать языковые средства и структуру микрополя.

Рассматривая указанное лексико-семантическое поле, мы, на основании выделенных нами ключевых лексем, а также руководствуясь обнаруженными недостатками существующих (нелингвистических) классификационных систем [Самородин, 2020, с. 147-148], выделяем 8 тематических микрополей: *техногенная катастрофа, политмотив, радикализм, правонарушение, халатность, случайность, природные катаклизмы, пандемия* и предлагаем понимать чрезвычайную ситуацию в дискурсе СМИ Германии как «внезапно наступающую, опасную, тяжелую ситуацию, развивающуюся под влиянием внешних факторов».

Для каждого из них были выделены, проанализированы и подсчитаны наиболее значимые и употребляемые языковые средства. С опорой на данные количественно-статистического анализа была построена визуализация в виде орбитальной модели каждого микрополя, показывающей положение лексико-

семантических единиц по отношению к центру и периферии: чем меньше по размеру орбиталь, тем выше удельный вес находящихся в её пределах единиц.

Такая модель, технически представляющая собой инвертированную лепестковую диаграмму, позволяет визуально выделить ядерные и периферийные языковые средства и сделать некоторые выводы о их универсальности (типичности для нескольких микрополей), либо специфичности (характерности для конкретного микрополя).

Материалы и методы

Материал исследования получен методом сплошной выборки текстов с жанровой принадлежностью «статья», «заметка», «сообщение», в структуре которых содержится минимум одно указание на чрезвычайную ситуацию, из медийных продуктов пяти крупных редакционно-издательских агентств: Bild, Web.de, Stern, FaZ и Neues Deutschland, выбранных по принципу наибольшего охвата населения Германии по ряду признаков (*пол, возраст, социальное положение, мировоззрение, идентичность* [Identity..., 2016, pp. 10416-10420] и др.), присущих членам их целевых аудиторий. Всего было проанализировано 1069 контекстов из более чем 170 статей-источников, что позволило установить частотность каждого микрополя в процентном отношении относящихся к нему контекстов к общему их количеству: *техногенная катастрофа* – 81 контекст или 8%, *политмотив* – 156 контекстов или 15%, *радикализм* – 114 контекстов или 11%, *правонарушение* – 182 контекста или 18%, *халатность* – 115 контекстов или 11%, *случайность* – 77 контекстов или 7%, *природные катаклизмы* – 154 контекста или 14%, *пандемия* – 190 контекстов или 18%. Выбор **методов исследования** обусловлен спецификой поставленных задач и включает методы функционально-семантического, дистрибутивного, интен-анализа, количественно-статистического анализа, моделирования, контент-анализа, контекстологического анализа, статистического подсчета.

Дискуссия

Исследование чрезвычайной ситуации как части дискурса СМИ Германии прежде не носило системный характер. Определённые шаги в исследовании возможностей вербализации происшествий были предприняты А.С. Зайцевой в работе «Специальная лексика чрезвычайных ситуаций: структурные и функциональные тенденции в новейших терминологиях», в которой была рассмотрена отраслевая терминология чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, принятая в деятельности МЧС Российской Федерации [Зайцева, 2019, с. 3]. Чрезвычайная ситуация в контексте данной работы рассматривается в качестве терминологического поля с рядом присущих ему микрополей «*абстрактные отношения и формы организации материи*» и «*материальный мир*», идеографическая структура которых описывается при помощи авторской модели, предусматривающей горизонтальную и вертикальную страты организации терминологического

поля [там же, с. 10]. Аналогичным образом, мы предлагаем для описания микрополей в составе лексико-семантического поля «чрезвычайная ситуация» в дискурсе СМИ Германии орбитальную модель, которая показывает положение каждой рассматриваемой лексико-семантической единицы относительно других единиц в двухмерном пространстве ядерно-периферийного типа.

Близкий к понятию «чрезвычайная ситуация» с точки зрения лексической семантики термин «катастрофа» рассматривается в работе Т.В. Михайловой «Вербальное осмысление катастрофы: когнитивно-семантическое описание слова (на материале русского и английского языков)» [Михайлова, 2012, с. 1-20]. Определённый интерес представляет разработанное автором обобщённое лексикографическое описание данной лексемы на материале русского и английского языков, так же, как и подборка из 35 лексических объективаторов данного понятия, из них 17 в русском и 18 в английском языках. В данной работе семантема также анализируется с точки зрения концептологии, производится выделение центральных и периферийных её элементов. В дополнение к этому, Т.В. Михайлова устанавливает 8 (3 для русского языка и 5 для английского) национально-специфичных значений понятия «катастрофа», половина из которых может, на наш взгляд, применяться в отношении чрезвычайного происшествия: *техногенная ЧС; событие, вызывающее страх; военные действия (рус. яз.) и фатальное происшествие, несчастный конец (англ. яз.)*.

Катастрофа, всё же, является только одним из вариантов номинации чрезвычайной ситуации в дискурсе СМИ Германии. Анализ словарных статей показывает наличие минимум 7 лексем с такой функцией. Интернационализм *Katastrophe*, хотя и отличается достаточно высокой встречаемостью (5/7 по шкале DWDS), не является единственным самым частотным словом в этой парадигме [Самородин, 2020, с. 147].

На материале немецкого языка отдельные составляющие чрезвычайной ситуации в терминологической аспектуализации рассматриваются в работе И.А. Архиповой [Архипова, 2006] «Экстра- и интралингвистические особенности формирования и развития немецкого подязыка служб безопасности на материале терминологии терроризма и наркобизнеса». Данная работа представляет интерес в контексте нашего исследования, поскольку рассматривает происхождение многих общеизвестных терминов, проникающих в обиходную речь и язык СМИ (*Terrorismus, Assassin, Guerilla* и др.), в диахроническом аспекте.

Статусу исследований понятия «терроризм» в мировой научной практике посвящена статья Марка Янгмена *Building "Terrorism Studies" as an Interdisciplinary Space: Addressing Recurring Issues in the Study of Terrorism* (Становление исследований терроризма в интердисциплинарном пространстве: решение повторяющихся вопросов в исследовании терроризма). Одним из ключевых вопросов работы является определение понятия «терроризм» и границ одноимённого исследовательского поля [Youngman, 2020, pp. 1096-1097]. В нашем исследовании мы совершаем

попытку разрешения этой проблемы путём создания тематической типологии чрезвычайных ситуаций. В соответствии с нашей классификацией [Самородин, 2020, с. 150], сообщения о террористических актах являются частью микрополя «радикализм», объединяющего сообщения о политически-мотивированных деликтах экстремистского характера, зачастую связанных с наличием у преступников фундаменталистских убеждений.

Наконец, работу И. Л. Лебедевой «Концепт "Социальный протест" в языковой картине мира США (на материале периодики и интернет-ресурсов)» [Лебедева, 2005] целесообразно рассмотреть с точки зрения выявления особенностей вербализации политически-мотивированных чрезвычайных ситуаций неэкстремистского характера. Представление о протесте как о чем-либо неконтролируемом связано с появлением таких подтипов как «стихия», «магнит», «территория», «живое существо». Исходя из результатов исследования, протест может являться не только деструктивно и отрицательно-направленной энергией, но и приложением творческой силы. Это возможно наблюдать на тематических подгруппах «урок», «театр», «спорт», «игра», «творчество» и иных.

В статье Марка Р. Миллера, вице-президента по связям с общественностью фонда де Бомонт [Miller, 2021], *Language choice about COVID-19 vaccines can save lives* (Выбор языковых средств вербализации вакцин от COVID-19 может спасти жизни) анализируется реакция респондентов на заданные речевые формулы, касающиеся вакцин от новой коронавирусной инфекции и, на основании его результатов, даются рекомендации по использованию тех или иных речевых средств. При сравнении результатов исследования г-на Миллера с нашими выясняется, что тенденция к использованию лексико-семантической единицы «прививать» (*to vaccinate/impfen*), в целом, четко прослеживается как в Америке, так и в Германии. Также, в достаточной степени, совпадает рекомендация исследования фонда де Бомонт «не читать морали и лекций» (<...> *don't moralize or lecture*) с нахождением на периферии дискурса СМИ Германии понятий «правило» (*Regel*), «карантин» (*Quarantäne*), а также – относительно-периферийным положением понятий «локдаун» (*Lockdown*) и «заболеваемость» (*Inzidenz*).

При этом, необходимо отметить, что несмотря на успехи всего мирового сообщества в борьбе со смертельно-опасным недугом, г-н Миллер советует употреблять выражение «ведущие эксперты Америки» (*America's leading experts*), нежели «мировые ведущие эксперты» (*the world's leading experts*). В дискурсе СМИ Германии о прогрессе в создании вакцины говорится, на наш взгляд, скорее в соревновательном аспекте, не упускаются из вида препараты ведущих производителей: британско-шведской AstraZeneca, американской Pfizer и российской вакцины Sputnik V от НИЦЭМ им. Н. Ф. Гамалеи. Скорее всего, совет фонда де Бомонт в выборе речевой стратегии возможно связать с желанием сыграть на американском патриотизме, лучше всё-таки не политизировать тему общемировой борьбы с

опасным вирусом и направить усилия на консолидацию мирового медицинского и лингвистического сообществ.

Несмотря на существование некоторого количества лингвистических работ по тематике чрезвычайных ситуаций, все они либо посвящены узкоспециализированной тематике, либо рассматривают данное понятие в отрыве от полевой теории и дискурса СМИ Германии. К тому же, за последнее время в данном русле вышли лишь единичные работы, что позволяет говорить о возможности некоторого пересмотра уже исследованных аспектов вербализации чрезвычайной ситуации применительно к её сегодняшнему статусу.

Результаты

Для удобства визуализации мы построили для каждого микрополя орбитальную модель, которая позволяет наглядно продемонстрировать расположение основных лексико-семантических единиц по отношению к центру и периферии микрополя. Также следует отметить удобство такой модели для последующего описания внутривербальных отношений и взаимодействий конститuentов в рамках всего лексико-семантического поля «чрезвычайная ситуация» в дискурсе СМИ Германии. Начнём рассмотрение с микрополя «Техногенная катастрофа» и его орбитальной модели (рисунок 1).

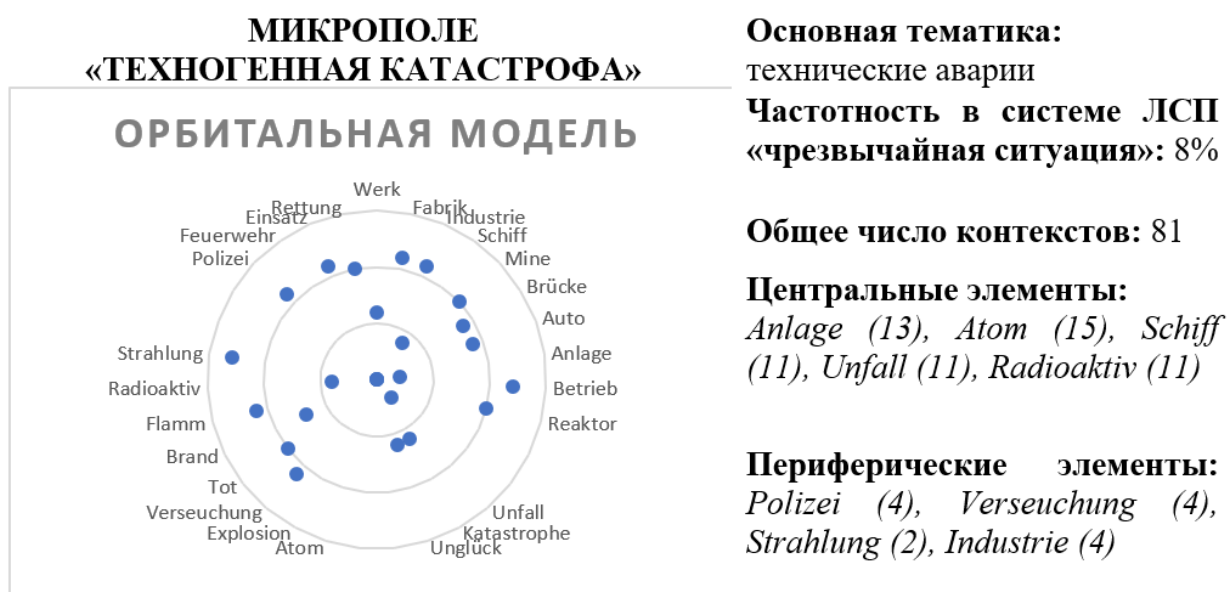

Рисунок 1 – Орбитальная модель микрополя «Техногенная катастрофа»

К числу ядерных лексем микрополя «техногенная катастрофа» относятся две из предметной сферы ядерной энергетики – *Atom* (атом) и *Radioaktiv* (радиоактивный), поскольку аварии на атомных объектах представляют серьезную опасность: *In Fukushima hatte sich nach einem schweren Erdbeben und einem Tsunami im März 2011 das schlimmste Atomunglück seit der Tschernobyl-Katastrophe von 1986 ereignet* [Stern, 2021].
// На Фукусиме после сильного землетрясения и цунами в марте 2011 года

произошла худшая атомная авария со времени чернобыльской катастрофы 1986 года.

Вред, наносимый чрезвычайной ситуацией техногенного характера, подчёркивается усилительными прилагательными *schwer* (тяжёлый) и *schlimm* (плохой), существительными *Unglück* (несчастье) и *Katastrophe* (катастрофа).

Положение некоторых из периферических элементов, например *Polizei* (полиция) и *Strahlung* (излучение), объясняется тем, что обыватель не связывает эти явления с чрезвычайным происшествием техногенного характера. Следующий пример подтверждает подобную расстановку приоритетов: *Vier weitere Menschen wurden nach Angaben des französischen Innenministeriums verletzt, aber nicht radioaktiv verstrahlt* [ND, 2021]. // Еще четыре человека, по данным МВД Франции, пострадали, но не были радиоактивно-облучены. Высокая важность прослеживается у лексико-семантических единиц *Menschen* (люди) и *verletzt* (раненый), что подтверждается смещением лексико-семантической группы *radioaktiv verstrahlt* (радиоактивно облучены) в конец контекста в соответствии с моделью актуального членения предложения по закону коммуникативной ценности.

Большое внимание уделяется при поддержке активистов природоохранных организаций (т.н. «зелёных») [Symbolism ..., 2020, p. 243] в информационных сообщениях данного типа загрязнению водной среды, в особенности, как результату сбоев нефтедобывающей и транспортирующей индустрии. Достаточно большим удельным весом обладает слово *Schiff* (корабль): *Der unabhängige Umweltberater Sunil Korwarkasing bestätigte der Deutschen Presse-Agentur unter Berufung auf Drohnenbilder, dass das Schiff in zwei Teile zerbrochen ist* [FaZ, 2021]. // Независимый консультант по природоохране Сунил Корваркасинг подтвердил ДПА, ссылаясь на фото с дронов, что корабль разломился пополам.

Учёные и исследователи считаются авторитетными членами общества, поэтому апелляция к ним добавляет сообщению официальности и солидности. Научные сотрудники могут называться односложно: *Forscher* (исследователи), словом: *Wissenschaftler* (учёные), с помощью лексико-семантической группы: *wissenschaftliche Mitarbeiter* (научные работники), может использоваться специальная терминология, например, *Studie* (исследовательская работа), *radioaktive Belastung* (радиоактивное загрязнение), и иные маркеры псевдонаучного стиля.

Микрополе «Политмотив» инкорпорирует примеры политически-обоснованных акций неповиновения, в ходе которых наносится ущерб имуществу и другим людям (рисунок 2).

МИКРОПОЛЕ «ПОЛИТМОТИВ»

Основная тематика:

политика

Частотность в системе ЛСП
«чрезвычайная ситуация»:
 15%

Общее число контекстов: 156

Центральные элементы:

Nawalny (49), Russland (44), gegen (42), Protest (37), Polizei (35)

Периферические элементы:

Faschisten (5), Nazi (3), Fordern (6), Gewalt (8), Kreml (10)

Рисунок 2 – Орбитальная модель микрополя «Политмотив»

Важным фактором для понимания способа вербализации чрезвычайных сообщений о политически-мотивированных чрезвычайных ситуациях в дискурсе СМИ Германии является причина неблагоприятного развития событий:

Протесты против действий правительства в отношении диссидентов: *Zu den Protesten haben der inhaftierte Kreml-Kritiker Nawalny und seine Unterstützer aufgerufen. In den vergangenen Tagen hatte die Polizei bereits mehrere Verbündete Nawalnys in Gewahrsam genommen oder unter Hausarrest gestellt, unter anderem den Bruder des Kreml-Kritikers* [Stern, 2021]. // К протестам призывали арестованный критик Кремля Навальный и его сторонники. В прошедшие дни полиция взяла под наблюдение или посадила на домашний арест многих из числа его союзников.

Дискурс СМИ часто становится полем для выражения политической позиции определённых лиц [Linguopragmatic..., 2018 pp. 645-650], компаний, государств и надгосударственных образований. С учётом этого, достаточно понятными являются причины большого удельного веса одного из центральных элементов *Nawalny* (Навальный).

Блоггер Навальный, возглавляющий на территории России организацию-иноагент, рассматривается западными элитами в качестве удобного рычага давления на власти Российской Федерации. Следует понимать крайне ограниченный во времени характер нахождения его фамилии в числе центральных элементов микрополя, поскольку она перестанет упоминаться, как только исчезнет возможность подогреть в СМИ через культурную обусловленность лексики антагонизм к России.

Элемент *Russland* (Россия) служит местным уточнителем при описании чрезвычайной ситуации, вызванной событиями политического характера: *Mehr 5.000 Festnahmen bei Massenprotest in Russland* [Web.de, 2021] // Более 5 000 задержаний при массовом протесте в России. Основным

противостоянием и фактором чрезвычайности является массовый протест, который СМИ Германии усмотрели в демонстрациях, проходивших в России из-за ареста блоггера Навального. Местный уточнитель (нем. *Lokalangabe*) *Russland* используется как синоним понятий «несправедливость», «пренебрежение» и иными подобными: *Ungeachtet massiver Polizeigewalt gegen friedliche Demonstranten haben Zehntausende Menschen in Russland gegen die Inhaftierung des Kremlgegners Alexej Nawalny und gegen Präsident Wladimir Putin demonstriert* [Web.de, 2021]. // Несмотря на открытый произвол полиции против мирных демонстрантов, десятки тысяч людей в России вышли на демонстрацию против ареста противника Кремля Алексея Навального и против Президента Владимира Путина.

В приведённом контексте используется приём противопоставления «насилия со стороны полиции» и «мирных демонстрантов», что подчёркивается прилагательными *massiv* (распространённый) и *friedlich* (мирный), полемически приравниваются цели демонстрантов «против ареста противника Кремля» и «против Президента», изображая события в России в уже привычном для западного общества свете. Появление сомнений в объективности описания событий позволяет также говорить о нарушении журналистской этики и политической инструментализации новостного ресурса.

Микрополе «радикализм» включает в себя сообщения о чрезвычайных ситуациях, произошедших в результате действий радикально-настроенных личностей или группировок (рисунок 3).

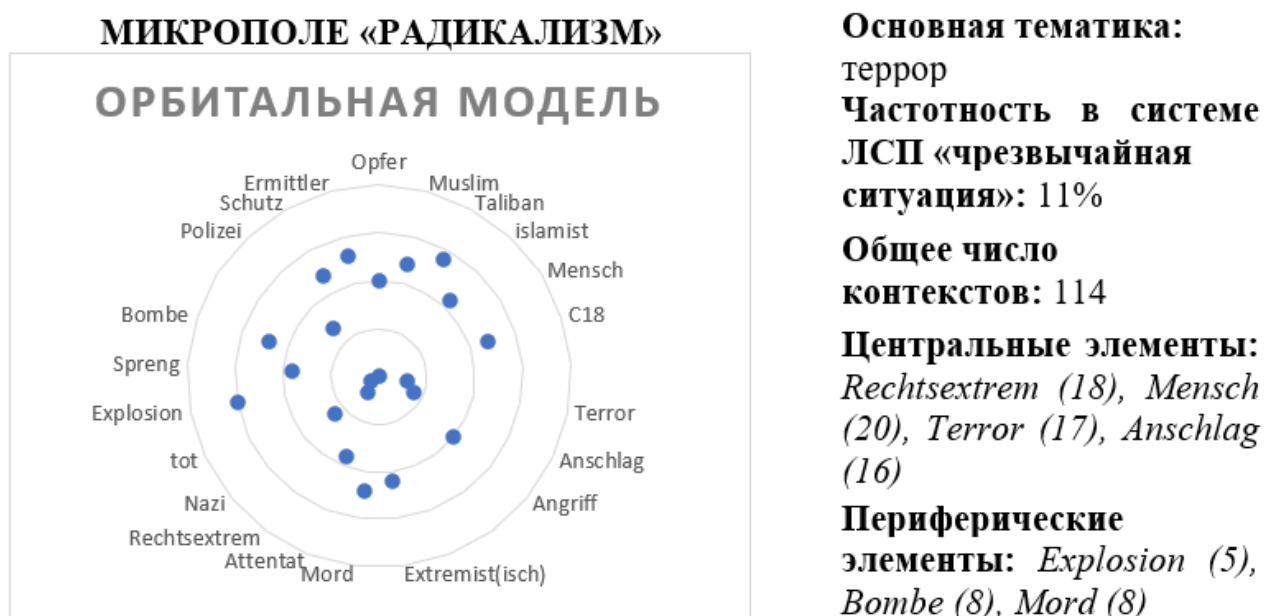

Рисунок 3 – Орбитальная модель микрополя «Радикализм»

В число центральных элементов входит лексема *Rechtsextrem* (правозэкстремистский). Это связано, во многом, с общественной опасностью националистических и шовинистических движений, опасениями по поводу

возможности возрождения или увеличения популярности национал-социализма: *Der rechtsextreme Attentäter Tobias Rathjen hatte vor fast einem Jahr neun junge Menschen mit Migrationshintergrund getötet, danach sich und seine Mutter. Zeugen berichten nun, sie hätten mehrmals die 110 gewählt – aber niemand habe abgehoben.* [Bild, 2021]. // Правоэкстремистский преступник Тобиас Ратхьен почти год назад убил 9 молодых людей с миграционным прошлым, затем себя и свою мать. Свидетели сообщают о многочисленных звонках на номер 110, оставшихся без ответа.

Правоэкстремистский характер действий преступника подчёркивается употреблением существительного *Migrationshintergrund* (миграционное прошлое), являющегося политкорректным наименованием мигрантов, принятым в немецком медийном и деловом дискурсе. Особый статус чрезвычайности происшествию придаёт указание на оставшиеся без ответа многочисленные телефонные звонки на номер службы спасения 110.

Наиболее частотная лексема *Mensch* (человек) указывает на высшую ценность человеческой жизни. Лексемы *Terror* (террор) и *Anschlag* (нападение) являются самоназваниями данного типа чрезвычайных ситуаций и указывают на цель и метод их осуществления соответственно. К периферийным лексемам относятся *Explosion* (взрыв) и *Bombe* (бомба), являющиеся укрепившимися в массовом сознании [Собянина, 2019, с. 37-39] атрибутами террористов-исламистов, активность которых подавляется в Германии с достаточной тщательностью: *Vermutlich im Jahr 2014 wurde Sascha L. Muslim. Sein Facebook-Profil schmückte zuletzt ein Vogel, darunter der Satz »Bitte nicht schubsen! Ich habe eine Bombe im Rucksack.«* [ND, 2021]. // Предположительно в 2014 году Саша Л. принял Ислам. На его странице в Facebook недавно появилось изображение парня с подписью «Пожалуйста, не толкайте! У меня бомба в рюкзаке».

Употребление клишированных фраз и гендерных стереотипов (vgl. *Terrorismus als vorwiegend männliches Phänomen* [Terrorismus aus..., 2020, S. 426-428]) наряду со сниженной лексикой и чёрным юмором в сообщении служит дополнительному привлечению внимания к информационному тексту.

Основной семантической характеристикой микрополя «Правонарушение» (рисунок 4) является сообщение о чрезвычайных ситуациях, произошедших вследствие совершения осознанного виновного действия – преступления при условии отсутствия у злоумышленника радикальной и/или политической мотивации.

МИКРОПОЛЕ «ПРАВОНАРУШЕНИЕ»

Основная тематика:

преступление

Частотность в системе ЛСП «чрезвычайная ситуация»:
17%

Общее число контекстов: 182

Центральные элементы:

Polizei (58), *Mann* (44)

Периферические элементы:

Leiche (6), *gefährlich* (6)

Рисунок 4 – Орбитальная модель микрополя «Правонарушение»

Центральный элемент *Polizei* (полиция) получает такой статус оправданно, поскольку полиция является одной из основных служб предотвращения и устранения последствий чрезвычайных ситуаций, вызванных преступными действиями: *Kurz vor Silvester wird die **Polizei** in die Wohnung eines älteren Ehepaars in Lüdenscheid im Sauerland gerufen – und macht einen grausigen Fund: Die 77-jährige Frau ist tot, bereits seit November. Sie war geschlagen worden und später an Erbrochenem erstickt. Der mutmaßliche Täter: der eigene Ehemann* [ND, 2021]. // Незадолго до Нового Года полицию вызвали в квартиру пожилой супружеской пары в Люденшайде, Зауэрланд. Там полицейские совершили страшную находку: 77-летняя женщина была мертва еще с ноября. Она была избита и задохнулась, захлебнувшись рвотными массами. Предполагаемый преступник – её муж.

Полиция предстаёт основным действующим лицом событий – именно полицейских вызывают в подозрительную квартиру, где они совершают страшную находку, устанавливают характер и обстоятельства преступления и выдвигают версию произошедшего вместе с предварительным обвинением. Ближнюю периферию составляют лексико-семантические единицы терминологического характера, затрагивающие область судебно-процессуальных отношений: *Opfer* (жертва), *Angeklagte* (обвиняемый), *festnehmen* (задерживать), *Anwalt* (прокурор): *Angaben zu Alter oder Geschlecht des Opfers machte die Polizei auf Anordnung der Staatsanwaltschaft bisher nicht* [Bild, 2021]. // Полиция пока не предоставила информацию о возрасте или поле потерпевшего по приказу прокурора. На дальней периферии находятся обозначения преступных действий *verletzen* (ранить), их характеристики *gefährlich* (опасный), их результат *Leiche* (труп): *Explodierte Leichen und Knochenreste: Diese Frau gräbt die Verbrechen der Apartheid aus* [Stern, 2021]. // Взорванные трупы и остатки костей: эта женщина раскапывает преступления Апартеида.

Микрополе «Природные катаклизмы» инкорпорирует сообщения о чрезвычайных ситуациях, вызванных стихийными бедствиями, действием непреодолимых сил природного характера и происхождения (рисунок 5).

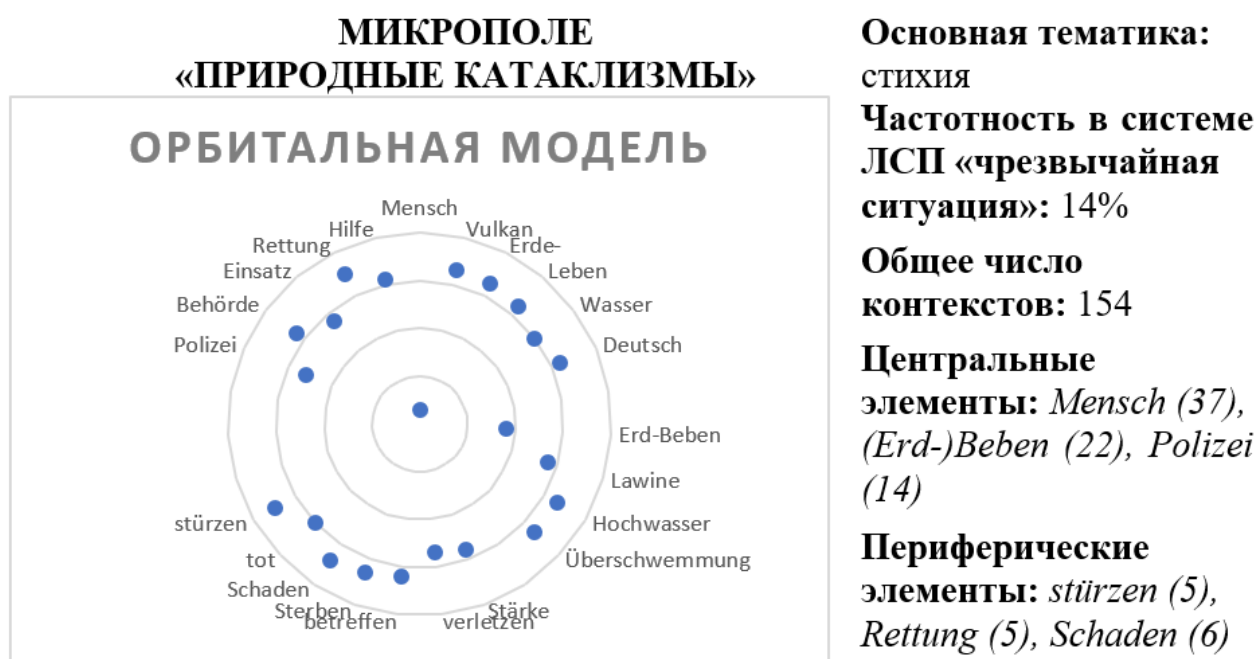

Рисунок 5 – Орбитальная модель микрополя «Природные катаклизмы»

Одним из центральных элементов микрополя является чрезвычайное происшествие типа землетрясение, выражающееся существительным *Erdbeben*, его сокращённой формой *Beben*, лексико-семантической группой *die Erde bebt*: *Es grenzt an ein Wunder! 65 Stunden nach dem Todes-Beben in der Türkei haben Retter ein Mädchen (3) lebend aus den Trümmern eines eingestürzten Hauses geholt!* [Bild, 2021] // Это граничит с чудом! Спустя 65 часов после смертельного землетрясения в Турции у спасателей получилось из-под рухнувшего дома достать девочку.

К числу языковых средств вербализации чрезвычайных ситуаций, вызванных природными явлениями и непреодолимыми силами, в дискурсе СМИ Германии относятся также:

(а) Использование сложносоставных существительных: *Diese Eruption soll nicht nur Auswirkungen auf die Durchschnittstemperatur gehabt haben – die sich angeblich um mehrere Grad gesenkt hatte - sondern löschte auch einen Großteil der Menschheit aus* [Web.de, 2021]. // Считается, что это извержение не только повлияло на среднюю температуру, которая якобы упала на несколько градусов, но и уничтожило большую часть человечества.

(б) Применение средств лексической выразительности, языковой игры: *Aus dem Weltall betrachtet, sieht unser blauer Planet aus wie der schönste und sicherste Ort des Universums. Doch dieses Bild täuscht. Denn die Erde ist keine starre Gesteinskugel, die ihre Form gefunden hat. Tatsächlich sitzen wir Menschen*

auf einem gefährlichen Pulverfass, das ständig in Bewegung ist und sich verändert [Bild, 2021]. // Если смотреть из космоса, наша голубая планета выглядит самым красивым и безопасным местом во Вселенной, но эта картина обманчива. Потому что земля – это не твердый каменный шар, обретший свою форму. Фактически, мы, люди, сидим на опасной пороховой бочке, которая постоянно движется и меняется.

(в) Использование топонимов для описания природных катаклизмов, обусловленных особенностями регионального климата: *Venedigs „natürliche“ Katastrophe. Die Flut und ein extrem starker Südwind sind die »natürlichen« Ursachen des Rekordhochwassers. Der Wind drückt die Wassermassen in die Lagune hinein und verhindert, dass sie wieder ablaufen können. Und da sich die Stadt und die vielen kleinen Inselchen rundum praktisch unter dem Meeresspiegel befinden, sind Überschwemmungen programmiert. Das ist seit Jahrhunderten so und abgesehen von den Problemen, die die Holzpfähle, auf denen viele der Bauten lasten, sowieso haben, hielten sich die bleibenden Schäden bisher immer mehr oder weniger in Grenzen* [ND, 2021]. // «Природная» катастрофа в Венеции. Наводнение и очень сильный южный ветер – «естественные» причины рекордного паводка. Ветер толкает водные массы в лагуну и не дает им снова стекать. А поскольку город и множество небольших островков практически повсюду находятся ниже уровня моря, наводнения запрограммированы. Так было на протяжении веков, и, помимо проблем, связанных с деревянными сваями, на которых весят многие конструкции, необратимые повреждения до сих пор были более или менее ограниченными.

Микрополе «Халатность» инкорпорирует сообщения о чрезвычайных ситуациях, произошедших по косвенной вине задействованных лиц (рисунок 6).

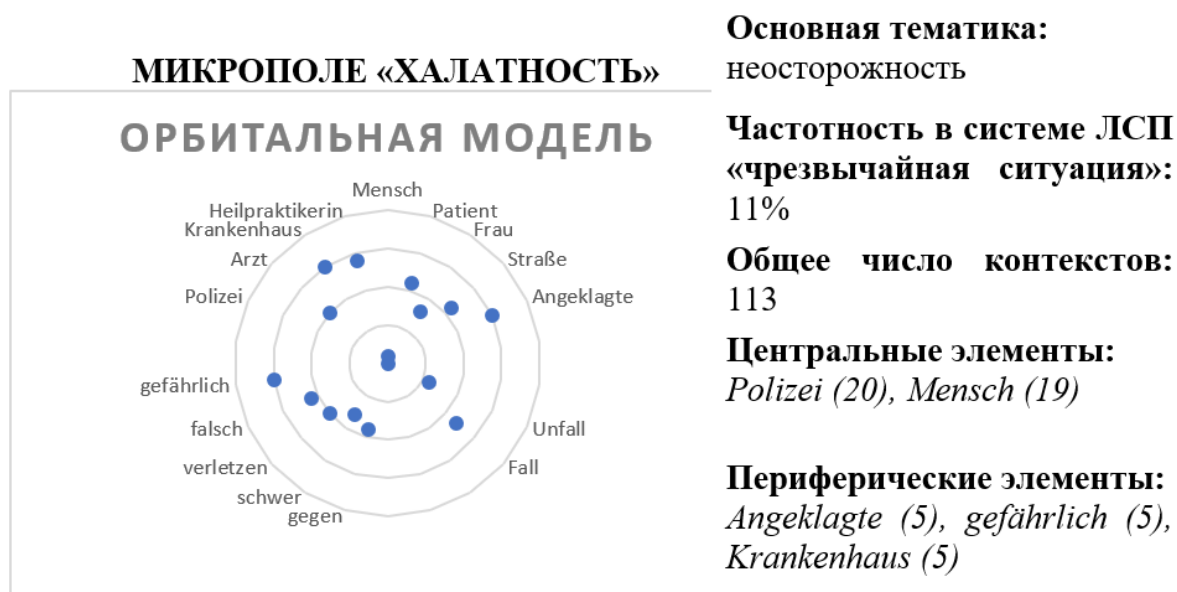

Рисунок 6 – Орбитальная модель микрополя «Халатность»

В структуру микрополя входят следующие семантические категории:

– «Пренебрежение ограничениями»: *Badeverbote sollte man nicht auf die leichte Schulter nehmen – das lernen diese zwei Schwimmer in Florida auf die harte Tour. Sie schaffen es wegen der starken Strömung nicht zurück an den Strand. Doch zum Glück bleibt ihre Notlage nicht unbemerkt* [Stern, 2021]. // К запретам на купание нельзя относиться легкомысленно – двое пловцов из Флориды усвоили это на собственном опыте. Вернуться на пляж они не смогли из-за сильного течения. К счастью, их положение не осталось незамеченным.

Семантизация ограничений выражается посредством слов с лексемой – *verbot* (запрет), здесь – *Badeverbot* (запрет на купание). Для привлечения внимания читателя в примере используется поговорка *auf leichte Schulter nehmen* – попустительствовать, пренебрегать, легкомысленно относиться к чему-либо.

– «Пренебрежение правилами»: *Doch es gibt auch Kritik am Lieferdienst – und der kommt aus den eigenen Reihen. Frankfurts „Lieferando“ – Betriebsratsvorsitzender Philipp Schurk (23) sieht bei seinem Arbeitgeber zwar keine Schuld an dem tödlichen Unfall, doch sonst kritisiert er scharf: „Bei ‚Lieferando‘ gibt es keine Arbeitsschutzorganisation. Banalste Vorschriften werden nicht eingehalten“* [Bild, 2021]. // Но есть и критика службы доставки, причём, исходит она изнутри компании. Председатель производственного совета Франкфуртского «Lieferando» Филипп Шурк (23) не считает, что его работодатель виноват в несчастном случае со смертельным исходом, в остальном он резко критикует: «В «Lieferando» нет организации по охране труда и технике безопасности. Самые банальные правила не соблюдаются.

Несоблюдение правил вербализовано в данном примере посредством лексико-семантической группы, состоящей из прилагательного в превосходной степени – *banalste* (банальнейшие) и существительного *Vorschriften* (предписания). Халатности противопоставляется *tödlicher Unfall* – смертельное происшествие. (Ссылка на рисунок)

К микрополю «Случайность» относятся сообщения о чрезвычайных ситуациях, произошедших из-за рокового стечения обстоятельств (рисунок 7).

МИКРОПОЛЕ «СЛУЧАЙНОСТЬ»

Основная тематика:

невьясненные обстоятельства

Частотность в системе ЛСП
«чрезвычайная ситуация»: 7%

Общее число контекстов: 77

Центральные элементы:

Polizei (26), *Unfall* (19)

Периферические элементы:

Grund (4), *Ursache* (5)

Рисунок 7 – Орбитальная модель микрополя «Случайность»

Таковыми могут являться несчастные случаи, произошедшие по неизвестным причинам или из-за фатального стечения обстоятельств: *Im amerikanischen Bundesstaat Connecticut ist ein Militärflugzeug aus dem Zweiten Weltkrieg beim Landeanflug in einen Hangar gestürzt. Die Flugsicherheitsbehörde untersucht den Vorfall. Die Besatzung des Boeing-B-17-Bombers hatte wenige Minuten nach dem Start vom Flughafen Bradley Probleme gemeldet und wollte wieder landen. Die Maschine krachte auf die Landebahn, schlitterte in eine Enteisungsanlage und fing Feuer* [FaZ, 2021]. // В американском штате Коннектикут военный самолет времен Второй мировой войны при приближении врезался в ангар. Орган по авиационной безопасности расследует инцидент. Экипаж бомбардировщика Boeing B-17 сообщил о проблемах через несколько минут после взлета из аэропорта Брэдли и хотел снова приземлиться. Машина врезалась во взлетно-посадочную полосу, заскользила в противообледенительную систему и загорелась.

Чрезвычайная ситуация относится к разряду произошедших по фатальному стечению обстоятельств, так как сложилось несколько факторов: *aus dem Zweiten Weltkrieg* (времен Второй Мировой Войны) – возраст, *Probleme* (проблемы) с технической частью. Дальнейшие события описываются с помощью ряда однородных членов: *krachen* (грохнуть), *schlittern* (скользить), *Feuer fangen* (заниматься пламенем).

К языковым средствам вербализации чрезвычайных ситуаций типа «случайность» в дискурсе СМИ Германии можно отнести:

(а) Однокорневые существительные, обозначающие само происшествие: *Unfall* (несчастный случай), *Vorfall* (происшествие), *Tragödie* (трагедия): „*Wir müssen diese Tragödie begutachten*“, *sagt die Richterin. In*

Frankfurt steht eine Mutter und Ärztin vor Gericht, weil sie ihr Kind mit Diabetes-Symptomen erst zum Arzt brachte, als es zu spät war. Es ist fraglich, ob die Frau wusste, was sie tat [FaZ, 2021]. // «Нам следует должным образом рассмотреть эту трагедию», сообщает судья. Во Франкфурте судят мать и доктора, потому что она привела к врачу своего ребенка с симптомами диабета только тогда, когда было уже слишком поздно. Сомнительно, знала ли женщина, что делает.

(б) Глаголы, связанные с самоуничтожением, крушением, выходом из строя технических средств, и прилагательные, обозначающие непредвиденность трагического развития событий: *zufällig* (случайный), *unbewusst* (неосознанный), *unvorhergesehen* (непредвиденный):: *stürzen* (терпеть крушение), *explodieren* (взрываться), *absagen* (отказывать, выходить из строя): *Vor zwei Jahren machte das Samsung Note 7 Schlagzeilen, die dem Hersteller überhaupt nicht gefallen haben: Wegen eines Konstruktionsfehlers im Akku explodierten einige der Geräte [Bild, 2021]. // Два года назад Samsung Note 7 попал в заголовки газет, которые совершенно не понравились производителю: некоторые устройства взрывались из-за конструктивного недостатка батареи.*

Микрополе «Пандемия» инкорпорирует сообщения о чрезвычайных ситуациях, вызванных распространением опасных с эпидемиологической точки зрения заболеваний (рисунок 8).

Основная тематика:

заболевание

Частотность в системе ЛСП «чрезвычайная ситуация»: 18%

Общее число контекстов: 190

Центральные элементы: *Impfen* (111), *Corona* (72)

Периферические элементы: *Regel* (6), *Quarantäne* (3), *Tod* (7)

Рисунок 8 – Орбитальная модель микрополя «Пандемия»

В 2020–2021 годах данное микрополе существенным образом прирастило актуальность и пополнилось новыми словами и лексемами из-за мировой пандемии новой коронавирусной инфекции SARS-nCOV-2019, наименование которого также является «лексической инновацией» [Al-Salman S. et al., 2021, p. 27]. Создаются новые словари, например, *Neuer Wortschatz rund um die Coronapandemie* OWID [NWC, 2021], со спецификой коронавирусной терминологии и отражающие реалии, вошедшие в жизнь мирового сообщества за период с весны 2020 года, то есть, с момента признания существования пандемии коронавирусной инфекции. Этим обусловлено нахождение лексемы *-corona-* (-корона-) в числе ключевых и центральных элементов микрополя. Данная лексема обладает широким словообразовательным потенциалом: *Nach Angaben des Robert Koch-Instituts sinkt die Zahl der durch die Gesundheitsämter gemeldeten Corona-Infektionen in Deutschland auch am Sonntag* [Stern, 2021]. // По данным Института Роберта Коха, количество случаев заражения коронавирусом, о которых сообщают органы здравоохранения Германии, также уменьшится в воскресенье.

Наибольшая встречаемость на начало 2021 года зафиксирована у лексемы *-impf-* (прививать), что обусловлено прогрессом в разработке эффективной вакцины против коронавируса, обсуждением в СМИ успехов и неудач медицинских организаций всего мира в соревновательном аспекте: *Trotzdem hatte Seehofer eines erreicht: Seine Kollegen fühlten sich vor den Kopf gestoßen, insbesondere die Portugiesen, aber nicht nur sie* [FaZ, 2021]. // Тем не менее Зеehoфер добился одного: его коллеги почувствовали себя неловко, особенно португальцы, но не только они.

Достаточно распространены в контекстах этого типа такие средства языковой выразительности, как игра слов, юмор, ирония и прочие. В анализируемом контексте примером этому служит выражение *sich vor den Kopf gestoßen fühlen* – чувствовать себя как по голове ударенным. Наличие подобных языковых средств объясняется, прежде всего, желанием абстрагироваться от страха перед пандемией, вирусом, смертью посредством иронизирования над этими явлениями и событиями, что является весьма тривиальной языковой стратегией.

С изобретением первых образцов эффективных вакцин тематика смерти, правил и карантина отошла на второй план, о чём свидетельствует периферическое положение лексем *Tod* (смерть), *Regel* (правило) и *Quarantäne* (карантин) соответственно: *Wer aus einem „Hochrisikogebiet“ in Länder mit geringerer Inzidenz reist, soll sich vorher testen lassen und anschließend verpflichtend in Quarantäne begeben. Allen nicht unbedingt notwendigen Reisen soll „entgegengewirkt“ werden* [FaZ, 2021]. // Любой, кто едет из «зоны повышенного риска» в страны с более низкой заболеваемостью, должен быть заранее обследован, а затем помещен в карантин. Всем поездкам, которые не являются абсолютно необходимыми, следует «противодействовать».

Рассмотрение выделенных лексико-семантических единиц в контексте лексико-семантического поля «чрезвычайная ситуация» в дискурсе СМИ

Германии позволило выявить центральные и периферические элементы всего ЛСП, сделать выводы о характере происхождения и взаимодействия анализируемых языковых средств (рисунок 9).

ЛСП «ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ СИТУАЦИЯ» В СМИ ГЕРМАНИИ

Всего рассмотренных единиц:
2147

Общее число контекстов: 190

Наиболее частотный элемент:
Polizei (152)

Центральные элементы (частотность >40): 10 позиций общим количеством 710 единиц, из них специфических 232: impfen (111), Corona (72), Nawalnij¹ (49).

Периферические элементы: 114 позиций, из них 57 относятся к ближней (частотность $40 > Q \geq 10$) и 57 к дальней (частотность < 10)

Рисунок 9 – Орбитальная модель ЛСП «Чрезвычайная ситуация» в дискурсе СМИ Германии (30 наиболее частотных позиций)

Из 2147 выявленных единиц в 124 категориях и 1069 контекстах к числу центральных возможно отнести 10 категорий, суммарно 710 единиц. Наиболее частотным элементом является слово *Polizei* (полиция), свойственное, в определённой мере, всем микрополям и поэтому являющееся универсальным. На втором месте – специфическая для микрополя «пандемия» единица *impfen* (вакцинировать), показывающая 111 обнаружений, на третьем месте универсалия *Mensch* (человек) со встречаемостью в 76 единиц.

К ближней (встречаемость менее 40 и более, либо равно 10) и дальней (встречаемость менее 10) периферии мы относим по 57 категорий общим числом в 1437 единиц. На приведённой выше схеме лексико-семантического поля отображены центральные единицы, а также часть единиц ближней периферии. Построение более подробной **графической** модели лексико-семантического поля «чрезвычайная ситуация» в дискурсе СМИ Германии, затрагивающей единицы дальней периферии, является одним из приоритетных направлений проводимых нами дальнейших исследований.

Заключение

Проведённое количественно-статистическое исследование позволило выявить наиболее и наименее частотные лексико-семантические единицы всех микрополей в составе лексико-семантического поля «чрезвычайная

ситуация» в дискурсе СМИ Германии, что позволило построить визуализацию в виде орбитальной модели каждого из них, определив центральные и периферические элементы, универсальные и специфические языковые единицы, сделать предположение о возможных причинах использования определённой лексики. К наиболее частотным микрополям относятся Пандемия (18%), Правонарушение (17%), Политмотив (15%) и Природные катаклизмы (14%).

Анализ показал, что отдельные категории лексики, такие, как *Mensch* (человек) / *Mann* (мужчина) и *Polizei* (полиция) являются наиболее типичными и частотными, а потому, ядерными элементами почти всех микрополей. Это позволяет говорить о наличии у данных лексико-семантических единиц статуса «универсальных», и, посредством этого, связующих элементов в структуре лексико-семантического поля. Вместе с тем, для ряда микрополей существуют специфические единицы, представляющие особенный интерес для дальнейшего исследования: *impfen* (прививать), *Corona* (коронавирус), *Rechtsextrem* (правоэкстремистский), *Russland* (Россия), *Proteste* (протесты), *Atom* (атом), *Anlage* (устройство), *Unfall* (несчастный случай) и другие. Исходя из характера специфической лексики, можно предположить ограниченный во времени характер (не-) доминирования таких лексико-семантических единиц, изменяющийся в зависимости от текущей экономико-политической ситуации в мире.

Отмечается и возможность одновременного присутствия определённых лексико-семантических единиц на периферии одного микрополя и в центре другого. Примером этому может служить лексема *Polizei* (полиция), находящаяся на периферии микрополя «техногенная катастрофа» и одновременно принадлежащая к ядру микрополей «случайность», «халатность», «природные катаклизмы», «политмотив».

Библиографический список

- Архипова, И. А. Экстра- и интралингвистические особенности формирования и развития немецкого подязыка служб безопасности на материале терминологии терроризма и наркобизнеса: автореф. на соиск. учёной степ. канд. филол. наук: 10.02.04 / И. А. Архипова. Омск, 2006. 22 с.
- Зайцева, А. С. Специальная лексика чрезвычайных ситуаций: структурные и функциональные тенденции в новейших терминологиях: автореф. на соиск. учёной степ. канд. филол. наук: 10.02.19 / А. С. Зайцева. М., 2019. 23 с.
- Лебедева, И. Л. Концепт социальный протест в языковой картине мира США (на материале периодики и Интернет-ресурсов): автореф. на соиск. учёной степ. канд. филол. наук: 10.02.04 / И. Л. Лебедева. Владивосток, 2005. 24 с.
- Михайлова, Т. В. Вербальное осмысление катастрофы: когнитивно-семантическое описание слова (на материале русского и английского языков): автореф. на соиск. учёной степ. канд. филол. наук: 10.02.19 / Т. В. Михайлова. Волгоград, 2012. 26 с.
- Самородин, Г. В. К вопросу о ключевых понятиях лексико-семантического поля «чрезвычайная ситуация» в дискурсе СМИ Германии // Проблемы и перспективы развития

- современной гуманитаристики: лингвистика, методика преподавания, культурология. 2020. М.: МГОУ, С. 145-151.
- Собянина, В. А.* О некоторых лексических особенностях немецкого косметологического дискурса в сети Интернет // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2019. № 3 (35). С. 33-42.
- Al-Salman, S., Haider, A. S.* COVID-19 trending neologisms and word formation processes in English // *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Vol. 25 №1 P. 24-42
- Bild // [Электронный ресурс]. – 2021 URL: www.bild.de (дата обращения: 20.03.2021).
- Frankfurter allgemeine Zeitung (FaZ) // [Электронный ресурс]. – 2021 URL: www.faz.net (дата обращения: 20.03.2021).
- Miller, M. R.* Language choice about COVID-19 vaccines can save lives // *Journal of Communication in Healthcare*. 2021. doi: 10.1080/17538068.2021.1892285
- Neuer Wortschatz rund um die Coronapandemie (OWID) // [Electronic resource]. – 2021 URL: <https://www.owid.de/docs/neo/listen/corona.jsp> (дата обращения: 20.03.2021).
- Neues Deutschland (ND) // [Электронный ресурс]. – 2021 URL: www.neues-deutschland.de (дата обращения: 20.03.2021).
- Popova, L. G., Biryukova, E. V., Nifanova, T. S., Guseva, A. E., Boyarkina, A. A.* Symbolism of Green Color Representation of English and German Journalistic Texts // *ALR Journal*. 2020. № 4 (9). P. 242-248
- Seidenbecher, S., Steinmetz, C., Möller-Leimkühler, A.-M., Bogerts, B.* Terrorismus aus psychiatrischer Sicht // *Nervenarzt*. 2020. №91. P. 422-432
- Stern // [Электронный ресурс]. – 2021 URL: www.stern.de (дата обращения: 20.03.2021).
- Web.de // [Электронный ресурс]. – 2021 URL: www.web.de (дата обращения: 20.03.2021)
- Youngman M. Building “Terrorism Studies” as an Interdisciplinary Space: Addressing Recurring Issues in the Study of Terrorism // *Terrorism and Political Violence*. 2020. 32:5. P. 1091–1105. doi: 10.1080/09546553.2018.1520702
- Zheltukhina, M. R., Busygina, M. V., Merkulova, M. G., Zyubina, I. A., Buzinova, L. M.* Linguopragmatic aspect of modern communication: main political media speech strategies and tactics in the USA and the UK // *XLinguae*. 2018. № 2. P. 639-654.
- Zheltukhina, M. R., Vikulova, L. G., Serebrennikova, E. F., Gerasimova, S. A., Borbotko, L. A.* Identity as an Element of Human and Language Universes: Axiological Aspect // *International journal of environmental & science education*. 2016. vol. 11. №.17. P. 10413-10422

References

- Al-Salman, S. & Haider, A. S.* (2021). COVID-19 trending neologisms and word formation processes in English. *Russian Journal of Linguistics*, 1, 24–42. doi: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-24-42
- Arkhipova I. A.* (2006). Ekstra- i intralingvisticheskie osobennosti formirovaniia i razvitiia nemetskogo pod"-iazyka sluzhb bezopasnosti na materiale terminologii terrorizma i narkobiznesa (Extra- and intralinguistical specifications of forming and development of the german special-forces sublanguage on the material of terrorism and drugs-business terminology). Omsk, 22 p.
- Bild (2021), Available at: www.bild.de (accessed 20 March 2021).
- Frankfurter allgemeine Zeitung (2021), Available at: www.faz.net (accessed 20 March 2021)
- Lebedeva I. L.* (2005). Kontsept sotsial'nyi protest v iazykovoi kartine mira SShA (na materiale periodiki i Internet-resursov) (Social protest concept in the linguistic world image of the USA (on the material of periodicals and Internet-sources)). Vladivostok, 24 p.
- Mikhailova T. V.* (2012). Verbal'noe osmyslenie katastrofy: kognitivno-semanticheskoe opisanie slova (na materiale russkogo i angliiskogo iazykov) (Verbal conception of the catastrophe:

- cognitive-semantical description of the word (on the material of the Russian and the English languages)). Volgograd, 26 p.
- Miller M. R. (2021). Language choice about COVID-19 vaccines can save lives, *Journal of Communication in Healthcare*. doi: 10.1080/17538068.2021.1892285
- Neuer Wortschatz rund um die Coronapandemie (2021), Available at: <https://www.owid.de/docs/neo/listen/corona.jsp> (accessed 20 March 2021).
- Neues Deutschland (2021), Available at: www.neues-deutschland.de (accessed 20 March 2021)
- Popova L. G., Biryukova E. V., Nifanova T. S., Guseva A.E. & Boyarkina A. A. (2020). Symbolism of Green Color Representation of English and German Journalistic Texts. *ALR Journal*, 4 (9), 242-248
- Samorodin, G. V. (2020). On the key concepts of lexis-semantical field “Emergency” in the discourse of German Media [K voprosu o kliuchevykh poniatiiakh leksiko-semanticheskogo polia «chrezvychainaia situatsiia» v diskurse SMI Germanii]. *Problemy i perspektivy razvitiia sovremennoi gumanitaristiki: lingvistika, metodika prepodavaniia, kul'turologiia* (Problems and development perspectives of the modern humanitaristics: linguistics, methods of teaching, culturology). Moscow, Pp. 145-151
- Seidenbecher S., Steinmetz C., Möller-Leimkühler A.-M., Bogerts B. (2020). Terrorism from psychiatric sight [Terrorismus aus psychiatrischer Sicht] *Nervenarzt*, 91, pp. 422–432. doi: 10.1007/s00115-020-00894-0
- Sobianina, V. A. (2019). About some of lexical specifications of the German cosmetologist discourse in the Internet. *Vestnik MGPU. Ser. Filologiya. Teoriia iazyka. Iazykovoe obrazovanie*, 3 (35), 33-42
- Stern (2021). Available at: www.stern.de (accessed 20 March 2021)
- Web.de (2021). Available at: www.web.de (accessed 20 March 2021)
- Zaitseva A. S. (2019). Spetsial'naia leksika chrezvychainykh situatsii: strukturnye i funktsional'-nye tendentsii v noveishikh terminologiiakh (Special lexis in situations of emergency: structural and functional trends in the newest terminologies). Moscow, 23 p.
- Youngman M. (2020). Building “Terrorism Studies” as an Interdisciplinary Space: Addressing Recurring Issues in the Study of Terrorism. *Terrorism and Political Violence*, 32:5, 1091-1105. doi: 10.1080/09546553.2018.1520702
- Zheltukhina M. R., Busygina M. V., Merkulova M. G., Zyubina I. A. & Buzinova L. M. (2018). Linguopragmatic aspect of modern communication: main political media speech strategies and tactics in the USA and the UK. *XLinguae*, 2, 639–654. doi: 10.18355/XL.2018.11.02.51
- Zheltukhina M. R., Vikulova L. G., Serebrennikova E. F., Gerasimova S. A. & Borbotko L. A. (2016). Identity as an Element of Human and Language Universes: Axiological Aspect. *International journal of environmental & science education*, 17, 10413-10422.

УДК 811.112.2

DOI 10.51955/2312-1327_2021_3_151

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЛЕКСИКЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА 2020–2021 гг.

Любовь Аркадьевна Нefeldова,

orcid: 0000-0002-2871-895x

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой немецкого языка

*Институт иностранных языков Московского педагогического государственного
университета,*

ул. Малая Пироговская, 1

Москва, 119992, Россия

la.nefeldova@mpgu.su

Аннотация. В статье рассматриваются активные процессы в лексике современного немецкого языка 2020–2021 гг.: процессы заимствования, словообразования и семантической деривации. Процессы заимствования и словообразования из иноязычных/заимствованных элементов интерпретируются как экзогенные процессы, формирующие глобальную идентичность, и противопоставляются словообразовательным процессам из автохтонных элементов, определяемым как эндогенные процессы, способствующие формированию национальной идентичности. Семантическая деривация и гибридное словообразование понимаются как экзогенно-эндогенные процессы формирования глобальной и национальной идентичности. В статье отмечается, что современные заимствования в немецком языке представляют собой прямые заимствования из английского языка (7%), реже кальки и полукальки, а также замены немецких слов англицизмами и псевдозаимствования. Показывается, что заимствование становится причиной особой лексической и фразеологической синонимии в немецком языке. Как особенности современного словообразования описываются создание культурно-маркированной лексики, лексическая полионимия для выражения ключевых понятий, метафоризация и контаминация, реализующая языковую игру. Обращается внимание на основные группы новых фразеологизмов, а также на роль гибридизации в слово- и фразеобразовании. Процессы семантической деривации описываются как семантическое развитие лексики на основе конкретизации и специализации отношения.

Ключевые слова: заимствование, словообразование, фразеобразование, семантическая деривация, экзогенный процесс, эндогенный процесс, калькирование, гибридизация, метафоризация, полионимия, контаминация.

ACTIVE PROCESSES IN THE VOCABULARY OF THE GERMAN LANGUAGE IN 2020–2021

*Lyubov A. Nefedova,
orcid: 0000-0002-2871-895x,
doctor of philology, professor,
head of the department of German language
Institute of Foreign Languages
Moscow Pedagogical State University
1, Malaya Pirogovskaya street
Moscow, 119992, Russia
la.nefedova@mpgu.su*

Abstract. The article discusses the active processes in the vocabulary of the modern German language in 2020–2021: the processes of borrowing, word formation and semantic derivation. The processes of borrowing and word formation from foreign language/borrowed elements are interpreted as exogenous processes that form a global identity, and are opposed to word-formation processes from autochthonous elements, defined as endogenous processes that contribute to the formation of national identity. Semantic derivation and hybrid word formation are understood as exogenous-endogenous processes of the formation of global and national identity. The article notes that modern borrowings in German are direct borrowings from the English language (7%), less often calques and half-calques, as well as replacing of German words with English words and pseudo-borrowings. It is shown that borrowing becomes the cause of a special lexical and phraseological synonymy in the German language. The creation of culturally-marked vocabulary, lexical polyonymy for expressing key concepts, metaphorization and contamination that implements a language game are described as features of modern word formation. Attention is drawn to the main groups of new phraseological units, as well as to the role of hybridization in word- and phrase formation. The processes of semantic derivation are described as the semantic development of vocabulary based on the concretization and specialization of the relationship.

Key words: borrowing, word formation, phrase formation, semantic derivation, exogenous process, endogenous process, loan translation, hybridization, metaphorization, polyonymy, contamination.

Введение

2020–2021 гг. – время пандемии коронавируса, которое вызвало к жизни во всех языках огромное количество новых слов и словосочетаний, необходимых для обозначения новых, изменившихся реалий современного мира. А точнее, 2020–2021 гг. – период локдауна и социального дистанцирования, получившего название «новой нормальности», по сути отклонения от нормальной жизни, «ненормальности».

2020–2021 гг. называют также годами пандемии (нем. *Pandemiejahre*). Немецкий лингвист К. Мёрс приводит цитату из эссе Й. Шайбле в журнале «Шпигель» от 26 марта 2020 г.: „Es wird mit Sicherheit eine Normalität nach Corona geben. Nur jetzt gibt es keine. Wir erleben eine Zeit zwischen den Zeiten, eine Phase ohne Norm“. – «После пандемии мы наверняка вернемся к нормальной жизни. Только сейчас её нет. Мы живем между двумя

моментами временами, в период без нормы» (здесь и далее перевод автора статьи. – Л. Н.) [Möhrs, o.D.].

Для новой лексики периода пандемии коронавируса характерен негативный контекст употребления. Особенность всех способов пополнения словарного состава в «период без нормы» – создание лексических и фразеологических единиц, которые располагаются в концептуальном поле «новая нормальность» и могут быть рассмотрены как лексика, формирующая концептуальное поле отклонения от нормы, девиации [Нефедова, 2003].

Актуальность данной работы обусловлена необходимостью исследования получивших языковую репрезентацию новых салиентных объектов, значимых для представителей как всех лингвокультурных сообществ, так и только для представителей немецкой лингвокультуры.

Основные методы исследования – отбор лексических единиц на основе салиентности в Словаре неологизмов owid.de, в котором зафиксирована новая лексика, связанная с пандемией коронавируса „Neuer Wortschatz rund um die Coronapandemie“ [Neologismenwörterbuch, o.J.], а также метод анализа словарных дефиниций.

Теоретической основой для данного исследования послужили работы, в которых рассматриваются аспекты лексикологии немецкого языка, отражающие возможности расширения его лексического состава, динамические процессы в лексике [Knipf-Komlósi et al., 2006; Steffens, 2005], а также активные словообразовательные процессы и процессы заимствования иноязычных слов в современном русском языке [Волошина, 2016].

Современный дискурс, посвященный теме пандемии коронавируса, может быть обозначен как дискурс о коронавирусной пандемии, или коронавирусный дискурс (Corona-Diskurs). Лексическими маркерами дискурса служат новые слова и словосочетания, связанные с пандемией коронавируса. В этой лексике проявляются активные процессы её развития: отражаются особенности процессов заимствования, словообразования и семантической деривации.

1. Экзогенные и эндогенные процессы в языке

В динамических процессах развития языка могут быть выделены два основных противоположных процесса: эндогенные и экзогенные. Эндогенные процессы (процессы внутренней динамики) в языке формируют культурную (национальную) идентичность его носителей, основанную на принадлежности к определенной стране. Экзогенные (внешние) процессы эту идентичность устраняют, разрушают, формируя глобальную идентичность, которая представляет собой новую форму культурной идентичности, базирующуюся на таких факторах, как космополитизм, принадлежность к обществу потребления, социальные сети, профессиональная принадлежность [цит. по Корниенко, 2019].

Результатом процесса заимствования является принятие лексики другого языка и с языком культурный трансфер, предполагающий перенос культурных ценностей, характерных для одного культурного ареала, в

другую культуру с их дальнейшим переосмыслением и интерпретацией в новом культурном пространстве [Эспань, 2018], тем самым сближение культур. На формирование лексики принимающего языка оказывает влияние иностранный язык и внешняя культура. Таким образом, процесс заимствования – экзогенный процесс, иноязычная лексика – экзогенный элемент в лексической системе языка-реципиента.

Словообразование в противоположность заимствованию – процесс внутренней динамики, который развивается по внутренним законам языка, это эндогенный процесс. Как правило, посредством словообразования из автохтонного лексического материала по правилам родного языка создается лексика для обозначения значимых объектов и явлений своей культуры.

Немецкий ученый И. Барц пишет, что предметом словообразования с использованием иноязычных (заимствованных) элементов являются слова, образованные только из иноязычных (заимствованных) элементов (например: *Telekommunikation, telegen, rekonstruieren*) и слова, состоящие из иноязычных (заимствованных) и нативных (исконно немецких) элементов (например: *Telefongespräch, Beratungstelefon, telegrafisch, hausieren, konsequenterweise*) [Barz, 2005, S. 690]. Словообразование из иноязычных/заимствованных элементов (нем. Fremdwortbildung/Lehnwortbildung) можно интерпретировать как экзогенное словообразование [Жилук, 2014; Жилук, 2015]. В свою очередь гибридное словообразование с использованием иноязычных/заимствованных элементов, которые являются экзогенными элементами, представляет собой особый смешанный экзогенно-эндогенный процесс.

Процесс семантической деривации, являясь эндогенным процессом, который, как и словообразование, подчиняется внутренним законам языка, затрагивает, с другой стороны, также заимствованную лексику. Войдя в лексическую систему языка-реципиента, экзогенные лексические единицы отражают, тем не менее, внешнее влияние языка-источника. Кроме того, и семантика автохтонной лексики меняется под влиянием глобальных экзогенных трендов.

Таким образом, наиболее четко противопоставляются процесс заимствования и словообразовательный процесс на основе автохтонной лексики, формирующие соответственно глобальную и национальную идентичность. Процесс семантической деривации способствует формированию как глобальной, так и национальной идентичности.

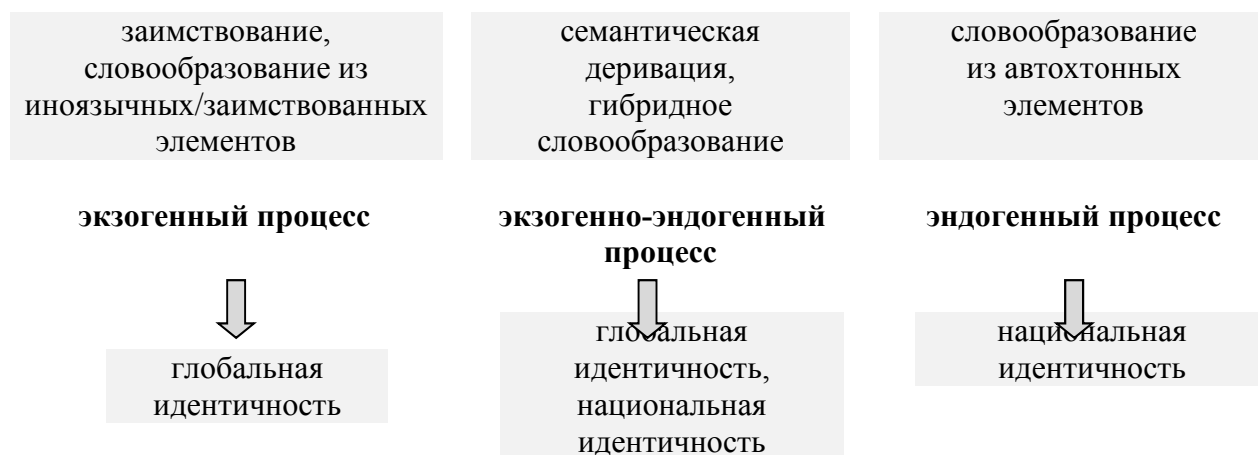

Рисунок 1 – Формирование глобальной и национальной идентичности посредством языка

2. Процесс заимствования

Современные заимствования в немецком языке – это заимствования из английского языка. Носители немецкого языка предпочитают во многих случаях англицизмы исконно немецким словам, так как они кажутся им проще и лаконичнее. Часто в немецком языке не находится слов, которые могли бы выразить понятия, обозначаемые англицизмами. С другой стороны, с помощью англицизмов можно вуалировать определенное содержание, потому что они являются более изысканными средствами выражения, чем их немецкие соответствия. Предпочтение англицизмов – это и следование языковой моде, английский язык является языком межкультурной коммуникации.

В международных компаниях с персоналом из разных стран английский – это язык, на котором все общаются. Постоянное переключение с родного языка на корпоративный сотрудников компаний в Германии приводит к появлению в их речи все большего количества англицизмов, т.е. английских выражений в немецких фразах. Это практически стало незаметным в случае употребления таких слов, как *Meeting* и *Feedback*.

Что касается так называемого «Denglisch»: о нем можно говорить в том случае, когда в немецком языке создаются новые производные или сложные слова, состоящие из английских слов/морфем по правилам немецкого словообразования. В таком случае понятность немецкого слова приносится в жертву удобству или моде.

В 2020–2021 гг. немецкий язык заимствовал англицизмы, но процент прямых заимствований в Словаре неологизмов owid.de невелик: он составляет всего 7% (85 слов и 19 словосочетаний из 1458).

Диаграмма 1 – Прямые заимствования (англицизмы) в новой лексике

Немецким языком заимствованы такие слова, как *Breakoutroom*, *Homeworking*, *Home-Work-out*, *Onlineparty*, *Open-Air-Party*, *overzoomed*, *Proctoring*, *Superspreader*, *Smartoffice*, *Weaning*, *Watchparty*.

К новым фразеологическим англицизмам, дополняющим те, которые уже стали привычными в немецком языке [Fiedler, 2014], относятся *Click and Collect*, *Click and Meet*, *New Normal*, *New Work*, *Remote Work*, *Blended Learning*, *Blended Mobility*, *Lockdown light*, *Shutdown light*, *Social Distancing*. Это прямые заимствования из английского языка, сохраняющие звуковую оболочку и графическое оформление.

Помимо прямых заимствований в языках-реципиентах выделяют так называемые внутренние заимствования, или кальки. Калькирование – это процесс создания лексических единиц в языке-реципиенте из автохтонного материала по образцу иноязычных слов. В настоящее время калькирование – нераспространенное явление, носители немецкого языка предпочитают заимствовать англицизмы напрямую. *Breakoutraum* – пример частичной кальки (или полукальки) с англицизма *Breakoutroom*, *Take-home-Prüfung* – с англицизма *Take-home-Exam*. Калькируются чаще устойчивые словосочетания, например: *Neue Normalität* калька с *New Normal*, *soziale Distanz* калька с *Social Distancing*, *Hybrides Lernen (Gemischtes Lernen)* калька с *Blended Learning*.

Такие устойчивые словосочетания, как *harter Lockdown* являются также фразеологическими англицизмами, так как они представляют собой полукальки с английского языка (ср. англ. *hard lockdown*) [Нефедова и др., 2015].

Инновационная тенденция в лексике последних десятилетий – явление, обратное калькированию англицизмов, т.е. употребление таких сложных слов, в которых исконно немецкое слово заменяется на англицизм [Нефедова, 2013б]. Так, *Songtext* заменяет *Liedtext*, *Beautyfarm* – *Schönheitsfarm*. В лексике пандемии коронавируса встречается также пример этого явления, например: гибридное образование *Lüftsong* (вместо *Lüftlied*).

Заимствованиям противопоставляют псевдозаимствования, слова или словосочетания, которые по форме отвечают критериям заимствованных

лексических единиц, но таковыми не являются [Eisenberg, 2012; Pöllmann, 2012; Карпова и др., 2020]. В языке, с которым соотносят такие лексические единицы, они либо не существуют, либо они известны с другим значением.

Среди неологизмов эпохи пандемии коронавируса есть также новые псевдоанглицизмы. Например, словосочетание *Home Office* (также слитное написание *Homeoffice*) «работа на дому» – псевдоанглицизм, так как в Великобритании оно обозначает «Министерство внутренних дел».

На наш взгляд, англицизмы не представляют угрозы немецкому языку. Как «Denglisch» можно классифицировать рассмотренные выше замены немецких слов англицизмами и псевдоанглицизмами, но такие примеры единичны.

Еще один аспект заимствования, на который хотелось бы обратить внимание в этой статье, это тот факт, что заимствование становится причиной лексической и фразеологической синонимии в немецком языке, которая формирует особые парадигматические отношения в лексике [Нефедова, 2013а].

Так, новые заимствованные слова и словосочетания (англицизмы) встраиваются в синонимические отношения с исконно немецкими или заимствованными ранее словами и словосочетаниями, дополняя парадигму «заимствованное ранее слово/словосочетание» – «немецкое слово/словосочетание» или создавая новую парадигму «англицизм» – «немецкое/заимствованное ранее слово/ словосочетание» Такого рода синонимия представлена многочисленными примерами (см. табл. 1).

Таблица 1 – Синонимия лексических единиц как результат заимствования

<i>Onlineklausur</i> – <i>Distanzklausur</i> ;	<i>Social Distancing</i> – <i>soziale Distanz</i> ;
<i>Remote-Arbeit</i> – <i>Distanzarbeit</i> , (<i>Arbeit auf Distanz</i>);	<i>New Normal</i> – <i>neue Normalität</i> ;
<i>Prä-Corona-Zeit</i> – <i>Vor-Corona-Zeit</i> ;	<i>partieller Lockdown</i> – <i>Teillockdown</i> ;
<i>Post-Corona-Zeit</i> – <i>Nach-Corona-Zeit</i> ;	<i>Patient Null</i> (<i>Nullpatient</i> , <i>Erstpatient</i>) –
<i>No-Covid-Strategie</i> (<i>Zero-Covid-Strategie</i>)	<i>Patient Zero</i> ;
– <i>Null-Covid-Strategie</i> ;	
<i>Teststation</i> – <i>Teststelle</i> ;	
<i>Distanzregel</i> – <i>Abstandsregel</i> ;	
<i>Distanzvorschrift</i> – <i>Abstandsvorschrift</i> ;	
<i>Distanzvorgabe</i> – <i>Abstandsvorgabe</i> ;	
<i>Distanzlinie</i> – <i>Abstandslinie</i>	

Кроме того, немецкий язык заимствует англицизмы-синонимы, которые также создают новые синонимические ряды. Так, основой для синонимии служат заимствованные синонимичные англицизмы *Lockdown* и *Shutdown*, для которых в Словаре неологизмов owid.de приводятся одинаковые дефиниции [Neologismenwörterbuch, o. D.].

Однако слова употребляются в немецком языке как идеографические синонимы. Слово *Shutdown* имеет значение «прерывание или прекращение

работы». Под локдауном (*Lockdown*) понимают различные меры для борьбы с пандемией, состоящие из правил соблюдения дистанции, ограничений на контакты и передвижение, закрытия государственных и частных предприятий; вызванное таким образом состояние, в котором общественная жизнь строго ограничена [Digitales ..., o.D.]. Ограничения передвижения принудительными мерами в случае шатдауна нет.

Таблица 2 – Синонимия лексических единиц как результат заимствования англицизмов *Lockdown –Shutdown*

синонимы

Lockdown –Shutdown

синонимы-дериваты

Lockdowner – Shutdowner

Lockdownchen, Shutdownchen

синонимы-композицы

Jo-Jo-Lockdown – Jo-Jo-Shutdown;

Kurzzeitlockdown – Kurzzeitshutdown;

Megalockdown – Megashutdown;

Minilockdown – Minishutdown;

Softlockdown – Softshutdown;

Teillockdown – Teilshutdown;

синонимы-конверсивы

gelockdownt – geshutdownt

синонимы-устойчивые словосочетания

Lockdown light, Shutdown light

lokaler Lockdown – lokaler Shutdown

harter Lockdown – harter Shutdown

partieller Lockdown – partieller Shutdown

regionaler Lockdown – regionaler Shutdown

Не имеющие синонимов слова и словосочетания: *weicher Lockdown, Zwangslockdown, Volllockdown, Semilockdown*.

3. Слово- и фразообразовательные процессы

Для носителя языка особенно важно хорошо владеть родным языком. Не имея возможности знать и использовать свой родной язык во всех его аспектах и нюансах, каждый дополнительно изучаемый иностранный язык является лишь вкладом в тарабарщину.

Слово- и фразообразование позволяют носителям языка наиболее полно воплотить структурные потенции языковой системы.

3.1. Словообразовательные процессы

В словообразовании действуют законы внутреннего развития языка: аналогии и экономии речевых усилий.

Культурно-маркированная лексика как продукт словообразования

В словообразовании преобладает **словосложение**. Особенность современного словообразования в немецком языке – создание большого количества сложных слов из автохтонных слов-компонентов, представляющих собой общественно значимые для немецкой культуры

лексемы. Например, известно, что немцы придают большое значение умению вести себя в обществе. Необходимость следовать правилам учтивости и вежливости, принятым сегодня у немцев, находит отражение в условиях пандемии коронавируса в многочисленных композитах с компонентом *-Regel* «правило», создающих отдельное словообразовательное гнездо.

Таблица 3 – Словообразовательное гнездо слов с компонентом *-Regel*

<i>Abstandsregel, Distanzregel</i> требование соблюдать дистанцию в общественных местах;	<i>AHA-Regel</i> требование соблюдать дистанцию и правила гигиены;
<i>15-km-Regel, 15-km-Regelung Radiusregel</i> требование находиться в радиусе 15 км от места проживания;	<i>AHA+L-Regel</i> требование соблюдать дистанцию и правила гигиены, а также проветривать помещения;
<i>15-Minuten-Regel</i> рекомендация проветривать закрытые помещения каждые четверть часа;	<i>AHA+C+L-Regel</i> требование соблюдать дистанцию и правила гигиены, а также проветривать помещения и установить приложение Corona-Warn-App;
<i>30-Sekunden-Regel</i> рекомендация мыть руки полминуты;	<i>Ein-Freund-Regel</i> «правило одного друга».

Другие лексические единицы для обозначения правил: *Niesetikette* досл. «чихэтикет» (пример языковой игры) – номинация, имплицитно обозначающая особые правила поведения, препятствующие распространению инфекции посредством чихания и *Hustenetikette* – посредством кашля. А номинации *Hust-Nies-Etikette* и *Hust-und-Nies-Etikette* предписывают чихать и кашлять так, чтобы не распространять инфекцию.

Словообразование как причина лексической полионимии

Словообразование может стать причиной лексической полионимии (множественности номинаций для обозначения одного объекта или явления).

В современном немецком языке используется много новообразований, являющихся эквивалентами русского слова «маска». Это композиты, образованные характерным для немецкого языка детерминативным способом словосложения, определяющее слово которых уточняет, что предназначение маски закрывать нос и рот: *Mund-Nasen-Schutz-Maske, Mund-Nasen-Bedeckung, Mund-Nasen-Schutz, Mundschmutz* (иронично) досл. «грязь для рта» (образовано, очевидно, добавлением звука [m] в слово *Schutz*, что является примером языковой игры). Неудивительно, что альтернативой объемных композитов (среди которых есть даже слово, состоящее из четырех основ) служат их сокращения. Это слоговые сокращения *Munaschu, Munaske* и буквенные *MNB* и *MNS*.

Маска, которую носят на подбородке – *Kinnwärmer* «обогреватель для подбородка», шутливое обозначение сделанной своими руками маски – *Gesichtskondom* «лицевой презерватив»; нейтральное – *Communitymaske* уничижительное – *Coronalappen* коронавирусная тряпка, *Maulkorb* намордник, необычная маска *Mask-have*.

Среди этой лексики как нейтральные обозначения, так и стилистически окрашенные, разговорные слова. Слово *Schnutenpulli* стало нижненемецким словом года. Все эти номинации демонстрируют диатопическую и диастратическую вариативность немецкого языка.

Метафоризация при словообразовании

Как показали синонимы слова «маска», еще одна особенность новой лексики, характерной для дискурса о пандемии коронавируса, это повышенная метафоричность. Посредством словосложения активно создаются наименования лиц, в том числе метафорические, например: *Seuchensheriff* политик, обвиняемый в принятии преувеличенных мер по сдерживанию и контролю пандемии COVID-19; *Hygieneritter* тот, кто особенно тщательно соблюдает правила гигиены во время пандемии COVID-19; *Nacktnase* (бахуврихи) досл. «голоносый», тот, кто носит во время пандемии коронавируса маску, закрывая только рот; *Balkonklatscher* (пренебрежительно) человек, который во время пандемии COVID-19 выражает солидарность или признательность другим людям, которые работают на открытой площадке здания, хлопая в ладоши; *Klopapierhamster* человек, который делает излишне большой запас туалетной бумаги (во время пандемии COVID-19).

Контаминация как средство языковой игры

В эпоху пандемии коронавируса очень популярна и востребована контаминация, один из самых действенных механизмов создания языковой игры. В новой лексике распространена телескопия – слияние двух усеченных основ или полной основы с усеченной, например: *Panikdemie* «паникдемия», *Covidiot* ковидиот, *Coronoia* коронойя.

Слово *Flockdown* (шутливо) имеет значение «период, в течение которого почти вся экономическая и социальная деятельность прекращается из-за сильного холода и продолжительного сильного снегопада». Этот контаминант – результат паронимической аттракции, продукт формального объединения семантически дистантных слов, а также проявление гибридизации в языковой игре (англ. *Lockdown* + нем. *Flocke* снежинка).

В слове *Krisenfrise* кризисная прическа изменяется второй компонент *frisur*, паронимически уподобляясь первому компоненту. Слово *Trikini* трикини образовано способом субститутивной деривации от слова *Bikini*.

Образование сокращенных слов обусловлено стремлением к речевой экономии, например: *C-Wort*, *C-Krise* вместо *Coronakrise* (в данном случае сокращенные слова являются эвфемизмами).

3.2. Фразообразовательные процессы

Новые устойчивые словосочетания представляют собой атрибутивные словосочетания с определяющим словом *Corona*. Это новые фразеологизмы, связанные с коронавирусом, например: *Jahrgang Corona*, *Generation Corona* поколение выпускников учебных заведений во время пандемии коронавируса (также композит *Coronageneration*), *Zeugen Coronas* «свидетели коронавируса», а также адвербиальные фразеологизмы со словами *Corona* и

Pandemie. prä Corona, prä COVID, prä COVID-19 до пандемии и post Corona, post COVID, post COVID-19 после пандемии.

Целую группу образуют новые фразеологизмы-цветообозначения, подтверждающие значимость цвета, его определенное воздействие на всю жизнь. По форме это словосочетания прилагательного, обозначающего цвет, и существительного. Метафорическое переосмысление основных цветонаименований связано с ситуацией пандемии коронавируса. Фразеологизмы с существительным *Zone* сочетаются с привычными значениями цветов светофора (зеленый = безопасный, красный = опасный): *grüne Zone* район с низким уровнем инфицирования, *gelbe Zone* район со средним уровнем инфицирования, *rote Zone* район с высоким уровнем эпидемиологической угрозы, с высоким риском заражения. *Grüner Pass* «зеленый паспорт» – (электронный) паспорт (в Израиле), подтверждающий иммунизацию против коронавируса посредством вакцинации; *schwarze Stufe* «черная ступень» – момент в процессе заражения коронавирусом, для которого пороговое значение новых инфекций на 100 000 жителей в одном месте, одном регионе составляет более 200; *blaue Reise* «голубой круиз» – круиз без выхода на берег (во время пандемии COVID-19).

3.3. Гибридизация

Под гибридизацией понимается процесс создания сложных или производных слов из компонентов, которые относятся к разным языкам. Результатом гибридного словообразования являются слова, состоящие из компонентов немецкого и английского языков или компонентов, заимствованных ранее из других языков. Такие гибриды создаются по образцу слов английского языка, являясь полукальками, или образуются в немецком языке, не имея соответствий в английском языке.

Это гибридные композиты, например: *Kurzzeitlockdown* – *Kurzzeitshutdown*; дериваты (англоязычная основа и немецкий суффикс), например, *Lockdowner*, *Shutdowner*; *Lockdownchen*, *Shutdownchen* (диминутивы – особенность русского языка, ср. русск. *масочка*, *локдаунчик*, *вакцинка*); конверсивы (англоязычная основа и немецкий грамматический циркумфикс), например, *gelockdownt*; устойчивые словосочетания *harter Lockdown*, *weicher Lockdown* (немецкое прилагательное и англоязычное существительное); контаминанты (немецкое существительное и англоязычное существительное), например: *Flockdown* (англ. *Lockdown* + нем. *Flocke*).

Представленные примеры являются гибридными образованиями с англоязычными и немецкими компонентами. Среди неологизмов встречаются также слова, состоящие из латинских основ (*Corona*, *Pandemie*) и немецких основ или словообразовательных формантов. Много неологизмов-существительных с первым компонентом *Corona*- и немецким существительным, например: *Coronaangst*, *Coronawende*. Пример деривата – слово с уменьшительным суффиксом *Corönchen* «коронавирусик» (в русском языке слово не встретилось, хотя слово вирусик употребляется). Среди

прилагательных распространены слова с немецким суффиксом *-isch*: *coronisch*, *coronistisch*, *postcoronaisch*, *postpandemisch*, *präcoronaisch*, *präpandemisch*; встречается глагол *coronern* заразить кого-л. коронавирусом с немецким суффиксом *-er*.

Особые гибридные образования – слова, состоящие из компонента *Corona-* и англицизма, например: *Coronashaming* публичное осуждение людей, которые не соблюдают различные правила во время пандемии, *Coronababy* ребенок, зачатый во время карантина; компонента *Corona-* и галлицизма: *Coronamour* любовная связь, возникшая во время пандемии, *Coronaaccessoire* модные аксессуары, используемые в соответствии с действующими правилами во время пандемии COVID-19.

Как показывают примеры, гибридизация сближает словообразование и заимствование. Гибридные образования, являющиеся полукальками, в отличие от прямых заимствований рассматриваются как внутренние заимствования. Те же гибридные образования, которые образуются в немецком языке, не имея аналогов в английском, являются продуктами словообразования с использованием иноязычных (заимствованных) элементов.

Гибридизация сближает словообразование и фразообразование, так как гибридные образования представляют собой не только сложные и производные слова, но и фразы. Кроме того, гибридное слово- и фразообразование демонстрирует связь с заимствованием, так как гибридными являются слова и словосочетания с иноязычными (заимствованными) элементами.

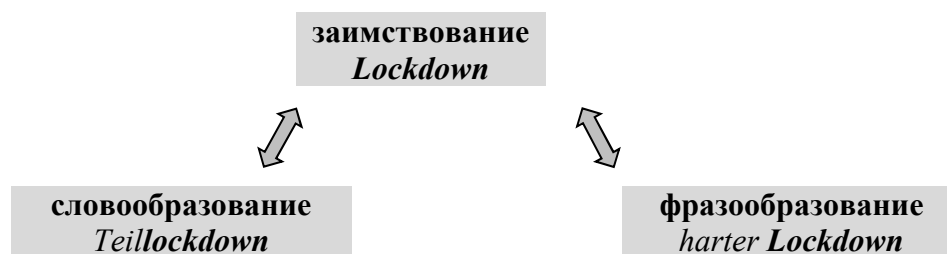

Рисунок 2 – Связь заимствования с фразо- и словообразованием

4. Процессы семантической деривации

Семантическое развитие лексики современного немецкого языка происходит главным образом на основе конкретизации и специализации отношения на одном из аспектов. Сущность специализации состоит в том, что к значению общего отношения добавляется новый семантический компонент, который сужает и специализирует это отношение. Происходит усложнение, обогащение смысла [Сандакова, 2019, с. 123].

Слово *Lockdown* не употреблялось раньше в нашем повседневном обиходе, а теперь оно стало самым частотным словом во всех языках. Если его первоначальное значение предполагало введение мер для предотвращения непосредственной опасности, для защиты территории, то

сейчас слово обозначает комплекс различных мер для борьбы с пандемией, чтобы предотвратить распространение инфекции [Digitales ..., o.D.].

Если раньше маски ассоциировались только с карнавалом, дистанцию соблюдали водители на дорогах, то теперь эти слова приобрели дополнительные уточняющие значения в контексте пандемии коронавируса. Слово *Maske* утратило в повседневном обиходе ассоциативный признак «карнавал» и приобрело новый – «защита от инфекции». Как уточняющая номинация появилось слово-композит *Mund-Nasen-Schutz-Maske* маска для защиты носа и рта. Слово *Distanz* приобрело новый ассоциативный признак «социальный», дистанция понимается как «социальная дистанция» (soziale Distanz).

Таким образом, слова *Lockdown*, *Maske*, *Distanz* стали реализовывать в речи только одно узкое значение, обусловленное новой ситуацией. Но, кроме этих ключевых слов, и многие другие слова приобрели специфическое значение в условиях пандемии. Например, значение слова *Demo* демонстрация во время пандемии конкретизируется, это демонстрация против ограничительных мер в условиях пандемии. Уточняющее слово *Coronademo* – композит с определяющим компонентом *Corona-*. Слово *Infizierter* во время пандемии используется в значении инфицированный коронавирусом; когда хотят уточнить, говорят *Covidinfizierter*.

Лаконичный англицизм *Exit* немцы стали употреблять в переносном значении «завершение определенного состояния, выход из какой-либо ситуации».

В целом можно отметить, что семантические изменения в лексике современных языков носят в основном глобальный характер. Изменения значений слов отражают, насколько сильно глобальные тренды влияют на современное общество.

Заключение

Активные процессы в лексике современного немецкого языка 2020–2021 гг. затрагивают основные пути её пополнения: заимствование, словообразование и семантическую деривацию, которые, отражая экзогенные и эндогенные процессы в языке, формируют как национальную, так и глобальную идентичность. Процесс заимствования сопровождается явлением, обратным калькированию англицизмов, и созданием псевдоанглицизмов. Гибридизация затрагивает современное слово- и фразообразование. Результатом словообразования является новая культурно-маркированная лексика, проявление лексической полионимии для выражения ключевых понятий. Посредством контаминации активно реализуется лингвокреативный потенциал носителей языка, происходит дальнейшее семантическое развитие лексики на основе конкретизации и специализации.

Библиографический список

- Волошина, С. В. Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2016. 184 с.
- Жилюк, С. А. Использование заимствований в системе немецкого словообразования: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / С. А. Жилюк. Санкт-Петербург, 2015. 231 с.
- Жилюк, С. А. Экзогенное словообразование как особая система словообразования в немецком языке // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. 2014. № 2 (21). С. 60-69.
- Карпова, Н. А. Сегменты псевдозаимствований в современном немецком литературном языке: историко-социолингвистический и системно-функциональный аспекты / Н. А. Карпова, Ю. В. Кобенко, Е. С. Рябова // Научный журнал «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования». 2020. № 2. С. 18-34.
- Корниенко, О. Ю. Эволюция национальной идентичности в контексте глобализации // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. 2019. Т. 14. № 4 (194). С. 175-187.
- Нефедова, Л. А. Явление девиации в лексике современного немецкого языка. дис. ... д-ра. филол. наук: 10.02.04 / Л. А. Нефедова. М., 2003. 365 с.
- Нефедова, Л. А. Новое в лексических парадигмах немецкого и русского языков как результат англоязычного влияния // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013а. № 6 (24). Ч. 1. С. 149-153.
- Нефедова, Л. А. Явление, обратное калькированию англицизмов, в лексике современного немецкого языка // Наука и школа. 2013б. № 2. С. 67-70.
- Нефедова, Л. А. Заимствованные устойчивые словосочетания из английского языка: прямые заимствования или кальки? (на материале современного немецкого и русского языков) / Л. А. Нефедова, О. Г. Поляков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 4-2 (46). С. 139-143.
- Сандакова, М. В. Способы семантической деривации и типы соотношений между значениями в семантической структуре прилагательного // Научный диалог. 2019. № 3. С. 117-131.
- Эспань, М. История цивилизаций как культурный трансфер. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 816 с.
- Barz, Irmhild. Fremdwortbildung // Duden. Band 4. Die Grammatik. 7. völlig neu erarbeitete und erweiterte Auflage. Mannheim, 2005. S. 690-695.
- Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/wb/Lockdown> (дата обращения: 01.05.2021).
- Eisenberg, Peter. Das Fremdwort im Deutschen. Berlin/New York: de Gruyter, 2012.
- Fiedler, Sabine. Gläserne Decke und Elefant im Raum: Phraseologische Anglizismen im Deutschen. Berlin: Logos Verlag, 2014.
- Knipf-Komlósi, Elisabeth/Roberta V. Rada und Bernáth, Csilla. Aspekte des deutschen Wortschatzes. Ausgewählte Fragen zu Wortschatz und Stil. Budapest: Bölcsész Konzorcium, 2006. 273 s.
- Möhrs, Christine. Zwischen den Jahren oder eine Zeit zwischen den Zeiten. Sprachliche Betrachtungen zur „Normalität“. URL: https://www1.ids-mannheim.de/fileadmin/aktuell/Coronakrise/IDS_Sprache_Coronakrise_Moehrs_Normalitaet.pdf (дата обращения: 01.05.2021).
- Neologismenwörterbuch. Neuer Wortschatz rund um die Coronapandemie. URL: <https://www.owid.de/docs/neo/listen/corona.jsp> (дата обращения: 01.05.2021).
- Pöllmann, Magdalena. Handy, Castingshow und Public Viewing. Pseudoanglizismen als Internationalismen. Ein Vergleich in vier Sprachen. Europäische Hochschulschriften, Band 379. – Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2012.

Steffens, Doris. Neologismen im Deutschen = Angloamerikanismen? In: Partridge, John (Hrsg.): *Getting into German. Multidisciplinary Linguistic Approaches* (German Linguistic and Cultural Studies 17). Oxford, Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt am Main, New York, Wien: Lang, 2005. S. 43-60.

References

- Barz, Irmhild. (2005). *Fremdwortbildung* // Duden. Band 4. Die Grammatik. 7. völlig neu erarbeitete und erweiterte Auflage. Mannheim, S. 690-695.
- Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/wb/Lockdown> (accessed: 01.05.2021).
- Eisenberg, Peter. (2012). *Das Fremdwort im Deutschen*. Berlin/New York: de Gruyter.
- Espagne, M. (2018). History of civilizations as a cultural transfer. Moscow: New Literary Review, 816 p. [in Russian]
- Fiedler, Sabine. (2014). *Gläserne Decke und Elefant im Raum: Phraseologische Anglizismen im Deutschen*. Berlin: Logos Verlag.
- Karpova N. A., Kobenko Yu. V., Ryabova E. S. (2020). Segments of pseudo-borrowings in the modern German literary language: historical-sociolinguistic and system-functional aspects. *Scientific journal "Modern linguistic and methodological-didactic research"*. No. 2: 18-34. [in Russian]
- Knipf-Komlósi, Elisabeth/Roberta V. Rada und Bernáth, Csilla. (2006). *Aspekte des deutschen Wortschatzes. Ausgewählte Fragen zu Wortschatz und Stil*. Budapest: Bölcsész Konzorcium, 273 s.
- Kornienko, O. Yu. (2019). Evolution of national identity in the context of globalization. *News of the Ural Federal University. Ser. 3, Social Sciences*. Vol. 14, No. 4 (194): 175–187. [in Russian]
- Möhrs, Christine. Zwischen den Jahren oder eine Zeit zwischen den Zeiten. Sprachliche Betrachtungen zur "Normalität". URL: https://www1.ids-mannheim.de/fileadmin/aktuell/Coronakrise/IDS_Sprache_Coronakrise_Moehrs_Normalitaet.pdf (accessed: 01.05.2021).
- Nefedova, L. A. (2003). The phenomenon of deviation in the vocabulary of the modern German language. Diss. ... doct. philol. sciences. Moscow, 365 p. [in Russian]
- Nefedova, L. A. (2013). New in the lexical paradigms of the German and Russian languages as a result of the English-language influence. *Philological sciences. Questions of theory and practice*. No. 6 (24). Part 1: 149-153. [in Russian]
- Nefedova, L.A. (2013). The Phenomenon Reverse to the Calculation of Anglicisms in the Lexicon of the Modern German Language. *Science and School*. No. 2: 67-70. [in Russian]
- Nefedova, L. A., Polyakov, O. G. (2015). Borrowed stable phrases from the English language: direct borrowings or tracing papers? (based on the material of modern German and Russian languages). *Philological sciences. Questions of theory and practice*. No. 4-2 (46): 139-143. [in Russian]
- Neologismenwörterbuch. Neuer Wortschatz rund um die Coronapandemie. URL: <https://www.owid.de/docs/neo/listen/corona.jsp> (accessed: 01.05.2021).
- Pöllmann, Magdalena. Handy, Castingshow und Public Viewing. Pseudoanglizismen als Internationalismen. Ein Vergleich in vier Sprachen. Europäische Hochschulschriften, Band 379. – Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2012.
- Sandakova, M. V. (2019). Methods of semantic derivation and types of relationships between meanings in the semantic structure of an adjective. *Scientific dialogue*. No. 3: 117-131. [in Russian]
- Steffens, Doris. (2005). Neologismen im Deutschen = Angloamerikanismen? In: Partridge, John (Hrsg.): *Getting into German. Multidisciplinary Linguistic Approaches* (German Linguistic and Cultural Studies 17). Oxford, Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt am Main, New York, Wien: Lang, S. 43–60.

- Voloshina, S. V.* (2016). Active processes in modern Russian language: textbook. Tomsk: Publishing House of Tomsk State University, 184 p. [in Russian]
- Zhilyuk, S. A.* (2015). The use of borrowings in the system of German word formation. Dis. ... cand. filol. sciences. St. Petersburg, 231 p. [in Russian]
- Zhilyuk, S. A.* (2014). Exogenous word formation as a special system of word formation in the German language. *Bulletin of the Volgograd State. un-ta. Ser. 2. Linguistics.* No. 2 (21): 60-69. [in Russian]

УДК 811.111: 81'373.7

DOI 10.51955/2312-1327_2021_3_166

К ВОПРОСУ О ЧЛЕНИМОСТИ ЗНАЧЕНИЯ ИДИОМЫ (НА МАТЕРИАЛЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПУСОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Ольга Юрьевна Семина,
orcid.org/0000-0001-7608-9118,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры лингвистики и перевода
института гуманитарных и социальных наук
Тульский государственный университет,
пр. Ленина, 92
Тула, 300012, Россия
syomina1007@yandex.ru

Елена Валерьевна Скворцова,
orcid.org/0000-0002-8559-8261,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры лингвистики и перевода
института гуманитарных и социальных наук
Тульский государственный университет,
пр. Ленина, 92
Тула, 300012, Россия
skvlana@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется проблема смысловой спаянности, традиционно считающейся в фразеологии одним из основных признаков идиомы, и верифицируется возможность разделения значения идиомы на компоненты, соотносимые с компонентами ее внешней формы. Авторы обобщают современные подходы к вопросам семантической членимости и вариативности идиомы, акцентируя перспективность описания фразеологической семантики в терминах теории фреймов. В статье на материале национальных корпусов английского языка и с учетом фреймового подхода к моделированию значения анализируется функционирование частично или полностью переосмысленных идиом и раскрывается потенциал функционально-семантического

обособления их отдельных компонентов. Результаты подтверждают гипотезу о возможности членения значения даже полностью переосмысленных идиом на элементы, коррелирующие с их формальными компонентами. Различные структурные типы идиом английского языка характеризуются в статье с точки зрения членимости их значения, при этом выделяются три уровня семантической членимости идиомы, соотносимые со степенью автономности, проявляемой компонентами ее структуры. Семантическая спаянность определяется авторами как непостоянная характеристика, способная варьироваться под воздействием контекстуальных факторов.

Ключевые слова: фразеология, идиома, семантическая спаянность, членимость значения, корпус.

ON DIVISIBILITY OF IDIOMATIC MEANING (BASED ON THE MATERIAL OF ENGLISH NATIONAL CORPORA)

*Olga Yu. Syomina,
orcid.org/0000-0001-7608-9118,
PhD, Associate Professor,
Department of Linguistic and Translation Studies,
Institute of Social Sciences and Humanities,
Tula State University, Russia,
Lenina Ave. 92
Tula, 300012, Russia
syomina1007@yandex.ru*

*Elena V. Skvortsova,
orcid.org/0000-0002-8559-8261,
PhD, Associate Professor,
Department of Linguistic and Translation Studies,
Institute of Social Sciences and Humanities,
Tula State University, Russia,
Lenina Ave. 92
Tula, 300012, Russia
skvlена@mail.ru*

Abstract. The article examines the problem of semantic cohesion, traditionally regarded as one of the characteristic features of an idiom, and reveals the potential for divisibility of idiomatic meaning into components correlating with components of the idiom's external form. The authors summarize modern approaches to the issues of semantic divisibility and variation of idioms, emphasizing the efficiency of describing idiomatic meaning in terms of frame semantics. The study analyses the functioning of idioms with partially or completely transferred meaning in the texts of national English language corpora, and describes the potential for functional and semantic segregation of their individual structural components, taking into account frame approach to the modelling of meaning. The results obtained confirm the original hypothesis that even completely transferred idiomatic meaning can potentially be divided into elements that can be attributed to separate formal components of the idiom. The study characterizes different structural types of English idioms in terms of divisibility of their meaning and distinguishes between three levels of semantic divisibility correlated to the degree of autonomy demonstrated by structural components of the idioms. As a result, semantic cohesion is defined as a non-permanent feature that can vary under the influence of contextual factors.

Keywords: phraseology, idiom, semantic cohesion, divisibility of meaning, corpus.

Introduction (Введение)

Интерес к фразеологизму как единице языка определяется его своеобразием, основанным на диалектике раздельнооформленности и относительной целостности содержания, или идиоматичности. Хотя на сегодняшний день достаточно полно описаны специфика и типология фразеологических единиц, по-прежнему остается дискуссионным ряд вопросов, в том числе – вопрос о словном статусе компонентов идиомы, о возможности членения идиоматического значения на отдельные элементы, коррелирующие с формальными компонентами, и тесно связанный с ним вопрос о возможности использования этого признака в качестве одного из критериев определения границ фразеологического фонда в целом.

Актуальность данной темы, помимо теоретической потребности в уточнении потенциала членения значения идиом, связана с перспективами развития автоматического анализа текстов. В настоящее время идентификация и интерпретация образности, переосмысленности (и, в частности, проблема дифференцирования прямого значения фразы от переносного) является одной из наиболее трудных задач с точки зрения автоматической обработки текстов и машинного перевода. От трактовки членимости фразеологического значения во многом зависит и решение вопросов, связанных с определением статуса цитатных единиц и выявлением критериев «цитатности».

Целью проведенного исследования было на материале национальных корпусов английского языка проверить предположение о возможности членения значения идиомы на элементы, соотносимые с составляющими ее лексемами. Задачи исследования – описать случаи употребления в текстах национальных корпусов английского языка отдельных компонентов идиом с сохранением за ними соответствующего значения; классифицировать идиомы с точки зрения функционально-семантической автономности их компонентов; уточнить зависимость семантической членимости идиом от степени их переосмысленности.

Теоретической базой исследования послужили научные труды отечественных и зарубежных лингвистов (В.В. Виноградова, Д.О. Добровольского, А.В. Жукова, Ф.А. Литвина, Дж. Филипа и др.) в области фразеологии, а также работы Н.Ф. Алефиренко, Д.О. Добровольского, А.Н. Баранова, А. Ланглотца, Т.В. Гридневой в области когнитивного моделирования идиом и его формализованного представления с помощью метаязыка фреймов.

Materials and methods (Материалы и методы)

В качестве материала исследования использовались конкордансы, полученные для зарегистрированных в авторитетных лексикографических источниках англоязычных идиом по запросу в Британский национальный корпус (British National Corpus, BNC) и Корпус современного английского языка (Corpus of Contemporary American English, COCA).

В настоящее время корпусы национальных языков используются практически во всех сферах лингвистической работы (исследовательская работа, перевод, обучение иностранным языкам и т. д.). Исследователи во всем мире признают, что языковой корпус – мощный инструмент, позволяющий глубже понять универсальность и комбинаторный потенциал языковых единиц. Преимущество использования корпусов в качестве источника материала состоит в возможности за короткое время получить несравнимо большее по сравнению с традиционным методом сплошной выборки количество реальных контекстов употребления той или иной языковой единицы, что позволяет снизить трудоемкость, обеспечивает высокую точность выборки и достоверность результатов исследования. Кроме того, корпусные данные, в отличие от данных словарей и грамматических справочников, дают представление о степени индивидуальной, диалектной и жанровой изменчивости языка, заставляя исследователя более гибко подходить к тому, что традиционно могло восприниматься как нарушение языковой нормы. Привлечение национальных языковых корпусов в качестве источника материала данного исследования было обусловлено стремлением составить представление о функционировании идиом в современном английском языке с учетом максимально широкого диапазона жанров и авторских стилей.

Учитывая разночтения в определении терминов «фразеологическая единица», «идиома» и под., а также нечеткость границ между отдельными группами фразеологического фонда (подробный обзор литературы по данной проблеме см. в [Чернобай, 2011]), уточним, что в рамках настоящего исследования под идиомами мы вслед за многими отечественными и зарубежными лингвистами понимаем частично или полностью переосмысленные устойчивые сочетания слов, причем построенные как по модели словосочетания, так и по модели предложения. В ходе исследования нами были проанализированы конкордансы, полученные по запросу в BNC и COCA для фразеологических единиц разной структурной организации (построенных как по модели словосочетания, так и по модели предложения) и разной степени переосмысленности.

Запросы в корпус делались не только для словарной формы идиомы, но и для ключевых знаменательных слов в ее составе, поскольку цель исследования предполагала принятие во внимание потенциала использования идиом в трансформированном виде. Для дифференцирования идиом от совпадающих с ними по форме свободных словосочетаний и для идентификации функционирующих автономно структурных элементов идиом применялся метод контекстуального анализа. Идиомы, употребляющиеся в отобранных таким образом контекстах, анализировались с точки зрения соотношения между буквальным и переносным значением (т.е. степени переосмысленности) с помощью метода фразеологического наложения; для уточнения возможности соотнесения их структурных компонентов с компонентами значения привлекались элементы фреймового анализа.

Discussion (Дискуссия)

Несмотря на сохранение ряда разногласий относительно границ фразеологического фонда, практически универсальным признается такой комплекс признаков фразеологической единицы: переосмысленность лексико-грамматического состава, семантическая спаянность, устойчивость и воспроизводимость. Семантическая спаянность и вытекающая из нее немоделированность, невыводимость ее значения из значений слов-компонентов, была выделена еще В. В. Виноградовым в качестве основного признака фразеологических сращений [Виноградов, 1977]; по мнению некоторых ученых, она свойственна не только полностью переосмысленным фразеологическим единицам, но и единицам с унилатеральной семантической зависимостью [Соколова, 1987, с. 14]. В то же время, не раз указывалось, что слово, входя в состав фразеологической единицы, не утрачивает полностью своей автономности, и его значение в определенной степени участвует в формировании общего значения фразеологизма [Жуков, 2013, с. 10]. Это особенно заметно проявляется в отношении базы регулярных и устойчивых ассоциативных признаков. Так, бык традиционно ассоциируется с крупным размером, силой и агрессивностью, и эти представления реализуются во многих фразеологических единицах с участием данной лексемы: *like a bull in a china shop, take the bull by the horns, like a bull at a gate, like a red rag to a bull*.

В современных исследованиях семантики фразеологизмов все чаще звучат высказывания, опровергающие характерный для референциальной теории значения тезис о невозможности выведения смысла фразеологической единицы из смыслов ее составляющих. По мнению Ф. А. Литвина, утверждение о немоделированности значения идиом неизбежно связано с отрицанием их словного характера и противоречит лингвистическим фактам – наличию у них преобразовательного потенциала и открытости парадигмы. Теоретически, считает автор, метод «единичного перевода», то есть разделения общего смысла на отдельные элементы, соответствующие формальным компонентам, применим к любой фразеологической единице, какой бы степенью семантической спаянности она ни обладала [Литвин, 1984, с. 77-80].

Д. О. Добровольский и Э. Пийрайнен считают, что практически во всех идиомах, за исключением небольшого количества, может быть обнаружена явная связь между буквальным и переносным значением, позволяющая осмысленно интерпретировать данное выражение и делающая идиому мотивированной [Dobrovol'skij et al., 2018]; А. В. Жуков подчеркивает, что чем более сложным по своей структурной организации (многокомпонентным) является идиоматическое образование, тем более органично взаимодействуют в его содержании мотивировка и выводимость значения [Жуков, 2013, с. 12].

А. Ланглотц, обобщая теоретические наработки по этому вопросу, приходит к выводу о существовании двух подходов к интерпретации фразеологического значения: традиционного (orthodox) и

композиционального (compositional). При этом, однако, автор указывает, что семантически разложимыми в рамках как первого, так и второго подхода оказываются только отдельные идиомы, обладающие внутренней структурой, которая делает их семантически мотивированными [Langlotz, 2006, p. 15]. Место идиомы на этой своеобразной шкале композициональности (анализируемости) не является постоянным: как пишет Е. Вега Морено, оно в значительной мере зависит от того, в какой степени воспринимающие идиому люди осознают вклад значений отдельных ее частей в идиоматическое значение в целом [Vega Moreno, 2007, p. 163].

Исследователи также отмечают, что степень анализируемости, семантической членимости фразеологической единицы напрямую связана с ее открытостью парадигмы и преобразовательным потенциалом, который, в свою очередь, неразрывно связан с ее внутренней формой [Баранов и др., 2009, p. 34]. В связи с этим возникает вопрос о том, является ли степень вариативности фразеологической единицы и связанная с ней смысловая членимость характеристикой перманентной, или под воздействием определенных факторов даже максимально целостные фразеологизмы могут дробиться на компоненты, соотносимые с элементами фразеологического значения.

Наиболее современные исследования, в том числе основанные и на корпусном материале, наглядно демонстрируют, что идиомам по большей части свойственна значительная лексико-синтаксическая вариативность. Так, Дж. Филип, опираясь на корпусный материал, указывает на то, что «канонические» (традиционные, регистрируемые словарями) формы переосмысленных выражений вообще встречаются значительно реже «неканонических», т.е. их лексико-синтаксических вариантов, хотя в конечном итоге все они могут быть путем трансформации сведены к своей канонической форме [Philip, 2008, p. 7]. В. В. Доброва в своем исследовании симулятивной фразеологии приходит к выводу, что речевым преобразованиям (пассификации, инверсии, вклиниванию и др.) подвержены семантически членимые фразеологизмы, являющиеся словосочетаниями, в то время как целостные фразеологизмы, функционирующие как эквиваленты слов, трансформациям не поддаются. Вместе с тем, автор отмечает наличие промежуточных разрядов между членимыми фразеологизмами, отличающимися изоморфизмом ролевых структур плана содержания и плана выражения, и целостными фразеологизмами, для которых характерен анизоморфизм этих ролевых структур [Доброва, 2018, с. 15].

К. Феллбаум, напротив, особо подчеркивает независимость структурной гибкости идиом от их семантической композициональности и утверждает, что использование идиом в речи в целом подчиняется тем же правилам, что и использование свободных словосочетаний [Fellbaum, 2019, p. 735]. Б. Герке и Л. Макналли, анализируя идиомы, построенные по модели V + N, приходят к заключению о том, что их можно рассматривать всего лишь как крайнюю точку условного континуума, включающего в себя разные типы полилексемных единиц: от совершенно переосмысленных,

непрозрачных по смыслу словосочетаний до совершенно прозрачных и никогда не рассматриваемых как идиомы. Иными словами, резюмируют авторы, «получается, что идиомы ничем не отличаются от любых других словосочетаний, они просто более красочны» (*перевод наш – О.С., Е.С.*) [Gehrke et al., 2019, p. 807].

Качественно новое звучание исследования фразеологического значения приобрели с приходом когнитивной лингвистики и теории фреймов. Фрейм представляет собой наиболее типичную для фразеологической семантики когнитивную структуру, в рамках которой знания концентрируются вокруг определенного понятия, с которым связана типичная и потенциально важная информация [Алефиренко, 2015, с. 67]; при этом фрейм отражает ситуацию объективно, «хотя и содержит в известной степени селективное знание о ситуации, пропуская ее через восприятие и языковую репрезентацию» [Сулейманова и др., 2020, с. 25]. Структура фразеологизма, как показывают исследователи, изоморфна фреймовой структуре [Dobrovolskij, 2016], а его актуальное значение порождается в результате взаимодействия различных фреймов [Баранов, 2008, с. 227]. При этом исследования свидетельствуют о том, что в основе семантики фразеологических единиц могут лежать как статичные фреймы, так и фреймы-сценарии [Гриднева, 2009, с. 25].

С учетом вышесказанного представляется, что обсуждение фразеологической семантики в терминах фреймового анализа и с привлечением обширного материала национальных языковых корпусов позволяет сделать максимально объективные выводы относительно членимости значения идиом на отдельные номинаторы смысла.

Results (Результаты)

На фоне материала языковых корпусов, позволяющего от единичных примеров перейти к целым спискам реальных употреблений идиом в речи разных жанров, делается особенно очевидной свобода, проявляемая этими единицами в структурно-функциональном аспекте. Исследование корпусного материала показывает, что к структурно-функциональному дроблению и, как следствие, членению идиоматического значения в первую очередь тяготеют единицы, построенные по модели предложения. Это естественно, поскольку в них мышлению проще выделить отдельные компоненты, которым может быть приписано четкое соответствие определенным элементам описываемой ситуации. Так, единица *a bird in the hand is worth two in the bush* с легкостью раскладывается на элементы *a bird in the hand* и *two in the bush*, соответствующие элементам смысла «нечто незначительное в досягаемости» и «нечто незначительное вне досягаемости», причем обе части функционируют в речи как самостоятельные единицы, как в следующих контекстах:

*Strictly for argument's sake, this tour is a **bird in the hand*** [Corpus..., s.a.].

And he grabbed the leg of lamb off the rack ... and proceeded to beat everyone up with it. Then he hit himself in the face with the leg of lamb, knocking

*himself unconscious. And it just goes to prove a leg of lamb is worth **two in the bush*** [Corpus..., s.a.].

В следующем примере аналогичным образом наблюдаем автономизацию части идиомы, регистрируемой словарями в форме *don't count your chickens before they're hatched*:

*Never **count your chickens**, ladies. We've just received a motion to suppress all the evidence from Charlie's house – the blood, the weapon, the research on the other cases, all of it. What? On what grounds? No warrant* [Corpus..., s.a.].

Как видим, готовность к членению значения проявляется в большей степени у идиом с синтаксической структурой. В то же время, автономизация компонентов имеет место и в идиомах с несинтаксической структурой (структурой словосочетания), но достаточно развернутых по своему составу, чтобы легко дробиться на два и более смысловых блока, соответствующих элементам описываемой ситуации. Фразеологическая единица в таком случае с готовностью распадается на компоненты, способные функционировать в речи в качестве отдельных номинаторов смысла. Так, в ряде случаев из идиомы в ее словарной форме вычленяется устойчивое сочетание, построенное по модели Adj + N. Например, из идиомы, регистрируемой словарями в форме *look a gift horse in the mouth* и имеющей значение «искать недостатки в чем-то, полученном в качестве подарка или милости» (*find fault with something that has been received as a gift or favour* [Oxford..., s.a.]), вычленяется устойчивое словосочетание *gift horse*, за которым сохраняется элемент значения «нечто, полученное в качестве подарка или милости». Ср.:

*If his mother had taught him one thing, it was not to **look the gift horse in the mouth** and to thank the Lord for small favors* [Corpus..., s.a.].

*Unless Congress passes meaningful campaign finance reform, this negative nonsense is the new status quo. But why would they want to shoot the **gift horse** that helps get them, or keep them, in office? Obviously they wouldn't* [Corpus..., s.a.].

В данном случае обособляющийся компонент сохраняет ту же структуру, которую он имел в составе идиомы, однако можно отметить и случаи, когда происходит свертывание структуры оригинальной идиомы и на ее базе появляется новое по структуре устойчивое переосмысленное словосочетание. Например, в составе устойчивого словосочетания *golden goose* лексемы реализуют те же значения, что и в составе идиомы *goose that lays golden eggs*. Лексема *goose* в результате проецирования фрейма «птица, несущая яйца» на фрейм «получение выгоды» приобретает значение «источник выгоды», а лексема *golden* – значение «значимый, ценный». Ср.:

*Watson, the college's executive director, says companies that restrict access to gene tests risk killing the **goose that lays the golden eggs**: If scientists can't use the tests, they won't grasp the full meaning of genes or their potential to yield treatments and cures* [Corpus..., s.a.].

*Government today puts so many burdens and restrictions on entrepreneurs and business owners that we're squandering our most precious resource: the entrepreneurial spirit and drive of our people. We aren't just killing the **golden***

goose – we're taking steps to ensure that the *golden goose* is never born to begin with [Corpus..., s.a.].

Отделение переосмысленного словосочетания от более развернутой по структуре идиомы, имеющее место в приведенных выше примерах, мы предлагаем рассматривать как первый уровень членимости семантики идиомы. Вторым уровнем семантической членимости мы будем называть случаи, когда результатом дробления идиомы на автономные в функциональном отношении элементы становится не устойчивое переосмысленное словосочетание, а появление переносного значения у отдельной лексемы, однако необходимым условием для реализации соответствующего значения остается присутствие хотя бы одной лексемы-спутника, облегчающей для реципиента высказывания установление связи с идиомой в ее первоначальной, словарной форме.

Например, компоненты *pot* и *kettle* идиомы *the pot calling the kettle black* в корпусном материале неоднократно встречаются в пределах одного контекста в значении «некто, обладающий негативной характеристикой». Следующие примеры наглядно демонстрируют, что взаимообусловленность семантики этих лексем сохраняется в самых разных контекстах, несмотря на отсутствие в высказывании остальных компонентов идиомы в ее словарной форме:

Sneering tone of false superiority? Pot meet kettle [Corpus..., s.a.].

How do you feel about the Episcopal churches lack of support for gay marriage on a national level? I support gay marriage so I think it is wrong not to and it does seem a bit pot kettle to me [Corpus..., s.a.].

And you call me arrogant and disrespectful. Talk about the pot and the kettle, huh? I didn't do anything to you [Corpus..., s.a.].

Такая автономизация компонентов становится возможной благодаря тому, что говорящий, используя их отдельно от остальных компонентов идиомы, делает отсылку к ситуации в целом – к фрейму «межличностная коммуникация».

Использование метода фразеологического наложения позволяет прийти к выводу, что аналогичным образом может раскладываться на компоненты и значение многих других идиом, в том числе построенных по моделям Adj + N (*clever dog, mixed bag*), V + N (*to lend an ear, to smell a rat*), V + Adj + N (*to flog a dead horse, to turn the tide*), V + prep + N (*to beat about the bush, to jump on the bandwagon*), prep + N (*on the doorstep*) и др. Во многих случаях эта потенциальная членимость подтверждается наличием в корпусном материале примеров, в которых очевидна функционально-семантическая автономизация компонентов.

Представляется, что в подобных случаях фразеологически связанное значение соответствующей лексемы преобразуется в лексически связанное: для его реализации требуется только присутствие лексемы-спутника, однако сама лексико-синтаксическая структура, в составе которой оно реализуется, может варьироваться до бесконечности.

Отметим, что автономное употребление лексем-компонентов идиомы в том же значении, которое они реализовали в составе первоначального выражения, следует отличать от игры слов, основанной на внешней форме идиомы.

О третьем уровне членимости семантики идиомы мы считаем возможным говорить в тех случаях, когда одна из лексем в составе идиомы начинает функционировать изолированно, без лексем-спутников, в том же значении, что и в составе оригинального выражения. В качестве примера рассмотрим идиому *an elephant in the room*, значение которой определяется в словаре следующим образом: *'If you say there is an elephant in the room, you mean that there is an obvious problem or difficult situation that people do not want to talk about'* [Oxford..., s.a.]. На первый взгляд, данная идиома не может быть разложена на компоненты смысла, которые бы соответствовали ее структурным элементам (словари также не фиксируют свободных значений лексем *elephant* и *room*, которые соотносились бы с данной идиомой). Вместе с тем, анализ в категориях теории фреймов позволяет сделать вывод, что выделение данного смысла является результатом проецирования фрейма «помещение» на фрейм «межличностная коммуникация». Модифицирование исходного фрейма за счет введения в слот «предметы обстановки» нехарактерного содержания («объект, слишком большой для данного помещения») повторяется во фрейме «межличностная коммуникация», тем самым формируя смысл «большая, но неудобная для обсуждения проблема», явно вербализуемый в следующих контекстах с помощью лексемы *elephant*:

*We drink these drinks and laugh out loud, bitch about the weekend crowd, and try to ignore the **elephant** somehow* [Corpus..., s.a.].

*'The **elephant** on the table is the teacher shortage,' Ms. Weingarten said. 'Assume there was no teachers' union. The big issue is, how do you address the teacher shortage and get a well-prepared teacher in every single classroom? How do you create conditions so that teachers don't leave the system after two, three, four years?'* [Corpus..., s.a.].

При благоприятных условиях, а именно если лексема будет неоднократно употребляться в новом для нее смысле вне данной конструкции, вполне может иметь место окончательное ее функциональное и семантическое обособление.

К противоположному «полюсу» смысловой членимости, как показывает проведенное исследование, могут быть отнесены лишь отдельные структурно-семантические типы идиом, описанные ниже. Применение к таким единицам метода фразеологического наложения приводит к заключению о невозможности разделения их общего значения на отдельные элементы, соответствующие структурным компонентам; кроме того, в конкордансах, полученных для них по запросу в корпус, не было обнаружено контекстов, в которых была бы очевидна автономизация их компонентов.

В первую очередь это относится к идиомам, построенным по модели словосочетания с сочинительной связью (*to rain cats and dogs, birds and bees* и др.). В них представляется невозможным установить соответствие каждого

из элементов словосочетания самостоятельному компоненту ситуации. Например, в следующем контексте функционирует единица *lock stock and barrel*, имеющая значение '*Including everything; completely*' [Oxford..., s.a.]. В данном случае представляется невозможным каждой из лексем-компонентов идиомы присвоить какой-либо из компонентов значения.

*Chris Nicholl who played for Villa and then went on to manage Southampton and Terry Venables... who knows he may even try to buy the club **lock stock and barrel** ...* [British..., s.a.].

Вторую группу единиц, значение которых не может быть разложено на отдельные компоненты, коррелирующие с элементами фразеологического значения, составляют междометные выражения, в том числе бранные выражения и их эвфемистические эквиваленты (*and how, well I never, hell's bells hear! hear!* и др.). Так, в следующем контексте выражение *holy mackerel* целиком выступает номинатором значения «выражение удивления»:

*Somewhere across the bay of Palma a fiesta was about to break out with the usual volley of deafening rockets to launch it on its way. 'And Maria Luisa too. Well, isn't this fantastic? Seville all over again.' '**Holy mackerel!**' Steve whispered fiercely under his breath* [British..., s.a.].

Иносказательные, перифрастические выражения. Например, устойчивое выражение *six feet under* ('*dead and buried*' [Oxford..., s.a.]) в следующем примере номинирует полностью, в его структуре не представляется возможным выделить компоненты, которые бы соответствовали отдельным элементам значения:

*But recovering the cash is equally important to Bobby Monday (Michael Shannon), the corrupt New York City cop whose gambling debts have forced him to bend the law, lest he wind up in prison... or worse, **six feet under*** [Corpus..., s.a.].

Аналогичным образом не раскладывается на отдельные компоненты смысла стилистически возвышенная идиома *the fruit of the vine*, употребляющаяся целиком в значении '*grapes*' [Oxford..., s.a.]:

*Nonetheless my unnatural compulsions for **the fruit of the vine** still held sway. I worked my way toward the bar, past lap-seated trollops hoisting foamy mugs of beer to their lips and brawny laborers knocking back "boilermakers"* [Corpus..., s.a.].

Утрата компонентами идиомы способности выступать в качестве самостоятельных номинаторов значения зачастую является результатом диахронических изменений, затрудняющих интерпретацию ее внутренней формы: архаизации лексических компонентов, их внешней формы или семантики. Примером может служить идиома *by and large*, имеющая значение '*on the whole; everything considered*' [Oxford..., s.a.] и состоящая из лексем, которые в морском деле использовались для обозначения курса судна:

*It is about the direction this country is going and the direction it's been going for the last four years, and I feel like the people who voted for him are **by and large** the ones that are on the many entitlements and free stuff that they've been getting,' Reynolds said in an interview with Huffington Post* [Corpus..., s.a.].

В других случаях невозможность идентифицировать компоненты, коррелирующие с отдельными компонентами смысла, обусловлена тем, что идиома образована в результате усечения более развернутой конструкции. Так, в следующем примере используется идиома *well, I never*, представляющая собой первую часть конструкции *Well, I would have never thought* (букв. *Ну, я бы никогда не подумал*) или под.:

'Don't fret, my love,' Felipe urged, smiling down at her. 'It is only natural. He loves her.' 'Well, I never!' Maggie said mockingly. 'Who would have thought it?' [British..., s.a.].

Идиомы описанных выше типов невозможно полностью разделить на компоненты, соотносимые с компонентами идиоматического значения. По крайней мере, описание их семантики при посредстве естественного языка представляется затруднительным, приводящим к нескольким одинаково неуклюжим решениям, а потому едва ли целесообразным.

Наконец, в качестве промежуточного с точки зрения членимости смысла разряда идиом отметим характерные для разговорной речи выражения, служащие для усиления значения, например:

*Returning to blogging the week after. To American visitors... have a glorious and peaceful holiday, to all other visitors... enjoy your week ahead. **See you later alligator** – check out the last post I published below [Corpus..., s.a.].*

Подобные «присказки» представляют особый интерес в связи с тем, что часть лексем-компонентов в них используется в прямом значении (*see you later*), в то время как другие знаменательные лексемы (*alligator*) не несут смысловой нагрузки, их присутствие в составе устойчивого выражения обусловлено требованием экспрессивности и связано с рифменной и ритмической организацией). В то же время, данному компоненту в рамках данной коммуникативной ситуации явно может быть приписана референция к одному из ее участников – тому, к кому обращается говорящий.

Conclusion (Заключение)

Проведенное исследование показывает, что готовность к членению значения проявляется в наибольшей степени у идиом с синтаксической структурой (пословиц и поговорок), повышенная вариативность которых способствует автономизации отдельных компонентов, но также наблюдается и у идиом со структурой словосочетания.

Материал национальных корпусов позволяет выделить три уровня семантического членения идиом, которым соответствуют три степени автономизации их формальных компонентов: отделение устойчивого переосмысленного словосочетания от идиомы с более развернутой структурой; относительную автономизацию отдельных компонентов идиомы, продолжающих функционировать в качестве семантически взаимообуславливающих «лексем-спутников»; полную автономизацию отдельной лексемы с приобретением ею свободного переносного значения.

Анализ корпусного материала также дает основание утверждать, что функционирование даже идиом с высокой степенью переосмысленности

противоречит представлениям о невыводимости их значения из значений их составляющих. Исключение составляют отдельные разряды идиом, для которых в корпусах не было обнаружено примеров трансформации и автономизации компонентов. Тем не менее, осмелимся предположить, что с учетом наблюдаемой на корпусном материале высокой степени вариативности в целом, при определенных обстоятельствах смысл таких идиом также может раскладываться на компоненты, соотносимые с компонентами внешней формы. Проблема на данный момент состоит только в отсутствии метаязыка, позволяющего адекватным образом формулировать потенциально выделяемые в них компоненты значения.

В заключение отметим, что сделанные выводы позволяют сделать предположение о нецелесообразности применения семантической членимости в качестве одного из критериев отграничения фразеологизма от цитаты как воспроизводимого словесного комплекса и схожих явлений реминисцентного характера (афоризмы, пословицы, поговорки, крылатые слова и т.п.), однако этот вопрос требует дальнейшего изучения. Перспективы дальнейшего исследования мы видим также в разработке метаязыка, способного облегчить как лексикографическое описание компонентов значения фразеологизмов и смежных с ними явлений, так и разметку текстов для автоматического анализа с прицелом на идентификацию идиоматически переосмысленных комплексов.

Библиографический список

- Баранов, А. Н.* Принципы семантического описания фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский // Вопросы языкознания. 2009. № 6. С. 21-34.
- Виноградов, В. В.* Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В. В. Виноградов. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. С. 140-161.
- Гриднева, Т. В.* Фреймовая структура как когнитивный субстрат фразеологического значения // Известия ВГПУ. 2009. №2. С. 23-27.
- Доброва, В. В.* Семантическая членимость симилиативных фразеологизмов // Актуальные проблемы филологии: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2018 г.). Казань: Молодой ученый, 2018. С. 13-16.
- Жуков, А. В.* О мотивировке и выводимости фразеологизмов // Мир русского слова. 2013. №2. С. 9-13.
- Литвин, Ф. А.* Многозначность слова в языке и речи. М.: Высшая школа, 1984. 119 с.
- Соколова, Г. Г.* Фразеобразование во французском языке. М.: Высшая школа, 1987. 144 с.
- Сулейманова, О. А.* Принципы и методы лингвистических исследований / О. А. Сулейманова, М. А. Фомина, И. В. Тивьяева. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Языки Народов Мира», 2020. 352 с.
- Чернобай, С. Е.* Определение идиомы в современной фразеологии // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации. 2011. Т. 24 (63). № 3-2. С. 317-322.
- Alefrenko, N. F.* Neophrasemics in the context of linguo-cognitive synergetics / N. F. Alefirenko, L.Yu. Kasyanova // Journal of Language and Literature. 2015. Vol.6, №3(1). P. 65-70. doi: 10.7813/jll.2015/6-3/14.

British National Corpus [Electronic resource]. – URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения: 10.04.2021).

Corpus of Contemporary American English [Electronic resource]. – URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения: 10.04.2021).

Dobrovol'skij, D. The notion of “inner form” and idiom semantics // *Etudes et travaux d'Eur'ORBEM: Proverbes et stéréotypes: forme, formes et contexts*. 2016. Vol. 1. № 1. P. 21-35.

Dobrovol'skij, D. Conventional Figurative Language Theory and idiom motivation / D. Dobrovol'skij, E. Piirainen // *Yearbook of Phraseology*. 2018. Vol. 9. No 1. P. 5-30. DOI 10.1515/phras-2018-0003.

Fellbaum, Ch. How flexible are idioms? A corpus-based study // *Linguistics*. 2019. Vol. 57. No. 4. P. 735-767. doi: 10.1515/ling-2019-0015

Gehrke, B. McNally L. Idioms and the syntax/semantics interface of descriptive content vs. reference // *Linguistics*. 2019. Vol. 57. No. 4. P. 769-814. doi: 10.1515/ling-2019-0016

Langlotz, A. Idiomatic Creativity: A Cognitive-Linguistic Model of Idiom Representation and Idiom-Variation in English. Amsterdam: Benjamins, 2006. 326 p.

Oxford English Dictionary [Electronic resource]. – URL: <https://www.lexico.com/en> (дата обращения: 10.04.2021).

Philip, G. Reassessing the canon: ‘Fixed’ phrases in general reference corpora // *Phraseology: An interdisciplinary perspective* / S. Granger, F. Meunier (Eds.). Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 2008. P. 95-108

Vega Moreno, R. E. Creativity and Convention: The Pragmatics of Everyday Figurative Speech. Amsterdam: John Benjamins, 2007. [Electronic resource]. – URL: https://www.researchgate.net/publication/319700442_Creativity_and_convention_The_pragmatics_of_everyday_figurative_speech (дата обращения: 10.04.2021).

References

Alefrenko N. F., Kasyanova. L. Yu. (2015). Neophrasemics in the context of linguo-cognitive synergetics. *Journal of Language and Literature*, Vol. 6, Issue 3(1): 65-70. doi: 10.7813/jll.2015/6-3/14

Baranov A. N., Dobrovol'skii D. O. (2009). Printsipy semanticheskogo opisaniia frazeologii [The principles of the semantic description of phraseology]. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language]. (6): 21-34. (In Russian).

British National Corpus, available at: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (accessed 10 April 2021)

Chernobai S. E. (2011). Opredelenie idiomy v sovremennoi frazeologii [Definition of an idiom in modern phraseology]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Seriya: Filologiya. Sotsial'nye kommunikatsii* [Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences]. Vol. 24 (63). No.3-2: 317-322. (In Russian).

Corpus of Contemporary American English, available at: <https://www.english-corpora.org/coca/> (accessed 10 April 2021)

Dobrova V. V. (2018). Semanticheskaja chlenimost' similiativnykh frazeologizmov [Semantic segmentation of similitive phraseological units]. *Aktual'nye problemy filologii: materialy III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (g. Kazan', mai 2018 g.)* [Current problems of philology: proceedings of the 3rd International scientific conference (Kazan, May 2018)]. Kazan': Molodoi uchenyi. 13-16. (In Russian).

Dobrovol'skij D. (2016). The notion of “inner form” and idiom semantics. *Etudes et travaux d'Eur'ORBEM: Proverbes et stéréotypes: forme, formes et contexts*. 1(1): 21-35.

- Dobrovol'skij, D., Piirainen E. (2018). Conventional Figurative Language Theory and idiom motivation. *Yearbook of Phraseology*. 9(1): 5-30. doi 10.1515/phras-2018-0003
- Fellbaum Ch. (2019). How flexible are idioms? A corpus-based study. *Linguistics*, 57(4): 735-767. doi: 10.1515/ling-2019-0015
- Gehrke B. McNally L. (2019). Idioms and the syntax/semantics interface of descriptive content vs. reference. *Linguistics*, 57(4): 769-814. doi: 10.1515/ling-2019-0016
- Gridneva T. V. (2009). Freimovaia struktura kak kognitivnyi substrat frazeologicheskogo znacheniiia [Frame structure as a cognitive substrate of phraseological and logical meaning]. *Izvestia VGPU* [Journal of Volgograd State Pedagogical University]. (2): 23-27. (In Russian).
- Langlotz A. (2006). *Idiomatic Creativity: A Cognitive-Linguistic Model of Idiom Representation and Idiom-Variation in English*. Amsterdam: Benjamins. 326 p.
- Litvin F. A. (1984). *Mnogoznachnost' slova v iazyke i rechi* [The polysemy of the word in language and speech]. Moscow, Vysshaia shkola. 119 p. (In Russian).
- Oxford English Dictionary*, available at: <https://www.lexico.com/en> (accessed 10 April 2021)
- Philip G. (2008). Reassessing the canon: 'Fixed' phrases in general reference corpora. *Phraseology: An interdisciplinary perspective* / S. Granger, F. Meunier (Eds.). Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins. 95-108
- Sokolova G. G. (1987). *Frazoobrazovanie vo frantsuzskom iazyke* [Phrase building in French]. Moscow, Vysshaia shkola, 144 p. (In Russian).
- Suleimanova O. A., Fomina M. A., Tiv'iaeva I. V. (2020). *Printsipy i metody lingvisticheskikh issledovanii* [Principles and methods of linguistic research]. Moscow, Limited Liability Company "Iazyki Narodov Mira". 352 p. (In Russian).
- Vega Moreno R. E. (2007). *Creativity and Convention: The Pragmatics of Everyday Figurative Speech*. Amsterdam: John Benjamins, available at: https://www.researchgate.net/publication/319700442_Creativity_and_convention_The_pragmatics_of_everyday_figurative_speech (accessed 10 April 2021)
- Vinogradov V. V. (1977). Ob osnovnykh tipakh frazeologicheskikh edinits v russkom iazyke [On the main types of phraseological units in the Russian language]. Vinogradov V.V. *Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiia* [Selected Works. Lexicology and Lexicography]. Moscow: Nauka. 140-161. (In Russian).
- Zhukov A. V. (2013). O motivirovke i vyvodimosti frazeologizmov [On the motivation and deducibility of phraseological units]. *Mir russkogo slova* [The world of the Russian word]. 2: 9-13. (In Russian).

**АББРЕВИАЦИЯ КАК СПОСОБ НОМИНАЦИИ ПОНЯТИЙ
СПЕЦИАЛЬНОЙ ОБЛАСТИ ЗНАНИЯ (на материале
терминологических сокращений по немецкой диалектологии)**

*Инна Валерьевна Сенина,
orcid.org/0000-0001-7371-2170,
кандидат филологических наук
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
ул. Лермонтова, 83
Иркутск, 664074, Россия
innaseniina@bk.ru*

*Наталья Игоревна Мокрова,
orcid.org/0000-0002-1444-5567,
кандидат филологических наук
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
ул. Лермонтова, 83
Иркутск, 664074, Россия
mokrovan@rambler.ru*

*Наталья Сергеевна Новолодская,
orcid.org/0000-0002-4685-9967,
старший преподаватель
Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
ул. Лермонтова, 110
Иркутск, 664074, Россия
indigos@mail.ru*

Аннотация. На примере сокращённых вариантов терминов в области диалектологии немецкого языка в статье рассматриваются основные теоретические вопросы и тенденции развития процессов аббревиации. Изучаются подходы к толкованию терминов «аббревиатура» и «сокращение» в отечественной и зарубежной литературе. Наряду с выделением и описанием основных видов сокращений исследуются проблемы аббревиатурной омонимии и аббревиатурной синонимии. Наименования территориальных диалектов, в частности, их краткие формы, определяются как номенклатурные обозначения, которые не являются непосредственно терминами, но являются неотъемлемой частью диалектологии и поэтому относятся к терминологическому полю дисциплины. С точки зрения становления, развития и закрепления в употреблении кратких форм терминов выделены авторские, контекстуальные, отраслевые и общепотребительные аббревиатуры.

Ключевые слова: диалектология, диалект, терминоведение, терминология, термин, понятие, сокращение, аббревиатура.

ABBREVIATION AS A WAY OF CONCEPT NOMINATION IN THE SPECIAL AREA OF KNOWLEDGE (on the material of terminological abbreviations of German dialectology)

Inna V. Senina,
orcid.org/0000-0001-7371-2170,
Ph.D. in Philology
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lemontova
Irkutsk, 664074, Russia
innasenina@bk.ru

Natal'ya I. Mokrova,
orcid.org/0000-0002-1444-5567,
Ph.D. in Philology
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lemontova
Irkutsk, 664074, Russia
mokrovan@rambler.ru

Natal'ya S. Novolodskaya,
orcid.org/0000-0002-4685-9967,
senior lecturer
East Siberian Institute of the MIA of Russia,
110, Lermontova
Irkutsk, 664074, Russia
indigos@mail.ru

Abstract. On the example of abbreviated versions of terms in the field of dialectology of the German language, the article dwells the issue on the main theoretical topics and trends in the development of abbreviation processes. Approaches to the interpretation of the terms "abbreviation" and "shortening" in domestic and foreign literature are being studied. Along with the identification and description of the main types of abbreviations, the problems of abbreviated homonymy and abbreviated synonymy are considered. The names of territorial dialects, in particular, their short forms, are defined as nomenclature designations that are not directly terms but are an integral part of dialectology and therefore belong to the terminological field of the discipline. From the point of view of the formation, development, and consolidation in the use of short forms of terms, the author's, contextual, disciplinary, and common abbreviations are highlighted.

Keywords: dialectology, dialect, terminology science, terminology, term, concept, abbreviation, shortening.

Введение

Развитие науки, как и научной терминологии, требует не только удачной номинации новых понятий, но и уточнения имеющихся терминологических единиц, которые в силу динамики своего развития способны менять объём значения. Введение уточняющих терминологических элементов приводит к образованию сложных слов и многокомпонентных словосочетаний, что порой является неудобным для коммуникации специалистов. Двойственная природа научного знания заключается в том,

что, создавая и употребляя длинные терминосочетания, учёные стремятся «конденсировать» имеющуюся в них информацию и передать её в краткой форме без ущерба для данных. Целью данной статьи является систематизация, упорядочивание и выявление тенденций в процессах аббревиации на примере сокращений в области диалектологии немецкого языка.

Материалы и методы

Материалом исследования являются немецкие научные тексты по диалектологии, опубликованные в период с 1732 по 2020 г. Методологическая основа включает в себя применение методов сопоставительного, типологического и контекстуального анализа. Системный подход даёт возможность изучения основных видов сокращений и тенденций их развития.

Дискуссия

Основной причиной возникновения и употребления сокращённых вариантов термина является намерение автора передать объём информации максимально лаконично. Немецкие лингвисты выделяют определённые «границы» (Fassetten) языковой экономии:

1) потребность сокращения «артикуляционной трудоёмкости» (Artikulationsaufwand) или «минимизация кодированной информации», которая основана на передаче информации по возможности более лаконичными средствами;

2) потребность «минимизации декодированной информации», состоящей в способности лаконичных средств передать достаточный объём информации;

3) потребность передать информацию максимально точными дефинированными понятиями;

4) потребность экономии текста выражается в употреблении одних и тех же лексических средств в разных контекстах [Best, 2007, S. 60].

Одним из важных способов оптимизации процесса коммуникации является аббревиация. Вслед за В.А. Татариновым мы будем понимать под аббревиацией терминов «особый способ терминообразования, заключающийся в построении усечённых вариантных терминов на основе исходных протяжённых терминологических единиц» [Татаринов, 2000, с. 10]. Синонимично термину *аббревиация* как процессу построения кратких форм употребляется слово *сокращение*.

Вопросу сокращения общеязыковых, в частности, терминологических единиц и их классификации посвящено большое количество фундаментальных исследований. Однако несмотря на это среди учёных до сих пор нет единства относительно употребляемой терминологии и типологических исследований. Так, В.М. Лейчик не относит усечённые термины к аббревиатурам: «От аббревиации следует отличать усечение однословных лексических единиц, в том числе терминов» [Лейчик, 2007,

с. 55]. Другую точку зрения мы находим в работах С.В. Гринёва-Гриневича, который относит аббревиатуры к разряду производных терминов (наряду с композитными и эллиптическими образованиями) и выделяет следующие подвиды аббревиатур:

- сложносокращенные термины, образованные сложением частей слов и целых слов;
- сложноусеченные термины, образованные сложением начальных частей (усечений) слов;
- телескопические термины, образованные сложением начальной части первого слова и конечной части второго слова исходного словосочетания;
- акронимные термины, образованные сложением начальных букв и/или звуков слов исходного словосочетания [Гринёв-Гриневич, 2008, с. 60].

В словаре О.С. Ахмановой мы находим следующее определение термина аббревиатура: «1. Слово, составленное из сокращённых начальных элементов (морфем) словосочетания. 2. Слово, образованное путём сложения начальных букв слов или начальных звуков» [Ахманова, 2004, с. 27]. Кроме того, в научном обиходе используются такие термины, как *слоговые аббревиатуры*, *частичносокращённые аббревиатуры* [Теркулов, 2018], *смешанные аббревиатуры* [Антонов, 2013], *инициальные аббревиатуры*, *инициально-словные аббревиатуры* [Дюжикова, 2015] и др., что подтверждает установление тенденции в расширении значения термина *аббревиатура* и употреблении его для обозначения большинства видов кратких форм терминов. В научной литературе встречаются также термины *сокращение*, *краткое слово*, *краткий вариант*, *сложносокращённое слово* и др., которые обозначают результат процесса образования кратких форм.

Важно отметить, что единого мнения относительно обозначения и классификации сокращений нет и среди немецких учёных. Х. Буссман относит слоговые сокращения (Silbenkurzwörter) к разряду акронимов (Akronyme) [Bußmann, 1990, S. 42]. В. Флейшер указывает, что слоговые сокращения являются инициальным сокращением (акронимом), однако представляют собой своеобразный «переход» к сокращённым словам (Kurzwörter) [Fleischer, 1971, S. 211]. «Kleines Wörterbuch der sprachwissenschaftlicher Termini» («Краткий словарь лингвистических терминов») объединяет все виды сокращений под общим названием Kurzwort.

Согласно DIN 2340 (2009) / Kurzformen der Benennungen und Namen (Краткие формы названий и имён) общий термин Kürzung (краткая форма) включает в себя разделы Abkürzungen (графические сокращения), Kurzwörter (краткие слова) и Akronyme (акронимы), которые в дальнейшем подразделяются на подвиды:

1. Abkürzung (графическое сокращение): Abbrechkürzung (графическое сокращение финального или начального сегмента), Initialkürzung (графическое инициальное сокращение), Klammerkürzung (графическое

усечение среднего сегмента при сохранении начального и финального сегментов);

2. Kurzwort (краткое слово): Kopfform (усечение последнего элемента слова), Endform (усечение начального элемента слова), Klammerform (усечение среднего элемента слова при сохранении начального и финального элементов), Rumpfform (сохранение среднего элемента слова при усечении начального и финального элементов), Silbenform (сокращение из произвольного сочетания начальных слогов двух или более слов);

3. Akronym (акроним): sprechbares Akronym (досл. «читаемый» акроним или звуковая аббревиатура), Buchstabierakronym (графический акроним) [Drewer, 2017, S. 79].

Однако в трудах немецких учёных в последнее время наблюдается общая тенденция в разграничении двух основных терминов: Kurzwort (краткое слово) является лексическим сокращением и читается согласно написанному варианту; Abkürzung (аббревиатура) – графическое сокращение, которое не имеет соответствующей устной реализации и при чтении которого необходимо употреблять его полную форму.

Представляется интересным, что в истории немецкого языкознания наблюдается множество противоречий относительно уместности употребления сокращённых слов. Негативная оценка к сокращениям прослеживается в трудах и других учёных, в частности, Г.Х. Аделунг указывает, что некоторые сокращения «употребляются только в диалектах и низшими слоями населения. В верхних слоях они считаются коверканием и поэтому не заслуживают дальнейшего внимания» («... kommen nur in den gemeinen Mundarten und in den niedrigsten Classen der Sprechender vor. In den obern gelten sie für wahre Verstümmelungen, und verdienen daher keine weitere Aufmerksamkeit» [Adelung, 1788, S. 282]. Несмотря на то, что в XIX в. тенденция к сокращению слов и терминов в немецком языке продолжается, до начала XX в. наблюдается общее негативное отношение лингвистов к аббревиации, которые полагали, что она плохо влияет на язык. Уже в XX в. учёные обратили своё внимание на проблему сокращённых слов и терминов и стали отмечать «особую роль» подобных кратких вариантов [Steinhauer, 2000, S. 12]. В 1934 г. публикуется словарь сокращений Kurzwort-Lexikon KWL – «Wörterbuch der Abkürzungen und Kurwortbezeichnungen aller Art», где в предисловии указано: «То, что в наше время суеты и рационализации количество сокращений, употребляемых как в письменной, так и в устной речи, достигло перебора, заложено в природе вещей» («Daß in unserer Zeit des Hastens und der „Rationalisierung“ das Ausmaß der Kürzungen in Wort und Schrift schon ein Übermaß erreicht hat, liegt in der Natur der Dinge») [Pfohl, 1934, S. V].

Результаты

Анализ употребления сокращённых вариантов терминов показал, что новые аббревиатуры при первом употреблении в тексте либо в устной речи обязательно должны быть связаны с денотатом посредством ссылки на

базовую лексему (Basislexem – «полный» эквивалент краткого варианта слова или термина) либо в качестве ссылки после употребления мотивирующей основы:

«Zeigt der geschriebene Standard (GS) höhere Frequenzwerte und ist damit komplexer als die gesprochene Alltagssprache (AS)?» («Показывает ли письменный литературный немецкий язык более высокие значения частотности и является ли он тем самым сложнее, чем разговорный язык повседневного общения?») [Grandel, 2017, S. 161].

Дальнейшее употребление сокращения внутри контекста уже возможно без указания на полную форму слова, поскольку реципиент уже «закрепил» за данными символами определённый семантический объём или денотат. Такая «ссылка» на базовую лексему позволяет удовлетворить потребность «минимизации декодированной информации», о которой было сказано выше, чтобы читатель получил достаточный для понимания объём информации. Употребление сокращённого варианта термина или слова без первичной ссылки на его полный вариант возможно лишь в случае, если аббревиатура является устоявшейся и употребительной, когда в её дополнительной расшифровке нет необходимости.

Соотнесение сокращённого термина с денотатом и базовой лексемой либо через базовую лексему можно выразить схематически (рис. 1 и рис. 2.).

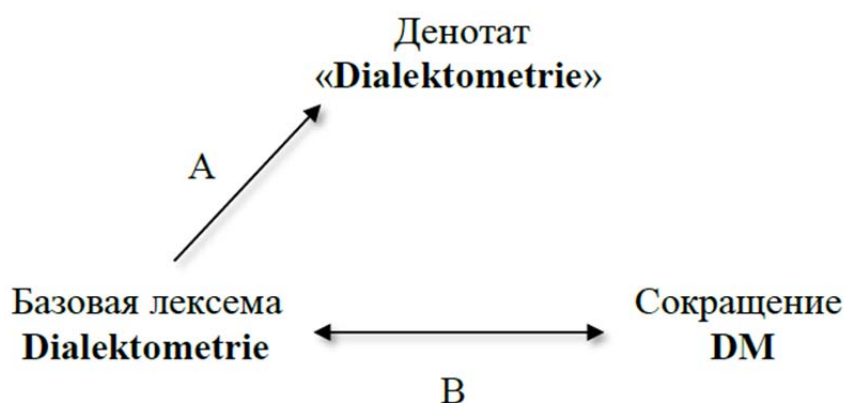

Рисунок 1 – Соотнесение сокращения с денотатом через базовую лексему

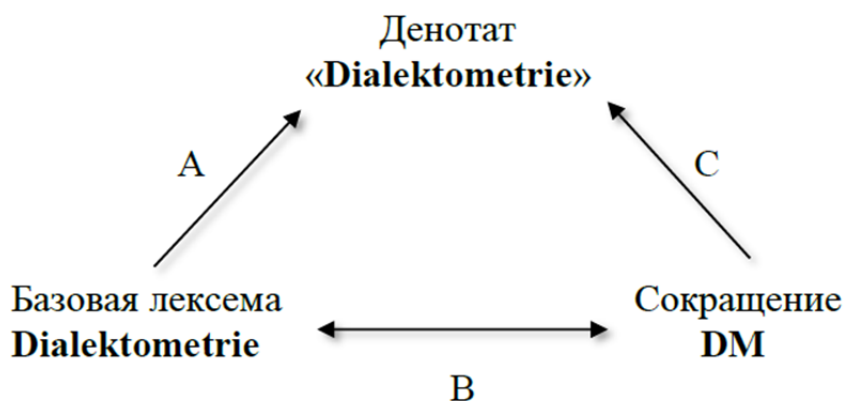

Рисунок 2 – Соотношение сокращения, базовой лексемы и денотата

Рисунок 1 отображает введение нового или малоупотребительного сокращения в текст, которое осуществляется с помощью своеобразного «обхода» через базовую лексему. При этом связь Денотат – Базовая лексема (А) представляется нам связью первого порядка, поскольку является первичной в процессе создания терминологической единицы на основе понятия. Связь Сокращение – Базовая Лексема (В) в этом случае является связью второго порядка, когда для готового термина создаётся его символическое обозначение – краткий вариант. Рисунок 2 представляет собой следующий этап употребления аббревиатуры, когда сокращение закрепляет за собой определённый семантический объём и сам соотносится с денотатом (связь третьего порядка С). В случае, если краткая форма термина твёрдо вошла в научный обиход и её понимание не представляет затруднений, возможен переход сразу ко второму этапу и употребление сокращения без его соотнесения к базовой лексеме.

Сравнение двух рисунков позволяет установить определённое смещение семантического центра к периферии. Так, на рисунке 1 явным семантическим центром является базовая лексема, поскольку она несёт основную информацию, а сокращение представляет собой новую единицу, то есть периферию, которая принимает на себя этот объём информации от центра. На рисунке 2 происходит распределение семантического центра и оба варианта в равной степени соотносятся с денотатом и несут на себе равную семантическую нагрузку.

Особый интерес представляет сценарий развития этих семантических треугольников, когда сокращённая лексическая единица настолько закрепилась и устоялась в употреблении, что её связь с базовой лексемой едва уловима. Более того, под влиянием смещения семантического центра в область аббревиатуры на периферии оказывается не только полный вариант термина, но и первоначальный полный вариант денотата, поскольку в этом случае денотат также будет представлять собой сокращённую форму полного варианта.

Таким примером может послужить употребление в немецкой диалектологии таких терминов на основе компонента *-lekt*: *Soziolekt* (социолект), *Urbanolekt* (урбанолект), *Lernerlekt* (язык обучающегося), *Sexolekt* (сексолект), *Geronolekt* (геронолект), *Ethnolekt* (этнолект), и др. Мы предполагаем, что данные термины были основаны по аналогии с термином *Regiolekt*, который сохранил свою связь с базовой лексемой *Regionaler Dialekt* и был образован путём «сращения» инициального сегмента первого компонента и финального сегмента второго компонента сложного слова или словосочетания: *Regionaler Dialekt* – *Regiolekt*. В отечественной терминологии данный вид сокращения выделяется в отдельный способ терминообразования и именуется как «вставочный» тип словообразования [Берман, 1959, с. 104] или телескопия [Лейчик, 2007, с. 55]. Важно отметить, что словообразовательный элемент *-lekt* происходит от греческого *διαλέγεσθαι* «общаться, беседовать» (равно как и термин *Dialekt*!), переводится как «язык» и трактуется в терминах *Soziolekt*, *Urbanolekt*,

Lernerlekt, Sexolekt, Geronolekt, Idiolekt и др. как Varietät [Sinner, 2014, S. 77]. Однако мы склонны полагать, что элемент –lekt является усечённой формой или своего рода эллипсисом термина диалект, и в данном случае происходит расширение значения слова «диалект» в смысле «язык» (сравните в русском языке значение нового термина «метадиалект»).

Особый интерес представляет употребление термина Standardlekt в значении «литературный язык» [Maitz, 2017, S. 118]. Калькированный перевод этого слова на русский язык * («стандартлект») не представляется возможным в связи с понятийным объёмом слова «стандарт» в отличие от немецкого Standard (литературный язык), поэтому закрепление такого термина в ряду с другими lekt-терминами, с нашей точки зрения, было бы неправомерным.

При таком сценарии развития происходит разрыв семантических связей с мотивирующим источником. Схематически такой вид взаимоотношений сокращения, денотата и базовой лексемы выглядит следующим образом (рис. 3):

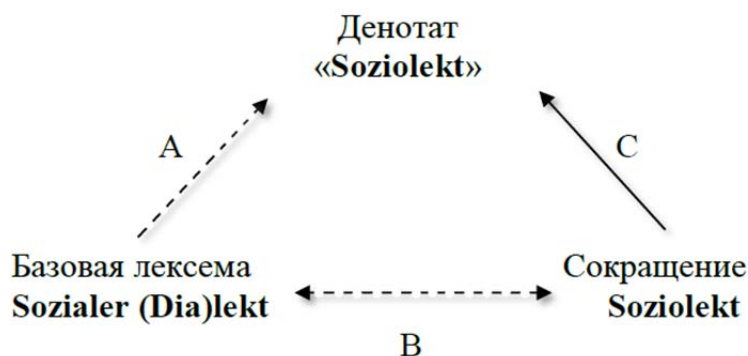

Рисунок 3 – Соотношение сокращения и денотата при ослаблении или при утрате их связи с базовой лексемой

Представляется интересным, что аббревиатура в основном не рассматривается как самостоятельное слово или термин, поскольку не связана с отдельным денотатом и тем самым не относится к словообразованию как таковому, её правомерно считают синонимом базовой лексемы [Гринёв-Гриневиц, 2008, с. 105]. Однако существует также мнение, что аббревиатуры обладают самостоятельным «словным» статусом, а не являются «обезличенными» дублетами полной формы мотивирующих терминов, поскольку они тяготеют «к развитию собственного лексического значения как отражению новой когнитивной (понятийной) структуры» [Дюжикова, 2015, с. 141]. На наш взгляд, такая точка зрения является обоснованной в том случае, когда сокращённый термин влияет на понятие, а само понятие существует как результат сокращения. Тогда аббревиатура может считаться новым словом и рассматриваться в контексте словообразования, поскольку в речи не употребляется её полный вариант или даже отсутствует (в том числе при образовании новых слов по аналогии с этим понятием или термином, например, Ethnolekt, Urbanolekt и др.). Важно

отметить, что относительно таких терминов у учёных также нет единого мнения. Так, Д. Коблер-Трилл относит к сокращениям только те единицы, которые фактически имеют эквивалент или дублет, выраженный его полной формой. Если же в сокращение закладывается новое значение, то его необходимо относить к словарному составу языка [Kobler-Thrill, 1994, S. 68]. А. Штайнхауэр считает это утверждение спорным и рассматривает подобные образования как сокращения [Steinhauer, 2000, S. 10].

Появление и употребление терминологических сокращений в научных трудах по диалектологии немецкого языка тесно связано со становлением и развитием науки о региональных вариантах. Немецкая диалектология является относительно молодой дисциплиной, её история насчитывает чуть более двухсот лет. Однако за это время основные направления исследования (диалектная грамматика, диалектная география, диалектная фонетика, социальная диалектология, вычислительная диалектология, перцептивная диалектология) позиционировались как самостоятельные дисциплины в рамках общей науки о диалектах. Каждая из этих отраслей располагает собственным пластом терминологической лексики, которая уже достаточно подробно описана в монографии И.В. Сениной и В.Б. Меркурьевой [Сенина, 2020]. Относительно терминологических сокращений в области диалектологии немецкого языка необходимо указать, что в научной литературе представлены не все вышеуказанные виды, что, в первую очередь, объясняется принадлежностью диалектологии к гуманитарным дисциплинам.

В аспекте реализации лексических сокращений существует два основных типа: графические и лексические.

Графические сокращения (graphische Abkürzungen, „reine Schriftabkürzungen“, „reine Schriftkürzel“) представляют собой «особенность способа написания. Она не имеет соответствующей особой формы в устной речи» («eine Besonderheit der Schreibweise. Ihnen entspricht keine besondere Form der gesprochenen Sprache») [Fleischer, 1971, S. 210]. Необходимо обратить внимание, что учёные не исключают возможность устной реализации таких сокращений, но считают это отклонением от нормы и указывают, что обычно такие сокращения в немецком языке не обладают статусом слова и не употребляются с артиклем [Greule, 2007, 120]. Кроме того, графические сокращения не относятся к словообразованию как таковому, поскольку не создают новых лексем, а лишь заменяют их в письменном языке [Kobler-Trill, 1994, S. 9].

Графические сокращения (Abkürzungen), составляющие основную часть используемых сокращений, являются своего рода «прародителями» лексических, поскольку зафиксированы ещё в средневековых немецких текстах, чаще всего употребляемых в скобках и не имеющих фонетической реализации [Greule, 2007, S. 122]. Данный вид сокращений встречается только в научных текстах, при прочтении которых употребляется полная форма слова или словосочетания. Выделяются следующие виды графических сокращений:

1. Графическое усечение финального сегмента:

dial. = dialektal (диалектный);

dialekt. = dialektal (диалектный);

dialektolog. = dialektologisch (диалектологический);

Dialektf. = Dialektforschung (диалектология);

dialektgeograph. = dialektgeographisch (диалектно-географический);

hyperdial. = hyperdialektal (гипердиалектный);

mundartl. Formen = mundartliche Formen (диалектные формы);

mundartl. Schreiben = mundartliches Schreiben (диалектное написание);

2. Графическое инициальное сокращение:

Ma. = Mundart (диалект);

D. = Dialekt (диалект).

3. Графическое стяжение представляет собой сокращение слова или словосочетания посредством пропуска букв:

Mda. = Mundart (диалект);

Mua. = Mundart (диалект);

mdal = mundartlich (диалектный);

mdl = mundartlich (диалектный);

mda. = mundartlich (диалектный);

Vkspr. = Volkssprache (народный язык).

4. Рамочные усечения подразумевают сохранение инициального и финального сегментов при усечении середины слова:

ma.lich = mundartlich (диалектный).

5. Смешанные формы графических сокращений, которые состоят из сокращения одной основы сложного слова и полной формы второго:

Hyper.Grad = Hyperdialektalitätsgrad (степень гипердиалектности);

Dia.Grad = Dialektalitätsgrad (степень диалектности);

Landma. = Landmundart (сельский диалект);

Übergangsmda = Übergangsmundart (переходный диалект);

Mischmda. = Mischmundart (смешанный диалект);

Untermaa. = Untermundarten («поддиалект», подчиненный диалект);

HDial = Hyperdialektismus (гипердиалектизм),

Ma.-Großraum = Mundartgroßraum (область широкого распространения диалекта);

Ma.dichtung = Mundartdichtung (поэзия на немецком языке);

Ma.gruppe = Mundartgruppe (группа диалектов);

Ma.konkurrenz = Mundartkonkurrenz (диалектная конкуренция);

ma.reich = mundartreich (богатый диалектом);

Ma.welle = Mundartwelle (диалектная волна);

Mda.-Gebiet = Mundartgebiet (диалектная область).

Лексические сокращения обладают способностью произноситься, как отдельные графические элементы, реализуемые как алфавитное чтение (*D-Wert* – de), звуковое чтение (*Diaphonem*) или комбинация алфавитного и звукового чтения сокращённых элементов (*ZDL* /tse de el/):

DM – Dialektometrie (диалектометрия);

BD – Basisdialekt (базисный диалект);
IOD – intendierter Ortsdialekt (целевой местный диалект);
RD – Regionaldialekt (региональный диалект);
GS – der geschriebene Standard (письменный литературный язык);
AS – Alltagssprache (язык повседневного общения).

Помимо непосредственно терминологии в немецкой диалектологии аббревиации подвергаются названия атласов (*SBS* – Sprachatlas von Bayerisch-Schwaben; *SDS* – Sprachatlas der deutschen Schweiz; *VALTS* – Vorarlberger Sprachatlas; *SSA* – Südwestdeutscher Sprachatlas), проектов (*KiDKo* – „Kiezdeutsch Korpus“), архивов (*TSA* – Tiroler Spracharchiv, *VSA* – Vorarlberger Spracharchiv):

«Exemplarisch seien hier nur das „Kiezdeutsch Korpus“ (*KiDKo*) oder einige der größeren, auf die Dokumentation und Analyse von gefährdeten, bis lang gar nicht oder kaum erforschten und deutschbasierten Varietäten in Übersee abzielender Projekte genannt» («В качестве примера здесь следует назвать проект „Kiezdeutsch Korpus“ (*KiDKo*) или другие большие проекты, направленные на документирование и анализ немецких региональных разновидностей языка за океаном, которые до этого не исследовались или исследовались очень мало, и которые оказались под угрозой исчезновения» [Maitz, 2017, S. 84].

Такие сокращения способны передавать грамматическую информацию о базисной лексеме и употребляться как с артиклем, так и без него:

«Der *SBS* steht ja in der Tradition der sogenannten Kleinraumatlantien oder Regionalatlanten wie **dem SDS**, dem *VALTS* und dem *SSA*» («Баварско-швабский языковой атлас (*SBS*) составлен в традиции так называемых атласов малых регионов или региональных атласов, как Языковой атлас немецкоязычной Швейцарии (*SDS*), Форарльбергский языковой атлас (*VALTS*) и Югозападнонемецкий языковой атлас (*SSA*)») [König, 2016, S. 163];

«Denn nach **SDS** gilt oa u.ä. „gebrochenes“ o für mhd /ei/ heute nur mehr in fünf Gemeinden des äußersten Nordostens der Schweiz» («Поскольку согласно Языковому атласу немецкоязычной Швейцарии *oa*, а также «сломленное» *o* соответствуют средневерхненемецкому /ei/ только в пяти общинах на крайнем северо-востоке Швейцарии» [Amann, 2016, S. 163].

В научных трудах по диалектологии немецкого языка встречаются также смешанные формы лексических сокращений:

D-Wert = Dialektalitätswert,

Diaphonem = dialektales Phonem.

Наряду с немецкими краткими формами употребляется множество сокращений, мотивирующими основами которых являются английские слова, например, *VDM* – Visual Dialectometry [Goebel, 2006], *LTAS* – long-time average spectrum [Peters, 2018], *VOT* – voice onset time [Pröll, 2017]. Чаще всего при первичном их употреблении в тексте приводится пояснение на немецком языке, если оно необходимо:

«Als Messkorrelat der direkt nicht quantifizierbaren Aspiration dient hier die *voice onset time* (VOT, die Zeit zwischen dem Plosionsgeräusch und dem Beginn des Stimmtons des folgenden Vokals)» («В качестве измерительного коррелята напрямую невыражаемой количественно аспирации здесь служит *voice onset time* (VOT, время между взрывным звуком и началом звука следующего гласного)» [Pröll, 2017, S. 346].

Иногда ссылка приводится только на немецкие соответствия без указания иноязычной мотивирующей основы:

«Während die Matrixsprache (ML) alle für den Satzbau notwendigen grammatischen Morpheme und Konstruktionen zur Verfügung stellt, dient die eingebettete Sprache (EL) als Quelle von lexikalischen Morphemen» («В то время, как матричный язык представляет для структуры предложения все необходимые морфемы и конструкции, «включённый» язык почти всегда служит источником лексических морфем») [Nakimov, 2017, S. 316].

В данном примере сокращения ML (от английской мотивирующей основы *matrix-language*) и EL (от английской мотивирующей основы *embedded-language*) соотносятся с немецкими терминами *Matrixsprache* и *eingebettete Sprache* для установления связи с денотатом. В дальнейшем такие англоязычные основы могут использоваться для создания смешанных сокращений, например, EL-Insel (остров «включённого» языка), EL-Konstituente (составляющие «включённого языка»).

Помимо указанных видов кратких вариантов терминов отмечается отдельная группа номенклатурных обозначений, которые используются в немецкой диалектологии. Номены не являются непосредственно терминами, они обозначают название определённых предметных рядов, относящихся к той или иной сфере деятельности. Отметим, что номенклатурные единицы характерны не для всех научных областей. Вслед за А.В. Суперанской мы полагаем, что ряду дисциплин (таким, как языкознание, математика и др.) «номенклатуры свойственны лишь в ограниченном объёме, поскольку основную массу явлений, изучаемых ими, составляют терминируемые понятия» [Суперанская, 2005, с. 23]. Несмотря на то, что диалектология является отраслью языкознания, она использует большой пласт номенов, поскольку тесно граничит с географией (об этом свидетельствует возникновение такой научной области, как диалектная география). По аналогии с географической номенклатурой (Европа, Азия, Африка и др.) в диалектологии используются номенклатурные обозначения территориальных разновидности диалектов: баварский (*bairisch*), швабский (*schwäbisch*), франкский (*fränkisch*) и многие другие.

Среди номенклатурных сокращений в области диалектологии немецкого языка встречаются:

1) усечения: *bair.* = *bairisch* (баварский); *schwäb.* = *schwäbisch* (швабский); *österr.* = *österreichisch* (австрийский); *schweiz.* = *schweizerisch* (швейцарский); *tirol.* = *tirolisch* (тирольский); *nordb.* = *nordbairisch* (северобаварский); *meckl.* = *mecklenburgisch* (мекленбургский) и др.;

2) инициальные сокращения: *od* = oberdeutsch (верхненемецкий); *wmd.* = westmitteldeutsch (западносредненемецкий); *nd* = niederdeutsch (нижненемецкий); *ond* = ostniederdeutsch (восточнонижненемецкий) и др.;

3) стяжения: *frk.* = fränkisch (франкский); *nddt.* = niederdeutsch (нижненемецкий); *ndb.* = niederbairisch (нижнебаварский); *östr.* = österreichisch (австрийский) и др.;

4) смешанные формы: *nordndsächs.* = nordniedersächsisch (севернонижнесаксонский); *ostfrk.* = ostfränkisch (восточнофранкский) и др.

Анализ сокращённых терминов позволяет выделить некоторые тенденции, способные усложнить коммуникацию специалистов. Первой такой тенденцией является **аббревиатурная синонимия**, когда одной базовой лексеме соответствует несколько вариантов сокращений (рис. 4). На рисунке 4 наглядно изображено отношение первого порядка между денотатом «Mundart» и базовой лексемой Mundart (А), которая имеет несколько соответствий плана выражения в виде сокращений (связи второго порядка В): *Ma.*, *Mda.*, *Mua.*

Основной причиной появления аббревиатурной синонимии является употребление неустоявшихся сокращений, часто отдельным автором или рядом учёных. Так, для термина Mundart в работах Х. Нибаума [Niebaum, 1980], В. Мутрупа [Mentrup, 1980], Д. Мёна [Möhn, 1983], Х. Глюка [Glück, 2016] мы находим сокращение *Ma.*; в трудах Ф. Вреде [Wrede, 1915], Л. Цехетнера [Zehetner, 1978], Х. Клосса [Kloss, 1980], А. Широкауэра [Schirokauer, 1986], В. Хааса [Haas, 1990], А. Ленца [Lenz, 2003] – *Mda.*; Х. Бекерс [Beckers, 1980] использует краткую форму *Mua.*, например:

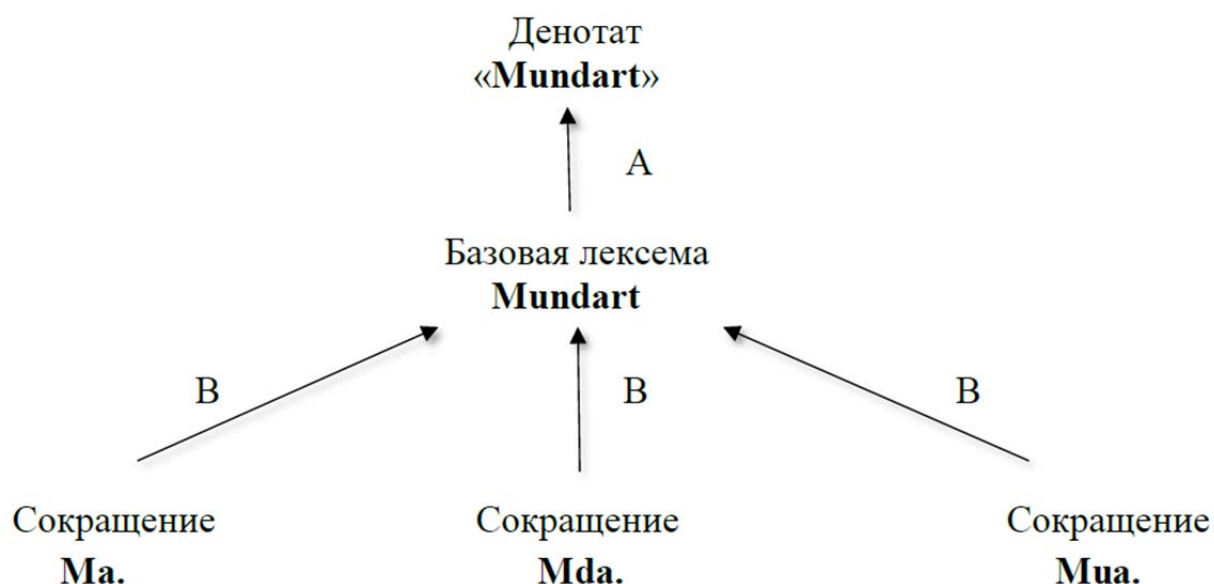

Рисунок 4 – Аббревиатурная синонимия

«Weniger betroffen wurden hingegen die Sprachinseln der sog. Donauschwaben im Süden, deren **Mda.** weit überwiegend rhein-fränk., nur ganz vereinzelt schwäb. ist» («Менее затронутыми оказались, напротив, языковые острова так называемых дунайских швабов на юге, чей диалект

преимущественно является рейнско-франкским, и лишь в отдельных случаях швабским») [Kloss, 1980, S. 541];

«Die **Ma.** gilt als familiärer, direkter und kommunikativer und wird bes. in Unterhaltungssendungen in zunehmendem Maße auch für politische Diskussionen und Interviews verwendet» («Диалект считается более непринуждённым, непосредственным и коммуникативным и всё больше употребляется в развлекательных программах, также во время политических дискуссий и интервью») [Mentrup, 1980, S. 534].

Примечательно, что оба варианта использования сокращений использованы в одном издании «Lexikon der germanistischen Linguistik» разными учёными. В связи с этим представляется необходимым выделить особые виды сокращений – **авторские** и **контекстуальные сокращения**. Авторские сокращения чаще всего являются единичными и употребляются одним учёным. Каждое сокращение зарождается как авторское. Контекстуальное сокращение используется в рамках определённого научного труда и может использоваться разными учёными. И авторские, и контекстуальные сокращения необходимо употреблять с ссылкой на мотивирующую основу во избежание непонимания или, что ещё хуже, неправильного толкования аббревиатуры.

Несколько вариантов сокращений имеют прилагательные *mundartlich* (mdal, mdl, mda.), *dialektal* (dial., dialekt.), а также некоторые номенклатурные обозначения (ND, Nd., nd., nddt, ndt = niederdeutsch/нижненемецкий; schwdt., schzd., swzd. = schweizerdeutsch/швейцарский вариант немецкого языка). Необходимо также отметить особенность образования множественного числа – в отличие от полного слова, которое присоединяет аффикс множественного числа, сокращение удваивается по аналогии с небуквенным символом: Muaa, Maa, Mdaa. При этом употребление подобных вариантов также является авторским либо контекстуальным.

Причиной создания подобных рядов аббревиатурных синонимов в нашем случае является относительно небольшой возраст самой немецкой диалектологии, как уже отмечалось выше. Для того, чтобы тот или иной термин, в частности, его сокращённый вариант, укоренился в употреблении и произошёл отсев его синонимичных вариантов, требуется достаточно большой промежуток времени. В случае, если аббревиатура устоялась и стала использоваться как единственно возможная для мотивирующей основы, она из контекстуальной становится **отраслевой**, то есть единственным возможным вариантом для базовой леммы в рамках определённой области знания.

Наряду с аббревиатурной синонимией намечается вторая тенденция, которая вызывает определённые сложности в понимании и непосредственной связью с мотивирующей основой, – **аббревиатурная омонимия**, при которой одному сокращению соответствует несколько базовых лексем и, соответственно, денотатов, как изображено на рисунке 5 (рис. 5).

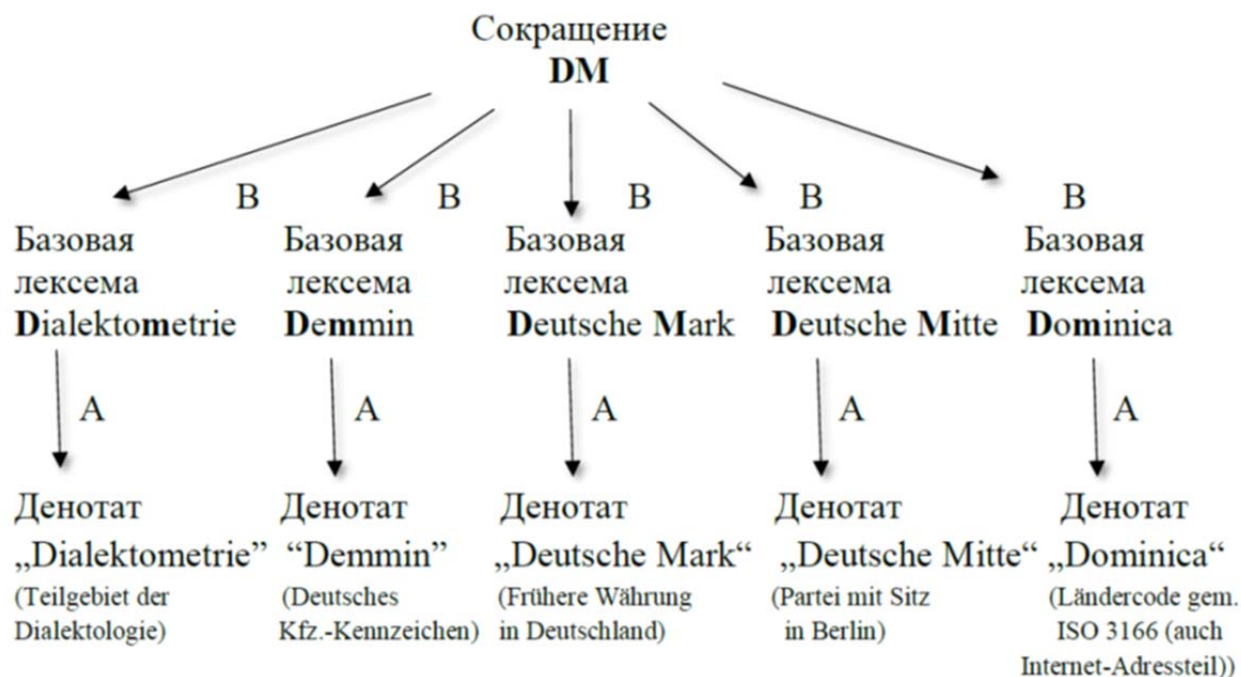

Рисунок 5 – Аббревиатурная омонимия

Из схемы видно, что сокращение DM имеет несколько мотивирующих основ: **Dialektometrie** (диалектометрия, раздел диалектологии), **Demmin** (Деммин, аббревиатура используется для государственного немецкого регистрационного номера автомобиля этого города), **Deutsche Mark** (немецкая марка, бывшая денежная единица ФРГ), **Deutsche Mitte** (Немецкий Центнер, политическая партия со штаб-квартирой в Берлине), **Dominica** (Доминика, код страны согласно Международной организации по стандартизации). Очевидно, что весь омонимический ряд базовых лексем относится к разным сферам деятельности, в связи с чем проблема коммуникации специалистов внутри определённого терминологического поля сводится к минимуму, поскольку данное сокращение является дисциплинарным и его понимание не представляет сложности.

Помимо аббревиатуры DM в немецких научных текстах по диалектологии встречаются многие другие сокращения, имеющие омонимы, например:

RD = 1. **Regionaldialekt** (региональный диалект); 2. **Regierungsdirektor** (высокопоставленный правительственный чиновник); 3. **Rendsburg** (сокращение используется в качестве немецкого государственного регистрационного номера автомобиля города Рендсбург); 4. **Rettungsdienst** (спасательная служба);

BD = 1. **Basisdialekt** (базисный диалект); 2. **Bund** (сокращение используется в качестве немецкого государственного регистрационного номера автомобиля для бундестага, бундесрата и канцелярии президента); 3. **Bremgarten-Dietikon-Bahn** (Бремгартен-Дитикон, швейцарская узкоколейная железная дорога).

Как видно из примеров, большей частью аббревиатурная омонимия не представляет большой сложности для понимания благодаря употреблению сокращения в контексте. Однако, возможно и образование дублетных вариантов внутри единого терминологического поля. Так, сокращение *ma.* (*mundartlich* – диалектный) является многозначным вследствие его параллельного использования для мотивирующей основы *mittelalterlich* (средневековый). Оба сокращения в равной степени используются в немецкой диалектологии, и разделение в их значении возможно только с помощью ссылки на базовую лексику.

Заключение

Изучение и анализ сокращённых терминов показал, что большинство сокращений образуется на основе базовой лексики, поэтому не совсем корректно рассматривать аббревиацию как вид слово- или терминоподобия, поскольку краткие формы не создают новых слов или терминов, а лишь являются одним из вариантов их номинации. Исключения составляют сокращения, которые утратили связь с мотивирующей основой и употребляются как самостоятельные термины или слова, на базе которых или по аналогии с которыми могут создаваться другие лексические единицы.

Аббревиации подвергаются наиболее устойчивые и употребительные термины. В аспекте возникновения и употребления кратких форм термина выделяются следующие этапы развития:

1) авторская аббревиатура употребляется обычно одним исследователем в рамках его научного труда. Большая часть сокращений возникает как авторские. Исключения составляют те аббревиатуры, которые вводятся коллегиально группой учёных, исследующих ту или иную проблему. В этом случае сокращение возникает сразу как контекстуальное;

2) контекстуальная аббревиатура является более употребительной и используется рядом исследователей. На данном этапе развития возможно возникновение такого явления, как аббревиатурная синонимия в случае, если в рамках одной и той же дисциплины используются разные сокращения для одной мотивирующей основы. И авторские, и контекстуальные аббревиатуры нуждаются в ссылке на базовую лексику во избежание непонимания или неправильного понимания сокращённого термина;

3) отраслевая аббревиатура существует как единственно возможная в рамках терминологического поля определённой области знания. Отраслевая аббревиатура не имеет синонимичных вариантов, либо они считаются устаревшими. Такие сокращения при употреблении в контексте чаще всего обходятся без ссылки на базовую лексику, поскольку не представляют сложности понимания для специалистов;

4) общепринятая аббревиатура является последним этапом существования сокращения, поскольку употребляется за пределами терминоподобия дисциплины, к которой она относится, и понятна не только специалистам других направлений, но и неспециалистам. Стоит отметить, что очень небольшое количество сокращений становятся общепринятыми,

поскольку на общеязыковом уровне довольно часто возникает аббревиатурная омонимия, то есть сосуществование нескольких вариантов мотивирующих основ, для которых употребляется одна и та же краткая форма. Узкоспециальные термины редко переходят в разряд общепринятых аббревиатур, чаще всего это сокращённые названия стран, валют, употребление которых принято не только внутри языкового сообщества, но и в других языках.

Следует обратить внимание на то, что граница между установленными этапами развития сокращённых форм является достаточно размытой, и определить точно, когда аббревиатура переходит из одного разряда в другой, не представляется возможным (равно, как определить время, когда предтермин становится термином). Однако предложенное нами деление обусловлено самой природой человеческого знания, которое стремится к упорядочиванию и стандартизации, при этом постоянно развивается и меняется.

Исследование сокращений в области диалектологии немецкого языка выявило, что краткие формы термина используются преимущественно в научных текстах и в последнее время начинают проникать в устную коммуникацию специалистов. Однако создание и употребление большого числа сокращённых терминов в последнее время позволяет определить данный процесс терминообразования в качестве актуального и перспективного.

Библиографический список

- Антонов, В. П.* Тематические сферы функционирования инициальных, слоговых и смешанных аббревиатур в современном русском языке // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2013. №4. С. 27-33.
- Ахманова, О. С.* Словарь лингвистических терминов. М.: УРСС, 2004. 571 с.
- Берман, И. М.* О «вставочном» типе словообразования // Вопросы языкознания. 1959. № 2. С. 104-107.
- Гринёв-Гриневиц, С. В.* Терминоведение: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 304 с.
- Дюжикова, Е. А.* Терминологическая аббревиация как объект лингвистического исследования / Е. А. Дюжикова, Т. Н. Великода // Гуманитарные науки. 2015. № 3. С. 141-148.
- Лейчик, В. М.* Терминоведение: предмет, методы, структура. 3-е изд. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 256 с.
- Сенина, И. В.* Лингвистическая терминология в контексте становления и развития диалектологии немецкого языка / И. В. Сенина, В. Б. Меркурьева. Иркутск: Издательство ИГУ, 2020. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
- Суперанская, А. В.* Общая терминология. Терминологическая деятельность / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева. М.: УРСС, 2005. 288 с.
- Татаринов, В. А.* Общее терминоведение: энциклопедический словарь. М.: Московский Лицей, 2006. 528 с.
- Теркулов, В. И.* Параллельность слоговой и частично сокращённой аббревиатур / В. И. Теркулов, И. И. Крамаренко // Новые горизонты русистики. 2018. № 4. С. 44-49.

- Adelung, J. Ch.* Vollständige Anweisung zur deutschen Orthographie. Leipzig: Weygand, 1788. 426 S.
- Amann, K.* Alemannische Peripherie – bairisches Zentrum: Schriftsprachliche Kommunikation und Empfängerorientierung zwischen zwei Dialekträumen in Spätmittelalter und früher Neuzeit (Vorarlberg und Tirol) // *Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik*, 2016. № 83 (2). S. 131-174.
- Beckers, H.* Westmitteldeutsch // *Lexikon der germanistischen Linguistik*. Tübingen: Niemeyer Verlag, 1980. S. 468–473.
- Best, K-H.* Kürzungstendenzen aus der Sicht der Quantitativen Linguistik // *Sprachliche Kürze: Konzeptuelle, strukturelle und pragmatische Aspekte*. Berlin: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2007. S. 45-63.
- Bußmann, H.* *Lexikon der Sprachwissenschaft*. Stuttgart: Alfred Kröner Verlag, 1990. 903 S.
- Drewer P.* Terminologiemanagement: Grundlagen – Methoden – Werkzeuge / P. Drewer, K.-D. Schmitz. Berlin: Springer-Verlag, 2017. 237 S.
- Fleischer, W.* Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1971. 327 S.
- Glück, H.* Kontinuum // *Metzler Lexikon Sprache*. Stuttgart: Metzler Verlag GmbH, 2016. S. 364.
- Goebel, H.* Neuere Entwicklungen in der europäischen Dialektologie (1950-2000) / H. Goebel, G. Schiltz // *Geschichte der Sprachwissenschaften. Ein internationales Handbuch zur Entwicklung der Sprachforschung von den Anfängen bis zur Gegenwart*. Berlin: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG., 2006. S. 2352-2366.
- Grandel, S.* Morphosyntaktische Komplexität, Normalität und Sprachkontakt: Eine Projektskizze // *Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik*. 2017. № 84 (2/3). S. 152-177.
- Greule, A.* Kurzwörter in historischer Sicht // *Sprachliche Kürze: Konzeptuelle, strukturelle und pragmatische Aspekte*. Berlin: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2007. S. 118-131.
- Haas, W.* Jacob Grimm und die deutschen Mundarten // *Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik*. 1990. № 65 S. 1-20.
- Kloss, H.* Deutsche Sprache außerhalb des geschlossenen deutschen Sprachgebiets // *Lexikon der germanistischen Linguistik*. Tübingen: Niemeyer Verlag, 1980. S. 537–547.
- Kobler-Trill, D.* Das Kurzwort im Deutschen. Eine Untersuchung zu Definition, Typologie und Entwicklung. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1994. 238 S.
- König, W.* „Es darf nicht über die Exploratoren geschimpft werden“ / W. König, J. E. Schmidt, B. Ganswindt // *Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik*. 2016. № 83 (2). S. 193-207.
- Lenz, A. N.* Struktur und Dynamik des Substandards: Eine Studie zum Westmitteldeutschen (Wittlich/Eifel). Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2003. 449 S.
- Maitz, P.* Reviewed Work: Einführung in die Varietätenlinguistik. (Germanistik kompakt) by Ekkehard Felder // *Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik*. 2017. № 84 (1). S. 82-85.
- Maitz, P.* Sprachkontaktforschung – explanativ: Zur Einleitung // *Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik*. 2017. № 84 (2/3). S. 114-125.
- Mentrup, W.* Deutsche Sprache in Österreich und in der Schweiz / W. Mentrup, P. Kühn // *Lexikon der germanistischen Linguistik*. Tübingen: Niemeyer Verlag, 1980. S. 527-537.
- Möhn, D.* Niederdeutsch in der Schule. Handbuch zur niederdeutschen Sprach- und Literaturwissenschaft. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 1983. S. 631-660.
- Nakimov, N.* Ein gebrauchsbasierter Ansatz zur Analyse von code-mixing // *Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik*. 2017. № 84 (2/3). S. 308-335.
- Niebaum, H.* Westniederdeutsch // *Lexikon der germanistischen Linguistik*. Tübingen, Niemeyer Verlag, 1980. S. 458–464.
- Peters, J.* Regionale Variation der Stimmqualität: Eine Pilotstudie zum Hoch- und Niederdeutschen im Bersenbrückenland // *Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik*, 2018. № 85 (1). S. 1-34.

- Pfohl, E. Kurzwort-Lexikon, KWL: Wörterbuch der Abkürzungen und Kurzwortbezeichnungen aller Art in Sprache und Literatur, Politik, Amt und Schule, Verkehr und Sport, Kunst, Musik und Presse, Industrie und Handel, Bank- und Börsenwesen, Landwirtschaft und Technik, Verbands- und Genossenschaftsorganisationen, Vereinswesen, Propaganda usw. Stuttgart: Muth'sche Verlagsbuchhandlung, 1934. 394 S.
- Pröll, S. Warum Einsprachige integrieren müssen, Mehrsprachige aber nicht // Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik. 2017. № 84 (2/3). S. 336-360.
- Schirokauer, A. Frühneuhochdeutsch (1952) // Zur Entstehung der neuhochdeutschen Schriftsprache. Tübingen: Niemeyer, 1986. S. 112–195.
- Sinner, C. Varietätenlinguistik: Eine Einführung. Tübingen: Narr Francke Attempo Verlag GmbH & Co. KG, 2014. 318 S.
- Steinhauer, A. Sprachökonomie durch Kurzwörter. Bildung und Verwendung in der Fachkommunikation. Tübingen: Günter Narr Verlag, 2000. 368 S.
- Wrede, F. Deutsche Dialektgeographie. Berichte und Studien über G. Wenkers Sprachatlas des Deutschen Reichs. Marburg: N.G. Elwert Verlag, 1915. 80 S.
- Zehetner, L. Deutsche Dialektographie. Marburg: Elwert Verlag, 1978. 390 S.

References

- Adelung, J. Ch. (1788). Complete instructions on German orthography [Vollständige Anweisung zur deutschen Orthographie], Leipzig, Weygand. 426 p.
- Antonov, V. P. (2013). Thematic functions of the functioning of initial, syllabic and mixed abbreviations in the modern language, *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.F. Katanova*, 4: 27-33. [in Russian]
- Akhmanova, O. S. (2004). Dictionary of linguistic terms, Moscow, URSS. 571 p. [in Russian]
- Amann, K. (2016). Alemannic periphery - Bavarian center: written language communication and recipient orientation between two dialect areas in the late Middle Ages and early modern times (Vorarlberg and Tyrol) [Alemannische Peripherie – bairisches Zentrum: Schriftsprachliche Kommunikation und Empfängerorientierung zwischen zwei Dialekträumen in Spätmittelalter und früher Neuzeit (Vorarlberg und Tirol)], *Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik*, 83(2): 131-174.
- Beckers, H. (1980). West Central German [Westmitteldeutsch], *Lexikon der germanistischen Linguistik*. Tübingen, Niemeyer Verlag. Pp. 468–473.
- Berman, I. M. (1959). On the "intercalated" type of word formation, *Voprosy yazykoznaniya*, 2. Pp. 104-107. [in Russian]
- Best, K-H. (2007). Shortening tendencies from the point of view of quantitative linguistics [Kürzungstendenzen aus der Sicht der Quantitativen Linguistik], *Sprachliche Kürze: Konzeptuelle, strukturelle und pragmatische Aspekte*, Berlin, Walter de Gruyter GmbH & Co. KG. Pp. 45-63.
- Bußmann, H. (1990). Lexicon of Linguistics [Lexikon der Sprachwissenschaft], Stuttgart, Alfred Kröner Verlag. 903 p.
- Drewer, P., Schmitz, K.-D. (2017). Terminology management: basics - methods - tools [Terminologiemanagement: Grundlagen – Methoden – Werkzeuge], Berlin, Springer-Verlag. 237 p.
- Dyuzhikova, Ye. A., Velikoda T. N. (2015). Terminological abbreviation as an object of linguistic research, *Gumanitarnyye nauki*, 3. Pp. 141-148. [in Russian]
- Fleischer, W. (1971). Word formation in contemporary German [Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache], Leipzig, VEB Bibliographisches Institut. 327 p.
- Glück, H. (2016). Continuum [Kontinuum], *Metzler Lexikon Sprache*, Stuttgart, Metzler Verlag GmbH. 364 p.
- Goebel, H., Schiltz G. (2006). Recent Developments in European Dialectology (1950-2000) [Neuere Entwicklungen in der europäischen Dialektologie (1950-2000)], *Geschichte der*

- Sprachwissenschaften. Ein internationales Handbuch zur Entwicklung der Sprachforschung von den Anfängen bis zur Gegenwart*, Berlin, Walter de Gruyter GmbH & Co. KG. Pp. 2352-2366.
- Grandel, S. (2017). Morphosyntactic Complexity, Normality, and Language Contact: A Project Outline [Morphosyntaktische Komplexität, Normalität und Sprachkontakt: Eine Projektskizze], *Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik*, 84 (2/3): 152-177.
- Greule, A. (2007). Short words in a historical perspective [Kurzwörter in historischer Sicht], *Sprachliche Kürze: Konzeptuelle, strukturelle und pragmatische Aspekte*, Berlin, Walter de Gruyter GmbH & Co. KG. Pp. 118-131.
- Grinyov-Grinevich, S. V. (2008). Terminology: study guide for students of higher educational institutions, Moscow, Izdatel'skiy tsentr «Akademiya». 304 p. [in Russian]
- Haas, W. (1990). Jacob Grimm and the German dialects [Jacob Grimm und die deutschen Mundarten], *Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik*, 65: 1-20.
- Kloss, H. (1980). German language outside the closed German language area [Deutsche Sprache außerhalb des geschlossenen deutschen Sprachgebiets], *Lexikon der germanistischen Linguistik*, Tübingen, Niemeyer Verlag. pp. 537–547.
- Kobler-Trill, D. (1994). The short word in German. An investigation into definition, typology and development [Das Kurzwort im Deutschen. Eine Untersuchung zu Definition, Typologie und Entwicklung], Tübingen, Max Niemeyer Verlag. 238 p.
- König, W., Schmidt J. E., Ganswindt B. (2016). "The explorers must not be scolded" [„Es darf nicht über die Exploratoren geschimpft werden“], *Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik*, 83 (2): 193-207.
- Lenz, A. N. (2003). Structure and dynamics of the substandard: A study on West Central German (Wittlich / Eifel) [Struktur und Dynamik des Substandards: Eine Studie zum Westmitteldeutschen (Wittlich/Eifel)], Stuttgart, Franz Steiner Verlag. 449 p.
- Leychik, V. M. (2007). Terminology: subject, methods, structure, Moscow, Izdatel'stvo LKI, 2007. 256 p. [in Russian]
- Maitz, P. (2017). Reviewed Work: Introduction to Variety Linguistics. (German studies compact) by Ekkehard Fel-der [Reviewed Work: Einführung in die Varietätenlinguistik. (Germanistik kompakt) by Ekkehard Felder], *Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik*, 84 (1): 82-85.
- Maitz, P. (2017). Language contact research – explanatory: To the introduction [Sprachkontaktforschung – explanativ: Zur Einleitung], *Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik*, 84 (2/3): 114-125.
- Mentrup, W., Kühn P. (1980). German language in Austria and Switzerland [Deutsche Sprache in Österreich und in der Schweiz], *Lexikon der germanistischen Linguistik*, Tübingen, Niemeyer Verlag. Pp. 527–537.
- Möhn D. (1983). Low German at school [Niederdeutsch in der Schule], *Handbuch zur niederdeutschen Sprach- und Literaturwissenschaft*, Berlin, Erich Schmidt Verlag, Pp. 631–660.
- Nakimov, N. (2017). A usage-based approach to code mixing analysis [Ein gebrauchsbasierter Ansatz zur Analyse von code-mixing], *Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik*, 84 (2/3): 308-335.
- Niebaum, H. (1980). West Low German [Westniederdeutsch], *Lexikon der germanistischen Linguistik*, Tübingen, Niemeyer Verlag. Pp. 458–464.
- Peters, J. (2018). Regional variation in voice quality: a pilot study on High and Low German in Ber-senbrückenland [Regionale Variation der Stimmqualität: Eine Pilotstudie zum Hoch- und Niederdeutschen im Bersenbrückenland], *Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik*, 85 (1): 1-34.
- Pfohl, E. (1934). Short word lexicon: Dictionary of abbreviations and acronyms of all kinds in language and literature, politics, office and school, transport and sport, art, music and press, industry and trade, banking and stock exchange, agriculture and technology, associations - and cooperative organizations, associations, propaganda, etc. [Kurzwort-Lexikon, KWL: Wörterbuch der Abkürzungen und Kurzwortbezeichnungen aller Art in Sprache und Literatur, Politik, Amt

- und Schule, Verkehr und Sport, Kunst, Musik und Presse, Industrie und Handel, Bank- und Börsenwesen, Landwirtschaft und Technik, Verbands- und Genossenschaftsorganisationen, Vereinswesen, Propaganda usw.], Stuttgart, Muth'sche Verlagsbuchhandlung. 394 p.
- Pröll, S. (2017). Why monolinguals have to integrate, but multilinguals don't [Warum Einsprachige integrieren müssen, Mehrsprachige aber nicht], *Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik*, 84 (2/3): 336-360.
- Schirokauer, A. (1986). Early New High German (1952) [Frühneuhochdeutsch (1952)], *Zur Entstehung der neuhochdeutschen Schriftsprache*, Tübingen, Niemeyer. Pp. 112–195.
- Senina, I. V., Merkur'yeva V. B. (2020). Linguistic terminology in the context of the formation and development of dialectology of the German language, Irkutsk, Izdatel'stvo IGU. 1 CD-ROM. [in Russian]
- Sinner C. (2014). Variety Linguistics: An Introduction [Varietätenlinguistik: Eine Einführung], Tübingen, Narr Francke Attempto Verlag GmbH & Co. KG. 318 p.
- Steinhauer, A. (2000). Language economy through short words. Education and use in professional communication [Sprachökonomie durch Kurzwörter. Bildung und Verwendung in der Fachkommunikation], Tübingen, Günter Narr Verlag. 368 p.
- Superanskaya, A. V., Podol'skaya N. V. (2005). General terminology. Terminological activity, Moscow, URSS. 288 p. [in Russian]
- Tatarinov, V. A. (2006). General terminology: an encyclopedic dictionary, Moscow, Moskovskiy Litsey. 528 p. [in Russian]
- Terkulov, V. I., Kramarenko I. I. (2018). Parallelism of syllabic and partially abbreviated shortenings, *Novyye gorizonty rusistiki*, 4. Pp. 44-49. [in Russian]
- Wrede, F. (1915). German dialect geography. Reports and studies on G. Wenker's Linguistic Atlas of the German Empire [Deutsche Dialektgeographie. Berichte und Studien über G. Wenkers Sprachatlas des Deutschen Reichs], Marburg, N.G. Elwert Verlag. 80 p.
- Zehetner, L. (1978). German dialectography [Deutsche Dialektographie], Marburg, Elwert Verlag. 390 p.

УДК 004: [316.3:008]

ББК 74.58:73

DOI 10.51955/2312-1327_2021_3_202

РАЗВИТИЕ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ НА МАТЕРИАЛЕ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ МЕДИАТЕКСТОВ В СТУДЕНЧЕСКОЙ АУДИТОРИИ

*Галина Викторовна Михалева,
orcid.org/0000-0002-7580-1334,
кандидат педагогических наук, доцент
Ростовский государственный экономический университет,
ул. Большая Садовая, 69
Ростов-на-Дону, 344002, Россия
galinamikhaleva@list.ru*

Аннотация. В статье рассматривается методологический и методический инструментарий в исследовании проблем реализации образовательных и воспитательных задач средствами медиаобразования на материале телевизионных медиатекстов, включая разработку технологий и методик проведения учебных занятий в вузе с элементами медиаобразования, способствующих развитию межэтнической толерантности. Практические подходы базируются на методике выполнения литературно-имитационных, литературно-аналитических, театрализовано-ролевых заданий на материале произведений медиакультуры с опорой на ключевые понятия медиаобразования: медийные агентства, категории медиа, языки медиа, медийные технологии, медийные репрезентации, медийные аудитории. Медиаобразование позволяет решать конкретные воспитательные задачи во время обсуждения в студенческой аудитории телевизионных программ на тему межэтнической толерантности, которые заключаются в следующем: сформировать у студентов устойчивое чувство неприятия идеологии расовой, национальной, межэтнической, межконфессиональной интолерантности и экстремизма; развивать у студентов умения критического анализа медиатекстов на тему межэтнической толерантности; разрушать социальные предубеждения и стереотипы в студенческой среде; научить молодёжь различать приёмы медиаманипуляции и пропаганды межэтнической интолерантности в СМИ на основе критического анализа медиатекстов; расширить и обогатить культурно-исторический и социальный опыт молодёжной аудитории в сфере межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: межэтническая толерантность, телевизионные медиатексты, студенты, диалог культур, этностереотипы, медиаобразование, медиатекст, репрезентация, язык ненависти, национальная идентичность, этнокультура, ксенофобия.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта №19-013-00030 «Отражение проблемы межэтнической толерантности студенческой молодёжи в российском и англоязычном медиаобразовании постсоветского периода (1992-2020)», выполняемого в Ростовском государственном экономическом университете. Руководитель проекта – кандидат педагогических наук, доцент И. В. Чельшева.

DEVELOPMENT OF INTERETHNIC TOLERANCE AMONG UNIVERSITY STUDENTS ON THE MATERIAL OF TELEVISION MEDIA TEXTS

*Galina V. Mikhaleva,
orcid.org/0000-0002-7580-1334,
Cand. Sci. (Pedagogics), Associate Professor
Rostov State University of Economics,
69, B. Sadovaya str.
Rostov-on-Don, 344002, Russia
galinamikhaleva@list.ru*

Abstract. The article discusses the methodological and methodical tools in the study of realizing educational objectives by means of media education based on the material of television media texts, including the technologies and methods of conducting university practical classes with elements of media education to foster students' interethnic tolerance. Practical approaches are based on the methodology for performing literary-imitative, literary-analytical, theatrical role-playing activities on the material of media culture, based on the key concepts of media education: media agencies, media categories, media languages, media technologies, media representations, media audiences. Media education allows one to solve specific educational tasks in the discussion of television programs on the topic of interethnic tolerance in the student audience, which are as follows: forming a stable sense of rejecting the ideology of racial, national, interethnic, interfaith intolerance and extremism among university students; developing students' critical skills for analysing media texts on the topic of interethnic tolerance; destroying social prejudices and stereotypes in the university environment; teaching young people to define methods of media manipulation and the propaganda of interethnic intolerance in the media based on a critical analysis of media texts; expanding and enriching the cultural, historical and social experience of the youth audience in the field of intercultural communication.

Keywords: interethnic tolerance, television media texts, students, dialogue of cultures, ethnic stereotypes, media education, media text, re-presentation, hate speech, national identity, ethnic culture, xenophobia.

*В основе телевизионного произведения
лежит взаимодействие слова и изображения,
сочетание двух языков – языка зрительных
образов и языка словесных образов.*

Ю. Лотман

Введение

Проблемы межэтнической толерантности давно находятся в центре внимания СМИ по целому ряду объективных причин: активизация миграционных процессов, экспансия локальных этнических и национальных сообществ и диаспор, продвижение этнического многообразия и национальных культур, конкурентная борьба различных вещательных компаний и каналов за целевую аудиторию, расширение зрительской аудитории путём привлечения и учёта интересов новых социальных групп и этнических сообществ. С другой стороны, эта тематика актуализируется в связи с растущей угрозой распространения идеологии экстремистского и интолерантного характера, расовой дискриминации, ксенофобии, риторики

вражды и агрессии в отношении представителей отдельных национальностей, этносов, конфессий и культур.

В этой связи, очень часто поднимается вопрос о журналистской и гражданской ответственности СМИ, освещающих межэтнические отношения и конфликты. Отсюда толерантное и неконфликтное, объективное и непредвзятое освещение вопросов межэтнического взаимодействия в социуме средствами массовой информации – острая и актуальная проблема современного общества: «Недопустимо использование средств телерадиовещания в ущерб нравственным, законным интересам и правам личности, интересам государства, общества, а также для проповеди войны и насилия, национальной и религиозной нетерпимости, вражды, пропаганды жестокости и распространения порнографии, для манипулирования общественным мнением и монополизации права на гласность» [Егоров, 1995].

В настоящее время телевидение остаётся важным источником информации, освещающим события, происходящие в всем мире, но не всегда это освещение является толерантным, уважительным и объективным по отношению к иным культурам, странам и национальностям. Поэтому вслед за М.К. Мальковой мы считаем, что в вопросах, касающихся сохранения межэтнической культуры взаимоотношений в социуме, «в основу деятельности СМИ должна быть положена идея этнографического просвещения аудитории, основанного на толерантных принципах равенства этносов» [Малькова, 2014, с. 107].

С другой стороны, важно понимать, что решение этой проблемы лежит не только в плоскости деятельности медийных производителей, но и в плоскости формирования медиакомпетентной зрительской аудитории, способной критически воспринимать медийную информацию, содержащую этнические стереотипы, некорректные межэтнические сюжеты, язык ненависти и вражды. Решением этой важной воспитательной и развивающей задачи занимается медиаобразование, которое учит аудиторию «читать» явные и скрытые смыслы в медийных сообщениях, анализировать намерения авторов медиатекстов и их отношение к освещаемым событиям; различать факты и мнения; проверять достоверность информации, определять фейковые сообщения; сравнивать медиатексты аналогичной тематики; выявлять приёмы имплицитной медиаманипуляции; анализировать собственную реакцию и отношение к той или иной проблеме межкультурной коммуникации.

Материалы и методы

Материалом нашего исследования послужили современные аудиовизуальные произведения зарубежного и отечественного телевидения на тему межэтнической толерантности и диалога культур – новостные телепередачи, телевизионные дискуссии и интервью, телерепортажи, телесериалы с «этническим» компонентом, этнографические программы и

путевые телеочерки, ток-шоу, познавательно-образовательные телепередачи и другие неигровые жанры телевизионных передач.

Методика анализа телевизионных медиатекстов на тему межэтнической толерантности базировалась на выполнении студентами литературно-имитационных и литературно-аналитических, изобразительно-имитационных, театральнo-ролевых заданий на материале произведений медиакультуры с опорой на ключевые понятия медиаобразования: медийные агентства, категории медиа, языки медиа, медийные технологии, медийные репрезентации, медийные аудитории.

Кроме того, использовались сюжетный или повествовательный анализ аудиовизуального медиатекста, анализ медийных стереотипов, анализ персонажей телевизионных медиатекстов, идеологический анализ с целью развития критического мышления студенческой аудитории в отношении медиатекстов разных жанров на тему межэтнической толерантности.

Дискуссия

Основные жанры телевизионных медиапроизведений включают широкий спектр информационных медиатекстов (официальные и авторские информационные телевизионные сообщения и видеосюжеты, прямые телетрансляции событий, телевыступления и интервью, телерепортажи), телепередач аналитического характера (общие и тематические телеобозрения, пресс-конференции и дискуссии, дебаты и ток-шоу), а также художественных медиатекстов (путевые, научно-популярные и портретные телеочерки; эссе, сатирико-юмористические телепередачи и др.).

Теоретическо-методологическое и практическое содержание медиаобразования на материале телевидения представлено в работах некоторых ведущих российских исследователей [Шарилов, Чудинова, 2007; Fedorov, 2021; Fedorov, Levitskaya, 2020; Нечай, 1990; Murjukina, 2018; Михалева, 2019]. По мнению О.Ф. Нечай, телевизионная программа призвана выполнять социально-интегрирующую роль в социуме, которая заключается во «внедрении» социокультурных программ в зрительскую аудиторию, что, по сути, сближает её с народным фольклором [Нечай, 1990].

Медиаобразование детей и молодёжи на материале телевидения рассматривается в вышеперечисленных исследованиях как фактор социализации, выполняющий информационную, интегративную, социокультурную функции: «Содержание программ должно быть направлено на развитие человеческих ценностей: уважения и самоуважения, сотрудничества и терпения, культуры общения и т.п.; детям нужно видеть такие модели поведения, которые помогут им в жизни разрешить имеющиеся проблемы путём ненасилия» [Шарилов, Чудинова, 2007, с. 81].

Зарубежные учёные также рассматривают медиаобразование на материале телевизионных медиатекстов в контексте воспитания и развития у аудитории критического мышления в отношении содержания современных телевизионных медиатекстов [Buckingham, 1993; Oswell, 2002; Samaniego, Pascual, 2007].

Изучением проблемы отражения проблемы межэтнической толерантности в произведениях телевизионной медиакультуры разных видов и жанров занимаются многие отечественные и зарубежные исследователи современной медиакультуры [Чепкина, 2019; Frachon, Vargaftig, 1994; Weber, 2018; Ramasubramanian, 2007, 2011; Tukachinsky, 2015; Schaffer, 2014; Sonnett, Johnson, Dolan, 2015; Dukes, Gaither, 2017; Wiehl, 2014]. В данных исследованиях изучаются влияния социальных стереотипов, включая этностереотипы, на зрительские аудитории: «Ключом к улучшению медиа-имиджа этнических меньшинств, а также к минимизации потенциально антисоциальных эффектов повторяющихся стереотипов в СМИ, является образование и повышение социальной компетенции. Помощь, как этническому большинству, так и меньшинству потребителей СМИ в осознании необходимости изменений посредством обучения детей, родителей и сообщества о последствиях репрезентаций в СМИ может не только повысить критическое сознание медиапотребителей, которые станут более устойчивыми к вредным воздействиям СМИ, но также стимулировать общественность в сторону внедрения соответствующих изменений в отраслевых стандартах» [Tukachinsky, 2015, с. 17].

Непосредственно проблемы формирования и развития межэтнической толерантности детско-юношеской молодёжи на материале телевизионных медиатекстов средствами медиаобразования исследуются в некоторых научных работах современных российских и зарубежных авторских коллективов [Fedorov, 2015; Григорова, 2007; Muryukina, 2018; Chelysheva, Mikhaleva, 2020; Buckingham, 1993; Ramasubramanian, 2007; Shabbir, et al. 2014; Abbas, 2013; Baumann, Ho, 2014; Halloran, 1998; Sudbury, Wilberforce, 2006; Oswell, 2002]. «Будучи мощной индустрией, телевидение является крупной мишенью для критики. Телевидение – это одновременно и «зеркало», отражающее доминирующие социальные, культурные и моральные ценности в обществе, и канал информации, поддерживающий стереотипные представления и медиаобразы отдельных представителей данного общества. Телевидение часто обвиняют в дезинформации, распространении ложных идеалов и мифов, в причастности к росту агрессии среди подростков и молодёжи, к снижению интереса к чтению у молодёжи и психологическом манипулировании людьми» [Михалева, 2019, с. 78]. Отсюда в работе по профилактике межэтнической интолерантности в молодёжной среде основное внимание уделяется анализу роли СМИ в ограничении доступности межэтнических стереотипов, насаждаемых, например, новостными телепрограммами, анализу механизмов и приёмов конструирования интолерантных смыслов в СМИ. В частности, в некоторых исследованиях предлагаются следующие стратегии борьбы с экранными стереотипами: подход, развивающий критическое мышление зрительской аудитории, что является целью обучения медиакомпетентности, и подход, ориентированный на трансформацию медиатекстов путём опровержения или творческой переработки медиатекстов, которые имплицитно или

эксплицитно тиражируют негативные национальные или этностереотипы [Ramasubramanian, 2007].

Результаты

Проблемы межэтнической толерантности и свободы слова находят отражение в произведениях телевизионной медиакультуры разных видов и жанров. Начиная от официальных новостных программ разного уровня до телепрограмм развлекательного жанра – ток-шоу и телесериалов.

В новостных сюжетах «Первого канала» тематика толерантности затрагивается относительно редко, при этом репортажи в основном касаются проблемных ситуаций, курьёзных или трагических событий, связанных с толерантностью или интолерантностью за рубежом: сюжет о толерантности и расизме в мультфильмах У. Диснея (17.06.2020), сюжет «Цена политики открытых дверей, или сколько стоит европейская толерантность» (26.06.2016). В информационных телевизионных программах канала «Россия 24» также присутствуют преимущественно сюжеты о проблемах межэтнической толерантности за рубежом: «Толерантность Запада дошла до абсурда – Большой театр обвинили в расизме» (14.12.2019), «Немцы митингуют против показной толерантности» (20.08.2018), «Толерантность на грани: британским школьницам запрещают носить юбки» (18.01.2018), «Толерантность не для всех: в немецкой школе затравили русского ребёнка» (17.05.2017) и пр.

Репрезентация позитивных тенденций и аспектов расширения принципов межэтнической и расовой толерантности в мире, встречается намного реже в российских телепередачах информационного жанра: «В Еврейском музее и центре толерантности вспоминают жертв Холокоста» (27.01.2020), «В Еврейском музее и центре толерантности открылась выставка, посвящённая геноциду советского народа» (17.02.2021) и др.

В новостных телепрограммах регионального уровня можно встретить короткие заметки о Международном дне проявления толерантности, в которых репортёр берет интервью у представителей разных этнических и расовых меньшинств об отношении к ним жителей данного конкретного города или области. Например, в новостях Кировской области «Девятка ТВ» (бюро новостей «Давеча», 19.11.2019) в информационном выпуске в сюжете «Толерантность в Кирове» репортёр Е. Шарыгина заметила, что «Самые нетерпимые страны в мире – это Дания, Финляндия, Индия, Турция, Сингапур», а в России Конституцией регулируется только расовая дискриминация и вражда...

В ток-шоу «Время покажет» на «Первом канале» (25.04.2019) также прозвучала тема «Толерантная Европа»: участники программы обсуждали, стоит ли России идти по пути внедрения Европейской модели толерантности, чтобы европейцы считали Россию современным толерантным государством. Аналогичная риторика звучит в том же ток-шоу «Грани толерантности» (17.07.2019) и «Кризис толерантности на Западе» (23.10.2019). На канале «Спас» в дискуссионной телепередаче «Инквизиция толерантности»

(21.07.2020) также обсуждалась «обратная» сторона толерантности, связанная с искусственным навязыванием толерантности, насаждением лицемерной терпимости, практикой бойкота и репрессивных мер в отношении людей, не соблюдающих принципы толерантности и межэтнического разнообразия. В основном такие сюжеты касаются негативных последствий миграционного кризиса и политкорректности в Европе.

В аналитических и дискуссионных телепередачах по тематике расширения межэтнической толерантности в России и за рубежом в интервью с известными общественными деятелями, учёными, политологами, историками поднимаются такие противоречивые и проблематичные аспекты как границы толерантности и социальной терпимости; проблемы сохранения локальных этносов и культур; профилактика и борьба с ксенофобией, националистическими и экстремистскими движениями; манипулирование общественным сознанием в политических и идеологических целях; проблема этноцентризма и этностереотипов, проблемы «позитивной» дискриминации и другие. Например, в познавательной телепрограмме «От Адама до атома. Толерантность, или Жизнь с непохожими людьми» (22.06.2013) ведущий А. Асмолов вместе с коллегами-психологами В. Петренко, Г. Солдатовой и А. Тхостовым представили исторические, психологические и социальные аспекты проблемы межэтнической напряжённости, дискриминацию этнических меньшинств, борьбу с социальными и этностереотипами. В телепрограмме «Правила жизни» (03.02.2021) на телеканале «Культура» телеведущий С. Шумаков обсудил проблему толерантности в интервью с отцом Алексеем Уминским с религиозно-теологической точки зрения...

Значительным воспитательным и развивающим потенциалом обладают этнографические и путевые телевизионные передачи и телефильмы. Анализ этнографических телепередач и телефильмов об истории и самобытной культуре разных народов и стран в школьной и студенческой аудитории, на наш взгляд, поможет не только расширить социокультурный кругозор обучающихся, но и способствовать развитию уважительного отношения к представителям других народов и культур, конфессий и этносов. К примеру, можно отметить отечественный этнографический телепроект «Земля людей» (авторы А. Крastoшевский, А. Коряковцева, 2018), – цикл фильмов, повествующий о жизненном укладе малых народностей России, их традициях и обрядах. В числе культурно-познавательных телепередач о культуре и традициях других стран можно выделить: «Орёл и решка», «Путешествия Познера и Урганта», «Мир наизнанку», «Непутевые заметки», «Их нравы» и другие. Такие телефильмы и передачи расширяют социокультурный кругозор зрительской аудитории, и в какой-то степени способствуют развитию этнокультурного, этнографического и антропологического туризма среди молодёжи.

Аудиторную работу с телевизионными медиатекстами для изучения межэтнической толерантности, расовых предрассудков и национальной

идентичности целесообразно разделить на три основных этапа: преддемонстрационный, демонстрационный и постдемонстрационный.

Задачи преддемонстрационного этапа в целом определяются актуализацией базовой медийной терминологии, необходимой для анализа аудиовизуальных медиатекстов, с созданием необходимого уровня мотивации и интереса у обучающихся к изучаемой проблеме, а также с настроением на критический анализ медиатекстов на тему межэтнической толерантности и диалога культур.

На данном этапе важно учитывать, что зрительская аудитория интерпретирует содержание аудиовизуального медиатекста, исходя из своего жизненного опыта, заинтересованности в теме, внутренней установки и личного отношения к изучаемой проблеме, жизненных приоритетов, их собственного национального, расового, этнического происхождения, возраста, уровня образования, уровня коммуникативной и общекультурной компетенции [Silverblatt, 2001, с. 40-41].

На данном этапе необходимо рассмотреть такие важные для анализа телевизионных произведений указанной тематики ключевые понятия как «репрезентация», «социальные стереотипы», «национальный стереотип», «этностереотип», «толерантность», «расовая дискриминация», «диалог культур», «конфликт культур», «язык ненависти», «медийная манипуляция», «пропаганда», «национальная идентичность», «этноцентризм», «этнокультура», «ксенофобия», «этническое неравенство», «межнациональный конфликт» и другие.

В числе примерных заданий для данного этапа можно предложить следующие: спрогнозировать жанр телевизионного медиатекста, место и время действия в медиатексте, проблематику и примерное содержание аудиовизуального медиатекста по его названию, заставке, рекламному ролику, серии стоп-кадров, цитатам из медиатекста и пр. («категории медиатекстов»); проанализировать заставку, например, к этнографической телепередаче, ассоциативно-метафорическое значение заставки и её дизайн; обсудить причины того, почему авторы медиатекстов обращаются к национальным стереотипам или этностереотипам для репрезентации «типичных» представителей тех или иных наций, народностей, этносов или культур («медийные агентства»); составить со студентами список распространённых национальных стереотипов или этностереотипов («медийные репрезентации», «языки медиа»), с которыми они часто сталкиваются во время просмотра различных телевизионных каналов.

На данном этапе важно, чтобы обучающиеся научились дифференцировать факты и мнения (или мифы), которые очень часто используются в медиатекстах. Например, студентов можно попросить после просмотра отрывков из разных телепередач составить таблицу, в которой в одной колонке будут приведены факты о культуре той или иной народности или этноса, а в другой – субъективное мнение телеведущего о тех или иных традициях представленной этнической группы.

С целью расширения и обогащения культурно-исторического и социального опыта молодёжной аудитории в сфере межкультурной коммуникации и диалога культур, а также воспитания уважительного и толерантного отношения к традициям и обычаям других народов, на наш взгляд, целесообразно в студенческой аудитории анализировать познавательно-образовательные телевизионные программы этнографического характера, телепрограммы о путешествиях, традициях и обычаях малых народностей и этносов.

Задания для просмотрового или демонстрационного этапа работы студентов с телевизионным медиатекстом призваны помочь обучающимся научиться критически анализировать различные социальные и национальные стереотипы, связанные с репрезентацией представителей разных культур и народностей в анализируемых медиатекстах.

Если предполагается самостоятельный просмотр телепрограммы, то обучающиеся могут выполнить индивидуальные задания рефлексивно-ориентировочного характера, например, заполнить таблицу (Таблица 1), в которой нужно зафиксировать понравившиеся цитаты или эпизоды из телепрограммы и сопутствующие им собственные впечатления, комментарии или вопрос («языки медиа», «медийные аудитории», «медийные репрезентации», «медийные технологии»).

Таблица 1 – Таблица для заполнения во время самостоятельного просмотра телепрограммы

Цитата или эпизод из телепрограммы	Впечатления, комментарии или вопрос
....	
....	

На практическом занятии в студенческой аудитории можно провести анализ сценария просмотренной телепрограммы по тематике межэтнической толерантности (категория «медийные технологии»): описать место и время действия в программе, развитие сюжетной линии; составить характеристику действующих лиц и главных героев; определить кульминацию и развязку. После разбора технических, содержательных и идейных составляющих медиатекста можно предложить обучающимся выполнить творческое задание – трансформировать сценарий телепрограммы, заменив место или время действия, или героев программы. Затем – составить собственный сценарий телепрограммы аналогичного жанра.

Литературно-аналитические задания на материале телевизионных произведений могут базироваться на стилистическом анализе вербальных маркеров интолерантности («языки медиа»), в отношении представителей тех или иных этнических групп, присутствующих в речи ведущего или «гостей»

телепрограммы. Обучающимся целесообразно просмотреть серию телепередач и зафиксировать вербальные маркеры межэтнической нетерпимости и пропаганды интолерантности в речи героев телепрограммы, такие как: призывы к насильственным действиям или дискриминации в отношении представителей конкретных этносов и культур; одобрение насилия или агрессии; использование негативно окрашенной лексики в описании деятельности представителей какой-либо национальности; дезинформация и тактика запугивания; дискредитация и высказывания, порочащие репутацию представителей тех или иных наций, рас или этносов.

Контент-анализ содержания современных телевизионных программ на предмет трансляции ими интолерантных смыслов также будет способствовать развитию критического мышления студентов и неприятия идеологии расовой, национальной, межэтнической, межконфессиональной интолерантности и экстремизма. В этой связи после просмотра телепрограмм анализируемой тематики важно обратить внимание обучающихся на способы и приёмы передачи идеологии межэтнической нетерпимости («медийные репрезентации»): карикатурно-гипертрофированная или презрительно-ироническая репрезентация негативных стереотипов этнического характера; приписывание объекту интолерантности антиценностей или антидобродетелей [Чепкина, 2016, с. 24]; дихотомия «хорошие свои» – «плохие чужие»; риторика межэтнической и расовой ненависти (националистические лозунги и призывы к насилию) и пр. Такого рода задания призваны выработать у молодёжной аудитории стойкий «иммунитет» к медиаманипуляции и пропаганде на почве межнациональной и межэтнической нетерпимости в СМИ.

Идеологический анализ телевизионных произведений на тему межэтнической толерантности можно проводить на материале отечественных и зарубежных телевизионных программ. Пример практического задания («медийные репрезентации»): провести сравнительно-сопоставительный анализ новостных медиасообщений о событиях, связанных с соблюдением принципов толерантности, которые освещались в отечественных и зарубежных СМИ.

На рефлексивном этапе работы с телевизионными произведениями на тему межэтнической толерантности и диалога культур обучающиеся выполняют литературно-аналитические задания индивидуального характера для дальнейшего осмысления и понимания современных проблем, связанных с разными формами интолерантности, и путей их преодоления. В числе таких заданий можно привести написание рецензий, эссе, отзывов, предполагающих выражение собственного мнения и отношения к проблемам межэтнической толерантности, затронутым в телепрограмме, включая выражение собственной позиции в ситуациях морально-нравственного выбора, затронутых в медиатекстах на тему толерантного отношения к представителям разных народностей, наций, этносов и культур.

Заключение

Таким образом, медиаобразование позволяет решать конкретные воспитательные и развивающие задачи во время коллективного или индивидуального просмотра и обсуждения в студенческой аудитории телевизионных программ на тему межэтнической толерантности и уважительного отношения к представителям других народов, конфессий и этносов, а именно: сформировать у студентов устойчивое чувство неприятия идеологии расовой, национальной, межэтнической, межконфессиональной интолерантности и экстремизма; развивать у студентов умения критического анализа медиатекстов на тему межэтнической толерантности; разрушать социальные предубеждения и стереотипы в студенческой среде; научить молодёжь различать приёмы медиаманипуляции и пропаганды межэтнической интолерантности в СМИ на основе критического анализа медиатекстов; расширить и обогатить культурно-исторический и социальный опыт молодёжной аудитории в сфере межкультурной коммуникации.

Библиографический список

- Григорова, Д. Е. Факторы выбора медиаинформации (на материале реалити-шоу) // Медиаобразование. 2007. №3. С. 28-33.
- Егоров, В. В. Терминологический словарь телевидения: основные понятия и комментарии. М.: Изд-во Ин-та повыш. квалиф. работн. телевидения и радиовещания ФСТР, 1995. URL: https://www.mediagram.ru/netcat_files/108/110/h_10412277e3b1fb7519edd9261341a19a (Дата обращения: 03.05.2021)
- Малькова, В. К. Этническая тематика в российском информационном пространстве // Коммуникология. 2014. № 5 (3). С. 101-117.
- Михалева, Г. В. Технология использования аудиовизуальных медиатекстов о школе и вузе в медиаобразовательном процессе: на примере телевидения // Журнал Министерства народного просвещения. 2019, № 6(2). С. 77-88.
- Нечай, О. Ф. Ракурсы. О телевизионной коммуникации и эстетике. М.: Искусство, 1990. 119 с.
- Чепкина, Э. В. Проблемы толерантности в средствах массовой информации. Изд-во Урал. ун-та, 2016. 116 с.
- Шарикиов, А. В. Детское телевидение. Взгляд социолога / А. В. Шарикиов, В. П. Чудинова // Дети и культура / Отв. Ред. Б. Ю. Сорочкин. М.: КомКнига, 2007. С. 58-85.
- Abbas, T. 'Last of the dinosaurs': Citizen Khan as institutionalisation of Pakistani stereotypes in British television comedy // South Asian Popular Culture. 2013. № 11(1). Pp. 85-90. doi: 10.1080/14746689.2013.765221
- Baumann, S., Ho, L. Cultural schemas for racial identity in Canadian television advertising // Canadian Review of Sociology = Revue Canadienne de Sociologie, 2014. №51(2). Pp. 152-169. doi: 10.1111/cars.12040.
- Buckingham, D. Children Talking Television. The Making of Television Literacy. London: Routledge, 1993. 338 p.
- Chelysheva, I. V., Mikhaleva, G. V. Content Analysis of university students' interethnic tolerance reflected in Russian and English-language media education of the post-soviet period (1992-2000) // International Journal of Media and Information Literacy. 2020. №5 (1). Pp. 15-30. doi: 10.13187/ijmil.2020.1.15

- Dukes, K. N., Gaither, S. E. Black racial stereotypes and victim blaming: Implications for media coverage and criminal proceedings in cases of police violence against racial and ethnic minorities // *Journal of Social Issues*. 2017. № 73(4). Pp. 789–807. doi: 10.1111/josi.12248
- Fedorov, A. Russia in the Mirror of the Western Screen. Moscow: ICO “Information for All”, 2015. 117 p.
- Fedorov, A., Levitskaya, A. Typology and Mechanisms of Media Manipulation // *International Journal of Media and Information Literacy*. 2020. №5(1). Pp. 69-78. doi: 10.13187/ijmil.2020.1.69
- Fedorov, A. V. 100 most popular Soviet television movies and TV series: Opinions of film critics and viewers. Moscow: “Information for all”. 2021. 144 p.
- Frachon, C., Vargaftig, M. European Television: Immigrants and Ethnic Minorities (European media research). Luton: University of Luton Press. 1994. 300 p.
- Halloran, J. D. Ethnic Minorities and Television: A Study of Use, Reactions and Preferences // *Gazette* (Leiden, Netherlands). 1998. № 60(4), Pp. 305-324. doi: 10.1177/0016549298060004003
- Muryukina, E. Gender Analysis of Development of Subjects of School and University in the Soviet and Russian Documentary and Television Audiovisual Media Texts // *European Researcher*. 2018. *Series A*, 9(1). Pp. 34-41. doi: 10.13187/er.2018.1.34
- Oswell, D. (2002). Television, Childhood and the Home: A History of the Making of the Child Television Audience in Britain. Oxford: Oxford University Press. Available at: <http://www.oup.com/us/catalog/general/subject/FilmMediaPerformingArts/TVRadio/?view=usa&ci=9780198742609>
- Ramasubramanian, S. Media-based strategies to reduce racial stereotypes activated by news stories // *Journalism & Mass Communication Quarterly*, 2007. 84(2), 249-264. doi: 10.1177/107769900708400204
- Ramasubramanian, S. (2011). The impact of stereotypical versus counterstereotypical media exemplars on racial attitudes, causal attributions, and support for affirmative action. *Communication Research*, 38(4), 497-516. doi: 10.1177/0093650210384854.
- Samaniego, C. M., Pascual, A. C. (2007). The teaching and learning of values through television. *Review of Education*, 53, 5-21. doi: 10.1007/s11159-006-9028-6
- Schaffer, G. (2014). The Vision of a Nation: Making Multiculturalism on British Television, 1960-80. Palgrave Macmillan: Basingstoke: New York, 299 p. ISBN: 978-0-23-029298-7
- Shabbir, H.A., Hyman, M.R., Reast, J., Palihawadana, D. (2014). Deconstructing Subtle Racist Imagery in Television Ads. *Journal of Business Ethics*, vol. 123, 421–436. doi: 10.1007/s10551-013-1798-8
- Silverblatt, A. (2001). Media Literacy. Westport, Connecticut. London: Praeger, 449 p.
- Sonnett, J., Johnson, K. A., Dolan, M. K. (2015). Priming Implicit Racism in Television News: Visual and Verbal Limitations on Diversity. *Sociological Forum*, vol. 30, no. 2, 328–347. doi: 10.1111/socf.12165
- Sudbury, L., Wilberforce, F. (2006). The portrayal of black people in UK television advertising: perception and reality. *Journal of Consumer Behaviour*, 5(5), 465-476. doi: 10.1002/cb.195
- Tukachinsky, R. (2015). Where we have been and where we can go from here: Looking to the future in research on media, race and ethnicity. *Journal of Social Issues*, 71(1), 186-197. doi: 10.1111/josi.12104
- Weber, B. (2018). In Permanent Crisis: Ethnicity in Contemporary European Media and Cinema. *Ethnic and Racial Studies*, 41(3), 609-611. doi: 10.1080/01419870.2017.1339902
- Wiehl, A. (2014). The myth of European identity representation and construction of regional, national and European identities in German, French and international television news broadcasts. *InterDisciplines. Journal of History and Sociology*, Vol. 5 No. 1, available at: <https://ubib-ojs-dev.ub.uni-bielefeld.de/index.php/indi/article/view/1061>. doi: <https://doi.org/10.4119/indi-1061>

References

- Abbas, T. (2013). 'Last of the dinosaurs': Citizen Khan as institutionalisation of Pakistani stereotypes in British television comedy. *South Asian Popular Culture*, 11(1), 85-90. doi: 10.1080/14746689.2013.765221
- Baumann, S., Ho, L. (2014). Cultural schemas for racial identity in Canadian television advertising. *Canadian Review of Sociology = Revue Canadienne de Sociologie*, 51(2), 152-169. doi: 10.1111/cars.12040.
- Buckingham, D. (1993). Children Talking Television. The Making of Television Literacy. London: Routledge, 338 p.
- Chelysheva, I. V., Mikhaleva, G. V. (2020). Content Analysis of University Students' Interethnic Tolerance Reflected in Russian and English-Language Media Education of the Post-Soviet Period (1992-2000). *International Journal of Media and Information Literacy*, 5 (1), 15-30. doi: 10.13187/ijmil.2020.1.15
- Chepkina, E. V. (2016). Problemy tolerantnosti v sredstvakh massovoj informacii [Issues of Tolerance in Mass Media]. Publishing House of Ural University, 116 p. [in Russian]
- Dukes, K. N., Gaither, S. E. (2017). Black racial stereotypes and victim blaming: Implications for media coverage and criminal proceedings in cases of police violence against racial and ethnic minorities. *Journal of Social Issues*, 73(4), 789–807. doi: 10.1111/josi.12248
- Egorov, V. V. (1995). Terminologicheskij slovar' televidenija: osnovnye ponjatija i kommentarii [Terminological dictionary of television: basic concepts and comments]. Moscow. Available at https://www.mediagram.ru/netcat_files/108/110/h_10412277e3b1fb7519edd9261341a19a [in Russian]
- Fedorov, A. (2015). Russia in the Mirror of the Western Screen. Moscow: ICO "Information for All", 2015. 117 p.
- Fedorov, A., Levitskaya, A. (2020). Typology and Mechanisms of Media Manipulation. *International Journal of Media and Information Literacy*, 5(1), 69-78. doi: 10.13187/ijmil.2020.1.69
- Fedorov, A. V. (2021). 100 most popular Soviet television movies and TV series: opinions of film critics and viewers. Moscow: "Information for all", 144 p.
- Frachon, C., Vargaftig, M. (1994). European Television: Immigrants and Ethnic Minorities (European media research). Luton: University of Luton Press, 300 p.
- Grigorova, D. E. (2007). Faktory vybora mediainformacii (na materiale realiti-shou) [Factors for Selecting Media Information]. *Media Education. Mediaobrazovanie*, 3, 28-33. [in Russian]
- Halloran, J. D. (1998). Ethnic Minorities and Television: A Study of Use, Reactions and Preferences. *Gazette (Leiden, Netherlands)*, 60(4), 305-324. doi: 10.1177/0016549298060004003
- Malkova, V. K. (2014). Jetnicheskaja tematika v rossijskom informacionnom prostranstve [Ethnic themes in the Russian information space]. *Communicology*, 5 (3), 101-117. [in Russian]
- Mikhaleva, G. V. (2019). Tehnologija ispol'zovanija audiovizual'nyh mediatekstov o shkole i vuze v mediaobrazovatel'nom processe: na primere televidenija [Technology of using audiovisual media texts about school and university in media education: Television studies]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, 6(2), 77-88. [in Russian]
- Muryukina, E. (2018). Gender Analysis of Development of Subjects of School and University in the Soviet and Russian Documentary and Television Audiovisual Media Texts. *European Researcher. Series A*, 9(1), 34-41. doi: 10.13187/er.2018.1.34
- Nechaj, O. F. (1990). Rakursy. O televizionnoj kommunikacii i jestetike [Foreshortenings. About television communication and aesthetics]. Moscow, 119 p. [in Russian]
- Oswell, D. (2002). Television, Childhood and the Home: A History of the Making of the Child Television Audience in Britain. Oxford: Oxford University Press. Available at: <http://www.oup.com/us/catalog/general/subject/FilmMediaPerformingArts/TVRadio/?view=usa&ci=9780198742609>

- Ramasubramanian, S. (2007). Media-based strategies to reduce racial stereotypes activated by news stories. *Journalism & Mass Communication Quarterly*, 84(2), 249-264. doi: 10.1177/107769900708400204
- Ramasubramanian, S. (2011). The impact of stereotypical versus counterstereotypical media exemplars on racial attitudes, causal attributions, and support for affirmative action. *Communication Research*, 38(4), 497-516. doi: 10.1177/0093650210384854.
- Samaniego, C. M., Pascual, A. C. (2007). The teaching and learning of values through television. *Review of Education*, 53, 5-21. doi: 10.1007/s11159-006-9028-6
- Schaffer, G. (2014). *The Vision of a Nation: Making Multiculturalism on British Television, 1960-80*. Palgrave Macmillan: Basingstoke: New York, 299 p. ISBN: 978-0-23-029298-7
- Shabbir, H. A., Hyman, M. R., Reast, J., Palihawadana, D. (2014). Deconstructing Subtle Racist Imagery in Television Ads. *Journal of Business Ethics*, vol. 123, 421–436. doi: 10.1007/s10551-013-1798-8
- Sharikov, A. V., Chudinova, V. P. (2007). Detskoe televidenie. Vzgljad sociologa [Children's television. Sociologist's view. In: Children and Culture]. (Eds.) B.Yu. Sorochkin. Moscow, pp. 58-85. [in Russian]
- Silverblatt, A. (2001). *Media Literacy*. Westport, Connecticut. London: Praeger, 449 p.
- Sonnett, J., Johnson, K. A., Dolan, M. K. (2015). Priming Implicit Racism in Television News: Visual and Verbal Limitations on Diversity. *Sociological Forum*, vol. 30, no. 2, 328–347. doi: 10.1111/socf.12165
- Sudbury, L., Wilberforce, F. (2006). The portrayal of black people in UK television advertising: perception and reality. *Journal of Consumer Behaviour*, 5(5), 465-476. doi: 10.1002/cb.195
- Tukachinsky, R. (2015). Where we have been and where we can go from here: Looking to the future in research on media, race and ethnicity. *Journal of Social Issues*, 71(1), 186-197. doi: 10.1111/josi.12104
- Weber, B. (2018). In Permanent Crisis: Ethnicity in Contemporary European Media and Cinema. *Ethnic and Racial Studies*, 41(3), 609-611. doi: 10.1080/01419870.2017.1339902
- Wiehl, A. (2014). The myth of European identity representation and construction of regional, national and European identities in German, French and international television news broadcasts. *InterDisciplines. Journal of History and Sociology*, Vol. 5 No. 1. Available at: <https://ubib-ojs-dev.ub.uni-bielefeld.de/index.php/indi/article/view/1061>. doi: <https://doi.org/10.4119/indi-1061>

РАЗВИТИЕ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИГРОВОГО КИНЕМАТОГРАФА*

*Ирина Викторинвна Чельшева,
orcid.org/0000-0002-4968-9385,
кандидат педагогических наук, доцент,
зав. кафедрой педагогики и социокультурного развития личности
Ростовский государственный экономический университет,
ул. Большая Садовая, 69
Ростов-на-Дону, 344002, Россия
ivchelysheva@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются методологические и методические подходы к проблеме развития межэтнической толерантности студенческой аудитории на материале игрового кинематографа. Представлено внедрение цикла медиаобразовательных занятий в учебный процесс вуза на основе выявленных основных российских и зарубежных теоретических и методических концепций развития межэтнической толерантности, которые могут быть перспективной основой для дальнейшего успешного развития в российских условиях в контексте использования образовательных, воспитательных задач медиаобразования; разработки технологий и методик проведения учебных занятий в вузе с элементами медиаобразования, способствующих развитию межэтнической толерантности.

Автором представлен анализ занятий, фундаментальной основой которого выступают современные отечественные и зарубежные методики и технологии, получившие наибольшее распространение в современной медиаобразовательной практике. В основу работы с произведениями кинематографического искусства положены основные виды анализа произведений медиакультуры: автобиографический, структурный, критический, семиотический, идентификационный, анализ культурной мифологии, анализ ключевых персонажей и др.

Ключевые слова: медиа, медиаобразование, межэтническая толерантность, студенты, игровой кинематограф, творческие занятия, анализ медиатекста.

**Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта №19-013-00030 «Отражение проблемы межэтнической толерантности студенческой молодёжи в российском и англоязычном медиаобразовании постсоветского периода (1992-2020)», выполняемого в Ростовском государственном экономическом университете. Руководитель проекта – кандидат педагогических наук, доцент И. В. Чельшева.*

DEVELOPMENT OF INTERETHNIC TOLERANCE OF STUDENT YOUTH ON THE MATERIAL OF THE MOTION PICTURES

*Irina V. Chelysheva,
orcid.org/0000-0002-4968-9385,
Cand. Sci. (Pedagogics), Associate Professor,
Chair, Department of Pedagogy and
Sociocultural Development of Personality
Rostov State Economic University,
69, B. Sadovaya str.
Rostov-on-Don, 344002, Russia
ivchelysheva@yandex.ru*

Abstract. The article discusses methodological and methodical approaches to the problem of the development of interethnic tolerance of the student audience based on the material of fiction movies. The author presents the implementing of a cycle of media education classes in the educational process of a university based on the identified main Russian and foreign theoretical and methodological concepts for the development of interethnic tolerance, which can be a promising basis for further successful development in Russian conditions in the context of using educational, educative tasks of media education; development of technologies and methods for conducting training sessions at the university with elements of media education, contributing to the development of interethnic tolerance.

The author presents an analysis of classes, the fundamental basis of which is modern domestic and foreign methods and technologies that are most widely used in modern media education practice. The work with feature films is based on the main types of analysis of works of media culture: autobiographical, structural, critical, semiotic, identification, analysis of cultural mythology, analysis of key characters, etc.

Keywords: media, media education, interethnic tolerance, students, motion pictures, creative activities, analysis of the media text.

Введение

Произведения игрового кинематографа обладают огромным воспитательным потенциалом. Об этом свидетельствует история кино- и медиаобразования в России и за рубежом. Актуальность воспитательных возможностей медиаобразования в наши дни связана с активным включением медиаресурсов в жизнь современного молодого поколения, что предопределяет, в свою очередь, поиск и использование приемов, методов и технологий медиапедагогики в осуществлении патриотического, нравственного, эстетического воспитания молодежи. Развитие и совершенствование методической базы отечественного медиаобразования выдвигает на первый план задачу популяризации опыта медиаобразовательной деятельности, целью которой выступает знакомство «с методиками, формами, технологиями и подходами к медиаобразованию, направленное на развитие межкультурной толерантности студенческой молодежи на материале лучших практик отечественного и зарубежного медиаобразования, которые могут быть перспективной основой для дальнейшего успешного развития в российских условиях» [Челышева, 2020].

Можно согласиться с мнением В.Ш. Масленниковой о том, что «в процессе восприятия и осмысления фильма происходит идентификация зрителя с героями и позицией автора произведения, эмпатическое проникновение во внутренний мир и сочувствие персонажам, глубокое эмоциональное переживание сюжетных коллизий, обогащающее зрителя опытом жизни людей, непохожих на него («инаких»))» [Масленникова, 2016, с. 70]. Поэтому обращение к материалу художественного кинематографа в развитии межэтнической толерантности студенческой молодежи продиктовано спецификой культурного кода произведений кинематографического искусства, которая предопределяет многообразие функций художественного фильма, его социализирующую роль и воспитательное влияние на подрастающее поколение.

Материалы и методы

Материалом для данного исследования выступают произведения художественного кинематографа, посвященные проблемам межкультурной коммуникации, межэтнической толерантности и межнациональному взаимодействию. Медиаобразовательные подходы к изучению кинематографического материала базируются на методике выполнения традиционных медиаобразовательных модулей. В процессе исследования структурных компонентов произведений художественного кинематографа в работе со студентами мы опирались на основные виды анализа произведений медиакультуры: автобиографический, структурный, критический, семиотический, идентификационный, анализ культурной мифологии, анализ ключевых персонажей и др. Практические задания, использованные в проведении медиаобразовательных занятий со студентами включают в себя наиболее продуктивные методы и подходы современного отечественного и зарубежного (англоязычного) медиаобразования.

Дискуссия

Тема межнациональных отношений, диалога представителей разных народов и культур нашла свое отражение в многочисленных художественных фильмах разных жанров. Как показал проведенный анализ, проблема межэтнической толерантности представлена в фильмах драматического жанра разных лет: «Крик свободы», реж. Р. Аттенборо. Великобритания, 1987 г.; «Шофер мисс Дейзи», реж. Б. Бересфорд. США, 1989 г.; «Прислуга», реж. Т. Тейлор. США, 2011 г. и др.; комедиях «Угадай, кто придет к обеду?», реж. С. Крамер. США, 1967 г.; «Попугай, говоривший на идиш», реж. Э. Севела, Германия, СССР, 1990 г.; «Жизнь прекрасна», реж. Р. Бенини. Италия, 1997 г.; «Итальянец», реж. А. Кравчук, Россия, 2005 г.; «12», реж. С. Михалков. Россия, 2007 г.; «Айка», реж. С. Дворцовой. Россия, Германия, Польша, Китай, Казахстан, 2018 г.; «Как я стал русским», реж. А. Сахелашвили и С. Хао. Россия-Китай, 2019 г. и др.; мелодрамах «Белая масаи», реж. Г. Хунтгебурт. Германия, 2005 г.; «Белль», реж. А. Асанте.

Великобритания, 2013 г.; «Телохранитель», реж. М. Джексон, США, 1992 г. и др.

Проблемы воспитания межкультурной толерантности рассматриваются в многочисленных исследованиях зарубежных научных работ. Учитывая все возрастающий риск разжигания межнациональной розни в современной молодежной среде, авторами отмечается необходимость осуществления целенаправленной работы по воспитанию межкультурной толерантности, начиная с школьной скамьи [J.O. Edwards, L. Derman-Sparks, 2010; J. Kafka, 2013; D. Webber & L. Mandel, 2008]. Целый ряд зарубежных и отечественных исследователей последних лет отмечают все возрастающую роль игрового кинематографа в процессе воспитания молодого поколения и формирования духовно-нравственных качеств развивающейся личности. В медиаобразовательном контексте особый интерес представляют работы зарубежных англоязычных исследователей, рассматривающих различные аспекты развития медиаграмотности в современном медиатизированном мире [L. Hagendoorn, Sh. Nekuee, 2018; R. Wallis, D. Buckingham, 2019; C. Worsnop, 2004].

Среди отечественных исследователей важное значение для освещения данной темы имеют научные работы О.С. Андреевой и М.В. Богдановой [Андреева, 2017], Е.Ю. Жмыровой, В.А. Монастырского [Жмырова, 2012], Е.Л. Кудрявцевой [Кудрявцева, 2014], В.Ш. Масленниковой [Масленникова, 2016], А.В. Федорова [Fedorov, 2016] И.В. Челышевой и Г.В. Михалевой [Chelysheva, 2013; 2020; 2021], О.Н. Яшиной [Яшина, 2019] и др.

Е.Ю. Жмырова и В.А. Монастырский одними из первых авторов в отечественном медиаобразовании выделили ряд педагогических условий, позволяющих эффективно использовать кинематографические произведения для формирования межкультурной толерантности студенческой аудитории в морально-нравственном контексте. Сюда входит и подбор фильмов соответствующей тематики, и формирование «базовых компонентов зрительской культуры учащихся, определяющие адекватность их взаимодействия с искусством кино» [Жмырова, 2012]. Немаловажную роль в этом процессе играет и позиция педагога в осмыслении художественного медиатекста: «в работе с фильмом в молодежной аудитории следует опираться на принципы «событийности» и «диалогового взаимодействия»; воспитателю необходимо сочетать скрытую педагогическую и отчетливую личностную позицию в процессе взаимодействия с учащимися по поводу фильма» [Жмырова, 2012].

Сходные позиции находим в более позднем исследовании В.Ш. Масленниковой. В числе важных условий эффективности использования кинематографических произведений в процессе воспитания межкультурной толерантности аудитории автором выделена разработка специальных занятий с использованием произведений кинематографа по данной проблематике, «отражающих многообразие ее аспектов и отвечающих определенным психолого-педагогическим и морально-эстетическим критериям» [Масленникова, 2015]. Еще одним важным

условием по мнению автора выступает учет базовых компонентов зрительской культуры учащихся, определяющих адекватность их взаимодействия с искусством кино» [Масленникова, 2016]. И, наконец, третьим немаловажным фактором является «педагогическое содействие постижению учащимися проблематики и смысла фильма, реализация принципов «событийности» и «диалогового взаимодействия» в работе с фильмом в молодежной аудитории, наличие отчетливой личностной позиций педагога в процессе взаимодействия с учащимися по поводу фильма» [Масленникова, 2016].

Рассматривая художественный кинематограф как вид искусства и СМК, Е.Л. Кудрявцева акцентирует внимание на важности осуществления педагогом аналитического подхода к изучению кинематографического произведения, так как «исторически, культурологически, нравственно и психологически подкованной и развитой аудитории ни один (даже явно пропагандистский) фильм не страшен, ибо человек, обладающий жизненным опытом, знаниями и критическим взглядом на мир и на предоставляемую информацию, свободен от постороннего влияния в своих поступках и решениях. Наша цель – воспитать в каждом из студентов самостоятельное мышление, начиная с желания расширить свой объем знаний по проблеме и заканчивая стремлением самостоятельно сделать выводы из полученной информации» [Кудрявцева, 2014].

Терапевтическая роль кинематографа в формировании установок этнической толерантности подрастающего поколения подчеркивается в исследовании О.С. Андреевой и М.В. Богдановой [Андреева, 2017]. В качестве основного инструмента изменения интолерантных установок аудитории выступает кинотерапевтическая методика: «за счет формирующего влияния данного метода интолерантные этнические установки могут смениться толерантными, или, по крайней мере, изменится степень выраженности интолерантных установок. Суть кинотерапии в данном случае в том, чтобы сместить акцент с восприятия преимущественно национальности человека на его общечеловеческую самооценку, уникальность, восприятие его как обычного человека» [Андреева, 2017].

Проблеме этностереотипов, представленных в художественных кинофильмах по проблеме межнациональных отношений посвящена работа О.Н. Яшиной [Яшина, 2019]. Автор резонно отмечает, что киноискусство «продолжает оказывать огромное влияние на формирование мировоззрения человека, его сознание и состояние психики. Кино меняет взгляды, формирует общественное мнение, образует и помогает преодолеть стереотипы, в том числе в такой важнейшей сфере как национальные отношения» [Яшина, 2019].

Результаты

Изучение и анализ художественных фильмов в процессе развития межэтнической толерантности студенческой молодежи включает в себя комплекс задач, связанных с осознанием серьезности проблем поддержания

конструктивного межэтнического и межконфессионального диалога в современном обществе, выработкой нравственных и мировоззренческих установок толерантного поведения в многонациональном мире. Кроме того, обращение к материалу отечественного и зарубежного художественного кинематографа разных лет позволяет молодому поколению проследить отражение данной проблемы в медиакультуре на разных этапах развития, познакомиться с основными видами и жанрами кинематографических медиапроизведений по теме межэтнической толерантности, обратиться к анализу данной проблемы в игровом кино на примере военного, исторического, драматического, комедийного, приключенческого и других жанров.

Важнейшим компонентом медиаобразовательных занятий выступает анализ произведений художественного кинематографа, осуществляемый с целью овладения умениями аргументировано их оценивать, соотносить суждение о медиатексте с собственным жизненным опытом, а также расширения мотивации студентов при выборе и восприятии произведений художественного кинематографа на тему межэтнических отношений. Согласно определению А.В. Федорова, в медиаобразовательном процессе осуществляется «комплекс видов анализа, включая контент-анализ, структурный, сюжетный, автобиографический, иконографический, семиотический, идентификационный, идеологический, философский, эстетический, этический, мотивационный, культивационный, герменевтический анализ, анализ медийных стереотипов, персонажей медиатекстов» [Федоров, 2014].

В процессе организации медиаобразовательных занятий важное значение отводится изучению терминологии и основных понятий, связанных с медиакультурой, медиаобразованием, спецификой медиаязыка, знакомству с разными видами анализа медиатекстов (в данном случае – художественных фильмов) и их спецификой. В связи с этим вводная часть занятия включает изложение теоретического материала и нацелена на формирование познавательного интереса студентов к творческому исследованию медиаматериала в контексте проблем межэтнической толерантности. С этой целью в ходе теоретического модуля занятия со студентами рассматриваются такие понятия как «этнос», «национальность», «межнациональные отношения», «конструктивный диалог», «язык вражды», «толерантная личность» и др.

Одной из ключевых тем в процессе анализа и обсуждения фильмов по теме межнациональных отношений и развития межэтнической толерантности выступает проблема нравственного и морального выбора, совершаемого человеком в разных жизненных ситуациях, представленных в произведениях художественного кинематографа. В ходе дискуссий и обсуждений студенты могут обратиться к материалам игровых фильмов межэтнической проблематики и аргументировать свои ответы, используя фрагменты и ключевые эпизоды из фильмов.

В ходе практических занятий студенческой аудитории традиционно предлагается цикл творческих медиаобразовательных заданий («литературно-имитационных, театрализовано-ролевых, изобразительно-имитационных» [Федоров, 2016]. Среди них – подготовка эссе по материалам просмотренного медиатекста, игровые имитационные задания, разработка мини-сценариев собственных медиатекстов по проблематике межэтнической толерантности и т.д. В процессе практического модуля занятий используется комплекс медиаобразовательных методик и технологий с применением таких технологических приемов как балинтовские группы, эссе, метод кейсов (case-study), сторителлинг (storytelling), «Думай самостоятельно/в парах/на аудиторию» и др.

Приведем несколько примеров организации медиаобразовательных заданий со студентами. Так, в ходе осуществления анализа ключевых персонажей медиатекста и работая в балинтовских группах с опорой на понятие «медийные репрезентации» (media representations), студентам предлагается найти и представить примеры моделей толерантного и интолерантного поведения героев фильма по отношению к представителям других этносов или национальностей. Для этого студенческая группа делится на три микрогруппы: одной группе необходимо подобрать и продемонстрировать фактический материал из фильма (небольшой эпизод), второй – подготовить аргументированный анализ представленной ситуации, а третьей – определить методы и пути конструктивного ее разрешения. В ходе выполнения задания очень важно, чтобы все три группы представляли аргументацию своего выбора, представляли обоснование и использовали необходимую доказательную базу. В этом случае в ходе занятия получается достичь конструктивного взаимодействия участников и способствовать развитию полноценного медиавосприятия, соответствующего уровня комплексной идентификации аудитории.

Безусловно, работая с художественными фильмами, необходимо углубить и расширить знания студентов о жанровой специфике художественных аудиовизуальных медиатекстов. С этой целью после изучения теоретического материала аудитории может быть предложено несколько фрагментов из художественных фильмов с целью определить, фильм какого жанра демонстрируется в настоящий момент. Для последующей работы с художественными фильмами по теме межэтнической толерантности в ходе следующих занятий студентам может быть предложено составить фильмографию в виде таблицы (см. таблицу 1).

Таблица 1 – Фильмография художественных фильмов по проблемам межэтнической толерантности

Жанр	Название художественного фильма	
Драма		
Мелодрама		
Комедия		

Детектив		
Приключения		
Триллер		
Фантастика		
Фильм ужасов и т.д.		

На следующем этапе работы, в ходе анализа медийных стереотипов студентам предлагается выявить в фрагментах из художественных фильмов разных жанров наиболее распространённые этностереотипы, присущие представителям той или иной национальности и аргументированно их представить аудитории. Данное задание носит индивидуальный характер. Как показывает практика организации данного задания, студенты наиболее активно выбирают для анализа стереотипные представления о своих сверстниках, сравнивают между собой наиболее типичные суждения о моделях поведения и жизненного уклада современной молодежи разных стран. В результате работы над выполнением задания в студенческой аудитории как правило разгораются жаркие дискуссии, в ходе которых обсуждаются темы межнациональных отношений, опасности и последствия разжигания межнациональной розни, проявлений экстремизма и ксенофобии.

Еще один вариант работы со стереотипными представлениями в игровом фильме может осуществляться в ходе подготовки театрализованных этюдов на тему презентации стереотипных персонажей и ситуаций, например, демонстрирующих стереотипные представления о разных национальностях и традициях разных народов. Данное задание выполняется в небольших группах. Подготовка театрализованных заданий на материале того или иного произведения медиакультуры на тему межэтнической толерантности позволяет студентам представить себя в роли разных персонажей, выбрать наиболее близкий образ, выработать конструктивные модели толерантного поведения в межэтническом диалоге.

Семиотический анализ медиатекстов включает в себя изучение знаков и символов, представленных в том числе и с помощью художественных средств художественного фильма. Поэтому в процессе медиаобразовательных занятий традиционно важное значение имеет изучение визуальных, аудиальных и аудиовизуальных особенностей того или иного медиатекста. Например, при изучении ключевого понятия «медийные технологии» (media technologies) студентам предлагается подобрать звуковое сопровождение и осуществить озвучивание ключевых эпизодов из фильмов разных жанров на тему межэтнической толерантности. Данное задание неизменно вызывает живой интерес студенческой аудитории, позволяет еще раз вернуться к обсуждению проблемы межэтнических отношений в молодежной среде, обосновать ее важность в современной ситуации.

Еще один вариант осуществления семиотического анализа игровых фильмов при изучении понятия «медийные репрезентации» (media representations) направлен на исследование семиотических кодов и символов, представленных в той или иной киноленте. В этом случае студентам

предлагается подготовить эссе, где необходимо представить символы и коды, свидетельствующие о межэтнической толерантности/интолерантности, включая характеристику моделей поведения главных и второстепенных персонажей; а также определить «технологические приемы, применяемые создателями медиатекста для выделения этих символов в аудиовизуальном ряде (применение цветосветовых, шумовых, звуковых решений; спецэффектов; изменение ракурса, плана показа этих символов; частота появления того или иного символа на экране и т.д.). В результате проведенной работы студенческая аудитория прогнозирует эффект применения технологических приемов, представленных в медиатексте на восприятие и понимание того или иного символа или знака» [Челышева, 2013].

В процессе автобиографического анализа медиатекста изучается понятие «язык медиа» (media language). Для этого может быть использовано творческое упражнение «Думай самостоятельно/в парах/на аудиторию» на материале ключевых эпизодов художественного фильма. Студентам предлагается несколько заданий, которые необходимо выполнить самостоятельно, а затем в группе или коллективно. К качеству индивидуального занятия аудитория, используя технологию «сторителлинг» (storytelling), составляет рассказ от имени персонажа фильма. При подготовке истории важным условием выступает передача характерных особенностей данного персонажа, его манеры общения, национальных особенностей и специфики самовыражения в словах, поступках и т.п. Затем студенты в ходе парной работы обсуждают возможные ситуации, которые могли бы происходить с героем фильма в других жизненных ситуациях. Такая трансформация позволяет студентам глубже проникнуть в замысел произведения, задуматься над репрезентацией ключевых эпизодов, идентифицировать себя с выбранным персонажем медиатекста.

В процессе коллективной работы можно попросить студенческую аудиторию дополнить сюжетные линии киноленты с опорой на личностный опыт, добавив в фабулу новые персонажи (представителей разных национальностей), описать их роль в решении проблемных ситуаций, возникающих в фильме, придумать диалоги и эпизоды с их участием и т.п.

Еще один вариант игрового задания, способствующего развитию медиавосприятия и аналитических умений аудитории, заключается в подготовке диалогов от имени героев аудиовизуальных медиатекстов, представленных в разных жанрах. Здесь важно обратить внимание аудитории на ключевые эпизоды медиатекста, где авторский текст, музыкальное сопровождение подбираются самими студентами, перед которыми стоит цель соответствия подобранных материалов основной идее медиапроизведения. Выполнение данного задания способствует лучшему пониманию специфики языка медиатекста, позволяет глубже проникнуть в суть социальных проблем, связанных с темой межэтнических отношений в современном обществе и ее отражением в отечественных и зарубежных художественных фильмов разных лет.

В ходе дальнейших занятий продолжается изучение жанровой специфики художественных фильмов. Одно из интересных имитационных заданий, позволяющих студентам почувствовать себя в роли сценаристов и продюсеров, определить целевую аудиторию того или иного произведения художественного кинематографа на тему межэтнической толерантности – подготовка мини-сценария по тематике межнационального диалога выполняется в работе над ключевыми понятиями «медийные агентства» (media agencies) и «медийные аудитории» (media audiences). Это задание носит коллективный характер и предполагает осуществление выбора конкретной тематики, определение его жанра (драмы, комедии, хоррора и др.), выбор названия медиатекста, подготовку краткой сценарной разработки, подбор выразительных средств (звук, музыка, шумы, цветовая гамма и т.п.), разработку макета коллективного проекта и его презентации, анализ проделанной работы.

На следующем этапе студенты представляют краткий анализ предстоящей рекламной кампании, в ходе которой им необходимо спрогнозировать и аргументировать возможный успех будущего медиатекста у зрительской аудитории. Что касается вида рекламного медиатекста будущего фильма, то здесь можно предложить студентам использовать рекламный анонс, трейлер, тизер, слоган и т.п.

В ходе подготовки рекламы будущего фильма студентам могут быть предложены опорные вопросы:

- Какой жанр фильма по проблематике межэтнической толерантности на Ваш взгляд может вызвать интерес широкой аудитории?
- Какие проблемы, связанные с межнациональными отношениями в фильме, будут наиболее интересны молодежи?
- Какие ключевые персонажи будут способствовать зрительскому успеху фильма о взаимоотношениях представителей различных этносов?
- Какие основные эпизоды необходимо включить в рекламу, чтобы она привлекала внимание к рассматриваемым проблемам?
- Какие визуальные символы и образы будут способствовать пониманию сути происходящих в фильме событий?
- Какие ключевые слова необходимо использовать в рекламе фильма для привлечения внимания аудитории к проблемам межэтнической толерантности?

Отвечая на эти и другие вопросы, студенты могут более точно представить модель рекламного продукта, определить целевую аудиторию и возможный социальный отклик на создаваемый медиапродукт.

Изучение в процессе сюжетного анализа ключевого понятия «категории медиа» (media categories) осуществляется с применением метода кейсов (case study). В ходе выполнения письменного задания студентам предлагается рассмотреть конкретные ситуации, происходящие с героем фильма по тематике межэтнической толерантности с изменением жанровой специфики фильма. Как показал анализ работ, данное задание позволяет студентам не только подробнее ознакомиться с жанровой спецификой

экранных медиатекстов, но и проявить фантазию, воображение, творческое мышление.

Заключение

Как свидетельствует анализ проведенных занятий, игровые фильмы различных жанров на тему межэтнической толерантности вызывают живой интерес студентов, акцентируют внимание молодежной аудитории на необходимость ведения конструктивного диалога с представителями иных культур и этносов, имеют важное значение для воспитания личностных качеств.

В процессе анализа произведений художественного кинематографа студенты существенно углубляют и расширяют знания в области медиаобразования, истории, терминологии медиакультуры, знакомятся с различными видами и жанрами экранных медиапроизведений. Кроме того, изучение и анализ произведений художественного кинематографа позволяет решать комплекс медиаобразовательных задач, включающих развитие аналитических умений, творческого воображения, познавательных интересов и креативных способностей. Как показал анализ проведенных занятий, особый интерес у молодых людей вызвали творческие задания, устные обсуждения экранных медиапроизведений, подготовка мини-сценариев и воплощение в жизнь своих творческих замыслов.

Анализ использования потенциала медиаобразования, включая формы и методы, направленные на развитие межэтнической толерантности современной молодежи, снижение медиарисков, связанных с экстремизмом, расовой непримиримостью, показал, что медиаобразовательные методики и технологии способствуют выработке самостоятельной, сознательной позиции уважения, доверия и миролюбивого отношения к другим народам, основанного на конструктивных диалогических позициях, ненасильственном взаимодействии и возможностях межкультурного обмена.

Представить себе процессы, связанные с развитием межэтнической толерантности подрастающего поколения на монологическом уровне невозможно, так как именно на позициях конструктивного диалога этносов, культур базируются основные положения коммуникации в целом. Расширение международных связей, необходимость межэтнического и межкультурного диалога в реальном и виртуальном пространстве, которым характеризуется современный мир, актуализирует проблемы межкультурной коммуникации. Несмотря на различие и многообразие медиаобразовательных подходов, инструментария и методов медиаобразования, которые могут применяться в процессе развития межэтнической толерантности молодого поколения, его главные векторы должны быть направлены на воспитание миролюбия и уважения к истории, культуре и традициям других этносов, культур, народов.

Фильмография художественных фильмов и сериалов на тему межэтнической толерантности и межнациональных отношений

Художественные фильмы:

- «Хиросима, моя любовь!», реж. А. Рене, Франция-Япония, 1959 (драма, мелодрама).
- «Угадай, кто придет к обеду?», реж. С. Крамер. США, 1967 (трагикомедия).
- «Крик свободы», реж. Р. Аттенборо. Великобритания, 1987 (драма, биография).
- «Миссиссиппи в огне», реж. А. Паркер, США, 1988 (криминальная драма).
- «Шофер мисс Дейзи», реж. Б. Бересфорд. США, 1989 (драма).
- «Попугай, говоривший на идиш», реж. Э. Севела, Германия, СССР, 1990 (комедия, приключения).
- «Телохранитель», реж. Мик Джексон, США, 1992 (мелодрама).
- «Список Шиндлера», реж. С. Спилберг, США, 1993 (драма).
- «Жизнь прекрасна», реж. Р. Бенини, Италия, 1997 (трагикомедия).
- «Такси», реж. Жерар Пире, Франция, 1998 (комедия).
- «Моя большая греческая свадьба», реж. Д. Цвик, Канада, США, 2001 (комедия).
- «Пианист», реж. Р. Полански, Польша, Франция, Великобритания, Германия, 2002 (драма).
- «Индийский ковбой», реж. N. Kamkolkar, США, 2004 (комедия).
- «Столкновение», реж. П. Хаггис, США, Германия 2004 (триллер, драма, криминал).
- «Белая масаи», реж. Г. Хунтгебурт. Германия, 2005 (мелодрама).
- «Итальянец», реж. А. Кравчук, Россия, 2005 (драма).
- «Мальчик в полосатой пижаме», реж. М. Херман, Великобритания, 2008 (драма, военный, история).
- «Прислуга», США, реж. Т. Тейлор. США, 2011 (драма).
- «Белль», реж. А. Асанте. Великобритания, 2013 (мелодрама).
- «Айка», реж. Сергей Дворцевой, Россия, Германия, Польша, Китай, Казахстан, 2018 (драма).
- «Как я стал русским», реж. А. Сахелашвили и С. Хао. Россия-Китай, 2019 (комедия).
- «Дружить по-русски», реж. В. Суджян, Франция, 2019 (драма, криминал).
- «Иуда и чёрный мессия», реж. Ш. Кинг. США, 2021 (биография, драма, история).

Сериалы:

- «Клан Сопрано», реж. Т. Ван Паттен, Д. Паттерсон, А. Култер и др, США, 1999.
- «Кухня», реж. Д. Дьяченко, Г. Крыжовников, А. Федотов, Россия, 2012-2016.

«Последний из Магикян», реж. Р. Гигинеишвили, А. Сахелашвили, Россия, 2013-2016.

«Дружба народов», реж. Ш. Муслимов, Россия, 2013.

«А у нас во дворе», реж. О. Музалева, 2012-2014.

Библиографический список

Андреева О. С. Кинотерапия как способ формирования межнациональной толерантности у студентов / О. А. Андреева, М. В. Богданова // Педагогическое образование в России. 2017. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kinoterapiya-kak-sposob-formirovaniya-etnicheskoj-tolerantnosti-u-studentov> (дата обращения: 01.06.2021).

Жмырова Е. Ю. Кинематография как средство воспитания толерантности у студентов / Е. Ю. Жмырова, В. А. Монастырский. Тамбов: Изд-во ТПО «Бизнес-Наука-Общество», 2012. 189 с.

Кудрявцева Е. Л. Общество как "контекст" произведения искусства и феномен цитирования из художественных кинофильмов в связи с понятием национальной личности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2014. № 4. С. 58-66.

Масленникова В. Ш. Кино как эффективное средство воспитания толерантности у учащейся молодежи // Социально-экономические и технические системы: исследование, проектирование, оптимизация. 2016. № 6(73). С. 66-73.

Чельшева И. В. Научно-образовательный центр «Медиаобразование и медиакомпетентность»: работа с учителями школ и преподавателями вузов. М.: Директ-Медиа, 2013. 264 с.

Чельшева И. В. Опыт организации цикла мастер-классов для педагогов по развитию межэтнической толерантности молодежи средствами медиаобразования // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2020. № 2. С. 81-89.

Яшина О. Н. Этностереотипы и стереотипы о миграции в современном кинематографе // Этнодиалоги. 2019. № 2(58). С. 40-46.

Chelysheva I. Model for Developing University Students' Interethnic Tolerance in the Context of Leading Modern Media Education Strategies in Russia and English-speaking Countries // I. Chelysheva, G. Mikhaleva // Media Education. 2020. N. 60(4), Pp. 581-590. DOI: 10.13187/me.2020.4.581

Chelysheva I. Programs and Projects for Fostering Interethnic Tolerance Among Youth: Foreign and Russian Experience / I. Chelysheva, G. Mikhaleva // Media Education. N 1, Pp. 45-53. DOI: 10.13187/me.2021.1.45

Edwards J. O. Anti-Bias Education for Young Children and Ourselves/ J. O. Edwards, L. Derman-Sparks Washington, DC: National Association for the Education of Young Children. 2010. 13 p.

Fedorov A. Dictionary of terms on media education, media pedagogy, media literacy, media competence: a dictionary. Moscow: Direct-Media. 2013. 62 p.

Fedorov A. Western cinema in the mirror of the Soviet film criticism // International Journal of Media and Information Literacy. 2016. N. 1(2), Pp. 75-107. DOI: 10.13187/ijmil.2016.2.75

Hagendoorn, L. Education and Racism: A Cross National Inventory of Positive Effects of Education on Ethnic Tolerance/ L. Hagendoorn, Sh. Nekuee. London: Rutledge. 2018. 287 p.

Kafka J. The History of "Zero Tolerance" in American Public Schooling (Palgrave Studies in Urban Education). New York: Palgrave Macmillan. 2013. 181 p.

Wallis R. Media Literacy: the UK's Undead Cultural Policy/ R. Wallis, D. Buckingham// International Journal of Cultural Policy. 2019. Vol. 25. N. 2. pp. 188-203.

Webber D. Totally Tolerant: Spotting and Stopping Prejudice (Scholastic Choices)/ D. Webber, L. Mandel. New York: Franklin Watts/ 2008. 112 p.

Worsnop C. Media Literacy Through Critical Thinking. Teacher Materials. Ed. By KC Lynch. 2004. URL: <https://mediaeducation.ucoz.ru/load/0-0-0-1092-20>. (дата обращения: 01.06.2021).

References

- Andreeva, O.S., Bogdanova, M.V. (2017). Film therapy as a way of forming ethnic tolerance among students. *Pedagogical education in Russia*, N. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kinoterapiya-kak-sposob-formirovaniya-etnicheskoy-tolerantnosti-u-studentov>. (accessed 01.06.2021). (In Russian).
- Chelysheva, I. (2013). *Scientific and educational center "Media education and media competence": work with school teachers and university teachers*. Moscow: Direct-Media, 264 p. (In Russian).
- Chelysheva, I. (2020). Experience in organizing a cycle of master classes for teachers on the development of interethnic tolerance of youth by means of media education. *Crede Experto: transport, society, education, language*, N. 2: 81-89. (In Russian).
- Chelysheva, I., Mikhaleva G. (2020). Model for Developing University Students' Interethnic Tolerance in the Context of Leading Modern Media Education Strategies in Russia and English-speaking Countries. *Media Education*. N. 60(4): 581-590. doi.: 10.13187/me.2020.4.581
- Chelysheva, I., Mikhaleva G. (2021). Programs and Projects for Fostering Interethnic Tolerance Among Youth: Foreign and Russian Experience. *Media Education*. N 1: 45-53. doi.: 10.13187/me.2021.1.45
- Edwards, J.O. & Derman-Sparks, L. (2010). *Anti-Bias Education for Young Children and Ourselves*. Washington, DC: National Association for the Education of Young Children. 13 p.
- Fedorov, A. (2016). Western cinema in the mirror of the Soviet film criticism. *International Journal of Media and Information Literacy*. 1(2): 75-107. doi: 10.13187/ijmil.2016.2.75
- Fedorov, A. (2014). *Dictionary of terms on media education, media pedagogy, media literacy, media competence: a dictionary*. Moscow: Direct-Media, 62 p.
- Hagendoorn, L., Nekuee Sh. (2018). *Education and Racism: A Cross National Inventory of Positive Effects of Education on Ethnic Tolerance*. London: Rutledge, 287 p.
- Kafka, J. (2013). *The History of "Zero Tolerance" in American Public Schooling (Palgrave Studies in Urban Education)*. New York: Palgrave Macmillan, 181 p.
- Kudryavtseva, E. (2014). Society as a "Context" of a work of art and the phenomenon of citation from feature films in connection with the concept of a national personality. *Polylingualism and transcultural practices*, N. 4: 58-66.
- Maslennikova, V. (2016). Cinema as an effective means of fostering tolerance among students. *Socio-economic and technical systems: research, design, optimization*. N. 6 (73): 66-73. (In Russian).
- Wallis R., Buckingham D. (2019), Media Literacy: the UK's Undead Cultural Policy. *International Journal of Cultural Policy*. Vol. 25. N. 2: 188-203.
- Webber, D. & Mandel, L. (2008). *Totally Tolerant: Spotting and Stopping Prejudice (Scholastic Choices)*. New York: Franklin Watts, 112 p.
- Worsnop, Chris M. (2004). *Media Literacy Through Critical Thinking. Teacher Materials*. Ed. By KC Lynch. URL: <https://mediaeducation.ucoz.ru/load/0-0-0-1092-20>. (accessed 01.06.2021).
- Yashina, O. (2019). Ethno-stereotypes and stereotypes about migration in modern cinema. *Ethnodialogi*. N. 2 (58): 40-46. (In Russian).
- Zhmyrova E., Monastyrskiy V. (2012). *Cinematography as a means of fostering tolerance among students*. Tambov: Publishing house TPOO "Business-Science-Society", 189 p. (In Russian).

УДК 82 (571.54)

ББК 83.3 (2 Рос. Бур)

С 57

DOI 10.51955/2312-1327_2021_3_230

СИСТЕМА КОММУНИКАТИВНЫХ УПРАЖНЕНИЙ ПО РАЗВИТИЮ РЕЧИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ НА ОСНОВЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ УСТНОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

*Сономбал Цыденович Содномов,
orcid.org/https://orcid.org/0000-00029276-0925,
доктор педагогических наук, профессор
Бурятский республиканский институт образовательной политики,
ул. Советская, 30
Улан-Удэ, 670000, Россия
sodnomov65@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается система коммуникативных упражнений, основанных на материалах фольклорного творчества бурят. Яркие произведения устного народного творчества созданы бурятами. Бурятский народ богат устным словесным творчеством, среди которого можем отметить мифы, легенды, улигеры, пословицы, поговорки, загадки, сказки и др. В данной статье материалами для разработки коммуникативных упражнений послужили пословицы, загадки и сказки. Коммуникативные упражнения при изучении эпоса «Гэсэр» разработаны и представлены в статье «Изучение бурятского героического эпоса «ГЭСЭР» в школе» в Международном информационно-аналитическом журнале «Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык» № 4, 2019 г. [Содномов, 2019].

В процессе знакомства с малыми жанрами бурятского фольклора младшие школьники познают жизнь, у них формируются умения художественного восприятия окружающего мира.

В данной статье описаны шесть групп коммуникативных упражнений, которые составляют систему. Данная система упражнений может быть использована педагогом начального образования на занятиях по бурятской детской литературе в начальной школе. Разработанная система коммуникативных упражнений направлена на формирование интонационных умений, умений находить и применять в речи выразительные средства бурятского языка, на формирование литературно-творческих умений и т.д.

Ключевые слова: младший школьник, устное народное творчество, родной бурятский язык, литературное развитие на бурятском языке, развитие устной речи, система упражнений, коммуникативные упражнения, выразительные средства родного бурятского языка.

THE SYSTEM OF COMMUNICATION EXERCISES FOR THE DEVELOPMENT OF VERBAL SKILLS OF PRIMARY SCHOOLCHILDREN ON THE BASIS OF FOLK LITERATURE

Sonombal T. Sodnomov
orcid.org/https://orcid.org/0000-00029276-0925
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Buryat Republican Institute of Education Policy,
St. Soviet, 30
Ulan-Ude, 670000, Russia
sodnomov65@mail.ru

Abstract. The paper discusses the system of communication exercises based on the materials of small genres of the Buryats folk literature. Buryat folklore consists of myths, legends, üligers, proverbs, sayings, riddles, fairy tales, etc. In this paper proverbs, riddles and fairy tales served as materials for communication exercises. Communication exercises for the development of verbal skills of primary schoolchildren in the study of the epic "Geser" were presented in the paper "Studying the Buryat heroic epic "Geser" at school" in the International Information and Analytical Journal "Crede Experto: Transport, Society, Education, Language" No. 4, 2019.

In the process of acquaintance with small genres of Buryat folklore, primary schoolchildren learn about life, they develop the skills of artistic perception of the world around them.

This paper describes six groups of communication exercises that make up the system. This system of exercises can be used by a teacher of primary school at the lessons of literary reading in the Buryat language in order to enrich and develop the native Buryat speech of primary schoolchildren. The exercises are aimed at the formation of intonation skills, the ability to find and use the expressive means of the Buryat language in speech, at the formation of literary and creative skills, etc.

Key words: primary schoolchild, folk literature, native Buryat language, literary development in the Buryat language, development of verbal skills, system of exercises, communication exercises, expressive means of the native Buryat language.

БАГА НАНАЙ ҺУРАГШАДАЙ ХЭЛЭЛГЭ ХҮГЖӨӨЛГЭДЭ ХЭРЭГЛЭХЭ КОММУНИКАТИВНА УПРАЖНЕНИУДАЙ СИСТЕМЭ

Introduction (Введение)

Эхин хургуулийн хурагшадай хэлэлгэ хугжөөлгэдэ буряад аман зохёолой бага жанрууд дээрэ үндэхэлхэн упражненинуудай удха шанар ехэ гээд тэмдэглэе.

Мүнөө үедэ буряад хэлэнэй шахардуу байдалда ороод байхада, хүүгэдэй хэлэлгэ хугжөөхэ аргуудые зохёохо эрилтэ манай нийтэ эрдэмтэ-методистнарай урда табина. Энэ ушарһаа уламжалан бага наһанай хурагшадай хэлэлгэ хугжөөлгэдэ хэрэглэхэ упражненинуудай системэ зохёохо зорилго урдаа табихан байнабди. Ушар тиимэхэ, түрэл арадайнгаа аман зохёол хэрэглэлгэ тон ехэ удха шанартай байна гэжэ онсодхон, тэдээн дээрэ үндэхэлхэн коммуникативна упражненинуудые зохёолго өөрын онсотой,

үүргэтэй, хурагшадай баян хэлэлгэтэй байлгадань нүлөөтэй байна гэжэ тэмдэглэнэбди.

Упражненинууд коммуникативна шэглэлтэй байжа, «гол шухалань уншалгын болон үгүүлбэрийн онсотой илгаануудые сахин, аман зохёолой текстнүүдые уншажа шадалга, өөрын үгөөр хөөрэхэдөө, өөрөө онтохонуудые, оньһон үгэнүүдые, таабаринуудые зохёоходоо арадай аман зохёолой зураглалгын болон уран болгодог аргуудые хэрэглэжэ шадаха болгоно» [Содномов, 2018, с. 137].

Зохёогдоһон упражненинууд хурагшадые буряад хэлэнэй уран хайханай аргуудтай танилсуулха зорилгоһоо гадна, зохёолнуудай үгүүлэл тайлбарилха, уран аргуудые хэлэлгэдээ хэрэглэхэ арга олоно. Эпитет, метафора, зэргэсүүлгэ г.м. бэшэшье аргууд хурагшадай ухаан болон бодолой гүйсэ эршэмдүүлхэ, эдэбхи дээшэлүүлхэ болоно.

Discussion (Дискуссия)

Арадай аман зохёол үзэлгэтэй дашарамдуулан бага наһанай хүүгэдэй хэлэлгэ хэлэлгэ хүгжөөлгэдэ олон эрдэмэй шэнжэлгэнүүд зорюулагданхай. Минии багша М.Р. Львов бага наһанай хургашадай хэлэлгэ хүгжөөлгэ «хэлэнэй фонетическэ, лексическэ, грамматическа аргуудые эзэмдэлгэ» тухай бэшэхэдээ, хэлэлгын соёлтой байха тухай тэмдэглэнэ. [Львов, 2011, с. 11]. Т.С. Троицкая «наблюдения над естественным бытованием считалок» хүүгэдэй хэлэлгэ хурса, дорюун болголгодо онсо үүргэтэй гэжэ бэшэнэ [Троицкая, 2004, с. 31], арадай аман зохёолой элдэб жанрууд дээрэ хүдэлэлгэ, бага наһанай хургашадта «опыт общения с разными литературными произведениями» олгодог байһаниинь тэмдэглэлтэй [Воюшина, 2007, с. 115], арадай аман зохёол хүүгэдэй уншагшын шадабари хүгжөөлгэдэ онсо үүргэтэй [Никитченков, 2013, с. 188]. О.А.Красильникова өөрынгөө эрдэмэй ажалнууд соо онсо анхаралаа «үгын нөөсэ баяжуулгада, үгүүлэлэй характеристикада, бодомжолжо хургалгада анхаралаа хандуулна [Красильникова, 2005, с. 11], арадай аман зохёолой уран аргууд хэлэлгэ баян, оншотой бололгодо онсо үүргэтэй [Аншакова, 2004], аман зохёол уншалга урлигай ондоо халбаринуудтай зэргэсүүлгэ ехэхэн нүлөө үзүүлнэ [Божок, 2011], аман зохёолой хэлэндэ онсо анхарал хандуулга хүүгэдэй хэлэлгэ элбэгжүүлнэ [Сердюк, 2011]. Олон тоото эрдэмтэд ород хэлэ үзэлгэтэй дашарамдуулан аман зохёолой жанрууд дээрэ элдэб янзын упражненинуудые дүүргэхэ тухай бэшэдэг байна [Бобровская, 2009; Кочерга, 2009; Соловейчик, 2010] г.м.

Монгол арадай аман зохёол хүүгэдэй хэлэлгэ хүгжөөлгэдэ мүн лэ үүргэтэй, энээн тухай Шанжмятавын Гаадамба «Уран дүрслэл, уран хэрэглүүр, үг хэллэг зэргийг ашиглан зохиол бүтээлийг ярихдаа өөрийн үзэл бодол, байр сууриа жишээ баримтаар нотлон эшлэл, хэсэглэл ашиглан ярих» гэжэ бэшэнэ.

Эрдэмтэ фольклорист М.П. Хамагановай тэмдэглэлээр "юрэнхы хэлэнэн олоной хэлэнэнэй хүсэтэй боложо, буряад хошоо үгэнүүд оньһон үгэнүүд болохые" эрмэлзэдэг, болодогыше. "Залхуу хүн забагтаа хүрэхэгүй"

гэһэн хошоо үгэ юрэнхылгын ехэ хүсэтэй боложо, оньһон үгэ болоһон; "залхуу хүн забагтаа хүрэхэгүй, заяанай муу уһандаа хүрэхэгүй" [Хамаганов, 1962, с. 105]. Фольклор хургуулида үзэхэ аргануудые шэнжэлһэн эрдэмтэн В.Ж.Хамаганов ябаган болон мэргэн үгэнүүдэй илгаае онсолон тэмдэглэнэ: "Оньһон үгэнүүдтэ удхаараа, байгуулгаараа дүтэрхы аман зохёолой үшөөнэгэ һалбари хошоо үгэнүүд болоно. Эдэнэр (хошоо үгэнүүд) юумэнэй үйлэ, байдалай, хүнэй ямар нэгэ тогтонижоһон онсо шэнжэ, шанарта сэгнэлтэ үгэдэг" [Хамаганов, 1983, с. 70].

Materials and methods (Материалы и методы).

Хүүгэдэй литературна хүгжэлтэдэ коммуникативна упражненинуудай онсо үүргэтэй байһаниинь мэдээжэ. Упражненинуудай системэ зохёон байгуулхадаа профессор М. П. Воюшинагай тодорхойһон литературна хүгжэлтын гол зорилгоһоо уламжалнабди «целью начального литературного образования будет являться литературное развитие учащихся, понимаемое как двусторонний процесс, направленное на формирование читателя и развитие литературного творчества детей» [Воюшина, 2007, с. 8].

Һурагшадай һуралсалай ажаябуулгын үйлэнүүд дээрэ үндэһэлэн упражненинуудые удаадахи түхэлнүүдтэ хубаажа болоно гэбэл:

- аман зохёолой үгүүлэлнүүдые адаглалга, зарим хэһэгүүдые зэргэсүүлэн жэшэлгэ;
- аман зохёолой удха, байгуулга, уран аргануудые анхарха, үгүүлэлнүүдые тайлбарилха;
- аман зохёолой хэһэгтэ, тулгаха зүйлнүүдтэ үндэһэлэн үгтэһэн эхиенё һажаажа, үгүүлэлнүүдые зохёолго;
- удхаарнь, шэнжээрнь, жанраарнь зохилдуулжа багшын үгтэһэн сэдэбээр гү, али тодорхой бодолоорнь үгүүлэлнүүдые бүтээлгэ;
- аман зохёолой үгүүлэлнүүдые уран һайханаар уншаха шадабари бүрилдүүлгэ;
- аман зохёолой үгүүлэлнүүдые үгүүлхэ, мүн аялгалха илгаае сахиха, өөрынгөө үгөөр хөөрэхэ шадабари бүрилдүүлгэ.

Эдэ түхэлнүүдые баримталан коммуникативна упражненинуудай системэ зохёон байгуулаад, бага һаһанай һурагшадай хэлэлгэ хүгжөөхэ арга ологогдобо.

Нэгэдэхи бүлэг упражненинуудай зорилгонууд гэбэл:

- аман зохёолой сэдэб, гол һанал, уран аргануудые нэрлэн тодорхойло шадабари бүрилдүүлхэ;
- аман зохёолой үгүүлэлнүүдые, үгүүлэлнүүдэй хэһэгүүдые найруулгын, жанрай, байгуулалгын талаар илгаруулха.

Аман зохёолой үгүүлэл анхаралтайгаар уншаха, найруулгыень адаглаха шадабари бүрилдүүлгэ буряад арадай онтохон дээрэ үндэһэлэн ябуулжа, онтохонуудые сэдэбээрнь бүлэглэхэ, эхиенё болон түгэсхэлыень олохо, уран үгэнүүдые илгаха шадабаритай болголго болоно.

Түрүүшын упражнени аман зохёолой үгын сан ойлгуулха зорилготой.

Онтохоной хэһэг соо «онтохоной» үгэнүүдые болон холбоонуудые олохо, удхыень тайлбарилха.

Үгытэй үншэн басаган баян хүнэй сар адуулдаг байба. Баян хүн сараа гаргаха гэжэ бодобо. үншэн басаган сартай эжэлшэһэн байгаа.

Басаган сараа хайрлажа, хажуудань ошоод бархирхадань, тэрэнь асууба:

– Ши юундэ бархирнабиш?

Тишэдэнь басаган харюусаба:

– Манай эзэн шамайе алаха гэжэ байна.

Сар урдаһаань иигэжэ хэлэбэ:

– Намайе алахадань ши зүрхэн сооһоомни гоё һайхан шулуу абаад, хүнэй ябаагүй газарта булаарай, тишэдэшни үнгын сэсэгүүд ургаад, дуратай юумыешни үгэхэ. үншье болонгүй сарнь алуулжа, тэрэ басаган зүрхэн сооһоонь гоё шулуу абажа, хүнэй ябаагүй газарта булаба. (Буряад арадай онтохон «Үгытэй үншэн басаган») [Гунгаров, 1983].

Онтохоной хэһэг сооһоо удхаараа дүтэрхы гү, али харша удхатай үгэнүүдые бэдэрэн олохо, ямар зорилготойгоор хэрэглэгдэнэб гэжэ тайлбарилан хэлэхэ.

Урдын урда сагта Алтай хангайн хормойдо, Ара голой эрьедэ аха дүү хоёр ажаһуудаг байгаа. Ахань үгытэй, харин дүүнь баян һэн.

Нэгэтэ аха дүү хоёр нэгэ үнээ буляалдаба. Дүүнь ахадаа үнээ үгэхэ дурагүй байжа, хаанда ахаяа зааба. Хаан хоюулыень дуудажэ асараад:

– Хэнтнай гурбан таабари таахаб, тэрэнтнай энэ үнээ абаха, – гэбэ ха.

Тишгээд «Дэлхэй дээрэ юун эгээл зөөлэн бэ?», «Дэлхэй дээрэ юун эгээл тарган бэ?», «Дэлхэй дээрэ юун эгээл хурдан бэ?» гэхэн таабари гурбан хоног соо таагаад ерэхыень даабари үгэбэ (Буряад арадай онтохон «Гурбан таабари») [Гунгаров, 1983].

Удаадахи упражненинууд онтохон соо хэрэглэгдэһэн уран аргуудые илган олохо, адаглаха шадабари бүрилдүүлхэ гэхэн зорилготой, гэхэтэй хамта зохёол шэнжэлхэ арга олгоно гээд тэмдэглэхэ шухала.

Эртэ урда сагта элдин буряад нютагта баян Балда алдартай, баггүй хажар һамгатай айлайхи һууһан юм. Тэрэ айлайхи эхэ эсэгэһээ гээгдэһэн үншэн ганса басагыё үргэжэ хүн болгохоннай гээд, хамаг зөөритэйнь хам шүүрэн абаба. Багахан тэрэ басагыё баянай һамган харшалжа, хоол, хубсаһаар илгадаг, хүхихэ наадахыень хоридог, хүндэ ажалда зарадаг байба.

Набша сэсэг дэлгэһэн нажарай һайхан нэгэ үдэр, наранай орохын хирэндэ үйһэн һуулга барюулаад, уһанда басагаяа эльгээбэ. Басаганай уһанай эрьедэ ошоод, ургы сэсэг түүхэдэжэ, уянгатай дуугаа дуулажа, удаахан наадажа һуутарнь, гааруу хажар эхэнь гартаа бургааһа далайгаад, галзуу шангаар хаихарба:

– Юундэ үни болобош, юу хэжэ һуубаиш? Юрэндэг буруутай шамайе һара наран абаашаһай! – гэхэн харша һамганай хараал шэрээл дуулахадаа, сохюулхаяа байһан тэрэ басаган гүйжэ бодохо зуураа:

– Аюулта энэ байдалхаам абарыт намайе, хара, наран! – гэжэ аһан шадалаараа ооглоод, үшөөһэн һөөг өөдэ гарашаба (Буряд арадай онтохон «харада гараһан найхан басаган»).

Нэгэ сэдэбтэй үгүүлэлнүүдые илгаруулха шадабари бүрилдүүлжэ, онтохоной үгүүлэлнүүдэй онсо илгааень ойлгон абаха шадабари олгохо.

«Ойн модод утатай, богонитой, олон зон хайтай, муутай» гэжэ урдань хүнүүд хэлсэдэг байгаа. Энээниие буруушааха аргагүй. Ой соо уташые, богонишые модод олон байдаг. Мүн тэрэшэлэн арад зоной дунда хайнишые, муушые хүнүүд үзэгдэдэг гэшиэ ааб даа.

Урда сагта Заган нютагта ажаһуудаг ухаасайтан угай нэгэ ноён байһан юм. Тэрэ ноён хатуу харуу һамгатай, хүүгэдгүй аад, эд зөөрөөр ехэ баян байгаа гэхэ. Тиимэхээ гэртэхи ажсалаа хүүлэжэ байхын тула Хитаахан гэдэг хүбүүе зараса болгон гэртээ байлгаба ха. Хүбүүн хамаг ажсалыень хээд лэ байдаг һэн. (Буряд арадай онтохон. «Хитаахан хүбүүн») [Гунгаров, 1983].

Буряд арадай дунда дэлгэрһэн таабаринууд байгааһин үзэгдэлнүүд, гэрэй ба зэрлиг амитад, хүнэй бэеын хубинууд, ажабайдалай хэрэгсэлнүүд, эрдэм һуралсал, Эхэ орон тухай гэхэ мэтэ темэнүүдтэ зорюулагдаһан байдаг (Буряд арадай таабаринууд тухай) Аман зохёолой үгүүлэлнүүдые, үгүүлэлнүүдэй хэһэгүүдые найруулгын, жанрай, байгуулалгын талаар илгаруулха бүрилдүүлхэ упражненинууд.

Үгтэһэн үгүүлэлнүүдые анхаран уншаад, алиниинь онтохоной үгүүлэл бэ гэжэ элирүүлэгты

а. Онһон үгэнүүд хүндэ һургаал, заабари хэлэһэн аман зохёолнууд. Онһон үгэнүүд элдэб олон темэнүүдтэ зохёогдоһон байдаг.

б. Үглөөгүүр саһан бургажса эхилбэ.

– Шубуунай зада оробо. Шубууд дулаан ороноо бусахань, – гэбэ эжсы.

Үдэ багта гаан-гуун гэхэн дуун хойто ой тээһээ дуулдаба.

Энэ үедэ би түлээгээ оруулжа байгаа һэм. Галуудай абьяан бүри дүтэ болобо. Тиигэхээр зэлэ татан хушуураад, галууд ниидэнэ. Тэдэнэй далинуудаа дэбихэнь дуулдана. Олон гэшиэнь! Янгар дээшээ хараад, һүүлээ шарбан гангинаба.

– Баяртай, галууд! Уулзатараа! – гэжэ һүхирбэб.

Хүгшэн эжсы хэрэлсы дээрээ гаража, хойноһоонь һарабшалжа:

– Ай, хөөрхы, доогуур ниидэжэ ошобо. Тарганаа орхёо. Малнай тарган ондо орохонь, – гэнэ.

Галууд һужааг дээрэ ошожо һууба. Тиигээд үдэшэ багта һүрэглэн ниидээ һэн.

в. Хаанай зарасануудай ерэхэдэ, баянайхи хараажса байжа үншэн басага гаргаба. үмэдхүүлжэ үзэхэдэнь, ехэ зохидоор таараба. үншэн басаган үнөөхи шулуундаа ошожо хубсалаад, хаанайда ошохо зэргэтэй болобо. Тиигэжэ үгытэй үншэн басаган хаанай бэри боложо, олон үритэй амар жаргажа һуугаа һэн. (Буряд арадай онтохон. «Үгытэй үншэн басаган»).

Үгүүлэлнүүдые анхаран уншаад, алиниинь онһон үгэ бэ гэжэ элирүүлэгты.

а. Шэжэр алтаар хубсалһан
Шэлдэг һайхан хуһад соо
Гал дүлэн үнгэтэй
Ганса модон улайна.

б. Тоншоноб, тоншоноб,
Толгоймни үбдэнэ.
Тоншоогүйдэм
Гэдэһэмни үлдэнэ.

в. Зүбыень хэлэхэдэ,
Зүрхэ хадхаха.
Үнэниень хэлэхэдэ.
Үлэ алдаха.

Онтохоной хэһэг ямар янзын онтохондо хабаатайб?

- а) амитад тухай
- б) ажабайдалай
- в) шэдитэ.

Урда сагта Заган нютагта ажалуудаг ухаасайтан угай нэгэ ноён байһан юм. Тэрэ ноён хатуу харуу һамгатай, хүүгэдгүй аад, эд зөөрээр ехэ баян байгаа гэхэ. Тиимэһээ гэртэхи ажалаа хүүлэжэ байхын тула Хитаахан гэдэг хүбүүе зараса болгон гэртээ байлгаба ха. Хүбүүн хамаг ажалыень хээд лэ байдаг һэн.

Онһон үгэнүүдэй удха тайлбарилагты.

- а) Биб гэһэн гансаараа,
Бидэ гэһэн олоороо.
- б) Горхо хараагүй аад,
Гуталаа тайлаба.

Хоёрдохи бүлэг упражненинууд бага жанрай аман зохёолой уран аргуудые элирүүлхэ, тэдэнэй үүргэ ойлгохо, тайлбарилха шадабари бүрилдүүлхэ зорилготой. Аман зохёолой үгүүлэлнүүдэй хэлэн дээрэ хүдэлхэдөө, зохёолой байгуулга ойлгохо, үгүүлэл шэнжэлжэ һураха хэрэгтэ дадхаан оруулха арга олгохо. Онтохоной, таабариин, онһон үгын онсонуудые ойлгожо, тусхай онсоорнь илгаруулха дадалтай болохо. Иимэ шадабари хожомоо өөһэдынгөө үгүүлэлнүүдые зохёоходонь үндэһэн боложо үгэхэ байна.

Онтохоной үгүүлэл дээрэ хүдэлхэдөө, үгүүлэлэй гол бодолой сэдэб, хэлэнэй баялигай, синтаксисай, болон абяанай талаар онсотой байдаг байгуулга ойлгохо. Онтохоной лексическэ аргуудые, синтаксисай түхэл хараадаа абажа, хабаадагша нюурнуудай үүргэ, сюжетүүдэйнэ һэлгээ элирүүлжэ һураха болоно. Тусхайлбал, «Хулгана тэмээн хоёр» гэһэн онтохо уншагты, үгын дабталгануудые элирүүлжэ, хаана, али үедэ һэлгээнүүд болоноб гэжэ элирүүлэгты. Ямар үгэнүүдээр хэлэнэб?

Онтохонуудай удха тайлбарилжа гол һанал бодол, сэдэбыень тодорхойлогты, эдэ шадабаринуудые удаадахи упражненинуудаар элирүүлжэ болоно. Жэшэнь, «Хулгана тэмээн хоёр» гэһэн онтохо уншагты, ямар онһон үгэнүүд онтохоной гол бодолыень тодрхойлноб?

1. Үндэр хадын орой хооһон,
□өдэрхы хүнэй толгой хооһон.
2. Ахань ахашаг байхадаа хайн,
Дүүнь дүүшэг байхадаа хайн.
3. Зүбыень хэлэхэдэ,
Зүрхэ хадхаха.
Үнэниень хэлэхэдэ.
Үлэ алдаха.

Онһон үгэнүүдэй гү, али үхибүүдэй өөһэдынь ханаһан гаршагуудай туһаар үгүүлэлэй хэһэгүүдтэ нэрэ үгэхэ. Жэшэнь: Онтохон шагнагты. Ямар нэрэ үгэбэл зохид байхаб?

Иимэ аргуудые, модельнуудые хэрэглэжэ, бага наһанай хурагшадай хэлэлгэ хүгжөөхэһөө гадна, тэдэнэй литературна хүгжэлтэ эршэдэнэ, үгүүлэлнүүдые илгаруулжа хурана.

1. Хэһэг уншаад, онтохоной уран найруулгаудые ологты.

Алтан наран ахань: «Арюухан басагаяа харгын хани болгожо, хажуудаа абажа ябаарай» – гээд, хара дүүдээ үгэһэн юм. хуулга бариһан басаган һөөгэй хажууда зогсон, мүнгэн сагаан харада хүрэтэрөө мүнхэрөө.

Тэрэ саһаа хойшо түби дэлхэйн арад зон үншэн хэнзэ багашуулые өөгшөөн хайрладаг болоһон юм. (Буряад арадай онтохон. «харада гараһан хайхан басаган».

2. Таабариинууд соо хэрэглэгдэһэн уран аргуудые ологты.

Хамаг юумэнһээ бага аад,

Халуун далайда тамардаг.

3. «Үнэгэнэй хани нүхэсэл» гэһэн онтохо анхаралтайгаар шагнаад, өөһэдөө онһон үгэнүүдые зохёогты.

Гурбадахи бүлэг упражненинууд эхин хургуулийн хурагшадта багшын дурадхаһан модельнуудаар, тулгаха үгэнүүдээр, үргэлжэл бэшэхэ үгүүлэлэй хэһэгүүдээр аман зохёолой үгүүлэлүүдые зохёохо хэлэлгын шадабари бүрилдүүлхэ зорилготой. Онтохон соо зураглагдаһан геройнуудые элирүүлхэ, баатарнуудта нэрэ ханаха, бусад зүйлнүүд дээрэ үндэһэлэн өөрын онтохо зохёохо даабаритай упражненинууд болоно.

Онтохо үргэлжэлүүлэн зохёохо шадабаритай болоно. Жэшэнь, эртэ урда сагта элдин буряад нютагта баян Балда алдартай, баггүй хажар хамгатай айлайхи хууһан юм.

Хоёр гурбан адлирхуу удхатай онтохонуудые удхаарнь хамтаруулжа өөрын онтохо зохёохо шадабари ололго болоно. Тиигэжэ хоёр-гурбан онтохонуудай гол геройнуудай нэрэнүүд нэгэ зэргэдэ абаха. Жэшэнь, Шарлай, Хитаахан, Балда баян, Үншэн басаган, хаан баабай г.м. тиихэдээ нэгэ онтохондо гурбан геройһоо олониие ханахагүй.

Мүн энэ бүлэг упражненинуудта бүлэг бүлэгөөр хүдэлхэ арга олгогдоно, тиихэдээ хурагшад бэе бэеэ шагнаха, тэсэмгэйгээр хандаха, бэе бэеынгээ үгэ дуулаха шадабаринуудтай болоно. Илангаяа хургалгын эхин үедэ хамтадаа хүдэлхэ шадабари бүрилдүүлгын эхи табиха. Тиихэдэ, хурагшад хүдэлмэриеэ өөһэдөө түсэблэжэ хураха. Нэгэдэхи бүлэгийн

хэлэлгын байдал тогтоохо гү, али тэрэнийе зураглаха, хэлэлгын даабари зохёохо, хэрэглэгдэхэ материал бэлдэхэ. Нүгөө бүлэгийн эбтэйгээр хүдэлжэ, даабариинь бээлүүлхэ. Гурбадахи бүлэгийн хиналгын ажал ябуулжа, хоёр бүлэгөө ажал сэгнэхэ. Литературна уншалгын хэшээлдэ бээ бээ хэлгэхэдэнь болохо.

1. Онтохоной хэхэг уншаад, зурагдаһан үгэнүүдые нэгэ түрэл хөөршөөһэн удхатай үгэнүүдээр хэлгэгты.

Хаанай хүбүүн дурлажа, тэрэ басага байлгахын тула үүдэндээ харуул табиба. Нааданай тарахын урда, басаганишье баригдангүй гэртээ ябашаһан байба.

2. Онтохоной үгүүлэл соо ушарһан юумэнэй нэрэнүүдтэ тэмдэгэй нэрэнүүдые һанагты.

Үбгэнэй нүхэнһөө гараад харан гэхэдэнь, хубсаһанишье угы, моринишье угы, үнэгэнишье угы байгаа гэхэ.

3. Үгүүлэлэй эхи онтохоной үгүүлэл боллогты. Ямар тэмдэгүүдээр тэмдэглэхэбта.

4. Тараһан таабари суглуула.

Хүбүүн, сагаахан, дуугай, ерэхэдээ, хэбтэхэдээ, бусахадаа, даруухан, бархирдаг.

5. Онтохон үргэлжэлүүлэгты.

Урдын урда сагта үбгэн хүгшэн хоёр ажаһуудаг һэн ха. Тэдэ...

6. Үгтэһэн үгэнүүдые хэрэглэжэ онтохоной эхи зохёогты.

Үглөөгүүр болоходо, уни урда сагта, нэгэтэ, баян хоймортоо, хаанай, үбгэн хүгшэн.

Дүрбэдэхи бүлэг упражненинууд хүүгэдэй үгэ хэлэ баян болгохо гэхэн шэглэлтэй.

Синономуудай болон антонимуудай тоодо ородог үгэнүүдые хэрэглэжэ, өөһэдынгөө онтохоной үгүүлэлнүүдые зохёохо. Аман зохёолой бага жанрнууд болохо таабаринуудые болон онһон үгэнүүдые зохёолгоходо угын нөөсэ элбэгжэдэг, тиимэ зохёолнуудые зохёохын тула һурагшад амитадай абари зан, заншал мэдэхэ, ондоо элдэб юумэнүүдэй дүүргэмээр үйлэнүүдые, онсолиг мэдэхэ ёһотой болоно. Тэдэнэй кругозорын үргэн, гүнзэги байха болоно.

1. Адалирхуу үгэнүүдээр таабариин үгэнүүдые ондоо болгон хэлгэжэ, шэнэ таабари зохёогты.

Алтан аяга

Харахада дүтэ,

Хазахада холо.

2. Үгтэһэн онһон угын үгэнүүдые харша удхатай үгэнүүдээр хэлгэгты.

Үнэнишэ хүн олондо этигэлтэй,

Худалиша хүн хамагта этигэлгүй.

3. Үгтэһэн таабари анхаралтайгаар уншаад, үгэнүүдэйн удха сэгнээд, ондоо үгэнүүдээр хэлгэжэ, баабгай, шоно, миисгэй, нохой, хонин, ямаан, үнөөн г.м. амитад тухай таабаринуудыг зохёогты.

*Үбэр, үбэр эрээхэн,
Эрэн элжэсэн жороохон,
Һүүл дээрээ сагаантай,
Һүүжэ дээрээ ногоонтой.*

4. Онтохоной үйлэдэгшэ нюурнуудай абари зангыень, заншалыень хэлгээд «урбалдашаһан» онтохо зохёогты.

Табадахи бүлэг упражненинууд уран һайхан уншалгын шадабари бүрилдүүлхэ гэхэн зорилготой [Содномов, 2018].

Уран һайханаар уншажа шададаг дүршэлтэй болгохо зорилготойгоор шабинараа тусхай (аялгын һубарилай) тэмдэгүүдыг табижа һургабал һайн. Иимэ шадабаритай болгоо һаа, һурагшад арадай аман зохёолой үгүүлэлнүүдыг һайнаар уншаха шадабаритай болохо байна.

1. Уран уншалгада бэлдэхэ упражненинууд.

а) Зогсолтонуудай тэмдэгүүд.

«найгаһан нэгэ зурлаа» **богониһон** зогсолто

«найгаһан хоёр зурлаа» удаанхан зогсолто

Анхаралтайгаар уншаад, «/» гү, али «//» зурлаануудыг табижа, богони болон удаан зогсолтонуудыг табигты.

Үнэгэн эжы хуурмаг мэхээ гаргажа, шонынгоо мяхыг эдижэ барабаб гээд, баабгайн абажа ябаһан хубаарита мяхыг амтархажа эдилсэбэ. Уданшьегуй баабгайн абажа ябаһан мяхан дууһаба. Тэдэнэр хоёр хоног соо хоһон шахуу ябаад, гурбадахи хоногыг болобо.

б) Удхын сохилто табиха тэмдэгүүд.

«дээшэнь татаһан зурлаа» шангаханаар уншалга;

«доошонь татаһан зурлаа» һулаханаар уншалга;

«үгэнүүдэй доогуур зураха» утаханаар татажа уншалгаа;

 хоёр үгэ нэгэмүһэн, түргэхэн уншалга);

«долгитуулһан зурлаа» энээдэтэй байхаар, шогложо, ёгтолжо, байгаад уншахаар үгэнүүд.

Онтохоной хэһэг анхаралтайгаар уншаад, тусхай тэмдэгүүдыг табигты.

Үнэгэн эжы баабгайгаа хүтэлөөд саашаа ябаба. Тэрэнээ дахуул дахуулһаар, нэгэ байса хабсагайн эрмэг дээрэ асараад:

– Оройхон боложо байна. Эндэ хонолго бариха болохоннай гү? – гээд, баабгайгаа хабсагайн эрмэг дээрэ хэбтүүлжэ, өөрөө нүгөө т аладань хэбтэбэ.

Тиигэжэ хэбтэһээр:

– Яагаа зайгүй юм даа. Нэгэ заа саашаханаа болоод хэбтэл даа, – гэбэ үнэгэн эжы.

Баабгайн саашаа мухаринаб гээд, эгсэ хабсагайһаа хуу халин унаад үхэшибэ.

Мэхэшэ үнэгэн баабгайнгаа мяхые хэһэг хэһэгээр хубаажса, тэрэнэ байсын хүндыдэ зөөнэ, зүргэдэнэ.

Тэрэ мяханайнь үнэрөөр хулганаанууд хаана-яанаһаа ерэдэг болобо. Үтэлһэн үнэгэн эжы арга мэхээрээ хулганаануудые барижа, хоолоор дутахаяа болибо.

Муу мэхэтэй үнэгэнтэй нүхэсэхэ гээшэ иимэл байна бишуу. (Буряад арадай онтохон «Үнэгэнэй хани нүхэсэл») [Гунгаров, 1983].

2. Зохёол уншахатай дашарамдуулан гүйсэдхэхэ зорилго элирүүлжэ хургаха упражненинууд

а) Онтохоной хэһэг анхаран уншагты, али үгэнүүдые хоолойн аялгаар илгажа уншахабта, гэжэ тодорхойлогты?

Үнэгэн эжы, шандаган, шоно, баабгай дүрбэн нэгэдээд, хубарин саашалба. Тиигэжэ ябаһаар үнэгэн баабгайдаа дүтэхэн ошоод, шэхэндэнь иигэжэ шэбэнэбэ:

– Абгай, саада шандагаяа харал даа! Шамдаа эдеэрхэнэ ха. Юундэ урал амаа долёоноб.

Баабгайн обёорон харахадань, нээрээшье шандаганай хэтэрхэй урал зармалзажа харагдана. Баабгай сучалаа хүрөөд, шандагаяа хахара удара татажса, тэрэнэ гурбууландаа хубаажса эдеэд, саашаа ябабад ха.

б) Сэдьхэлэй байдал харуулха үгэнүүдые онсолон тэмдэглэгты, хэһэг уншахадаа сэдьхэлэй ямар байдал харуулхабта?

Һамгад һэльбэдэнэ, һэльбэдэнэ, эрьенүүдые хараашална. Харин үнэгэн түрсүүгэй хажууда арһан олбогоор хушаад хэбтэшибэ. Унтааша болоод, талха эдижэ эхилбэ.

– Үнэгэн, үнэгэн! Харыш, голдо хүрэбэбди, – гэжэ һамгад хүхирэлдэбэ.

– Энэ голтнай Эчэльго – «Эхилээдүйб». Саашаа тамарагты.

в) Аман соогоо аалихан уншаад, юрэ хөөрһэн маягтайгаар уншалга бэлдэгты

Хүн тархья гунхылгаад, аалихан гэр тээшээ галгиба. Зуурандаа нохойгоо абажса, нэн түрүүн тэрэнэ эдеэлүүлбэ. Хаяһан шэрдэгээ абажса эбхээд, хуурай газарта абаашажа табиба.

Энээнһээ хойшо тэрэ хүн хүргэһэн туһа гээшые һайнаар харюулдаг болобо.

г) Гайхаһан, шоглоһон маягтайгаар уншалга бэлдэгты

Баянайда хүрэжэ ерэхэдэнь. Баянайхимнай барлаг басагаяа нюугаад, өөһэдынгөө басагадта үмэдхүүлжэ, тааруулжа ядаба, теэд яажашье тааражса үгэбэгүй.

Хаанай зарасанууд һөөргөө бусажа:

– *Нэгэшье хүндэ таарабагүй, харин нэгэл үгьтэй басаганда гутал үмэдхүүлжэ үзөөгүйбди, – гэжэ хэлэбэд.*

– *Ошогты, тэрэ басага олоод, үмэдхүүлжэ үзэгты, – гэжэ хаан захирба.*

Хаанай зарасануудай ерэхэдэ, баянайхи хараажэ байжа үншэн басага гаргаба. үмэдхүүлжэ үзэхэдэнь, ехэ зохидоор таараба. үншэн басаган үнөөхи шулуундаа ошоожо хубсалаад, хаанайда ошохо зэргэтэй болобо. Тиигэжэ үгьтэй үншэн басаган хаанай бэри боложо, олон үритэй амар жаргажа хуугаа нэн. (Буряад арадай онтохон. «Үгьтэй үншэн басаган») [Гунгаров, 1983].

д) Геройн хэлэһэн үгэнүүдые сухалдаһан маягтайгаар уншалга бэлдэгты.

Тиигээд гэртэнь ороходонь, Шадамар барлаг урдаа обоо собоо мяхат аби жархинхай, дуугархайшье сулоогуй эдеэлжэ хууба.

– *Иихэдээ яаһан шолмобии? Юундэ тонилонгоо тонилообии, моримни яаһан бэ? – гэжэ баян амьяа татажа ядан хаихарба. (Буряад арадай онтохон. «Шадамар Шалхагар хоёр») [Гунгаров, 1983].*

е) Энэ хэһэг баярлаһан, омогорхоһон маяг гаргажа уншагты

Хүбүүн хуур дээрээ наадажа эхилбэ. тэрэ хуураа татажа, уйдажа хууһаар зэрлиг басагадай гаража ябашаһыень мэдэнгүй үлэшэбэ ха. Ямар хүнүүдээр уулзаба гэшиэбиб гэжэ ханаагаа зобожо хэбтэһээр унташаба. Тэрэ ехэ хайхан зүүдэ зүүдэлбэ ха: «Үбсүүндээ хүрэмэ хахалтай үбгэнтэй уулзабаб, хүл можомни үбдэхээ болибо».

Тэрэ һэрин гэхэдээ, нэгэ баян хүнэй байшан соо хэбтэбэ. Эрхелдэжэ харахадань, мүнөөхи үбсүүндээ хүрэмэ хахалтай үбгэниинь хажуудань хуужа байба. Тэрэ үбгэн хүбүүнэй гарһаань татажа, «нүгөө гэртэмнай орожо сай уугты», – гэбэ ха. Бодон гэхэдэнь хүлынь үбдэхээ болишонхой байба. тэрэ хүбүүнэй гэртэ ороходонь, нэгэ хүшэн сай аягалжа үгэбэ, үнөөхи гурбан басагадынь хуужа хууба. (Буряад арадай онтохон. «Хуурша хүбүүн») [Гунгаров, 1983].

ж) Баһуулһан, наадалуулһан маяг зан гаргажа уншаха.

Басаганай уһанай эрьедэ ошоод, ургы сэсэг түүхэдэжэ, уянгатай дуугаа дуулажа, удаахан наадажа хуутарнь, гааруу хажсар эхэнь гартаа бургааһа далайгаад, галзуу шангаар хаихарба:

– *Юундэ үни болобош, юу хэжэ хуубаш? Юрэндэг буруутай шамайе һара наран абаашаһай! – гэхэн харша һамганай хараал шэрээл дуулахадаа, сохюулхаяа байһан тэрэ басаган гүйжэ бодохо ... (Буряад арадай онтохон. «Һарада гараһан хайхан басаган») [Гунгаров, 1983].*

Зургаадахи бүлэг упражненинууд Хөөрэхэ шадабари бүрилдүүлхэдээ, холбоо хэлэлгэ хүгжөөлгэдэ онсо анхарал хандуулагдана. Нэнэ түрүүн үгүүлэл зүбөөр уншуулжа хургаха. Үгэнүүдые эли тодоор үгүүлхэ, мэдүүлэлнүүдые зүбөөр аянгалан уншуулжа ехургаха. Үгүүлэл зүбөөр уншажа һураһан хойнонь, дэлгэрэнгы хөөрэлгэдэ хургаха. Өөрынгөө үгөөр хөөрэхыень баадхаха. Дээрэ хэлэгдэһэн э

лдэб аргууды хэрэглэхэ, хүүгэдэй үгын, хэлэлгын сан элбэгжүүлхэ.

а) Үнэгэн баабгай хоёрой ябадал тухай өөрынгөө үгөөр хөөрөжэ үгэгты. Буряд арадай онтохон. «Үнэгэнэй хани нүхэсэл».

б) Илгәһан үгәнүүдые һэлгәжэ, үгтәһэн хәһэг өөрынгөө үгөөр хөөрөжэ үгэгты.

«Хүгшээрхэ сагни ерээжэ, үргэнишэ хулганаагаа харахаяа болибо гүб? Хүлнүүдни хүшээжэ, торхируугаа хүсэхэ шадалгүй болобо гүб?» – гэжэ үнэгэн уйдан г а ш у у д а н ябаба гэхэ. «Иигээд байхадаа ямар арга бэдэржэ, амин хоп залгаха ботхоб» – гэжэ бодобо. (Буряд арадай онтохон. «Үнэгэнэй хани нүхэсэл») [Гунгаров, 1983].

в) «Үнэгэнэй хани нүхэсэл» гәһэн онтохо һажаагаад, өөрын онтохо зохёогты. Тиихэдэ эдэ геройнуудай орондо ондоо үйлэдэгшэ нюурнуудые һанагты. Тэдэнэй абари зан, аяг ааша тухай бодомжологты. Ямар геройнууд таанадта хэрэгтэйб?

Эндэ зохёон байгуулһан коммуникативна упражненинуудай системэ бага наһанай һурагшадай аман хэлэлгэ хүгжөөлгэдэ аргагүй ехэ, онсо үүргэтэй байһаниинь элирбэ. Манай дурадхаһан упражненинууд багай наһанай хүүгэдэй аман хэлэлгэ хүгжөөхәһээ гадана, тэдэй ухаан бодолой гүйсэ хурсадхаха, юрәнхы оршон байдал ойлгохо, сэдхэлээ ханаха шадаринуудыень улам гүнзэгырүүлхэ болоно.

Библиографический список

- Анишкова, С. Ю. Работа над эпитетом как средство раскрытия жанровых особенностей сказки // Начальная школа. 2004. №6. С. 55-58.
- Бобровская, Г. В. Обогащение словаря младших школьников // Начальная школа. 2009, № 6. С. 76-80.
- Божок, А. Л. Фольклор как средство развития личности младшего школьника // Вестник ТГУ. 2011. Выпуск 12 (104). С. 180-182.
- Воюшина, М. П. Модернизация литературного образования и развитие младших школьников. СПб.: Издательство «Сударыня», 2007. 320 с.
- Гунгаров, В. Ш. Бурятские народные сказки / В. Ш. Гунгаров, С. С. Бардаханова, Д. Ц. Бальжинимаев. Улан-Удэ, 1983. 144 с.
- Кочерга, У. В. О проблеме обогащения лексического запаса младших школьников / У. В. Кочерга, Е. В. Ушакова // Образование и культура в развитии современного общества: Материалы международной научно-практической конференции. Часть 1. Новосибирск: Изд. ООО «БАК», 2009. 680 с.
- Красильникова, О. А. Развитие речи младших слабослышащих школьников на уроках литературного чтения. СПб.: Каро, 2005. 176 с.
- Львов, М. Р. Методика развития речи младших школьников. М.: Просвещение, 2011. 176 с.
- Никитченко, А. Ю. Фольклор в системе филологической и методической подготовки педагогов начальной школы. М.: МПГУ, 2013. 272 с.
- Сердюк, М. А. Об изменении подходов к изучению фольклора в начальной школе // Начальная школа. 2011. № 2. С. 8-11.
- Содномов, С. Ц. Изучение бурятского героического эпоса «ГЭСЭР» в школе // Международный информационно-аналитический журнал «Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык». 2019. С. 232-242.
- Содномов, С. Ц. Литературное развитие младшего школьника средствами фольклора. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2018. 178 с.
- Соловейчик М. С. Работа по культуре речи на уроках русского языка // Начальная школа. 2010. №7. С. 21-25.

Троицкая, Т. С. Литературное образование младших школьников. Коммуникативно-деятельностный подход. М.: Издательство АПК и ПРО, 2004. 247 с.

Хамаганов, В. Ж. Арадай аман зохёолнуудаар һурагшадай хэлэлгэ хүгжөөлгэ // Эхин классуудай ба түрэлхи хэлэ литературы багшанарта туһаламжа. Улан-Удэ, 1983. С 59-71.

Хамаганов, М. П. Бурятская фольклористика. Улан-Удэ, 1962. 454 с.

Арьясүрэн, Ч. Орчин үеийн монголын хуухдийн утга зохиол. Улаанбаатар, 1980. 255 с.

Гаадамба, Ш. Хуухдийн зохиолын хэлгий учир // Сурган хумуужуулэгч. Улаанбаата, 1967. № 1.

Буюнтогтох, Ш., Ван-Жин-Хуа. Монгол хүүхдийн аман зохиолын чуулга. 1, 2 дэвтэр. Хөххото, 1990.

References

- Anshakova, S. Yu. (2004). Work on the epithet as a means of revealing the genre features of the tale. *Primary school*. 6: 55-58. [in Russian]
- Bobrovskaya, G. V. (2009). Enrichment of the vocabulary of junior schoolchildren. *Primary school*. 6: 76-80. [in Russian]
- Aryasuren, C. (1980). Orchin ueiyn mongolyn huuhdiyn utga zohiol. Ulaanbaatar. 255 p.
- Bozhok, A. L. (2011). Folklore as a means of developing the personality of a junior schoolchild. *Bulletin of TSU*. 12 (104): 180-182. [in Russian]
- Buyantogtokh, Sh., Wang-Jin-Hua. (1990). Mongol khyykhdyn amан zokhiolyn chuulga. 1, 2 devter. Hehhot.
- Gaadamba, Sh. (1967). Huukhdiin zokhiolyn helgiy uchir. *Surgan humuuzhuulegch*. Ulaanbaatar. № 1.
- Gungarov, V. Sh., Bardakhanova, S. S., Balzhinimaev, D. TS. (1983). Buryat folk tales. Ulan-Ude. 144 p. [in Russian]
- Khamaganov, V. Zh. (1983). Aradai amан zokheolnuudar huragshadai helelge hygzhoelge. *Ehin klassuudai ba turelhi hele literary bugshanarta tuhalamzha*. Ulan-Ude. 59-71.
- Khamaganov, M. P. (1962). Buryat folklore. Ulan-Ude, 454 p. [in Russian]
- Kocherga, U. V., Ushakova E. V. (2009). On the problem of enriching the vocabulary of junior schoolchildren. *Education and culture in the development of modern society: Materials of the international scientific and practical conference*. Part 1. Novosibirsk: Ed. LLC "BAK". [in Russian]
- Krasilnikova O. A. (2005) The development of the speech of younger students with hearing impairment at the lessons of literary reading. Saint Petersburg. 680 p. [in Russian]
- Lvov, M. R. (2011). Methodology for the development of speech in younger schoolchildren. Moscow. 176 p. [in Russian]
- Nikitchenkov A. Yu. (2013). Folklore in the system of philological and methodological training of primary school teachers. Moscow. 272 p. [in Russian]
- Serdyuk, M. A. (2011). About changing approaches to the study of folklore in primary school. *Primary School*. 2: 8 - 11. [in Russian]
- Sodnomov, S. Ts. (2018). Literary development of a primary school student by means of folklore. Ulan-Ude. 178 p. [in Russian]
- Sodnomov, S. Ts. (2019). Study of the Buryat heroic epic "GESER" at school. *International information and analytical journal "Crede Experto: transport, society, education, language"*. 4: 232-242. [in Russian]
- Soloveichik, M. S. (2010). Work on the culture of speech at the lessons of the Russian language. *Primary School*. 7: 21 - 25. [in Russian]
- Troitskaya, T. S. (2004). Literary education of junior schoolchildren. Communicative activity approach. Moscow. 247 p. [in Russian]
- Voyushina, M. P. (2007). Modernization of literary education and development of primary schoolchildren. Saint Petersburg. 320 p. [in Russian]

УДК 343.9

DOI 10.51955/2312-1327_2021_3_244

**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ
ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ИРКУТСКОЙ
ОБЛАСТИ**

*Екатерина Закариевна Сидорова,
orcid.org/0000-0002-3477-3816,
кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел России,
ул. Лермонтова, 110
Иркутск, 664074, Россия
ketrik6@mail.ru*

*Сергей Валерьевич Габеев,
orcid.org/0000-0002-5637-9297,
старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел России,
ул. Лермонтова, 110
Иркутск, 664074, Россия
kafedra.upik@yandex.ru*

Аннотация. Тема предупреждения преступности несовершеннолетних является очень широкой, многоплановой. В настоящей статье авторы обращаются к актуальным проблемам, которые, по их мнению, препятствуют осуществлению качественной профилактики противоправного поведения подростков на уровне Иркутской области. Затрагиваются вопросы современного состояния преступности несовершеннолетних, освещается структура данного вида преступности. Раскрываются некоторые общие и специфические (характерные именно для Иркутской области) проблемы предупреждения преступности несовершеннолетних. В частности, освещаются такие проблемы, как «перемещение» современной преступности в виртуальную сферу, неблагоприятная социально-экономическая обстановка в стране и регионе, деформация института семьи, высокий уровень криминализации общества, бесконтрольность несовершеннолетних и незанятость их в общественной, спортивной, культурной и иной социально значимой жизни. В завершение исследования авторы приходят к выводу, что необходима корректировка применяемых на современном этапе методов профилактики подростковой и молодежной преступности в нашем регионе. Для того чтобы повлиять на преступность несовершеннолетних в Иркутской области, необходима проработка единой региональной государственной программы по предупреждению преступности несовершеннолетних. Авторы констатируют, что разработка такой программы – это очень сложная, трудоемкая и ответственная работа, которая должна быть выполнена с участием специалистов и криминологов.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних, криминологическая профилактика, предупреждение преступности, девиантное поведение, преступность в Иркутской области, общесоциальная превенция, ранняя профилактика.

MODERN PROBLEMS OF PREVENTION OF JUVENILE DELINQUENCY IN THE IRKUTSK REGION

*Ekaterina Z. Sidorova,
orcid.org/0000-0002-3477-3816,
PhD in law,
lecturer of the Department of criminal law and criminology
East-Siberian Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia,
110, Lermontov street
Irkutsk, 664074, Russia
ketrik6@mail.ru*

*Sergey V. Gabeev,
orcid.org/0000-0002-5637-9297,
senior lecturer of the Department of criminal law and criminology
East-Siberian Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia,
110, Lermontov street
Irkutsk, 664074, Russia
kafedra.upik@yandex.ru*

Abstract. The topic of preventing juvenile delinquency is very broad and multifaceted. In this article, the authors address the current problems that, in their opinion, hinder the implementation of high-quality prevention of illegal behavior of adolescents at the level of the Irkutsk region. The issues of the current state of juvenile delinquency are discussed, and the structure of this type of crime is highlighted. Some general and specific problems of juvenile delinquency prevention (specific to the Irkutsk region) are revealed. In particular, such problems as the "transfer" of modern crime to the virtual sphere, the unfavorable socio-economic situation in the country and the region, the deformation of the family institution, the high level of criminalization of society, the lack of control of minors and their lack of activities in public, sports, cultural and other socially significant life are highlighted. At the end of the study, the authors come to the conclusion that it is necessary to adjust the methods used at the present stage of prevention of youth crime in our region. In order to influence the crime of minors in the Irkutsk region, it is necessary to develop a unified regional state program for the prevention of juvenile delinquency. The authors state that the development of such a program is a very complex, time-consuming and responsible work that must be carried out with the participation of specialists and criminologists.

Keywords: juvenile delinquency, criminological prevention, crime prevention, deviant behavior, crime in the Irkutsk region, general social prevention, early prevention.

Введение

Тема предупреждения преступности несовершеннолетних является очень широкой, многоплановой [Petechel et al., 2019, p. 2462]. Представляется, что в рамках одной научной статьи рассмотреть все ее аспекты и проблемы невозможно. Поэтому остановимся только на тех, которые являются, по нашему мнению, наиболее актуальными.

Для лучшего восприятия коротко обозначим те моменты, которые будут освещены в настоящей работе.

1. В первую очередь дадим общую характеристику преступности несовершеннолетних Иркутской области, актуальную в настоящее время.

2. Далее обозначим ряд актуальных проблем, которые препятствуют осуществлению качественной профилактики противоправного поведения подростков в Иркутской области.

3. И в завершение озвучим ключевые моменты предупреждения преступности несовершеннолетних в нашем регионе.

Для того чтобы предложить действенную и актуальную систему предупреждения преступности несовершеннолетних в Иркутской области, в первую очередь необходимо «сфотографировать» современную молодежную преступность, т.е. представить актуальную картину реальной криминальной ситуации среди несовершеннолетних, сложившуюся в нашем регионе. Перейдем к анализу именно этого аспекта проблематики подростковой преступности.

Материалы и методы

В настоящей работе материалами исследования выступили современные статистические данные о преступлениях, совершенных несовершеннолетними лицами, а также иные статистические данные, представленные Министерством внутренних дел России, ГУФСИН России по Иркутской области, территориальным органом Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области.

Для достижения поставленной задачи по оценке современного состояния преступности среди несовершеннолетних в Иркутской области были определены объект и методы исследования.

Объектом исследования выступают общественные отношения в сфере преступности среди подросткового контингента, а также меры по профилактике противоправного поведения указанных лиц.

Методологической основой проведенного научного исследования выступили сравнительно-правовой, исторический, логический, системно-структурный методы. В целом следует отметить, что данные методы нередко используются для проведения подобных научных исследований, в том числе в области образования [Bilous, Pavlovych, 2019, p. 32].

Теоретическая и практическая значимость подобного исследования определяется тем, что полученные в процессе научной работы выводы расширят и дополнят систему знаний о мерах профилактики преступности подростков, в том числе относящихся к категории школьников и студентов, т.е. получающих образование [Sidorova et al., 2020, p. 188].

Дискуссия

К проблеме профилактики подростковой и молодежной преступности обращались многие ученые, как российские, так и зарубежные [Sadovnikova et al., 2019, p. 348]. Одними из актуальных исследований, посвященных раскрываемой нами проблематике, являются работы И.В. Ботвина, Д.А. Маракулина, Е.В. Демидовой-Петровой, Ю.А. Воронина, Т.Б. Шиголаковой и других.

Не оспаривая значимость данных исследований, мы бы хотели обратить внимание читателей на актуальные проблемы предупреждения подростковой преступности именно в Иркутском регионе.

В настоящее время официально зарегистрированная преступность несовершеннолетних в Иркутской области снижается (Таблица 1) [Министерство внутренних дел Российской Федерации..., 2021].

Таблица 1 – Состояние преступности несовершеннолетних в Иркутской области в 2016–2020 гг.

	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Количество зарегистрированных преступлений, совершенных несовершеннолетними в Иркутской области, чел.	1 606	1 570	1 461	1 266	1 150
<i>темпы прироста, %</i>	-	-2,2	-6,9	-13,3	-9,2

Объяснить данную закономерность можно различными криминологическими гипотезами: это повышение качества применяемых мер профилактики, нежелание самих подростков совершать преступления, ориентир молодежи на законопослушное поведение и т.д.

Однако, на наш взгляд, основными причинами сокращения зарегистрированной преступности несовершеннолетних является следующее.

Во-первых, имеет место высокий уровень латентности данных видов преступлений, т.е. данные преступления скрываются [Демидова-Петрова, 2017, с. 64]. Потерпевшие, не веря в то, что преступление будет раскрыто, боясь огласки, не желая тратить свое время на участие в расследовании преступления, или по иным причинам не обращаются за защитой в правоохранительные органы, в связи с чем такие деяния не отражаются в официальных документах. Следует отметить, что преступность несовершеннолетних всегда отличалась высокой латентностью. Многие преступления, совершаемые данной категорией лиц, направлены, прежде всего, на своих сверстников, которые в силу психологических особенностей развития личности, негативного влияния окружения не всегда сообщают о совершенных в отношении них противоправных действиях даже своим родителям, не говоря уже о том, чтобы обращаться за помощью в правоохранительные органы. При этом многие резонансные преступления чаще выявляются через Интернет-ресурсы.

Во-вторых, распространены попытки сокрытия администрацией школ и других образовательных организаций тех преступлений, которые совершаются воспитанниками данных школ. 70 % несовершеннолетних относятся к категории школьников или студентов. Администрации образовательных организаций часто стараются предпринять все возможные меры, для того чтобы урегулировать возникший уголовно-правовой

конфликт, участником которого выступил их подопечный, поскольку любое возбужденное уголовное дело и тем более доведенное до суда негативно отразится на репутации данной школы, отразится во всевозможных отчетах и «повредит» положительным показателям работы данной школы.

В-третьих, очень высок уровень нераскрытых преступлений. Так, в 2020 г. в России уровень раскрываемости, согласно официальным данным МВД России, находится в пределах 50 %, при этом по кражам он составляет не более 35 %, по грабежам в 2020 г. доходил до 78 % [Министерство внутренних дел Российской Федерации..., 2021]. Анализ официальной статистики показывает, что лишь половина преступлений раскрывается, другая половина уголовно наказуемых деяний остается нераскрытой. О чем это свидетельствует? О том, что несовершеннолетние, совершая преступление, по сути, играют в рулетку: «раскроют – не раскроют преступление», ведь шансы быть выявленным и наказанным равны 50 на 50, ведь их знакомые и друзья уже совершали противоправные деяния – и ничего, никто ни к какой ответственности их не привлек, так почему же и мне не попробовать совершить преступление. Подростки не боятся наказания и надеются на благоприятный для них исход дела. Нераскрытые и невыявленные преступления создают атмосферу безнаказанности у несовершеннолетних. При этом современные подростки прекрасно осведомлены о «мягкости» нашего законодательства.

В-четвертых, наблюдается «перемещение» преступности из реальной социальной жизни в виртуальное пространство, в сферу Интернета. К сожалению, в настоящий момент правоохранительные органы только учатся раскрывать преступления, совершенные в Интернет-пространстве, учатся бороться с ними. Еще нет четких методик раскрытия подобных преступлений, еще нет годами наработанного опыта противодействия Интернет-преступлениям. Подростки, в отличие от старшего поколения, очень активно пользуются современными технологиями и регулярно применяют их в повседневной жизни. Они не боятся Интернет-пространства и потому легко осваиваются в нем и с легкостью совершают там преступления.

В литературе отмечается, что широкое использование информационных технологий стало не только частью повседневной жизни практически каждого члена общества, но и одним из ведущих направлений государственной политики [Гиниятуллина и др. 2016, с. 134]. Для предупреждения преступности несовершеннолетних эта проблема становится критичной. Нельзя упускать из виду, что современные дети – это люди, у которых особое образ видения мира и мироощущение, обусловленные ранним вовлечением в информационную среду, формируемую в Интернет-пространстве. С младшего детского возраста интернет присутствует в жизни современного человека. Современная молодежь по-другому воспринимает мир и человеческие ценности, которые через призму виртуальности, социальных сетей, компьютерных игр преобразуются в немыслимые формы, влияют на их поведение, как в обществе, так и в семье. Фактически интернет-

технологии используются как самими несовершеннолетними для совершения преступлений (хищений, кибербуллинга – травли своих сверстников в социальных сетях и т.д.), так и взрослыми лицами для вовлечения несовершеннолетних в преступную или антиобщественную деятельность.

Недооценивать общественную опасность деяний взрослых интернет-манипуляторов нельзя. Сам факт того, что сознание несовершеннолетних подвергается умышленной массированной психологической атаке через социальные сети, в результате чего подросток становится фактически марионеткой анонимного субъекта, конечно же должен признаваться общественно опасным и противоправным. Подчинив волю другого человека, можно направить его на совершение преступлений, связанных с незаконным оборотом веществ, предметов и средств, запрещенных или ограниченных к свободному обороту, использовать его для совершения убийств других людей, террористических актов, участия в массовых беспорядках. Анонимность, которую дает Интернет, формирует у манипулятора чужими судьбами чувство вседозволенности и всевластия, купирует все моральные и социальные тормоза при осуществлении преступной деятельности. Это действительно реальная проблема, которую больше нельзя игнорировать. По нашему мнению, указанный аспект также должен учитываться при оценке общественной опасности деяний вовлекателя несовершеннолетних в преступную и антиобщественную деятельность.

Иными словами, официальное сокращение преступности несовершеннолетних связано не с качественно проводимой профилактикой, а с иными, более глубокими причинами, на которые следует обращать внимание.

Структура преступности несовершеннолетних остается стабильной на протяжении многих лет: кража и грабежи (около 75 %), угоны автотранспортных средств (7 %), преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств (4 %) (рис. 1) [Министерство внутренних дел Российской Федерации, 2021].

Рисунок 1 – Структура преступности несовершеннолетних в Иркутской области в 2020 г.

Конечно, несовершеннолетние совершают и иные преступления, в том числе насильственные, однако реже.

Данная характеристика подростковой преступности в Иркутской области отражает общую ситуацию по России. То есть снижение показателей преступности несовершеннолетних в Иркутской области и преобладание именно имущественных преступлений характерно для России в целом, и это необходимо учитывать при разработке мер криминологической профилактики на территории нашего региона. Иными словами, иркутская система профилактики должна быть основана на системе профилактики, применяемой на уровне России в целом.

Следует обратить внимание на то, что определенная доля преступлений в нашем регионе совершается несовершеннолетними в состоянии алкогольного опьянения. Это около 12-15 % преступлений. В России в целом похожая ситуация. И несмотря на кажущуюся незначительность данного показателя, следует понимать, что если бы подростки в конкретной ситуации не имели доступа к алкогольной продукции, то 15 % этих преступлений могли бы быть и не совершены, а значит, не было бы тех страшных последствий, к которым приводят преступления, не были бы сломаны чьи-то судьбы и жизни.

Таким образом, несмотря на то, что официальные данные свидетельствуют о снижении уровня зарегистрированной преступности несовершеннолетних в регионе, криминальная ситуация с подростковой преступностью остается по-прежнему актуальной и требует своего разрешения. Подтверждается это, в частности, тем, что в Иркутской области очень распространены так называемые протестные движения, в которых активное участие принимают современные подростки.

В целом существует достаточно большое количество проблем, препятствующих осуществлению качественной профилактики преступности несовершеннолетних.

На наш взгляд, данные проблемы целесообразно разделить на 2 основных вида: общие для России и специфические, характерные именно для нашего региона.

К общим проблемам мы относим следующее:

1. Неблагоприятная социально-экономическая обстановка как в стране, так и регионе, в частности.

Социально-экономическое неблагополучие населения – это основная причина не только преступности, но и других негативных явлений. Низкий уровень доходов населения, безработица, неконтролируемый и часто спекулятивный рост цен даже на основные продукты, топливо, ведет к реальному снижению уровня жизни, алкоголизации и маргинализации родителей. По данным Иркутскстата, в 2019 г. средний денежный доход в Иркутской области составлял 25–26 000 рублей, 20 % населения имеют доходы ниже прожиточного минимума (рис. 2) [Территориальный орган Федеральной службы..., 2021].

Люди вынуждены выживать, вопросы воспитания детей отходят на второй план, наличие ребенка или, не дай бог, многодетность является фактором, существенно ухудшающим качество жизни семьи. Без социальной поддержки таким семьям не выжить. При этом социальная помощь, как правило, оказывается малоимущим семьям, но стоит вспомнить и о семьях, где доход на одного человека чуть больше прожиточного минимума, что фактически лишает их каких-либо выплат или льгот, но не позволяет признавать их материально обеспеченными. Проблема выживания семей оборачивается утратой контроля над детьми со стороны родителей [Sayko, 2016, p. 56].

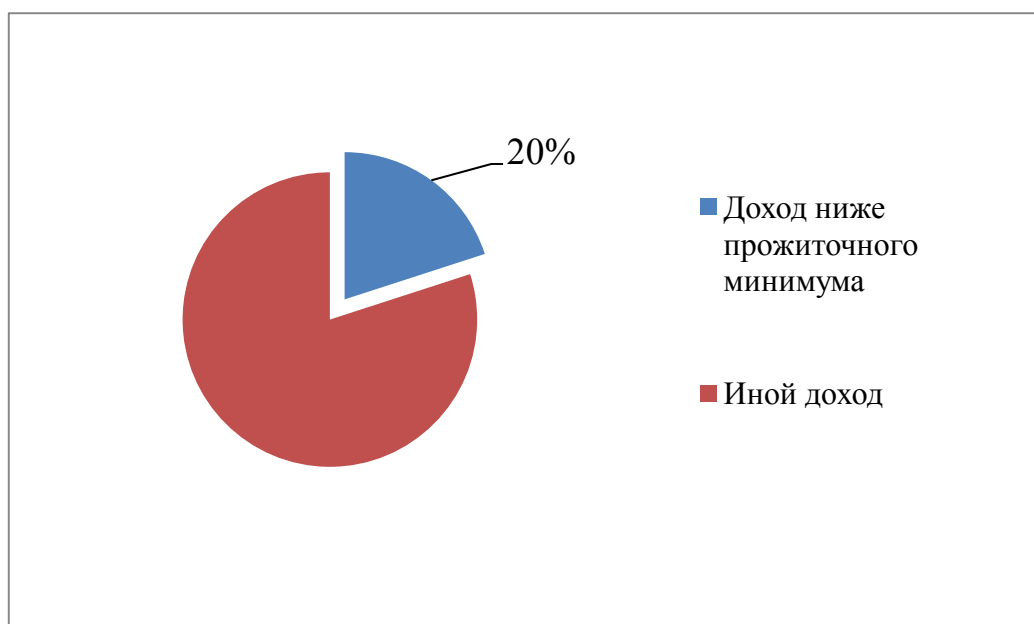

Рисунок 2 – Доход населения в Иркутской области в 2020 г.

2. Деформация института семьи.

Неполные семьи стали обыденным явлением. Данные Иркутскстата говорят о том, что на каждые три брака в Иркутской области приходится два развода [Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области, 2021]. Воспитание ребенка часто ложится на плечи только одного родителя, что опять же порождает проблемы экономического характера. К сожалению, многие родители сами являются социально незрелыми людьми, «большими детьми». Как отмечают учителя общеобразовательных школ, многих родителей еще самих нужно воспитывать, они просто не способны воспитывать собственных детей. Сейчас многие родители «находятся» в своих телефонах и гаджетах вместо того, чтобы уделить время ребенку. Конечно, в «Инстаграмме», «Тик-Токе», «Ю-тубе» и «ВКонтакте» проводить время интереснее и содержательнее, чем с собственным ребенком. Каким образом решать данную проблему? Это очень непростой вопрос, требующий общественного обсуждения.

3. Недостаточное или неэффективное взаимодействие субъектов профилактики преступности несовершеннолетних.

На территории России и нашего региона действуют самые различные нормативно-правовые акты, затрагивающую сферу предупреждения преступности несовершеннолетних (Федеральный закон № 120 «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»; Федеральный закон № 182 «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»; приказ МВД России № 845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации» и многие другие). И в данных документах прописываются субъекты профилактики преступности несовершеннолетних. При этом каждый субъект выполняет только то, что четко установлено в нормативных документах. Каждый выполняет только свою функцию. С одной стороны, это правильно. Однако с другой стороны, существует проблема отсутствия реального, четкого, отлаженного механизма взаимодействия данных субъектов между собой. Законодатель не может предусмотреть все возможные варианты криминальных ситуаций, в которых может оказаться несовершеннолетний. Законодатель просто этого не может сделать. И в таких неурегулированных ситуациях очень большое значение приобретает взаимодействие субъектов. А его (этого взаимодействия) на практике часто нет. И получается, что субъектов профилактики много, а помочь подростку некому. Иными словами, необходима проработка и реализация именно практико-ориентированного механизма взаимодействия субъектов профилактики.

К специфическим проблемам, характерным именно для Иркутской области, можно отнести следующее.

1. Высокий уровень криминализации общества.

В Иркутской области в настоящее время, согласно данным ГУФСИН по Иркутской области, функционируют 18 исправительных учреждений [ГУФСИН России по Иркутской области, 2021]. Большая часть лиц, отбывающих наказание в этих учреждениях, после отбытия наказания остаются в Иркутской области, а значит, несут в массы и распространяют среди населения, в том числе несовершеннолетних, криминальную субкультуру. И даже находясь в местах лишения свободы, они транслируют в Интернет-ресурсы идеи «криминальной романтики», привлекая внимание детей и подростков к воровским традициям. К сожалению, на территории нашего региона функционируют неформальные объединения, часто откровенно криминальной направленности, например, признанная экстремистской организацией система вербовки в криминальные структуры – А.У.Е., деятельность которой направлена именно на вовлечение подростков в преступную среду [Сидорова и др. 2020, с. 231]. И в этой связи крайнюю актуальность приобретает деятельность по борьбе с подобными криминальными движениями. Необходим современный механизм противодействия их деструктивному, противоправному поведению.

2. Недостаточная освещенность как населенных пунктов Иркутской области, так и важных объектов инфраструктуры (освещение вдоль автотрасс, железнодорожного полотна и т.д.).

На освещение территорий ежегодно выделяются большие денежные средства, и мы с вами действительно замечаем, что всё больше улиц и районов становятся освещенными. Однако наша область характеризуется огромной масштабностью, и нам по-прежнему есть, что освещать и где устанавливать уличные фонари. Освещение – это не просто комфорт для жителей населённых пунктов, но, прежде всего, безопасность взрослых и детей.

3. Определенная бесконтрольность несовершеннолетних и незанятость их в общественной, спортивной, культурной и иной социально значимой жизни.

При наличии неконтролируемого свободного времени, предоставленности несовершеннолетнего самому себе, отсутствии системы семейного и общественного воспитания часто происходит криминализация личности несовершеннолетнего. Так как на хорошее и доброе дело несовершеннолетнего направить некому, а для совершения правонарушения особо развитого интеллекта не требуется. Нельзя сказать, что данная проблема не решается. Органы государственной власти и муниципальные власти финансируют деятельность творческих, культурных, спортивных организаций, строятся и открываются физкультурно-оздоровительные комплексы (ФОК). Однако достаточно ли этого в реальной жизни? По нашему глубокому убеждению, всё, что касается обеспечения детства и юношества, должно быть бесплатным и не ложиться неподъемным грузом только на плечи родителей. В настоящее время в Иркутской области, например, присутствуют спортивные общественные организации, финансирование которых идет исключительно только за счет средств родителей. Необходимо продумать механизм их финансирования (прямые выплаты, оплата аренды залов, обеспечение спортивной амуницией или инвентарем), чтобы в спорт пришли не только дети, родители которых могут оплатить занятия в секции, но и талантливые и способные дети малоимущих родителей. Экономия в этом случае является неуместной. Не будет финансировать занятость детей власть, ими займутся асоциально настроенные граждане, вовлекающие в преступную деятельность.

Результаты

Результатом настоящего исследования, по нашему мнению, должен стать ответ на вопрос о том, как нам эффективно предупреждать преступность несовершеннолетних. На наш взгляд, перед государством, перед обществом должна стоять задача не полной ликвидации такого явления, как преступность несовершеннолетних, а сдерживание ее на так называемом социально допустимом уровне. Чтобы это было действительно редким явлением [Воронин, 2020, с. 25].

Для того чтобы повлиять на преступность несовершеннолетних в нашем регионе, необходима проработка единой региональной государственной программы по предупреждению преступности несовершеннолетних. Следует отметить, что применение института государственных программ является одним из современных механизмов реализации государственной политики России [Шиголакова, 2016, с. 163].

Отметим, что в настоящее время принята и действует государственная подпрограмма «Профилактика преступлений и иных правонарушений в Иркутской области» на 2019–2024 годы, в том числе развивается система «Безопасный город». Однако, во-первых, данная подпрограмма не касается вопросов предупреждения преступности именно среди несовершеннолетних, а во-вторых, закрепленных в ней основных показателей и целевых ориентиров, на наш взгляд, не в полной мере достаточно для того, чтобы существенным образом повлиять на преступность в регионе. При этом следует отметить, что подобные проблемы существуют и в иных регионах нашей страны [Ботвин и др., 2018, с. 32].

Именно поэтому считаем, что при разработке системы профилактики подростковой преступности в Иркутской области следует опираться на следующие положения.

Во-первых, необходимо представить актуальное состояние подростковой преступности. Необходимо четко установить:

- каковы ее современные тенденции и характеристики;
- какова доля подростковой преступности в общем массиве преступности Иркутской области;
- какова личность современного подростка-правонарушителя;
- как часто несовершеннолетние совершают преступления в группе или в состоянии алкогольного опьянения;
- какова структура подростковой преступности и многое другое.

Во-вторых, необходимо установить четкую, структурированную систему детерминант преступности несовершеннолетних. Обязательно установить все возможные факторы, даже те, которые, на первый взгляд, могут и не влиять на подростковую преступность, однако на самом деле влияют. Например, затрудненное движение в городе, бесконечные «пробки» на дорогах, отсутствие благоустройства в жилых массивах вызывают агрессию у жителей, постоянный стресс, что, несомненно, способствует совершению насильственных противоправных действий, в том числе, с участием несовершеннолетних.

Очень большой пласт криминальных факторов должен быть оценен и учтен при разработке действительно значимых профилактических мер.

В частности, следует проанализировать:

- каким образом педагоги образовательных организаций вовлекают «трудных» подростков в общекультурную, досуговую деятельность? Существует ли такой механизм?

– каково финансирование (государственное, региональное, муниципальное) превентивных мероприятий, направленных на предупреждение преступности несовершеннолетних?

– сколько в нашем регионе пенитенциарных, правоохранительных и других учреждений, ориентированных непосредственно на профилактику подростковой преступности?

– какую роль в профилактике играют образовательные организации, какие функции выполняют и как взаимодействуют с иными субъектами профилактики?

– каков уровень безработицы в Иркутской области и как это отражается на преступности несовершеннолетних, поскольку безработные родители озадачены в большинстве случаев не воспитанием своих детей, а поиском работы?

– каково количество неблагополучных, неполных или иных семей в Иркутской области, находящихся в сложной жизненной ситуации?

– как развита спортивная инфраструктура региона? Какова доля бюджетных досуговых учреждений в общем числе организаций дополнительного образования?

– каков структурированный доход населения региона и на какие сферы затрачивается бюджет семей? Есть ли у семей реальная возможность тратить достаточное количество средств на развитие своих детей, на осуществление профилактических мероприятий? Если нет, то что в этом случае может сделать регион и муниципалитеты?

– как в настоящее время осуществляется трансляция позитивного, законопослушного или, возможно, героического поведения в СМИ? Или в большинстве случаев нас информируют только о совершенных преступлениях, о насилии в обществе?

– каким образом в регионе осуществляется мониторинг профилактической деятельности? Какие механизмы при этом используются?

– используются ли в настоящее время современные Интернет-технологии в предупреждении подростковой преступности? Каким образом можно использовать «Инстаграмм», «Тик-Ток», «Контакт» для пропаганды законопослушного поведения?

– каким образом заинтересовать бизнес участвовать в предупреждении подростковой преступности Иркутской области? Как сделать данную деятельность выгодной для работодателей? И прежде, чем формировать действительно эффективную систему мер профилактики подростковой преступности, следует ответить на эти и многие другие вопросы.

В-третьих, после анализа выше озвученной информации, целесообразным представляется разработать региональную программу по предупреждению преступности несовершеннолетних. В такой программе должны быть закреплены актуальные и реальные целевые показатели, достижение которых действительно поможет повлиять на подростковую преступность.

В-четвертых, для разработки показателей и основных мероприятий, которые были бы закреплены в такой государственной программе, целесообразно привлечь представителей научного сообщества Иркутской области. Нужна грамотно проработанная теория борьбы с преступностью несовершеннолетних в нашем регионе, которая могла бы быть применена на практике. Крайне важно привлечь к этой работе действующих криминологов и специалистов в данной области.

В-пятых, предупреждение преступности несовершеннолетних должно, по нашему мнению, ориентироваться на устранение причин и условий подростковой преступности. Если мы сможем качественно, реально повлиять на детерминанты молодежной преступности, мы сможем повлиять на преступность несовершеннолетних в целом. Основные детерминанты и способы воздействия на них обязательно, на наш взгляд, должны найти отражение в региональной государственной программе, о которой мы говорили.

В-шестых, очень важно привлекать к предупреждению подростковой преступности общество в целом. Только силами правоохранительных органов подростковую преступность не преодолеть. В этом должен быть заинтересован социум. В превентивной деятельности должны быть задействованы и семья, и школа, и педагоги, и ближайшее окружение подростков, и бизнес, и государственные учреждения, и многие другие субъекты.

Заключение

Можно констатировать, что разработка специальной государственной превентивной программы – это очень сложная, трудоемкая и ответственная работа, которая должна быть выполнена с участием специалистов и криминологов [Ефремова, 2015, с. 135]. Эта работа требует длительной, тщательной подготовки, и ориентироваться в данном случае нужно на среднесрочную перспективу.

И лучше мы начнем что-то делать для профилактики подростковой преступности сейчас и, может быть, сделаем это не до конца, чем мы будем ждать идеального момента для активных превентивных действий и не сделаем в конечном итоге ничего. Кто, если не мы – таков, на наш взгляд, должен быть девиз в противодействии преступности несовершеннолетних.

Библиографический список

- Ботвин, И. В.* Региональные особенности экстремистской преступности (по материалам Алтайского края) / И. В. Ботвин, Д. А. Маракулин // Вестник Кузбасского института. 2018. № 4 (37). С. 29-34.
- Воронин, Ю. А.* Программы контроля над преступностью в США: поиск альтернатив и зигзаги развития // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2020. Т. 20. № 3. С. 21-27. DOI: 10.14529/law200303
- Гиниятуллина, Е. З.* К вопросу о правовом регулировании общественных отношений в сфере информационных технологий / Е. З. Гиниятуллина, А. В. Стремиллова // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2016. № 1. С. 133-139.

- ГУФСИН России по Иркутской области: официальный сайт // [Электронный ресурс]. – 2021. URL: <https://38.fsin.gov.ru> (дата обращения: 10.05.2021)
- Демидова-Петрова, Е. В. Предупреждение преступности несовершеннолетних: мониторинг региональной практики // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2017. № 4 (83). С. 64-72.
- Ефремова, О. С. Проблемы программно-целевого планирования предупреждения преступлений на уровне субъектов Российской Федерации и пути их решения // Человек: преступление и наказание. 2015. № 3 (90). С. 135-140.
- Министерство внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт // [Электронный ресурс]. – 2021. URL: <https://мвд.рф/> (дата обращения: 10.05.2021)
- Сидорова, Е. З. Молодежная субкультура «Арестантское Уркаганское Единство» как вызов современному обществу / Е. З. Сидорова, Р. С. Ковалев // В сборнике: Эффективное противодействие преступности в условиях глобализации: проблемы и перспективы. Материалы XXIV Международной научно-практической конференции. 2020. С. 231-234.
- Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области: официальный сайт // [Электронный ресурс]. – 2021. URL: <https://irkutskstat.gks.ru/ofstatistics> (дата обращения: 10.05.2021)
- Шиголакова, Т. Б. Эффективность государственной молодежной политики в Республике Хакасия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2016. Т. 16. № 1. С. 163-174.
- Bilous, I., Pavlovych, L. Professional readiness of scientific-pedagogical employee to pedagogical activity // Sciences of Europe. 2019. № 41-3 (41). Pp. 31-33.
- Petechel, O. Y., Kerniakevych-Tanasiichuk, Y. V., Vazhynskyi, V. M., Krasii, M. O. Criminological characteristics of juvenile aggression // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2019. Vol. 10. № 8. Pp. 2462-2474. DOI: 10.14505/jarle.v10.8(46).24
- Sadovnikova, M. N., Arzumanov, I. A., Lichichan, O. P., Startsev, E. N. Prevention of juvenile delinquency: the spiritual basis and mediation competence // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2019. Vol. 10. № 1. Pp. 348-356. DOI: 10.14505/jarle.v10.1(39).36
- Sayko, N. Social and pedagogical activity with pupils in educational institutions of Ukraine // Sciences of Europe. 2016. № 4-1 (4). Pp. 55-58.
- Sidorova, E. Z., Tarubarov, V. V., Okruzhenko, V. Y., Vasiliev, A. M., Pelevin, S. I. Safety issues of the Russian educational system // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2020. Vol. 11. № 1. Pp. 187-195. DOI: 10.14505/jarle.v11.1(47).22

References

- Bilous, I., Pavlovych, L. (2019). Professional readiness of scientific-pedagogical employee to pedagogical activity. *Sciences of Europe*. 41-3 (41): 31-33.
- Botvin, I. V., Marakulin, D. A. (2018). Regional features of extremist crime (based on the materials of the Altai Territory). *Bulletin of the Kuzbass Institute*. 4 (37): 29-34. [in Russian]
- Demidova-Petrova, E. V. (2017). Prevention of juvenile delinquency: monitoring of regional practice. *Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 4 (83): 64-72. [in Russian]
- Efremova, O. S. (2015). Problems of program-target planning of crime prevention at the level of the subjects of the Russian Federation and ways of their solution. *Man: Crime and Punishment*. 3 (90): 135-140. [in Russian]
- Giniyatullina, E. Z., Stremilova, A. V. (2016). On the issue of legal regulation of public relations in the field of information technology. *Crede Experto: transport, society, education, language*. 1: 133-139. [in Russian]
- GUFSIN Rossii po Irkutskoj oblasti: oficial'nyj sajт (GUFSIN of Russia for the Irkutsk region: official website) Available at: <https://38.fsin.gov.ru> (accessed 10 May 2021) [in Russian]

Ministerstvo vnutrennih del Rossijskoj Federacii: oficial'nyj sayt (Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: official website) Available at: <https://мвд.рф/> (accessed: 10 May 2021). [in Russian]

Petechel, O. Y., Kerniakevych-Tanasiichuk, Y. V., Vazhynskiy, V. M., Krasii, M. O. (2019). Criminological characteristics of juvenile aggression. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*. 10 (8): 2462-2474. doi: 10.14505/jarle.v10.8(46).24

Sadovnikova, M. N., Arzumanov, I. A., Lichichan, O. P., Startsev, E. N. (2019). Prevention of juvenile delinquency: the spiritual basis and mediation competence. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*. 10 (1): 348-356. doi: 10.14505/jarle.v10.1(39).36

Sayko, N. (2016). Social and pedagogical activity with pupils in educational institutions of Ukraine. *Sciences of Europe*. 4-1 (4): 55-58.

Shigolakova, T. B. (2016). Effectiveness of the state youth policy in the Republic of Khakassia. *Bulletin of the Peoples ' Friendship University of Russia. Series: Sociology*. 16 (1): 163-174. [in Russian]

Sidorova, E. Z., Kovalev, R. S. (2020). Youth subculture "Prisoner Urkagan Unity" as a challenge to modern society [Molodezhnaya subkul'tura «Arestantskoe Urkaganskoe Edinstvo» kak vyzov sovremennomu obshchestvu]. *Materialy XXIV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii "Effektivnoe protivodejstvie prestupnosti v usloviyah globalizacii: problemy i perspektivy"* (Proc. XXIVth Int. Scien. and Prac. Conf. "Effective counteraction to crime in the context of globalization: problems and prospects"). Krasnodar, Pp. 231-234.

Sidorova, E. Z., Tarubarov, V. V., Okruzhko, V. Y., Vasiliev, A. M., Pelevin, S. I. (2020). Safety issues of the Russian educational system. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*. 11 (1): 187-195. doi: 10.14505/jarle.v11.1(47).22. [in Russian]

Territorial'nyj organ Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Irkutskoj oblasti: oficial'nyj sayt (Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Irkutsk region: official website) Available at: <https://irkutskstat.gks.ru/ofstatistics> (accessed: 10 May 2021). [in Russian]

Voronin, Iu. A. (2020). Crime control programs in the United States: search for alternatives and zigzags of development. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Law*, 20 (3): 21-27. doi: 10.14529/law200303 [in Russian]

Международный информационно-аналитический журнал «Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык»

Зам. главного редактора

А. Л. Третьяков (Москва)

Заместитель главного редактора по развитию

Н. А. Аксаментова (Иркутск),

И. В. Гладкая (Санкт-Петербург)

Web-администратор:

М. В. Скоробогатова (Иркутск)

Стилистическое редактирование английских текстов:

А. А. Занкова (Уилмингтон)

И. Б. Кривченко (Самара)

Т. Ю. Портнова (Иркутск)

З. И. Трубина (Нижний Тагил)

Литературный редактор

С. Т. Какаулина (Иркутск)

Выпуски электронного журнала регистрируются в ФГУП НТЦ «Информрегистр»

Дата выхода в свет: 25.09.2021

Учредитель журнала – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный технический университет гражданской авиации»

Издатель журнала – Иркутский филиал ФГБОУ ВО «МГТУ ГА». Официальный сайт:
<http://if-mstuca.ru/>